

Simone de Beauvdr

LEDtIXIÈUE

SEXE

LES FAITS ET LES
MYTHES

II.

[EXPÉRIENCE VÉCUE

Перевод с французского

Общая редакция и вступительная статья доктора политических наук С. Айвазовой

Издание осуществлено при поддержке Министерства иностранных дел Франции и Французского культурного центра в Москве

Б 72 Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1 и 2: Пер. с франц./Общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, коммент. М.В. Аристовой. — М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. - 832с.

Два тома книги «Второй пол» французской писательницы Симоны де Бовуар (1908—1986) — «прирожденного философа», по словам ее мужа Ж.-П. Сартра, — до сих пор считаются самым полным историко-философским исследованием всего комплекса проблем, связанных с женщиной. Что такое «женский удел», что стоит за понятием «природное назначение пола», чем и почему положение женщины в этом мире отличается от положения мужчины, в способна ли в принципе женщина состояться как полноценная личность, и если -Kj да, то в каких условиях, какие обстоятельства ограничивают свободу женщины \л\ и как их преодолеть, Г'-"

Симона де Бовуар обращается в своем повествовании к мифам и легендам ,'^ о «тайне пола», о «загадке женской души», созданным, по ее словам, мужчина- ,^ ми. Опираясь на высочайшие образцы мировой литературы, она снова и снова \^ говорит о чудовищной несправедливости обычной женской судьбы, о традици- \ окном небрежении к слабому полу и связанной с этим унижительной повседнев-^ с^ ной дискриминации. ,. '

Знаменитая книга Симоны де Бовуар почиталась не одним поколением ' f- жешцин на Западе как новая Библия. Они искали и находили в ней ответы на самые сокровенные свои вопросы. Такая книга не может не найти отклика и в нашей стране зарождающейся демократии.

ББК 84.4 Фр
Б 72

Перевод с французского *А. Сабашниковой* (т. 1),
И. Малаховой и Е. Орловой (т. 2)
Комментарии *М.В. Аристовой*
Художник *Г.А. Семенова*
Редактор *Е.И. Солдаткина*

ББК 84.4 Фр

4703010400-001 .
Б-006(01^97- безобмвл.

*Данное издание выпущено в рамках программы Центрально-Европейского
Университета «Translation Project*» при поддержке Регионального издательского
центра Института «Открытое общество» (OSI — Budapest) и Института
«Открытое общество. Фонд Содействиям (OSIAF — Moscow).*

^^

> GEU

^А*.

ISBN 2-07-032351-X (франц.)
ISBN 2-07-032352-8 (франц.)
ISBN 5-01-003638-X

Ф Éditions Gallimard, 1949

@ «Издательская группа "Прогресс"», 1997

β> Издательство «Алетейя», 1997

6 Перевод на русский язык: А.Сабашникова

(т. 1), И. Малахова и Е Орлова (т. 2),

1997

@ Вступительная статья: С. Айвазова, 1997
9 Комментарии: М. Аристова, 1997

Свердловская
обл. универсальная
научная б-чка. а

ДЖ^,1111,"

2

Gallimard 1949

АО Издательская группа «Прогресс» МОСКВА - САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1997

3

СОДЕРЖАНИЕ

Симона де Бовуар: этика подлинного существования. С.Г. Айвазова .. 5

Том 1. ФАКТЫ И МИФЫ 21

Введение . 25

Часть первая. Судьба

Глава 1. Данные биологии 41

Глава 2. Точка зрения психоанализа . 71

Глава 3. Точка зрения исторического материализма .. 84

Часть вторая. История

I 92

II .. 97

III . 112

IV . 126

V .. 147

Часть третья. Мифы

Глава 1 . 181

Глава 2 . 240

I. Монтерлан, или Хлеб отвращения 240

II. Д.Г. Лоуренс, или Фаллическая гордость . 256

III. Клодель и служанка Господня .. 264

IV. Бретон, или Поэзия 274

V. Стендаль, или Романтика истинного .. 280

VI .>, . 290

Глава 3 . .. 294

СИМОНА ДЕ БОВУАР: ЭТИКА ПОДЛИННОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Книга французской писательницы и философа Симоны де Бовуар «Второй пол» вышла в свет в 1949 году сначала во Франции, а чуть позже практически во всех странах Запада. Успех книги был ошеломляющим. Только в США книготорговцы сразу же распродали миллион ее экземпляров, и спрос при этом остался неудовлетворенным. Несмотря на множество переизданий, книга не залеживалась на прилавках магазинов. Несколько поколений женщин выросло на ней, почитая ее за новую Библию. Она принесла своему автору всемирную известность, сделав имя Симоны де Бовуар не менее знаменитым, чем имя ее мужа Жан-Поля Сартра, слывшего много лет мэтром интеллектуальной Европы.

И когда в середине апреля 1986 года она ушла из жизни, с ней прощался весь Париж. За что ее чтили? Опуская за очевидность просчеты и заблуждения, связанные с ее былой социалистической верой, некрологи писали о поразительном искусстве «подлинного существования», о жизни — становлении, жизни — со-бытии, жизни — победе. Писали о книге «Второй пол», хотя Симона де Бовуар оставила после себя множество философских работ, романов, несколько книжек мемуаров. За какие-то из них она имела престижные литературные премии. И все-таки на этом фоне выделяли необычное — двухтомное — эссе, изданное ранее под давлением Сартра. Может быть, потому, что независимо от воли самой Симоны де Бовуар, поначалу не слишком ценившей это свое детище, в нем соединились ее творчество и судьба¹.

Симона де Бовуар родилась 9 января 1908 года в уважаемой буржуазной семье, гордившейся своими аристократическими корнями.

Отсюда — фамильное «де». Со временем Симону — рьяную поборницу свободы и равенства — друзья станут в шутку звать «герцогиней де...». В ее детскую колыбель феи сложили все возможные добродетели: здоровье, мощный интеллект, своеобразную красоту, железную волю, упорство, трудолюбие, удачливость. Об остальном позаботились нежные, образованные родители: отец — адвокат, мать — хозяйка дома, ревностная католичка, сумевшая, казалось, привить и дочери глубокие религиозные чувства. Мир и идиллия царили в доме. И вдруг — бунт подростка против размеренного семейного уклада, против религии и религиозной морали, против наставлений матери. После него Симона навсегда осталась атеисткой.

¹ О творчестве Симоны де Бовуар см. подробнее: *Л. З о и и н а*. Тропы времени. М., 1984.

Годы учебы на философском факультете Сорбонны окончательно отдалили ее от дома, от внушенных там правил.

Начались поиски собственного пути. Его выбор предопределила встреча с Жан-Полем Сартром, Они входили в один круг молодых философов, готовившихся к сдаче экзаменов на первую ученую

степень. Здесь были сплошь будущие знаменитости: Раймон Арон, Поль Низан, Морис Мерло-Понти, Жорж Политцер. Среди этих избранников судьбы Симона — единственная женщина, она — самая молодая из них. Но приятели уважительно отмечали: «Она соображает». На конкурсных экзаменах первое место досталось Сартру, второе присудили ей. Председатель комиссии пояснял при этом, что, хотя Сартр обладает выдающимися интеллектуальными способностями, прирожденный философ — она, Симона де Бовуар. Так, на равных, они вышли в профессиональную жизнь и на время расстались. Она едет преподавать в провинцию. Он отправляется в Берлин знакомиться с новинками немецкой философии. В 1933 году она навещает его и остается с ним навсегда, почти на 50 лет, вплоть до его смерти в 1980 году.

Их семейная жизнь мало походила на обычный брак и вызывала массу толков, пересудов, подражательств. Брак был гражданским, свободным. Принципиально. Потому что понятия свободы воли, свободы выбора, автономии, самоосуществления личности и ее подлинного существования стали основополагающими не только в оригинальной философской доктрине — доктрине атеистического, или гуманистического, экзистенциализма¹, — которую они разрабатывали совместно, но и в их личной жизни. Оба исходили из реалий XX века с его социальными катастрофами — революциями, мировыми войнами, фашизмом всех видов и оттенков, — и оба считали, что эти реалии нельзя оценить иначе, как «мир абсурда», где нет ни Смысла, ни Бога. Содержанием его способен наполнить только сам человек. Он и его существование — единственная подлинность бытия. И в человеческой природе, как и в человеческом существовании, нет ничего заведомо заданного, predetermined — нет никакой «сущности». «Существование предшествует сущности» — таков главный тезис в доктрине Сартра и Симоны де Бовуар. Сущность человека складывается из его поступков, она — результат всех совершенных им в жизни выборов, его способности к реализации своего «проекта» — им же предустановленных целей и средств, к «трансценденции» — конструированию целей и смыслов. А побудители его поступков — воля, стремление к свободе. Эти побудители сильнее всех законов, нравственных правил и предрассудков. Они же должны оп-

¹ Об экзистенциализме Сартра см.: Современный экзистенциализм. М1966; С.И. Великовский. Поиски утраченного смысла. М., 1979; Э.Ю. Соловьев. Прошлое толкует нас. Очерки по истории философии. М., 1991.

ределять семейный уклад, отношения в любви. Сартр так объяснял суть своего понимания любви и брака: «Я вас люблю, потому что я по своей свободной воле связал себя обязательством любить вас и не хочу изменять своему слову; я вас люблю ради верности самому себе... Свобода приходит к существованию внутри этой данности. Наша объективная сущность предполагает существование другого. И наоборот, именно свобода другого служит обоснованием нашей сущности»*.

Свобода, автономия, равенство в самоосуществлении — принципы союза, связавшего Жан-Поля Сартра и Симону де Бовуар. Не самые легкие и не общепринятые. Но Сартру и Симоне удалось перевести их в житейские привычки. Они цементировали их брак прочнее официальных бумаг, прочнее общего дома. Его, кстати, и не было. Симона де Бовуар не могла себе позволить жить жизнью хозяйки дома, у нее была любимая профессия, не оставлявшая времени для домашних хлопот. Жили отдельными домами, встречались в назначенное время для обеда, отдыха, приема друзей, вместе путешествовали и проводили отпуск. Полнотой и насыщенностью взаимоотношений объясняли свое нежелание иметь детей. Брак держался на общих интересах, общем деле, общей культуре, взаимном доверии и уважении. Время от времени в жизни того или

другого возникал кто-то третий, приходило новое увлечение. В этом открыто признавались, иногда даже расставались. Но верность когда-то сделанному выбору побеждала и эти разрывы. В конечном счете их идейно обоснованный брак оказался счастливым. Оба нашли в нем то, что искали, Симона де Бовуар стала для Сартра музой и сподвижницей. Он признавался, что встретил в ней женщину, равную себе по сути. Она спасла его от небрежения к другому полу, которое поначалу сидело и в нем, избавила от нелепой мужской гордыни, что на поверку оборачивается сломанной жизнью. С Симоной он понял ценность и полноту равноправных отношений между мужчиной и женщиной. Для Симоны де Бовуар Сартр оказался идеальным спутником. Он не только не связал ее по рукам и ногам путами быта, не подавил интеллектом гения, но помог освободиться от одиночества, от которого она так страдала в юности, помог поверить в себя и творчески состояться. Ну и, наконец, «привилегия» брака с Сартром подвела ее к сюжету книги «Второй пол». Собственная семейная жизнь стала для нее чем-то вроде Зазеркалья — чудесного, но опрокинутого, обратного отражения заурядных супружеских будней. Она позволила Симоне полнее осознать всю чудовищную несправедливость обычной женской судьбы — этого «вязкого существования», в котором нет ни свободы, ни самоосуществления.

¹ Ж.-П. Сартр. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм. — Философия любви. Т. 2. М., 1990, с. 459.

==7

Сама идея книги была подсказана Сартром. Это произошло вскоре после триумфа его главной работы «Бытие и ничто», появившейся в годы Сопротивления. Сартр считал, что для подтверждения их версии экзистенциализма, которую он уже изложил, Симоне было бы неплохо написать нечто вроде исповеди о том, что значит для нее быть женщиной, Симона отказалась. Она не видела здесь сюжета; по ее мнению, женственность никак не отражалась на ее существовании. Сартр настаивал. В «женском уделе» он, похоже, усмотрел крайний вариант «удела человеческого» с его заброшенностью в мире «абсурда», «утраченного смысла» и «тошноты». Ему было важно, чтобы, описывая эту предельную ситуацию, Симона проиллюстрировала верность исходных постулатов. Ей пришлось согласиться с его доводами. Но поначалу она предполагала заняться лишь мифологией — исследовать легенды и мифы о «женщинах, созданные мужчинами». Сартр стал убеждать ее расширить исследование, включить в него материалы по биологии, физиологии, психологии, психоанализу. Приняв и эти его доводы, она пошла еще дальше, привлекая свидетельства истории, социологии, литературы*. В итоге за немислимо короткий срок, в три года, ей удалось собрать материалы, написать и издать обобщающий труд в тысячу страниц, где она попыталась выяснить для себя и объяснить читателю, что же такое этот «женский удел», что стоит за понятием «природное назначение пола», чем и почему положение женщины в этом мире отличается от положения мужчины, способна ли в принципе женщина состояться как полноценная личность, и если да, то при каких условиях, на каких путях, какие обстоятельства ограничивают свободу женщины и как их преодолеть.

Понятно, что это была не первая книга о женщинах и «женском уделе». И по характеру поставленных вопросов понятно, что Симона де Бовуар, приступая к исследованию, уже знала на них ответы. Часть из них диктовалась логикой экзистенциализма. Другая часть — тем спором о назначении женщины и ее роли в обществе, который шел испокон веку, Симона де Бовуар не случайно решила было сосредоточиться на анализе мифов народов мира. Они служили первым идеологическим обоснованием самого загадочного факта истории — первичного разделения труда между мужчиной и женщиной, которое поставило женщину в неравное, зависимое положение от мужчины. Мифы Запада и Востока, Севера и Юга, описывая этот факт, говорили о «природном

назначении женщины», о «тайне пола», об особенностях мужского и женского начал. Мировые религии шли еще дальше и санкционировали строгую соподчиненность в отношениях между полами: мужчина — полноценный человек, субъект истории, женщина —

Об истории создания книги «Второй пол» см. мемуары С. де Бовуар: *S. De Beauvoir. Force des choses*. P., 1963.

==8

существо сомнительное, объект его власти. Идеальный принцип такого порядка вещей: «Жена да убоится мужа своего». Принцип патриархальный, тысячелетиями он был общепринятым. Однако существовали и сомнения относительно его верности. Достаточно вспомнить Платона и его легенду об андрогине или Аристофана с его «Лисистратой». Эти сомнения стали усиливаться по мере приближения эпохи великих буржуазных революций, чтобы в канун ее перерасти в острый, общественно значимый спор.

Содержание его свидетельствовало о том, что история подошла к рубежу, за которым начинается Новое время — время демократии с ее идеалом «свободы, равенства, братства». Оно требовало пересмотра самих основ общественной жизни, включая и первичное разделение труда между мужчиной и женщиной, разделения труда по принципу иерархии, а не сотрудничества, господства, а не взаимодополняемости. В Новое время, по словам социолога М. Вебера, происходит «расколдовывание мира», его высвобождение из-под власти природно-родовых начал, которые, собственно, и продиктовали эту форму первичного разделения труда в качестве основы патриархального уклада. «Расколдовывание мира» предполагает и «очеловечивание» отношений между полами. Из отношений господства — подчинения они, очень медленно и постепенно, превращаются в отношения «взаимной ответственности», или «отношения сознающей свою ответственность любви»¹, что на уровне общественной жизни проявляется в утверждении принципа равенства обоих полов перед лицом закона. Процесс этот и сегодня еще далек от завершения. Но начинался он на заре Нового времени со спора о положении женщины в обществе, о ее «природном назначении».

Уже в XVII веке появляются сочинения, доказывающие, что природные задатки женщины ничуть не менее совершенны, чем мужские, просто они — иные. Но это не значит, что женщина — неполноценный человек, как настаивали, например, Отцы Церкви. Она рождается с той же способностью быть свободным, ответственным существом, что и мужчина. Среди этих сочинений в книге «Второй пол» Симона де Бовуар выделяет работу убежденного сторонника женского равноправия Пулена де ля Барра «О равенстве обоих полов», выделяет не случайно. Вмешавшись в тот давний спор, она принимает в нем сторону этого убежденного картезианца. В числе первых он объявил о том, что неравное положение мужчины и женщины в обществе есть результат подчинения женщины грубой мужской силе, а вовсе не предписание природы. Или, иными словами, что нет такого «предназначения», во имя которого женщину следует держать в гражданском бесправии подобно домашнему скоту или скарбу. Тезис Пулена де ля Барра стал основой целой традиции, которая с его легкой руки

¹ М. Вебер. Избранные произведения. М., 1990, с. 328—334.

==9

начала «подвергать сомнению все, что мужчины сказали о женщинах», традиции, примыкавшей к Просвещению и отчасти поддержанной просветителями, но только отчасти.

Согласившись с тем, что миф о женщине как о существе второго сорта, органически неспособном претендовать на равенство с мужчиной, по сути своей абсурден, просветители воздержались, однако, от признания ее гражданской состоятельности, то есть способности выступать в роли субъекта истории. Воздержались, ссылаясь на теорию «естественного права», которое по-прежнему рассматривало женщину только как «продолжательницу рода», силу, воспроизводящую социальное пространство, но не занимающую в нем сколько-нибудь значимого места. Именно так определяли функции женщины в обществе Руссо и его последователи из числа вершителей Великой французской революции, специальным декретом запретившие представительницам «второго пола» участвовать в митингах, собраниях, демонстрациях, вообще посещать публичные места и собираться в группы. И все было бы хорошо, если бы и эта позиция, и подобные декреты не вступили в прямое противоречие с принципами революции, закрепленными в ее основном документе — «Декларации прав человека и гражданина». Ее первая же фраза утверждала: «Все люди рождаются свободными и равными в правах». Все, без каких бы то ни было исключений. Чтобы снять это очевидное противоречие, законодатели были вынуждены дополнить «Декларацию» целым рядом актов, в которых разъяснялось, кто же в революционной Франции попадает в категорию «свободных и равных». Женщины в нее не попали. Отказ толкователей революционной справедливости признать француженок в качестве полноправных граждан своего отечества привел к возникновению нового общественного явления — движения в защиту политических прав женщины, или феминизма (от франц. *femme* — женщина). Среди его провозвестников — Пулен де ля Барр, Среди родоначальниц — француженка Олимпия де Гуж, англичанка Мэри Уоллстонкрафт, американка Абигайль Адаме. А первым документом феминизма явилась вышедшая в 1791 году из-под пера Олимпии де Гуж «Декларация прав женщины и гражданки». В ней Олимпия де Гуж давала свое толкование идеям «естественного права». По ее убеждению, это право предполагает всеобщую свободу, владение собственностью, сопротивление всем формам деспотизма. И женщина ничуть не менее мужчины способна к его отправлению. Единственная преграда для нее — тирания сильного пола. За свой радикализм Олимпия де Гуж расплатилась сполна. В ноябре 1793 года по ложному доносу ее отправили на гильотину. Других проповедниц феминизма был призван отрезвить принятый в 1804 году Гражданский кодекс Наполеона. В нем объявлялось, что женщина не имеет никаких гражданских прав и находится под опекой своего мужа. Так натолкнулась на сопротивление общества и разбилась о него первая волна феминизма. Впрочем, уже в тот момент в его актив

[К оглавлению](#)

==10

помимо «Декларации прав женщины и гражданки» вошла и «Декларация прав человека и гражданина», которая настаивала на универсальности гражданских прав личности и не предусматривала никаких правовых ограничений.

Вторая волна феминизма набирает силу уже в XIX веке. Весь XIX век для его сторонников — это поиск аргументов для доказательства социальной и политической правомочности женщины. В числе предшественниц Симоны де Бовуар писательница и философ Жермена де Сталь, которая

старательно дистанцировалась от феминизма, но всей своей жизнью подтверждала правоту его принципов. В 1800 году Жермена де Сталь с тоской писала: «Существование женщины в обществе не предопределено никакими принципами: ни естественным порядком вещей, ни порядком социальным»¹. Люто ненавидевший Жермену де Сталь Наполеон, как бы вступая с ней в спор, в своем Гражданском кодексе утверждал, что такой порядок есть, только он направлен против социальных притязаний женщины. По этому, установленному им порядку женщина без мужа — ничто, она не может считаться полноценным человеком. Но уже в ту пору нашлись чудачки, имевшие прямо противоположное мнение. Один из них, Шарль Фурье, в своем труде «Теория четырех движений» отмечал; «В целом прогресс и смена исторических периодов происходят в результате движения женщины по пути свободы, а регресс социального порядка означает уменьшение свободы женщины. Расширение прав женщины есть главный принцип социального прогресса»². Среди тех, кто пытался ввести женщину в социум, в историю, и другой великий утопист, Анри де Сен-Симон, с его несколько загадочной фразой: «Мужчина и женщина — вот социальный индивид»³.

Фурье и Сен-Симон двумя небольшими фразами, в сущности, создали основу для переворота в общественных представлениях о назначении женщины. Они вышли за пределы суждения о «природном назначении пола», нисколько не посягая на последнее и не оспаривая его. Тем самым появилась возможность говорить о том, что помимо прокреативных, природных функций у женщины могут быть еще и другие — социальные, гражданские функции и что, взятые воедино, они способны не отрицать, а дополнять друг друга. Отныне в споре о женском равноправии была пробита брешь — речь стали вести уже не только о «естественном», но еще и о социальном праве женщины, праве на свободу, образование, труд. Этот теоретический фундамент упрочил позиции феминизма. Он стал разнообразным по форме и содержанию. К на-

¹G.De Staël. De la littérature considérée dans ses rapports avec les institutions sociales. Paris, 1800, p. 84.

² Ch. Fourier. Théorie des quatres mouvements et des destinées générales. P., 1808, p. 180.

³ Изложение учения Сен-Симона. М., 1960, с. 576.

==11

чалу XX века активно действовали суфражистки, отстаивавшие политико-правовое равенство женщины; социалистки, защищавшие идеи равной оплаты женского труда и участия женщин в профсоюзах; радикальные феминистки, пропагандировавшие идеи сознательного материнства и контроля над рождаемостью; христианские женские благотворительные общества. В результате медленных завоеваний всех этих феминистских потоков к концу XIX — началу XX века общественные стереотипы и нормы постепенно менялись. Новые нормы уже позволяли женщине выходить за пределы дома с тем, чтобы получать образование, работу. Свою роль в этом процессе сыграли и марксисты.

Проблему социального признания женщины они определили как «женский вопрос» и предложили на него свой ответ. Симона де Бовуар в отдельной главе разбирает все плюсы и минусы этого ответа, оформленного в категории исторического материализма. Что же здесь плюс и что минус? И для нее, и для теоретиков марксизма речь идет о продолжении традиции Пулена де ля Барра — Фурье — Сен-Симона, то есть традиции борьбы за эмансипацию, освобождение женщины от патриархальных норм поведения. Правда, в отличие от своих предшественников, Маркс и Энгельс, говоря об эмансипации, обращались не столько к индивиду, сколько к массам, К массам

женщин — наемных тружениц, к их мужьям, тоже втянутым в наемный труд. Им они объясняли, что за «тайнством брака» или «тайнством пола» скрываются «производственные отношения», правда, особого типа — отношения воспроизводства человеческого рода. Они являются одновременно и природными и социальными отношениями. Еще — это отношения социального неравенства, вытекающие из неравного разделения труда, при котором жена и дети являются рабами мужа. А рабство есть первая форма собственности, порожденная возможностью распоряжаться чужой рабочей силой. Особенность семейных отношений при капитализме, по убеждению классиков марксизма, заключается в том, что рабочий вынужден продавать не только собственную рабочую силу, но также рабочую силу жены и детей. Приобщение женщины к труду в крупном промышленном производстве наносит непоправимый удар по традиционному укладу семьи — оно «разрушает вместе с экономическим базисом старой семьи и соответствующего ему семейного труда и старые семейные отношения»¹. И в этом марксисты видят позитивный смысл наемного женского труда, который создает необходимые экономические предпосылки для независимости женщины, для ее самоутверждения в социальной сфере, то есть для ее освобождения. В марксистском анализе «женского вопроса» тема женского труда — главная. И это естественно, поскольку начиная со второй половины XIX века женский труд становится все более мас-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 500.

==12

совым, что принципиально меняет как положение женщин, так и спор о нем.

Другой новый тезис марксизма сводится к тому, что положение женщины-труженицы есть положение классовое. Она принадлежит в классу пролетариата. А потому задача ее освобождения совпадает с более общей задачей освобождения пролетариата. И пролетарий, и женщина в равной мере заинтересованы в уничтожении любых форм угнетения и эксплуатации. Только в обществе, свободном от эксплуатации и угнетения, возможны равноправные отношения между мужчиной и женщиной. Так, связав «женский вопрос» с вопросом социальным, классики марксизма отыскивали женщине место в общем потоке истории. Эта концепция была адекватна своему времени и в совокупности с другими феминистскими идеями имела право на существование. Беда была в том, что ее адепты свой подход считали единственно верным и решительно обличали прочих поборников женского равноправия.

Особенно досталось от них тем, кто добивался в первую очередь признания политических прав женщины, то есть придерживался традиционных феминистских лозунгов. Марксисты видели в этих лозунгах знак признания буржуазной политической системы, а потому наградили и их, и весь традиционный феминизм определением «буржуазный». И повели с ним, как с частью буржуазной системы, ожесточенную борьбу. Борьбу под новыми, классовыми, пролетарскими лозунгами. На целые десятилетия они сумели одержать верх над традиционным феминизмом, существенно потеснив его в массовых движениях. Естественно, что в странах, где побеждали социалистические революции, именно эти лозунги формировали политику новой власти по отношению к женщине. Сегодня их несостоятельность доказана самой жизнью. Очевидно, что в бывших странах реального социализма процесс эмансипации вырожден в чистое мифотворчество¹. Это произошло еще и потому, что изначально в марксистской концепции женского освобождения имелся существенный изъян.

Одной из первых на него обратит внимание Симона де Бовуар в книге «Второй пол», но не сформулирует свою позицию с предельной ясностью. За нее это сделает спустя время французский социолог Э. Морен, который напишет, что попытка рассмотреть проблему угнетения женщины с помощью категорий классового анализа является упрощением хотя бы потому, что эта проблема сложилась в доклассовую, а может быть, и доисторическую эпоху, и имеет не столько социологический, сколько антропосоциологический характер². Почему этого не проговорила Симона де

¹ См. подробнее: С.Аивазова. Идейные истоки женского движения в России. — Общественные науки и современность, 1991, № 4.

² M. Benoit, E. Morin, B. Paillard. La Femme majeure. P., 1973, p.134.

==13

Бовуар? **Может** быть, потому, что в пору написания книги «Второй пол» она принимала марксистский тезис о том, что полное освобождение женщины возможно лишь при социализме, принимала вопреки собственной логике и собственному анализу. В первое послевоенное десятилетие они с Сартром всерьез считали себя «попутчиками» коммунистов и связывали надежды на радикальное обновление мира с «реальным социализмом». Но они были только «попутчиками» коммунистов, а не членами их партии, как, скажем, знаменитый писатель Луи Арагон. То есть держались на соответствующем расстоянии. Иначе для них и быть не могло: экзистенциализм как философская система, как мировоззрение сложился из-за недоверия или даже прямого отрицания прогрессистско-оптимистических концепций истории, из сомнения в «разумности действительного», и в этом плане он был антитезой марксизму. Откуда же в таком случае ориентация на общий с марксистами путь? Как справедливо отмечает один из лучших отечественных исследователей экзистенциализма, Э. Соловьев, Сартр признавал «марксизм в качестве доктрины, которая обеспечивает высокую степень «совместимости» индивидуальных бунтарских актов... доктрины, санкционирующей бунт пролетариата против объективного строения истории». Иначе говоря, Сартр, а вместе с ним и Симона де Бовуар трактовали марксизм достаточно произвольно, исходя из собственной потребности «приобщиться к какому-либо уже существующему движению, связать себя его ценностями и программой»¹. Для теоретиков экзистенциализма — позиция не самая последовательная. Но они стояли на ней, а потому избегали полного размежевания с марксизмом.

И все-таки, несмотря на все оговорки, книга Симоны де Бовуар «Второй пол» представляет собой попытку — и попытку удавшуюся — размежевания с марксистским подходом к «женскому вопросу». В центре ее внимания — не «женские массы» и их «коллективная борьба» за общее дело «пролетариата». В центре ее внимания женская личность или «ситуация» женщины в истории, заданная физиологией и анатомией, психологией и социальными традициями. Симона де Бовуар рассматривает эту «ситуацию», используя концептуальную схему Сартра, с ее понятиями свободы воли, трансцендентности/имманентности, автономии, самоосуществления через «проект». Она сосредоточивает свой анализ главным образом на теме межличностных отношений мужчины и женщины — отношений Одного и Другого, увиденных сквозь призму «подлинного бытия» — бытия субъекта, способного к трансценденции, то есть к полаганию смыслов и целей своей жизни. С этой точки зрения Симона де Бовуар перечитывает мифы и легенды о «тайне пола», «предназначении женщины», «загадке женской души». Для нее очевидно, что такой загадки не су-

• Э.Ю. Соловьев. Прошлое толкует нас, с. 339, 338.

ществует. В пылу полемики она формулирует свой знаменитый афоризм: «Женщиной не рождаются, женщиной становятся». Афоризм предельно спорный. Он вызовет шквал критики как со стороны антифеминистов, так и со стороны феминистов.

Что же она хотела этим сказать? Ну не отрицала же она биологического различия между мужчиной и женщиной, вообще — «мужским» и «женским» как природными началами? Она отрицала Фрейда с его тезисом; «Анатомия — это судьба». Отрицала непосредственную зависимость между разными уровнями человеческого бытия и доказывала, что физиологические различия между мужчиной и женщиной вовсе не предопределяют их экзистенциального различия — различия в качестве субъектов истории, когда один является господином, а другой — его рабом. Это разделение труда не задано умыслом, оно навязано вполне определенными социально-историческими условиями. И произошло на заре истории, когда за мужчиной была закреплена сфера «конструирования смысла жизни» — культуры и общества, а за женщиной — сфера воспроизводства жизни — как бы сфера природы. На этой основе со временем возникают стереотипы сознания, отождествляющие с мужчиной культуру, а с женщиной природу, со всей их символикой. Симона де Бовуар подчеркивает, что поскольку именно мужская деятельность сформировала понятие человеческого существования как ценности, которая подняла эту деятельность над темными силами природы, покорила саму природу, а заодно и женщину, то мужчина в обыденном сознании предстает как творец, создатель, субъект, женщина же — только как объект его власти. Против этого предубеждения и направлен тезис «женщиной не рождаются, женщиной становятся». Симона де Бовуар стремится рассеять любые сомнения в том, что изначально в женщине заложены те же потенции, те же способности к проявлению свободы воли, к трансцендентности и саморазвитию, что и в мужчине. Их подавление ломает женскую личность, не позволяет женщине состояться в качестве человека. Конфликт между изначальной способностью быть субъектом и навязанной ролью объекта чужой власти и определяет специфику «женского удела». Но Симона де Бовуар убеждена в том, что этот конфликт постепенно разрешается. Стремление к свободе одерживает верх над косностью, имманентностью женского бытия. Подтверждение тому — появление крупных женских фигур в истории, развитие идей женского равноправия, самого женского движения.

Почему же тогда Симона де Бовуар избегает зачислять себя в ряды феминисток, напрямую связывать себя с символами веры феминизма? Прежде всего потому, что в пору писания книги «Второй пол» она сомневается в состоятельности феминизма как сколько-нибудь значимой социальной силы. По ее мнению, феминизму недостает конституирующих начал: у женщин нет ни собственного коллективного прошлого, ни коллективного настоящего, они не могут сказать о себе «мы», как это могут сделать проле-

тарии, А раз это так, то надежды на преодоление «женского удела» Симона де Бовуар связывает с социалистическим обновлением и, конечно же, с развитием личностного начала в женщине — с «экзистенциальной перспективой».

Здесь нет никаких противоречий. Ведь книга «Второй пол» задумывалась ею как продолжение к размышлениям философа-экзистенциалиста над судьбой человека, а вовсе не как специальное феминистское исследование. Но история любит парадоксы: книга принесла ей славу родоначальницы современного феминизма и его крупнейшего теоретика. Экзистенциалисты же ее почти не заметили. И то и другое в равной мере справедливо. Симона де Бовуар мало что добавила к мыслительным разработкам Сартра. А то, что добавила, выглядит скорее как ересь, искажение их буквы и духа. Начать с того, что ее книга пронизана верой в позитивность времени, в открытость ситуации, в которой пребывает Женщина. Она совершенно уверена в том, что представительницы ее поколения живут более полной, насыщенной жизнью, чем их матери. Сартр же в принципе отрицает любые надежды на просветление истории. Его герой действует на свой страх и риск, без расчета на успех, при полном «молчании небес». Он строит свой проект независимо от них, независимо от заданной ситуации. В этом — смысл его абсолютной свободы. Кроме того, Сартр настаивает на моральном осуждении, моральных санкциях против героя, неспособного нести свой крест, исполнять свой долг в любой ситуации. Симона де Бовуар объясняет заданность «женского удела» именно ситуацией, невозможностью ее преодоления в какие-то моменты, значит, отсутствием такой абсолютной свободы. Она понимает, что поведение человека не может не диктоваться совершенно конкретной ситуацией, как бы он ни стремился ее превзойти. Еще один пример ее ереси — использование пары категорий Один — Другой — главной пары феноменологии. Сартр описывает с ее помощью полярные, взаимонепроницаемые сущности. Симона де Бовуар, начиная с того же, постепенно, по ходу книги вводит в качестве третьего элемента суждение о «взаимности», что преобразует само содержание этих понятий. И это еще не все примеры «женской» непоследовательности Симоны де Бовуар — автора «Второго пола». Ее верность Сартру на проверку оказывается не столь уж бесспорной. Гораздо вернее выдерживаются принципы Пулена де ля Барра.

В феминистской литературе книга «Второй пол» занимает исключительное место. До сих пор это самое полное историко-философское исследование о положении женщины, что называется, от сотворения мира и до наших дней.

И все-таки не это главное. Написанная почти случайно, она появилась как раз в тот момент, когда феминизму нужно было обрести второе дыхание. К этому времени лозунги социально-политического равноправия женщины в большинстве стран цивилизованного мира оказались переведенными в формально-юридиче-

ские акты и закрепленными в них. Но, добившись своего признания перед лицом закона, женщины тем не менее не избавились если не от роли раба, то от участи дискриминируемого большинства, которое старательно вписывают в категорию меньшинства, рядом с инвалидами, престарелыми и т.д. Правда, формы их дискриминации стали менее явными, отчетливыми. Симона де Бовуар, обозначив перспективу «подлинного существования», сумела ярко описать «неподлинность» обычных женских будней — этой повседневной кабалы, угнетающей женщину в наши дни ничуть не менее, чем в прошлом. Обличение, разоблачение повседневных форм дискриминации — одно из главных достоинств книги «Второй пол». Ее другое достоинство связано с тем же понятием «подлинного существования» и его этики, предполагающей обретение своего «я» на пути к свободе, то есть предполагающей существование независимой женской личности, ее автономии, способность «присвоить» собственную жизнь. Переведенное в лозунг г «самореализации» или «самоосуществления», это понятие стало новым символом веры для феминизма второй половины XX века.

Современницы Симоны де Бовуар, прочитавшие ее книгу — а читали ее все, — не осмелились воплотить ее идеи в жизнь. Осмелились их дочери, которых матери воспитывали, пересказывая не сказки, а эту книгу. Известный французский психолог, феминистка нового поколения Элизабет Бадинтер так писала о влиянии «Второго пола»; «Симона де Бовуар освободила миллионы женщин от тысячелетнего патриархального рабства... Несколько поколений женщин откликнулось на ее призыв; поступайте как я и ни о чем не бойтесь. Завоевывайте мир, он — ваш. Взмахом волшебной палочки Симона де Бовуар рассеяла догму о естественности сексуального разделения труда. На нее ополчились консерваторы всех мастей. Но прошлого не вернуть. Ничто не заставит нас вновь поверить в то, что семейный очаг — наше единственное назначение, домашнее хозяйство и материнство — непреложная, обязательная судьба. Все мы, сегодняшние феминистки, — ее духовные дочери. Она проложила нам дороги свободы»¹.

И они пошли по этим дорогам, подправляя свою провозвестницу и доказывая, что возможны и женская солидарность, и женское коллективное «мы», создавая свое коллективное настоящее, которое очень быстро стало коллективным прошлым. Пробуждение женского коллективного сознания как сознания социального происходило под непосредственным воздействием книги «Второй пол». Эту книгу с полным основанием называют прологом к новой волне женского движения, распространившейся на Западе с середины 60-х годов и названной неофеминизмом. Неофеминизм провозгласил Симону де Бовуар своей вдохновительницей. И она поверила в него, а поверив, с пылом молодости включилась в его

¹ «Le nouvel Observateur», 1986, 8 mai.

об.ч

2 '2242

ии. В.

Т «if.e.-t'^q

""· ·'."· мая

•ка иСЛИНСКОПО

[==17](#)

акции: возглавляла кампании протеста против женской дискриминации, требовала легализации аборта, распространения противозачаточных средств, обличала всевозможные формы насилия над женщиной. Ее увлечение и вовлечение в движение было таким сильным, что под его воздействием изменились и ее взгляды. В частности, она отказывается от убеждения в том, что только победа

демократического социализма способна окончательно освободить женщину, изменив ее место в обществе, что борьба за социализм равнозначна борьбе за освобождение женщины. Теперь она уверена в том, что феминизм представляет собой особую, и едва ли не главную, форму борьбы за свободу личности и потому женский протест не следует смешивать ни с каким другим типом социального протеста. Женщины должны взять свою судьбу в собственные руки, солидарность — залог их реального освобождения. Это принципиально новый вывод для Симоны де Бовуар. Он совпал с тем, о чем говорили ее молодые подруги.

Но вот в другом важном вопросе они бесповоротно разошлись. Симона де Бовуар встретила в штаты новейшие феминистские концепции о специфической женской субъективности, об онтологически предопределенной женской сущности, о праве женщины не копировать мужской стандарт социального поведения, а жить в истории на свой манер, сообразно «женской природе». Для Симоны де Бовуар, как для любого экзистенциалиста, этой онтологической «сущности» в принципе нет и быть не может. Отрицая это понятие в спорах 70-х годов, она до предела заострила свою критику этих идей. По ее убеждению, в социокультурном плане женщина совершенно тождественна мужчине, их различает лишь анатомия. Она доказывала, что быть женщиной — это не призвание, а состояние, что женщина, как любой человек, должна стремиться к самоутверждению в качестве личности — в творчестве, труде, самораскрытии. Она — не машина для воспроизводства человеческого рода. Ее материнство может быть только актом свободного решения, а не обязанностью. Эта часть ее суждений вызвала самые ожесточенные нападки критиков, зачастую прибегавших к аргументам, что называется, «ниже пояса». Ей было не привыкать к критическому обстрелу, но агрессивность и правых, и левых оппонентов в этом вопросе задела даже ее. «Низость этих реакций глубоко оскорбила меня», — писала она в своих мемуарах. Впрочем, пока рядом был Сартр, она справлялась и с этим. В 1980 году его не стало. А в 1981-м вышла в свет ее очередная книга «Обряд прощания». Книга шокировала даже близких. Она была написана на смерть Сартра и с предельной откровенностью рассказывала все об их отношениях. Но и в этом акте Симона де Бовуар, в сущности, осталась верной себе и Сартру. Ее предельная откровенность — это реализация установки на подлинность, свободу самовыражения,

==18

это проявление творчества в жизни, которому она всю жизнь училась сама и звала учиться других.

И время признало ее. Под непосредственным воздействием ее идей в 70-е годы повсеместно в западных университетах возникают центры «женских» или «феминистских» исследований с особыми программами, включающими специалистов по биологии, физиологии, антропологии, этнографии, философии, истории, филологии. В них переместился спор, разделивший феминистов на сторонников «эгалитарного» подхода, того, что исповедовала сама Симона де Бовуар, и проповедников «женской субъективности». С распространением «женских» исследований спор этот не только не разрешился, но развел оппонентов в разные стороны. Свой выход из его тупика предложили исследователи, строившие анализ, исходя из сопоставления «мужской» и «женской» ролей в разных ситуациях и в разные периоды. Они предложили ввести новое понятие «гендер» (от англ. gender — род). В русском языке это понятие можно раскрыть только смысловой фразой: «социальные отношения пола», или социально закрепленное разделение ролей на «мужские» и «женские». Нетрудно заметить, что концепция книги «Второй пол» имплицитно содержала это понятие, подразумевала этот подход. Кто-то из разработчиков концепции «гендера» это признает и ссылается на Симону де Бовуар, кто-то — нет. Но все они стремятся перевести анализ отношений пола с биологического уровня на социальный, чтобы наконец отказаться от постулата о «природном назначении пола»; показать, что понятие «пол» принадлежит к числу таких же смыслообразующих понятий, как «класс» или «раса». Одна из представительниц этого подхода, американский историк Джоан Скотт, отмечала; «Понятие «гендер» имеет первоочередное

значение при описании отношений власти...» Разве не об этом писала в своей книге Симона де Бовуар?

И разве не перекликаются с ее идеями установки в принятых в 70—80-е годы международным сообществом документах, которые призывают к ликвидации всех форм дискриминации женщины. В них женщина признается таким же полноценным субъектом истории, как и мужчина, а ее личность оценивается выше, чем ее «природное назначение», в них подчеркивается, что рождение детей, продолжение рода — это право, а не обязанность женщины. В известном смысле — это знак реализованности идей Симоны де Бовуар, идей, повлиявших не только на перемены в общественном сознании, но и на общественную жизнь. И это не преувеличение. Начатая в 60-е годы ее идейными наследницами «женская революция» под лозунгом: «Если женщина имеет право на половину рая, то она имеет право и на половину власти на земле!» — в 80—90-е годы вынудила власть имущих потесниться и впустить наконец и женщин во все структуры управления обществом. Эти структуры из однополовых мужских стали превращаться в «смешанные». Таким образом, «женская революция» изменила представ-

==19

2.

ления о самом содержании демократии, расширила ее горизонты, заставила увидеть многоликость, многогранность, пестроту социального пространства, в котором действует не один субъект и которое держит в напряжении не один конфликт, а множество по-разному разрешаемых конфликтов. И один из них — самый древний — конфликт между мужчиной и женщиной, о котором написана книга Симоны де Бовуар «Второй пол».

Она появляется в России спустя почти 50 лет после ее первой публикации. Это поздно — женщины нескольких поколений ее не прочли и на нее не откликнулись. Но это и своевременно. Россия переживает момент становления демократии, которая не может не быть делом женщин и мужчин, равно ответственных за судьбу своей страны.

Светлана Айвазова

[К оглавлению](#)

==20

==21

Симона де Бовуар

ВТОРОЙ

И МИФЫ

[00.htm - glava02](#)

Том1. ФАКТЫ и мифы

[==22](#)

[==23](#)

ЖАКУ БОСТУ

Есть доброе начало, сотворившее порядок, свет и мужчину, и злое начало, сотворившее хаос, мрак и женщину.

Пифагор

Все написанное мужчинами о женщинах должно быть подвергнуто сомнению, ибо мужчина — одновременно и судья, и одна из тяжущихся сторон.

Пулен де ля Бирр

[==24](#)

[00.htm - glava03](#)

ВВЕДЕНИЕ

Я долго колебалась, прежде чем написать книгу о женщине, Тема эта вызывает раздражение, особенно у женщин; к тому же она не нова. Немало чернил пролито из-за феминистских распрей, сейчас они уже почти совсем утихли — так и не будем об этом говорить. Между тем говорить не перестали. И не похоже, чтобы многотомные глупости, выпущенные в свет с начала нынешнего века, что-нибудь существенно прояснили в этой проблеме. А в чем она, собственно, заключается? И есть ли вообще женщины? Конечно, теория вечной женственности имеет еще своих приверженцев, «Даже в России они все же остаются женщинами», — шепчут они; но другие весьма знающие люди — а зачастую те же самые — вздыхают: «Женщина теряет свою суть, нет больше женщины». Сейчас уже не скажешь наверное, существуют ли еще женщины, будут ли они существовать всегда, надо или нет этого желать, какое место занимают они в мире, какое место им следовало бы в нем занимать. «Где женщины?» — вопрошал недавно один нерегулярно выходивший иллюстрированный журнал¹, Но прежде всего: что же такое женщина? «Tota mulier in utero: это матка», — говорит один. Между тем об иных женщинах знатоки заявляют: «Это не женщины», хотя у них, как и у всех остальных, есть матка. Все согласны признать, что в роде человеческого есть самки; сегодня, как и когда бы то ни было, они составляют примерно половину человечества. И все же нам говорят, что «женственность в опасности»; к нам взывают: «Будьте женщинами, оставайтесь женщинами, станьте женщинами». Значит, не всякое человеческое существо женского пола обязательно является женщиной; для этого нужно приобщиться к находящейся под угрозой таинственной реальности, которая и есть женственность, Ее что, выделяют яичники? Или она застыла где-то на платоновском небосводе? И довольно ли шуршащей юбки, чтобы спустить ее на землю? И хотя многие женщины усердно пытаются воплотить ее, идеал так никогда и не становится доступнее. Ее охотно описывают в туманных и ускользающих от понимания выражениях, которые кажутся заимствованными из словаря ясновидящих. Во времена святого Фомы Аквинского ее сущность представлялась столь же четко определенной, как снотворное воздействие

¹ Сейчас он уже умер, его название — «Франшиз».

мака. Но концептуализм сдал позиции: биологические и общественные науки уже не верят в существование неизменных сущностей, которые обуславливали бы изначально данные характеры, будь то характер женщины, еврея или негра; они рассматривают характер как вторичную реакцию на определенную ситуацию. И сегодня женственности нет, потому что ее никогда и не было. Означает ли это, что слово «женщина» лишено всякого содержания? Именно так настойчиво утверждают сторонники философии Просвещения, рационализма, номинализма; дескать, женщины — это представители рода человеческого, которых произвольно называют словом «женщины»; в частности, американки охотно думают, что женщины как таковой больше не существует; если какая-нибудь отсталая особа все еще считает себя женщиной, подруги советуют ей пойти к психоаналитику, чтобы » избавиться от этой навязчивой идеи. По поводу одного труда, * впрочем, вызывающего изрядное раздражение, озаглавленного «Modern woman: a lost sex» («Современная женщина: утраченный пол»), Дороти Паркер писала: «Я не могу справедливо судить о книгах, в которых женщина рассматривается как женщина... Я убеждена, что все мы, как мужчины, так и женщины, кем бы мы ни были, должны восприниматься как человеческие существа...» Но номинализм — учение недостаточное; и антифеминисты могут вволю доказывать, что женщины *не есть* мужчины. Несомненно, женщина, как и мужчина, является человеческим существом, но подобное утверждение абстрактно, фактом же следует признать, что любое конкретное человеческое существо всегда живет в своей определенной ситуации. Отрицать понятия вечной женственности, негритянской души, еврейского характера не

значит отрицать существование евреев, негров и женщин: такое отрицание для заинтересованных лиц является не освобождением, а уходом от существа вопроса. Ясно, что ни одна женщина не может не покрывив душой утверждать, что она преодолела зависимость от своего пола. Несколько лет назад одна знакомая писательница отказалась поместить свой портрет в серии фотографий, специально посвященной женщинам-литераторам; она хотела числиться в одном ряду с мужчинами. Но чтобы добиться этой привилегии, она воспользовалась влиянием мужа. Женщины, утверждающие, что они равнозначны мужчинам, при этом не становятся менее требовательными по части мужской обходительности и внимания. Еще вспоминается одна молоденькая троцкистка, что стояла на трибуне посреди шумного митинга и готовилась ударить кого-то кулаком, невзирая на свое явно хрупкое сложение. Она отрицала свою женскую слабость, но все это — из любви к одному активисту, на равенство с которым она претендовала. Судорожные усилия американок вести себя вызывающе доказывают, что им не дает покоя чувство собственной женственности. В самом деле, достаточно пройти по улице с открытыми глазами, чтобы признать, что человечество делится на две категории индивидов, чьи

==26

одежда, лицо, тело, улыбка, походка, интересы, занятия явно различны; может быть, это различие поверхностно, может быть, ему суждено исчезнуть. Но бесспорно одно — в настоящий момент оно существует с поразительной очевидностью.

Если функции самки недостаточно, чтобы определить, что такое женщина, если пользоваться понятием «вечной женственности» мы тоже отказываемся и если при этом признаем, что на земле, хотя бы временно, существуют женщины, — нам следует напрямую поставить перед собой вопрос: так что такое женщина?

Сама постановка проблемы сразу же подсказывает мне первый ответ. Показательно уже то, что я ее ставлю. Мужчине не пришло бы в голову написать книгу о специфическом положении, занимаемом в человеческом роде лицами мужского пола I. Если я хочу найти себе определение, я вынуждена прежде всего заявить: «Я — женщина». Эта истина представляет собой основание, на котором будет возведено любое другое утверждение. Мужчина никогда не начнет с того, чтобы рассматривать себя как существо определенного пола: само собой разумеется, что он мужчина. Только с формальной точки зрения в регистрационных журналах мэрии и удостоверениях личности рубрики «мужской» — «женский» выглядят симметричными. Отношение двух полов не идентично отношению двух электрических зарядов или полюсов: мужчина представляет собой одновременно положительное и нейтральное начало вплоть до того, что французское слово *les hommes* означает одновременно «мужчины» и «люди», что явилось результатом слияния частного значения латинского *homo* с общим значением слова *vir*. Женщина подается как отрицательное начало — настолько, что любое ее качество рассматривается как ограниченное, неспособное перейти в положительное. У меня всегда вызывало раздражение, когда в ходе отвлеченной дискуссии кто-нибудь из мужчин говорил мне: «Вы так думаете, потому что вы женщина». Но я знала, единственное, что я могла сказать в свою защиту, это: «Я так думаю, потому что это правда», устраняя тем самым собственную субъективность. И речи не могло быть о том, чтобы ответить: «А вы думаете по-другому, потому что вы мужчина», ибо так уж заведено, что быть мужчиной не значит обладать особой спецификой. Мужчина, будучи мужчиной, всегда в своем праве, не права всегда женщина. Подобно тому как у древних существовала абсолютная вертикаль, по отношению к которой определялась наклонная, существует абсолютный человеческий тип — тип мужской. У женщины есть яичники и матка — эти специфические условия определяют ее субъективный мир; некоторые охотно утверждают, что она мыслит своими

железами. Мужчина величественно забывает, что и в его анатомии есть гормоны, Кинси, например, в своем докладе ограничивается определением сексуальных характеристик американского мужчины, а это совсем другое дело.

==27

семенники. Он ощущает свое тело как прямое и нормальное отношение с миром, который, как ему кажется, он постигает в его объективности, тогда как тело женщины представляется ему отягченным всем тем, что подчеркивает специфику этого тела, — этакое препятствие, тюрьма, «Самка является самкой в силу отсутствия определенных качеств, — говорил Аристотель. — Характер женщины мы должны рассматривать как страдающий от природного изъяна». А вслед за ним святой Фома Аквинский утверждает, что женщина — это «несостоявшийся мужчина», существо «побочное». Именно это и символизирует история Бытия, где Ева представляется сделанной, по словам Боссюэ, из «лишней кости» Адама. Человечество создано мужским полом, и это позволяет мужчине определять женщину не как таковую, а по отношению к самому себе; она не рассматривается как автономное существо. «Женщина — существо относительное...» — пишет Мишле. И таким образом, утверждает г-н Бенда в «Рассказе Уриэля»; «Тело мужчины имеет смысл в самом себе, вне всякой связи с телом женщины, в то время как последнее, по-видимому, этого смысла лишено, если не соотносится с мужским... Мужчина мыслит себя без женщины. Она же не мыслит себя без мужчины». Она — лишь то, что назначит ей мужчина. Таким образом, ее называют «полом», подразумевая под этим, что мужчине она представляется прежде всего существом определенного пола: для него она является полом, а значит, является им абсолютно. Она самоопределяется и выделяется относительно мужчины, но не мужчина относительно нее; она — несущественное рядом с существенным. Он — Субъект, он — Абсолют, она — Другой^{1, 1}. Идея эта была с наибольшей ясностью выражена Э. Левинасом в его эссе «Время и Другой». Он объясняет ее следующим образом: «Возможна ли ситуация, при которой Другое было бы свойственно существу в положительном смысле, как сущность? Что это за Другое, что не входит просто-напросто в противопоставление двух видов одного рода? Я думаю, что абсолютно противостоящее, противоположное, противоположность которого ни в коей мере не взаимосвязана с отношением, которое может возникнуть между ним и вторым членом оппозиции, противоположность, позволяющая термину оставаться абсолютно другим, — это женское начало. Пол — это не какое-нибудь специфическое различие... Различие полов — это также и не противоречие... Не является оно и парой дополнительных терминов, ибо отношение дополнительности между двумя терминами предполагает изначальное существование единого целого... Другое реализуется в женском начале. Термин одного ряда с сознанием, но противоположный ему по смыслу».

Я полагаю, г-н Левинас не забыл, что женщина — тоже сама по себе сознание. Но поразительно, что он с ходу принимает мужскую точку зрения, даже не упоминая о взаимозаменяемости субъекта и объекта. Когда он пишет, что женщина — это тайна, он подразумевает, что она тайна для мужчины. И получается, что это претендующее на объективность описание на самом деле является утверждением мужского преимущества.

==28

Категория *Другой* изначально, как само сознание. В самых примитивных обществах, в самых древних мифологиях всегда можно найти дуализм Одного и Другого; это разделение первоначально не было знаком разделения полов, это деление не зависит ни от каких эмпирических данных — такой вывод среди прочих следует из трудов Гране, посвященных китайской философии, и работ Дюмезиля об Индии и Риме, Пары Варуна—Митра, Уран—Зевс, Солнце—Луна, День—Ночь первоначально не несут в себе никакого женского элемента, точно так же как противопоставление Добра и Зла, благоприятных и неблагоприятных принципов, правого и левого, Бога и Люцифера. «Другое» (иная суть. — *Peg.*) — это одна из фундаментальных категорий человеческой мысли. Ни один коллектив никогда не определит себя как Нечто, сразу же не поставив перед собой Другого, Достаточно трем пассажирам случайно оказаться в одном купе, чтобы все остальные пассажиры стали «другими» с неопределенным оттенком враждебности, Для деревенского жителя все, кто не живет в его деревне, — подозрительные «другие»; для уроженца какой-нибудь страны жители всех остальных стран представляются «чужими», евреи — «другие» для антисемита, негры — для американских расистов, туземцы — для колонистов, пролетарии — для имущих классов. Углубленное исследование различных видов примитивных обществ Леви-Стросс счел возможным завершить выводом: «Переход из состояния Природы в состояние Культуры определяется способностью человека мыслить биологические отношения в виде системных оппозиций; дуализма, чередования, противопоставления и симметрии, независимо от того, представлены ли они в четких или расплывчатых формах, отражают ли те явления, что нуждаются в объяснении, или фундаментальные и непосредственные данные социальной действительности»¹. Понять эти явления было бы невозможно, если бы человеческая действительность сводилась только к *mitsein*², основанному исключительно на солидарности и дружбе. Многое, напротив, проясняется, когда вслед за Гегелем обнаруживаешь в самом сознании фундаментальную враждебность по отношению к любому другому сознанию; субъект мыслит себя только в противоположении: он утверждает себя как существенное и полагает все остальное несущественным, объектом.

Но дело в том, что другое сознание выдвигает ему навстречу такое же утверждение: уроженец какой-нибудь страны, отправившись в путешествие, бывает поражен, обнаружив в соседних странах местных уроженцев, которые смотрят на него как на чу-

¹ См.: *L é v i - S t r a u s s*. Les structures élémentaires de la Parenté. Я очень благодарна К. Леви-Строссу за то, что он любезно позволил мне ознакомиться с гранками его диссертации, которую я наряду с другими источниками широко использовала во второй части.

«Бытие», «со-бытие» {нем.} — термин Хайдеггера. — *Перев.*

жого. Между деревнями, кланами, нациями, классами возникают войны, потлачи, сделки, договоры, разные формы борьбы, благодаря которым Другой перестает быть абсолютным понятием и обнаруживает свою относительность. Волей-неволей индивиды и группы вынуждены признать обоюдную направленность своих отношений, Как же случилось, что между полами эта обоюдная направленность не была установлена, что один из терминов утвердился как единственно существенный, отказав второму в какой бы то ни было относительности, определив его как совершенно Другое? Почему женщины не оспаривают мужское верховенство? Ни один субъект не признает себя ни с того ни с сего несущественным. Ведь не Другой, определив себя как Другой, определяет тем самым Нечто, Другим его полагает Нечто, полагающее себя как Нечто. Но чтобы

Другой не поменялся местами с Нечто, нужно, чтобы он подчинился чуждой ему точке зрения. Откуда это подчинение в женщине?

Известны и такие случаи, когда на протяжении более или менее длительного периода одной категории удавалось сохранять абсолютное господство над другой. Часто причиной привилегированного положения становится численное неравенство: большинство навязывает меньшинству свои законы или подвергает его гонениям. Но женщины не являются меньшинством, как негры в Америке или евреи: на земле женщин столько же, сколько мужчин. Часто также бывает, что две группы прежде были независимы; они или когда-то вообще не знали друг о друге, или признавали автономию друг друга. Потом какое-то историческое событие подчинило слабого более сильному: еврейская диаспора, введение рабства в Америке, колониальные захваты — все это легко датируемые факты. В таких случаях у угнетенных есть понятие раньше: их связывают общее прошлое, традиция, иногда религия, культура. В этом смысле представляется верным суждение Бебеля о близости позиций женщин и пролетариата: пролетарии также не составляют численного меньшинства и никогда не были независимой общностью. Правда, хотя события как такового и не было, существование их в качестве класса, а также и то, почему именно эти индивиды оказались в этом классе, объясняется ходом исторического развития. Пролетарии существовали не всегда, женщины — всегда. Они являются женщинами по своему физиологическому строению. И сколько ни углубляйся в историю, они всегда были подчинены мужчине; их зависимость — не следствие события или становления, нельзя сказать, что она наступила. И отчасти потому, что здесь Другое не обладает случайным характером исторического факта, оно в данном случае выглядит как абсолютное. Положение, сложившееся с течением времени, может через какое-то время перестать существовать — это, в частности, было замечательно доказано неграми Гаити; природному же состоянию изменение вроде бы не грозит. На самом деле природа не более неизменна, чем историческая действительность. Женщи-

[К оглавлению](#)

==30

на воспринимает себя как несущественное, которому никогда не превратиться в существенное, потому лишь, что она сама не осуществляет это превращение. Пролетарии говорят «мы». Негры тоже. Полагая себя как субъект, они делают «другими» буржуазию, белых. Женщины — если не считать нескольких их съездов, бывших абстрактными демонстрациями, — не говорят «мы»; мужчины называют их «женщинами», и женщины, чтобы называть себя, используют то же слово, но они не полагают себя по-настоящему в качестве Субъекта. Пролетарии совершили революцию в России, негры — на Гаити, жители Индокитая борются на своем полуострове — действия женщин всегда были всего лишь символическим волнением; они добились лишь того, что соблаговолили уступить им мужчины; они ничего не взяли: они получили¹. Дело в том, что у них нет конкретных способов образовать единство, которое полагало бы себя в противопоставлении. У них нет собственного прошлого, собственной истории, религии и нет трудовой солидарности и общности интересов, как у пролетариев; нет между ними даже той пространственной скупенности, что объединяет американских негров, евреев гетто, рабочих Сен-Дени или заводов «Рено» в единое целое. Они живут, рассеянные среди мужчин, и жильем, работой, экономическими интересами, социальным происхождением оказываются теснее связанными с некоторыми мужчинами — будь то отец или муж, — чем с остальными женщинами. Жены буржуа солидарны с буржуа, а не с женами пролетариев; белые женщины — с белыми мужчинами, а не с черными женщинами. Пролетариат может вознамериться истребить правящий класс; какой-нибудь фанатичный еврей или негр может мечтать завладеть секретом атомной бомбы с тем, чтобы

сделать человечество состоящим целиком из евреев или негров, но даже в мечтах не может женщина уничтожить мужской пол. Связь, существующая между ней и ее угнетателями, ни с чем не сравнима. В сущности, разделение полов — биологическая данность, а не момент человеческой истории. Их противоположность выявилась в лоне изначального *mitsein* и не была нарушена впоследствии. Пара — это фундаментальное единство, обе половины которого прикованы одна к другой, и никакое расслоение общества по признаку пола невозможно. Именно этим определяется женщина: она — Другой внутри единого целого, оба элемента которого необходимы друг другу.

Можно было бы предположить, что эта взаимная необходимость облегчит освобождение женщины. Когда Гераклес прядет шерсть у ног Омфалии, желание сковывает его — почему же Омфалии не удастся надолго захватить власть? Чтобы отомстить Ясону, Медея убивает своих детей — эта дикая легенда наводит на мысль о страшном влиянии, которое могла бы приобрести жен-

¹ См., ч. 2, п. V.

щина благодаря своей связи с ребенком. Аристофан в шутку вообразил в «Лисистрате» собрание женщин, решивших вместе попытаться использовать на благо обществу потребность, которую испытывают в них мужчины, — но это всего лишь комедия. Легенда, утверждающая, что похищенные сабинянки отомстили своим похитителям упорным бесплодием, рассказывает также, что, отстегав их кожаными ремнями, мужчины волшебным образом одолели их сопротивление. Биологическая потребность — сексуальное желание и желание иметь потомство, — которая ставит мужчину в зависимость от женщины, в социальном плане не освободила женщину. Хозяин и раб также объединены взаимной экономической потребностью, которая не освобождает раба. Дело в том, что в отношении «хозяин — раб» хозяин не полагает свою потребность в рабе; у него достаточно власти, чтобы удовлетворять свою потребность и никак ее не опосредовать. У раба же, напротив, из-за его зависимости, надежды или страха потребность в хозяине обращается вовнутрь. И даже если оба одинаково нуждаются в скорейшем удовлетворении потребности, эта неотложность всегда играет на руку угнетателю против угнетенного, что объясняет, например, почему так медленно шло освобождение рабочего класса. Ну а женщина всегда была если не рабом мужчины, то по крайней мере его вассалом. Мир никогда не принадлежал в равной степени обоим полам. И даже сегодня положение женщины еще очень невыгодно, хоть оно и меняется. Почти нет стран, где бы она по закону имела одинаковый статус с мужчиной; часто мужчина существенно ущемляет ее интересы. Но даже тогда, когда права ее абстрактно признаются, устоявшиеся, привычные нравы не дают им обрести конкретного воплощения в повседневной жизни. С экономической точки зрения мужчины и женщины — это практически две касты; при прочих равных условиях мужчины имеют более выгодное положение и более высокую зарплату, чем недавно ставшие их конкурентами женщины. В промышленности, политике и т.д. мужчин гораздо больше, и именно им принадлежат наиболее важные посты. Помимо имеющейся у них конкретной власти, они еще облечены престижем, который традиционно поддерживается всей системой воспитания детей: за настоящим проступает прошлое, а в прошлом историю творили исключительно мужчины. В тот момент, когда женщины начинают принимать участие в освоении мира, мир этот еще всецело принадлежит мужчинам — в этом абсолютно уверены мужчины и почти уверены женщины. Отказаться быть Другим, отказаться быть пособницей мужчины означало бы для них отречься от всех преимуществ, которые может предоставить союз с высшей кастой. Мужчина-сюзерен гарантирует женщине-вассалу материальную защищенность и берет на себя оправдание ее существования; ведь вместе с экономическим риском она избегает и риска

метафизического, ибо свобода вынуждает самостоятельно определять собственные цели. В самом деле, наряду

==32

со стремлением любого индивида утвердить себя в качестве субъекта — стремлением этическим — существует еще соблазн избежать своей свободы и превратить себя в вещь. Путь этот пагубен, ибо пассивный, отчужденный, потерянный человек оказывается жертвой чужой воли, существом, отторгнутым от собственной трансцендентности, потерявшим всякую ценность. Но это легкий путь: он дает возможность избежать тревоги и напряжения, свойственных подлинному существованию. Таким образом, мужчина, конституирующий женщину как Другого, находит в ней сильнейшую тягу к пособничеству. Так, женщина не требует признания себя Субъектом, потому что для этого у нее нет конкретных средств, потому что она испытывает необходимость в привязанности к мужчине, не предполагая обратной связи, и потому что часто ей нравится быть в роли Другого.

Но сразу же возникает вопрос; а как началась вся эта история? Понятно, что дуализм полов, как всякий дуализм, выразился в конфликте. Понятно, что если одному из двух удалось установить свое превосходство, то он должен утвердиться как нечто абсолютное. Остается объяснить, почему именно мужчина с самого начала одержал верх. Кажется, и женщины могли бы достичь победы или борьба могла бы навсегда остаться незавершенной. Почему же так случилось, что мир всегда принадлежал мужчинам и только сегодня положение вещей начинает меняться? И благотворно ли это изменение? Приведет оно или нет к тому, что мир будет поровну поделен между мужчинами и женщинами?

Вопросы эти далеко не новы, и на них существует целый ряд ответов. Но сам факт, что женщина — это Другой, опровергает все оправдания, когда-либо выдвигавшиеся на сей счет мужчинами: уж слишком очевидно, что оправдания эти продиктованы их собственными интересами, «Все написанное мужчинами о женщинах должно быть подвергнуто сомнению, ибо мужчина — одновременно и судья, и одна из тяжущихся сторон», — сказал в XVII веке Пулен де ля Барр, малоизвестный феминист. Везде и во все времена мужчина во всеуслышание заявлял о том, как радостно ему чувствовать себя царем творения. «Благословен Господь Бог наш и Бог всех миров, что Он не создал меня женщиной», — говорят евреи на утренней молитве, в то время как их супруги смиренно шепчут: «Благословен Господь, что создал меня по воле Своей». Среди благодеяний, за которые Платон благодарил богов, первым было, что они создали его свободным, а не рабом, вторым — что он Мужчина, а не женщина. Но мужчины не могли бы во всей полноте наслаждаться этой привилегией, если бы не считали ее основанной на вечности и абсолюте — свое главенство они постарались перевести в право. «Те, кто составлял законы и своды законов, будучи мужчинами, обратили их на пользу своему полу, а юрисконсульты превратили законы в принципы», — говорил еще Пулен де ля Барр. Законодатели, священники, философы, писатели, ученые рьяно доказывали, что подчинен-

==33

ное положение женщины угодно небесам и полезно на земле. Выдуманные мужчинами религии отражают эту жажду господства: их оружием стали легенды о Еве и Пандоре, философию и теологию они поставили себе на службу, как показывают приведенные выше цитаты из Аристотеля и святого Фомы Аквинского. Со времен античности сатирики и моралисты находили удовольствие в изображении женских слабостей. Всем известны гневные обвинительные речи против женщин, которыми изобилует французская литература; традиция Жана де Менга с не меньшим пылом подхвачена Монтерланом. Иногда эта враждебность выглядит обоснованной, часто беспричинной. На самом деле в ней кроется более или менее умело замаскированное желание самооправдаться. «Проще обвинить один пол, чем извинить другой», — сказал Монтень. В некоторых случаях это стремление очевидно. Поразительно, например, что римский кодекс, ограничивая права женщин, ссылается на «глупость и немощность этого пола» в то время, когда в результате ослабления семьи возникла опасность вытеснения наследников мужского пола. Поразительно, что в XVI веке, чтобы удержать замужнюю женщину в полной зависимости от мужа, ссылались на авторитет Блаженного Августина, говорившего, что «женщина — это животное, не имеющее ни двора, ни хлева», тогда как за незамужней признавалось право распоряжаться своим имуществом. Монтень очень хорошо понял произвол и несправедливость удела, выпавшего на долю женщин: «Женщин не за что осуждать, когда они отказываются принимать порядки, заведенные в этом мире, ведь их установили мужчины без их участия. Естественно, между нами и ними возникают интриги и ссоры». Но он не пошел так далеко, чтобы стать их защитником, Лишь в XVIII веке люди глубоко демократических убеждений стали рассматривать этот вопрос объективно. Дидро среди прочих берется доказывать, что женщина, как и мужчина, является человеком. Немного позже ее рьяно защищает Стюарт Милль. Но эти философы исключительно беспристрастны. В XIX веке споры о феминизме возобновляются с новой силой среди его сторонников. Одним из следствий промышленной революции стало участие женщины в производительном труде: и тогда феминистские требования вышли из области теории и обрели экономическую базу. Это еще больше ожесточило их противников. Несмотря на частичное развенчание земельной собственности, буржуазия цепляется за старую мораль, которая видит в прочности семьи гарантию частной собственности, — чем реальнее становится угроза женской эмансипации, тем настойчивее призывают женщину к домашнему очагу. Даже внутри рабочего класса мужчины попытались притормозить это освобождение, потому что видели в женщинах опасных конкурентов, тем более что те привыкли работать за низкую зарплату. Чтобы доказать неполноценность женщины, антифеминисты воспользовались уже не только аргументами религии, философии и теологии, как прежде, но также

и данными науки — биологии, экспериментальной психологии и др. Самое большее, на что они были готовы, это признать за *другим* полом право на «равенство в различии». Эта имеющая большой успех формула весьма показательна; она же употреблена по отношению к американским неграм в системе джимкроуизма; эта сегрегация, выдающая себя за равноправие, повлекла за собой самые крайние формы дискриминации. Такое совпадение далеко не случайно: идет ли речь о расе, касте, классе или поле, занимающем низшее положение, механизм оправдания один и тот же. «Вечная женственность» полностью соответствует «негритянской душе» и «еврейскому характеру». Правда, еврейская проблема в целом сильно отличается от двух других: еврей для антисемита не столько низший, сколько враг, и в этом мире за ним не признается никакого места — скорее его хотят уничтожить. Но в положении женщин и негров есть глубокие совпадения: и те и другие сегодня освобождаются от одного и того же патернализма, а некогда правящая каста хочет удержать их «на месте», то есть на том месте, которое она для них предназначила. В обоих случаях она более или менее искренне восхваляет достоинства «доброе негра» с его

непостижимой, детской, жизнелюбивой душой — смиренного негра — и «настоящей женщины», то есть женщины легкомысленной, инфантильной, безответственной — женщины, подчиненной мужчине. В обоих случаях свои аргументы она черпает в естественном положении вещей. Известна шутка Бернарда Шоу: «Белый американец, по существу, низводит негра до уровня чистильщика ботинок — и выводит из этого, что тот только и может, что чистить ботинки». И во всех аналогичных обстоятельствах мы обнаруживаем тот же порочный круг: если индивид или группа индивидов содержится в положении низшего, значит, они и *есть* низшие — нужно лишь условиться, что понимать под словом *быть*. Предвзятость сказывается в том, что этому слову придается субстанциональное значение, тогда как оно имеет, по Гегелю, динамичный смысл: быть — это стать, то есть сделать себя таким, каким ты являешься. Да, женщины сегодня в целом суть существа низшие по сравнению с мужчинами, то есть их положение предоставляет им меньшие возможности для саморазвития: проблема в том, чтобы выяснить, суждено ли такому положению вещей утвердиться навеки.

Многие мужчины этого желают — не все еще сложили оружие. Консервативная буржуазия продолжает видеть в женской эмансипации угрозу своей морали и своим интересам. Некоторые представители мужского пола боятся конкуренции женщин. В еженедельнике «Эбдо-Латэн» один студент на днях заявил: «Любая студентка, получающая диплом врача или адвоката, *крадет* у нас место».

Свои права на этот мир он сомнению не подвергает. Речь идет не только об экономических интересах. Одна из выгод, которую угнетение предоставляет угнетателям, заключается в том, что самый ничтожный из них чувствует себя существом высшим. «Бе-

==35

лый бедняк» с Юга США всегда может сказать себе в утешение, что он не «грязный негр», да и более удачливые белые охотно используют эту спесь. Точно так же любая посредственность мужского пола рядом с женщиной чувствует себя полубогом. Г-ну де Монтерлану было гораздо легче ощущать себя героем, когда он сталкивался с женщинами (впрочем, специально подобранными), чем когда ему пришлось вытягивать свою роль мужчины среди мужчин — роль, с которой многие женщины справились лучше его. Именно поэтому г-н Клод Мориак, оригинальность суждений которого восхитит кого угодно, в одной из своих статей в «Фигаро литерер» за сентябрь 1948 года мог¹ написать о женщинах: «Самую блестящую из них... мы слушаем с вежливым безразличием, отлично зная, что ее ум лишь более или менее ярко отражает идеи, идущие от нас». Разумеется, собеседница г-на К. Мориака отражает не лично его идеи, потому как за ним таковых не водится. Ну а что она отражает идеи, идущие от мужчин, вполне возможно — да и среди представителей мужского пола не одному случалось выдавать за свои не им изобретенные мнения. Можно задаться вопросом, не пошло бы г-ну К. Мориаку на пользу, если бы он имел дело с хорошим отражением Декарта, Маркса, Жида, а не с самим собой. Примечательно, что благодаря двусмысленности слова «мы» он отождествляет себя с апостолом Павлом, Гегелем, Лениным, Ницше и с высоты их величия с презрением смотрит на стадо женщин, дерзнувших говорить с ним с позиции равенства. По правде говоря, я знаю не одну женщину, у которой не хватило бы терпения отнестись к г-ну Мориаку с «вежливым безразличием».

Я остановилась на этом примере, потому что мужская наивность здесь просто обезоруживает. Но есть и множество более тонких способов, помогающих мужчинам извлекать пользу из идеи о «другой» природе женщины. Для всех страдающих комплексом неполноценности это просто

чудотворный бальзам: никто не относится к женщинам столь надменно — агрессивно или презрительно, — как мужчина, опасющийся за свою мужественность. Те, кто не робеет среди себе подобных, скорее расположены признать себе подобной и женщину. Но даже им миф о Женщине, о Другом дорог по многим причинам²; не стоит осуждать их за то, что они не жертвуют ни с того ни с сего всеми

¹ Или по крайней мере счел возможным.

² Показательна статья на эту тему Мишеля Карружа в 292-м номере «Южных тетрадей». Он с возмущением пишет: «Хотят, чтобы не было мифа о женщине, а была бы лишь когорта кухарок, матрон, девиц легкого поведения, синих чулков с функцией приносить удовольствие или пользу!» То есть, по его мнению, у женщины нет «для-себя-бытия», он рассматривает лишь ее *функцию в мужском мире*, ее конечная цель — в мужчине; в таком случае действительно можно предпочесть ее поэтическую «функцию» всем остальным. Вопрос лишь в том, почему ее надо определять по отношению к мужчине.

==36

извлекаемыми из него выгодами, — они знают, что теряют, отказываясь от женщины своей мечты, но не знают, что принесет им женщина завтрашнего дня. Много нужно самоотречения, чтобы отказаться полагать себя в качестве единственного и абсолютного Субъекта. Впрочем, подавляющее большинство мужчин не отдает себе отчета в этом притязании. Они *не полагают* женщину как низшее существо — сейчас они слишком проникнуты демократическим идеалом, чтобы не признавать всех людей равными. В лоне семьи ребенку или юноше женщина представляется столь же уважаемым членом общества, что и взрослые мужского пола; потом в желании и любви он познает на себе сопротивление и независимость желанной и любимой женщины; женившись, он уважает в жене супругу и мать, и в конкретном опыте супружеской жизни она утверждает себя рядом с ним как существо свободное. Таким образом, он может убедить себя, что между полами больше нет социальной иерархии и что при всех различиях в целом женщина — существо равное. Поскольку он все же находит в ней некоторые несовершенства, самое главное из которых — неспособность к профессиональной деятельности, он относит их на счет природы. Когда его отношения с женщиной имеют характер сотрудничества и доброжелательности, он рассуждает о принципе абстрактного равенства; но не задается вопросом о констатируемом им конкретном неравенстве. Но как только он вступает с ней в конфликт, ситуация резко меняется: объектом его внимания становится конкретное неравенство, и под этим предлогом он позволяет себе вообще отрицать абстрактное равенство!. Таким образом, многие мужчины почти чистосердечно утверждают, что женщины суть равные мужчинам и что требовать им нечего, и *одновременно* — что женщины никогда не смогут стать равными мужчинам и что требования их напрасны. Дело в том, что мужчине трудно оценить исключительное значение социальной дискриминации, которая со стороны кажется чем-то незначительным, но ее моральные и интеллектуальные последствия для женщины столь глубоки, что может показаться, будто их источник — в ее изначальных природных свойствах². Как бы мужчина ни симпатизировал женщине, он никогда до конца не представляет себе ее конкретной ситуации. Поэтому не следует верить мужчинам, когда они стараются защитить свои привилегии, даже не осознавая, как далеко простирается их действие. Мы не дадим запугать себя обилием и жесточенностью атак на женский пол, не клюнем на небескорыстные хвалы, адресованные

¹ Например, мужчина заявляет, что не считает свою жену чем-то ниже себя, оттого что у нее нет специальности — домашнее хозяйство, дескать, столь же благородное занятие и т.д. Но при первой же ссоре он заявляет: «Без меня ты бы не могла зарабатывать на жизнь».

² Описанию этого процесса и будет посвящен второй том нашего исследования.

==37

«настоящей женщине», и не поддадимся на восторги по поводу женской доли, зная, что ни один мужчина ни за что на свете не согласился бы ее разделить.

В то же время к аргументам феминисток нам следует подходить столь же недоверчиво: очень часто полемическая направленность полностью их обесценивает. «Женский вопрос» оказался столь праздным оттого, что мужская надменность превратила его в «распря», а когда возникает распря, люди уже не рассуждают. Все неустанно стремились доказать, что женщина выше, ниже или равна мужчине; она сотворена после Адама, а значит, она — существо второстепенное, говорили одни; напротив, говорили другие, Адам был лишь наброском, человек удался Богу в совершенстве, лишь когда он создал Еву; ее мозг не велик — но относительно он больше; Христос воплотился в мужчине — может, это из смирения. Каждый аргумент сразу же влечет за собой контраргумент, и часто оба они безосновательны. Чтобы во всем этом разобраться, нужно выйти из проторенной колеи, отказаться от расплывчатых понятий высшего, низшего, равного, которые извратили смысл всех дискуссий, и все начать заново.

Но в таком случае как мы поставим вопрос? И прежде всего, кто мы такие, чтобы его ставить? Мужчины — судьи и одна из тяжущихся сторон, женщины — тоже. Где найти ангела? По правде говоря, ангел был бы недостаточно компетентен — он не знает исходных данных проблемы. Что касается гермафродита, то это случай исключительный: он не мужчина и женщина одновременно, скорее он не мужчина и не женщина. Я считаю, что для изучения положения женщины лучше всего подходят сами женщины или некоторые из них. Утверждать, что Эпименид сводится к понятию «житель Крита», а «житель Крита» — к понятию «лгун», было бы софизмом. Чистосердечие или предвзятость мужчин и женщин диктуется не какой-то таинственной сущностью — к поиску истины их более или менее располагает их ситуация. Сегодня многие женщины, которым посчастливилось вернуть себе все привилегии человека, могут позволить себе роскошь быть беспристрастными — мы даже чувствуем в этом потребность. Мы не похожи на тех, кто боролся раньше нас; в целом мы выиграли партию. Во время последних дискуссий о статусе женщины в ООН не смолкали властные требования окончательно достичь реального равенства полов, и уже многим из нас никогда не приходилось ощущать свою принадлежность к женскому полу как неудобство или препятствие. Немало проблем кажутся нам более существенными, чем те, что касаются исключительно нас: и сама эта отстраненность позволяет надеяться на объективность нашей оценки. В то же время мы глубже, чем мужчины, знаем женский мир, ведь в нем наши корни, мы тоньше улавливаем, что значит для человека быть женщиной, и больше стремимся узнать это. Я сказала, что есть другие, более существенные проблемы, но это не мешает данной проблеме сохранять в наших глазах определенное значе-

==38

ние; в какой мере принадлежность к женскому полу влияет на нашу жизнь? Какие именно шансы нам даны, а в каких отказано? Какая участь уготована нашим младшим сестрам и как их следует ориентировать? Поразительно, что в наши дни вся женская литература проникнута не столько желанием чего-то требовать, сколько стремлением внести ясность. На исходе целой эпохи беспорядочной полемики эта книга представляет собой одну из попыток разобраться в создавшемся положении.

Но, наверное, ни одну человеческую проблему нельзя рассматривать совершенно беспристрастно: сама постановка вопросов и обозначенные перспективы их рассмотрения предполагают некоторую иерархию интересов; любое качество подразумевает определенные ценности; и нет так называемого объективного описания, которое не предполагало бы определенного этического фона. Вместо того чтобы стараться скрыть более или менее явно подразумеваемые принципы, лучше установить их сразу; тогда не придется на каждой странице уточнять, какой смысл придается словам «высший», «низший», «лучший», «худший», «прогресс», «регресс» и т.д. Если мы рассмотрим какой-нибудь труд, посвященный женщине, то увидим, что наиболее распространенная точка зрения — это общественное благо и общие интересы. На самом деле каждый понимает под этим интересы такого общества, какое ему хотелось бы сохранить или создать. Мы же считаем, что общественное благо не сводится к обеспечению частного благополучия граждан, и обо всех установлениях мы судим с точки зрения конкретных возможностей, предоставляемых индивидам. Но мы также и не смешиваем понятие частного интереса с понятием счастья — в этом заключается еще одна часто встречающаяся точка зрения. Разве женщина из гарема не счастливее какой-нибудь избирательницы? Разве домохозяйка не счастливее работницы? Не совсем ясно, что означает слово «счастье» и тем более какие подлинные ценности в нем сокрыты. Нет никакой возможности измерить счастье другого человека, зато всегда легко можно объявить счастливой ситуацию, которую хочешь ему навязать: обреченных на застойное прозябание, в частности, объявляют счастливыми под тем предлогом, что счастье — это неподвижность. Итак, к этому понятию мы прибегать не будем. Перспектива, которую принимаем мы, — это перспектива экзистенциалистской морали. Любой субъект конкретно полагает себя через определенные проекты¹ — это его трансценденция. Он осуществляет свою свободу лишь путем постоянного самоопределения на пути к другим свободам. Единственное оправдание его сегодняшнего существования — это его устремленность в бесконечно открытое будущее. Каждый раз, когда трансценденция застывает в

¹ Проект (projet), по Сартру, — свободное продуцирование цели. — Перед.

имманентности, существование деградирует, превращаясь в «в-себе-бытие», а свобода оборачивается фактичностью¹. Если субъект смиряется с этим падением, оно становится его моральной виной. Если оно ему навязано, то принимает форму фрустрации или угнетения. В обоих случаях оно является абсолютным злом. Всякий индивид, стремящийся оправдать свое существование, ощущает последнее как некую потребность в трансценденции. Вот почему особенность ситуации женщины состоит в том, что, обладая, как и любой человек, автономной свободой, она познает и выбирает себя в мире, где мужчины заставляют ее принять себя как Другого: ее хотят определить в качестве объекта и обречь тем самым на имманентность, косность, поскольку трансценденция ее будет постоянно осуществляться другим сознанием, сущностным и суверенным. Драма женщины — в конфликте между фундаментальным притязанием всякого субъекта, всегда полагающего себя как существенное, и требованиями ситуации, определяющей ее

как несущественное. Как может реализовать себя человеческое существо в положении женщины? Какие пути ему открыты? Какие из них тупиковые? Как обрести независимость внутри зависимости? Какие обстоятельства ограничивают свободу женщины и может ли она их преодолеть? Таковы основные вопросы, которые нам хотелось бы прояснить. То есть, говоря о шансах индивида, мы будем определять их, исходя не из понятия «счастье», а из понятия «свобода».

Разумеется, эта задача была бы лишена всякого смысла, если бы мы считали, что над женщиной довлеет судьба — физиологическая, психологическая или экономическая. Поэтому вначале мы разберем те суждения по поводу женщины, что приняты в биологии, психоанализе и историческом материализме. Потом попытаемся проанализировать, как сформировалась реальность «женского бытия», почему женщина была определена как Другой и каковы были последствия этого определения с точки зрения мужчин. А затем, уже с точки зрения женщин, мы опишем тот мир, что был им предложен², чтобы понять, с какими трудностями они сталкиваются в тот момент, когда, пытаясь выйти за пределы до сих пор отводимой им области, претендуют на участие в человеческом *mitsein*.

¹ «Неподлинность», «искусственность», «заданность» — термин Сартра. Перед.

² Это составит содержание второго тома.

[К оглавлению](#)

[==40](#)

[00.htm - glava04](#)

Часть первая. Судьба

[00.htm - glava05](#)

Глава 1 ДАННЫЕ БИОЛОГИИ

Женщина? Это же так просто, говорят любители простых формулировок, — матка да яичники, одним словом, самка. В устах мужчины слово «самка» звучит как оскорбление. В то же время своих животных качеств он не стыдится, наоборот, гордится, если про него скажут: «Ну и самец!» Термин «самка» звучит уничижительно не потому, что обозначает женщину в ее природной сущности, а потому, что он определяет ее исключительно по половой принадлежности. Если даже самки невинных животных кажутся мужчине чем-то презренным и враждебным, то причину этого, очевидно, следует искать в той тревожной неприязни, что внушают ему женщины. А оправдание этого чувства он хочет найти в биологии. При слове «самка» у него возникает целый калейдоскоп образов: огромная круглая яйцеклетка захватывает и оскопляет проворный сперматозоид; чудовищно раскормленная царица термитов повелевает поработенными самцами; самка богомола или паучиха, пресытившись любовью, давят и пожирают своего партнера; сука в период течки рыщет по закоулкам, оставляя за собой шлейф непотребных запахов; обезьяна бесстыдно выставляет себя напоказ или прячется в приливе лицемерного кокетства; самые великолепные хищницы — тигрица, львица, пантера — раболепно стелются под царственными ласками самца. В женщине — инертной, нетерпеливой, хитрой, глупой, бесчувственной, похотливой, кровожадной, униженной — мужчина видит проекцию всех самок одновременно. Да она и в самом деле самка.

Но если не сводить нашу мысль к общим положениям, то сразу же напрашиваются два вопроса: что представляет собой особь женского пола в животном мире и какое именно качество самки реализуется в женщине?

==41

Самцы и самки — это два типа особей, которые внутри одного вида различаются с точки зрения размножения. Определить их можно, лишь соотнося друг с другом. Но следует сразу отметить, что смысл самого *разделения* видов на два пола не совсем ясен.

В природе это разделение не является универсальным. Если говорить только о животном мире, то известно, что у одноклеточных — инфузорий, амёб, бактерий и пр. — размножение в основе своей никак не связано с полом: клетки делятся сами по себе. Некоторые многоклеточные размножаются путем шизогонии, то есть множественного деления особи, чье происхождение также бесполо, или бластогенеза, то есть деления особи, порожденной половым путем; явления почкования и дробления, наблюдаемые у пресноводной гидры, кишечнополостных, губок, червей, оболочников, — хорошо известные тому примеры. В явлениях партеногенеза неоплодотворенное яйцо развивается в зародыш без вмешательства самца, последний или вообще не участвует в процессе, или играет второстепенную роль: неоплодотворенные пчелиные яйца делятся, и из них выводятся трутни; у тли самцы в нескольких поколениях вообще отсутствуют, а из неоплодотворенных яиц выводятся самки. Искусственным путем партеногенез был получен у морских ежей, морских звезд и лягушек. Впрочем, и у простейших случается, что две клетки сливаются, образуя так называемую зиготу; оплодотворение необходимо, чтобы из пчелиных яиц вывелись самки, а из яиц тли — самцы. Некоторые биологи заключили из этого, что даже в видах, способных к однополости размножению, обновление зародышевой плазмы путем перераспределения хромосом якобы полезно для омоложения и укрепления жизнеспособности потомства. Тогда понятно, что в наиболее сложных формах жизни пол становится функцией необходимой. Якобы только простейшие организмы могут размножаться неполовым путем, да и те истощают при этом свою жизнеспособность. Но сегодня эта гипотеза признана ошибочной — наблюдения доказали, что неполовое размножение может длиться бесконечно и никакой дегенерации при этом не обнаружено. Особенно показателен в этом смысле пример бактерий. Опыты по партеногенезу становились все более многочисленными и все более смелыми и продемонстрировали, что для существования многих видов самцы вообще не нужны. Впрочем, даже если бы была выявлена полезность обмена между клетками, это было бы простой констатацией ничем не обоснованного факта. Биология констатирует разделение на два пола, но сколь бы ни была она проникнута финализмом, ей не удастся вывести это разделение ни из строения клетки, ни из законов ее деления, ни из какого-либо иного простейшего явления.

==42

Существования гетерогенных гамет¹ недостаточно, чтобы определить два различных пола; действительно, часто случается, что дифференциация производящих клеток не ведет к разделению вида на два типа особей — обе разновидности клеток могут *принефлещать* одной особи. Так бывает в случае гермафродитных видов, столь многочисленных у растений и встречающихся

среди некоторых низших животных, например среди кольчатых червей и моллюсков. Тогда размножение происходит или путем самооплодотворения, или перекрестного оплодотворения. В связи с этим некоторые биологи попытались узаконить установленный порядок. Они рассматривали гонохоризм, то есть систему, при которой различные гонады² принадлежат разным особям, как усовершенствованный вариант гермафродитизма, получившийся в результате эволюции. Другие же, напротив, считали гонохоризм первичным, а гермафродитизм его дегенерацией. Как бы то ни было, эти основанные на эволюции представления о превосходстве одной системы над другой влекут за собой более чем спорные теории. Единственное, что можно с уверенностью утверждать, — это что оба названных способа воспроизводства сосуществуют в природе, что оба они обеспечивают непрерывное продолжение вида и что гетерогенность организмов — носителей гамет, как и гетерогенность самих гамет, представляет собой явление необязательное. Итак, разделение особей на самцов и самок является фактом ни из чего не выводимым и случайным.

Большинство философий приняли это разделение как данность, не пытаясь объяснить его. Известен платоновский миф: вначале были мужчины, женщины и андрогины, у каждого индивида было два лица, четыре руки, четыре ноги и два сросшихся тела; однажды они были разбиты надвое, «как разбивают надвое яйцо», и с тех пор каждая половина стремится найти вторую, недостающую половину — впоследствии боги решили, что от совокупления двух несхожих половин будут появляться новые человеческие существа. Но эта история ставит своей задачей объяснить только любовь — разделение полов сразу принимается как данность. Не дает ему обоснования и Аристотель, ибо если любое действие требует взаимодействия материи и формы, необязательно, чтобы активное и пассивное начала распределялись по двум категориям гетерогенных индивидов. И таким образом, святой Фома Аквинский объявляет женщину существом «случайным» и тем самым утверждает — в мужской перспективе — случайный характер половой принадлежности. Гегель в свою очередь изменил бы своему исступленному рационализму, если бы не попытался логически ее обосновать. Пол, согласно его учению, представ-

¹ Гаметами называются половые клетки, из слияния которых получается яйцеклетка.

² Гонадами называются железы, производящие гаметы.

ляет собой опосредование, через которое субъект конкретно постигает себя как род. «Род в нем как напряжение, вызванное несоразмерностью его единичной действительности, становится стремлением достигнуть сочувствия в другом представителе того же рода, восполниться через соединение с ним и через это опосредствование сомкнуть род с собой и дать ему существование — это есть процесс совокупления»¹. И немного ниже: «Процесс состоит в том, Что, будучи в себе единым родом, одной и той же субъективной жизненностью, они и полагают это единство как таковое». И затем Гегель заявляет, что для того, чтобы два пола могли сблизиться, предварительно необходима их дифференциация. Но доказательство его неубедительно; слишком чувствуется здесь стремление во что бы то ни стало найти в любой операции три составляющие силлогизма. Выход особи за пределы своего «я» к виду, в результате которого особь и вид достигают подлинной реализации своей сущности, мог бы осуществиться и без третьего элемента, через непосредственное отношение родителя и ребенка — способ воспроизводства при этом может быть и неполовым. Или же отношение одного к другому может представлять собой отношение двух сходных особей, а различие тогда будет возникать за счет своеобразия особей одного типа, как это

бывает у гермафродитов. Описание Гегеля раскрывает одно очень важное значение половой принадлежности — но, как всегда, его ошибка в том, что из значения он делает объяснение.

Мужчины определяют пол и взаимоотношения полов в ходе половой деятельности подобно тому, как они придают смысл и значение всем исполняемым ими функциям, но все это совершенно необязательно свойственно человеческой природе. МерлоПонти в «Феноменологии восприятия» отмечает, что человеческое существование, или экзистенция, вынуждает нас пересмотреть понятия необходимости и случайности. «Существование, — пишет он, — не имеет случайных атрибутов, в нем нет содержания, от которого зависела бы его форма, оно не допускает в себе чистого факта, так как само является движением, которое несет в себе эти факты». Это верно. Но верно также и то, что существуют условия, без которых сам факт существования представляется невозможным. Присутствие в мире неминуемо подразумевает определенное положение тела, позволяющее ему быть одновременно частью этого мира и точкой зрения на него, но при этом не требуется, чтобы тело обладало тем или иным особенным строением. В работе «Бытие и ничто» Сартр спорит с утверждением Хайдеггера, что сам факт конечности обрекает реальность человеческого существования на смерть. Он устанавливает, что можно представить себе существование конечное и не ограниченное временем. Тем

¹ Гегель. Философия природы, часть 3, § 369, в рус. издании § 368. — Перед.

==44

не менее, если бы в жизни человеческой не коренилась смерть, отношение человека к миру и к себе самому было бы совершенно иным, и тогда определение «человек смертен» представляется вовсе не эмпирической истиной; будучи бессмертным, живущий уже не был бы тем, что мы именуем человеком. Одна из основных характеристик его судьбы заключается в том, что движение его временной жизни образует позади и впереди себя бесконечность прошлого и будущего, — и понятие увековечения вида сопрягается с индивидуальной ограниченностью. Таким образом, явление воспроизводства можно рассматривать как онтологически обоснованное. Но на этом следует остановиться, увековечение вида не влечет за собой дифференциации полов. Если эта дифференциация принимается существующими людьми — таким образом, что оказывает обратное действие и входит в конкретное определение существования, — пусть так оно и будет. Тем не менее сознание без тела, или бессмертный человек, — вещь абсолютно невообразимая, тогда как общество, размножающееся путем партеногенеза или состоящее из гермафродитов, можно себе представить.

Что касается взаимодействия полов, то по этому поводу существуют самые различные мнения. Вначале они были лишены какой бы то ни было научной основы и отражали лишь социальные мифы. Долгое время считалось, да и сейчас в некоторых примитивных обществах с материнской филиацией считается, что отец не имеет никакого отношения к зачатию ребенка, будто бы прародительские личинки в форме живых зародышей проникают в материнское чрево. С наступлением патриархата мужчина стал жестко отстаивать право на собственное потомство. И хотя приходилось все же признавать роль матери в процессе деторождения, подчеркивалось, что ее функции сводятся лишь к вынашиванию и вскармливанию семени жизни — созидательной силой стал считаться только отец. В представлении Аристотеля, зародыш является продуктом встречи спермы и менструаций — в этом симбиозе женщина дает лишь пассивную материю, а сила, активность, движение, жизнь исходят от мужского начала. Такова же доктрина Гиппократов, который выделяет два вида семени: слабое, или женское, и сильное, мужское. Теория Аристотеля утвердилась и просуществовала на протяжении всех средних веков и вплоть до современной

эпохи. В конце XVII века Гарвей нашел в роге матки заколотых вскоре после совокупления ланей везикулы, которые принял за яйца и которые на самом деле были зародышами, Датчанин Стенон назвал яичниками женские детородные железы, которые до сих пор именовались «женскими семенниками», и обнаружил у них на поверхности пузырьки, которые Грааф в 1677 году ошибочно отождествил с яйцом и которым дал свое имя. Яичник продолжали рассматривать как аналог мужской железы, Впрочем, в том же самом году были открыты «сперматические существа» и стало известно, что они проникают в матку.

==45

Однако считалось, что там они только питаются и что в них уже заложена будущая личность. Голландец Гартсакер в 1694 году рисовал гомункула, спрятанного в сперматозоиде, а в 1699-м другой ученый заявил, что видел, как сперматозоид откинул нечто вроде оболочки и под ней оказался маленький человечек, которого он тоже нарисовал. По всем этим гипотезам, женщина должна лишь только вскармливать активное и совершенно сложившееся живое начало. Теории эти были приняты не всеми, и дискуссии продолжались до XIX века. Изучение животного яйца стало возможным в результате изобретения микроскопа. В 1827 году Баер идентифицировал яйцо млекопитающих — оно представляет собой элемент, содержащийся внутри граафова пузырька, и вскоре стало возможным изучение его дробления. В 1835 году были открыты саркорм, то есть протоплазма, а затем — клетка. В 1877 году было произведено наблюдение, показавшее, как сперматозоид проникает в яйцо морской звезды; с тех пор было установлено соответствие между ядрами обеих гамет; их слияние впервые было проанализировано в 1883 году бельгийским зоологом.

Однако идеи Аристотеля полностью не утратили своего влияния. Гегель считает, что два пола должны быть различными: один — активный, другой — пассивный, и само собой разумеется, что пассивность достается в удел женскому полу. «Вследствие дифференциации мужчина является собой принцип активный, а женщина — принцип пассивный, ибо она остается в своем неразвернутом единстве»¹. И даже после того, как яйцеклетка была признана активным принципом, мужчины попытались противопоставить ее инертности подвижности сперматозоида. Сегодня вырисовывается обратная тенденция; открытия в области партеногенеза побудили некоторых ученых свести роль самца к психического фактору. Выяснилось, что в некоторых видах воздействия кислоты или механического раздражителя может оказаться достаточно для того, чтобы вызвать дробление яйца и развитие зародыша. С этого момента было смело выдвинуто предположение, что мужская гамета не необходима для деторождения, самое большее — ей отводится роль катализатора. Может быть, однажды участие мужчины в зарождении жизни станет ненужным — кажется, об этом мечтает множество женщин. Но ничто не дает права так смело опережать события, как ничто не дает права придавать универсальный характер специфическим жизненным процессам. Явления бесполого размножения и партеногенеза не более и не менее фундаментальны, чем воспроизводство половым путем. Мы сказали, что у последнего нет никаких априорных преимуществ, но ничто не указывает на то, что его можно свести к более элементарному механизму.

¹ Гегель. Философия природы, часть 3, § 369, в рус. издании § 368. — Перед.

==46

Итак, отвергая любую априорную доктрину, любую слишком смелую теорию, мы оказываемся перед фактом, не имеющим ни онтологического основания, ни эмпирического оправдания, факта, априорное значение которого нам непонятно. Лишь рассматривая его в конкретных проявлениях, мы можем надеяться докопаться до его смысла — тогда, быть может, проявится и содержание слова «самка».

Мы не собираемся предлагать здесь философию жизни и не хотим поспешно становиться на чью-либо сторону в споре между финализмом и механицизмом. В то же время примечательно, что все физиологи и биологи прибегают к словарю, более или менее заимствованному у финалистов, — по той простой причине, что им приходится осмысливать жизненные явления. Мы воспользуемся их лексикой. Не предвещая вопроса о соотношении между жизнью и сознанием, можно утверждать, что любой живой факт указывает на трансценденцию и что любая функция заключает в себе проект — ничего большего наши рассуждения не предполагают.

В подавляющем большинстве видов организмы мужского и женского пола производят на свет потомство путем совместного действия. В основе своей они определены вырабатываемыми ими гаметами. У некоторых водорослей и грибов клетки, от слияния которых получается яйцо, идентичны; эти случаи изогамии показательны, ибо демонстрируют, что гаметы по сути своей равноценны. Обычно они различаются — но поражает аналогичность их строения. Сперматозоиды и яйцеклетки образовались в процессе ^ эволюции из первоначально идентичных клеток — развитие женских примитивных клеток в ооциты отличается от происхождения сперматоцитов на уровне протоплазмы, процессы же, происходившие в ядре, практически не различаются. Мысль, высказанная в 1903 году биологом Анселем, и сегодня не утратила своего значения: «Недифференцированная зародышевая клетка становится мужской или женской в зависимости от условий, которые она встретит в детородной железе в момент своего возникновения, — условий, определяемых превращением некоторого числа клеток эпителия в особые клетки, вырабатывающие питательное вещество». Это изначальное родство находит выражение в структуре обеих гамет, которые в пределах каждого вида содержат одинаковое количество хромосом. В момент оплодотворения смешиваются субстанции обоих ядер, и количество хромосом в каждом из них сокращается вдвое по сравнению с первоначальным. Сокращение это в обоих случаях происходит аналогичным образом: два последних деления яйцеклетки, приводящие к образованию полярных телец, аналогичны последним делениям сперматозоида. Сегодня считается, что в зависимости от вида пол может опреде-

==47

лять как мужская, так и женская гамета. У млекопитающих носителем гетерогенной хромосомы, обладающей мужским или женским потенциалом, является сперматозоид. Что касается передачи наследственных признаков, то, по статистическим законам Менделя, она равно вероятна как от отца, так и от матери. Важно отметить, что в этой встрече гамет ни у одной из них нет преимущества перед другой — обе приносят в жертву свою индивидуальность, яйцо целиком поглощает их субстанцию. Итак, существуют два распространенных предрассудка, которые — по крайней мере на уровне фундаментальной биологии — в действительности γ оказываются ложными: первый — это пассивность самки. Искру жизни не несет в себе ни одна из двух гамет — она вспыхивает от их встречи; ядро яйцеклетки представляет собой жизненное начало, в точности соответствующее ядру сперматозоида. Второй предрассудок противоречит первому, что не

мешает им зачастую существовать одновременно: принято считать, что постоянство вида обеспечивается самкой, а существование мужского начала носит характер мимолетной вспышки. В действительности зародыш получает зародышевую плазму как от отца, так и от матери и потом передает и то и другое вместе своему потомству то в мужской, то в женской форме. Можно сказать, что зародышевая плазма двупола и из поколения в поколение переживает различные индивидуальные соматические превращения.

Прояснив этот момент, следует отметить, что между яйцеклеткой и сперматозоидом существуют интереснейшие второстепенные различия. Основная особенность яйцеклетки заключается в том, что она содержит вещества, предназначенные для питания и защиты зародыша. В ней накапливаются запасы, из которых плод будет формировать свои ткани, — запасы, являющиеся не живой субстанцией, а инертной материей. Вот почему она представляет собой массивное образование, сферическое или эллипсоидальное, и объем ее относительно велик. Известно, каких размеров достигает птичье яйцо; женская яйцеклетка имеет 0,13 мм в диаметре, тогда как в человеческой сперме насчитывается 60 000 сперматозоидов на один кубический миллиметр. Масса сперматозоида ничтожно мала, он состоит из нитевидного хвоста и маленькой продолговатой головки, не отягощен никакой инородной субстанцией, он — сама жизнь. Такое строение предполагает подвижность. Тогда как яйцеклетка, где сложено на хранение будущее плода, является неподвижным элементом: скрытая в организме самки или находящаяся вне его, она пассивно ждет оплодотворения. Мужская гамета сама идет ей навстречу. Сперматозоид всегда представляет собой голую клетку, а яйцеклетка, в зависимости от вида, может иметь или не иметь защитную оболочку. Но в любом случае, как только сперматозоид вступает с ней в контакт, он толкает и колеблет ее и проникает внутрь: мужская гамета теряет хвост, головка раздувается и, ввинчиваясь, достигает ядра; тем временем у яйца тут же образуется оболочка, отгора-

==48

живающая его от остальных сперматозоидов. У иглокожих, где оплодотворение происходит вне организма, легко наблюдать, как множество сперматозоидов устремляются к инертной яйцеклетке и ореолом располагаются вокруг нее. Такое состояние — тоже важное явление, встречающееся в большинстве видов. Будучи гораздо меньше яйцеклетки, сперматозоиды обычно производятся в значительно большем количестве, и у каждой яйцеклетки образуется множество претендентов.

Итак, яйцеклетка, активная по своей принципиальной сущности — имеется в виду ядро, — внешне представляется пассивной. Ее замкнутая в себе, вскормленная внутри самая себя масса напоминает густоту ночной мглы и покой «в-себе-бытия»: именно в форме сферы представляли себе древние замкнутый мир, непрозрачный атом. Яйцеклетка неподвижна и всегда в ожидании, И на- · оборот, открытый, крошечный, проворный сперматозоид воплощает нетерпение и беспокойство экзистенции. Однако аллегории могут завести далеко; иногда яйцеклетку ассоциировали с имманентностью, а сперматозоид — с трансцендентностью. Лишь отказавшись от своей трансцендентности, от подвижности, проникает он в женский элемент: его захватывает и оскопляет инертная масса, которая впитывает его в себя, лишая при этом хвоста. Это — магическое действие, волнующее, как всякое пассивное действие. Активность же мужской гаметы — рациональна, это движение, измеримое в категориях времени и пространства. В действительности практически все это — чистые бредни. Мужская и женская гаметы сплавляются воедино в яйце; обе они полностью уничтожают самих себя. Было бы ошибкой утверждать, будто яйцеклетка хищно пожирает мужскую гамету, и не менее ошибочно считать, будто сперматозоид победно овладевает резервами женской клетки, поскольку в объединяющем их акте индивидуальность каждого в отдельности теряется.

Наверное, для механистического мышления движение представляется явлением по преимуществу рациональным; но для современной физики совершенно очевидна идея действия на расстоянии. Впрочем, подробности физико-химических процессов, приводящих к встрече гамет и оплодотворению, пока неизвестны. Однако из этого сопоставления взглядов можно вывести одно ценное наблюдение. В жизни сосуществуют два типа движения; для поддержания жизни необходимо ее превзойти, а превзойти ее можно только при условии ее поддержания. Оба момента всегда осуществляются вместе, пытаться разделить их — чистейшая абстракция; в то же время то один, то другой из них могут в определенный момент оказаться доминирующим. Объединяясь, обе гаметы одновременно превосходят самих себя и продлевают свое существование; но яйцеклетка по своему строению предвосхища-ет будущие нужды, она устроена таким образом, чтобы питать зародившуюся в ней жизнь; а сперматозоид, напротив, абсолютно неприспособлен к тому, чтобы обеспечить развитие вызванного

==49

4 2242

им к жизни зародыша. Зато яйцеклетка неспособна сама спровоцировать изменения, влекущие за собой вспышку новой жизни, а

<, сперматозоид перемещается. Без предусмотрительности яйцеклетки его действие было бы напрасным, но без его инициативы яйцеклетка не реализовала бы свои жизненные возможности. Итак, мы делаем вывод, что в фундаментальном смысле роль обеих гамет идентична; обе они вместе создают живое существо, в котором обе теряют и превосходят самих себя. Но поверхностное наблюдение за второстепенными процессами, обуславливающими

- оплодотворение, показывает, что необходимая для расцвета новой жизни ситуация подвластна мужскому элементу, а закрепление этой жизни в организме и ее упрочнение зависит от женского элемента.

Было бы весьма смело из констатации этого факта делать вывод, что место женщины у домашнего очага, — но есть на свете смелые люди. В своей книге «Темперамент и характер» Альфред Фуйе не так давно взялся определять женщину, целиком исходя из яйцеклетки, а мужчину — исходя из сперматозоида. Многие так называемые углубленные теории основываются на подобной игре сомнительных аналогий. Не совсем ясно, из какой философии природы исходят эти псевдомыслители. Если обратиться к законам наследственности, мужчины и женщины одинаково происходят из сперматозоида и яйцеклетки. Я полагаю, что в этих замутненных умах бродят пережитки старой средневековой философии, по которой космос был точным отражением микрокосма; создается представление о яйцеклетке как о гомункуле женского пола и о женщине как о гигантской яйцеклетке. Эти бредни, позабытые со времен алхимии, странным образом контрастируют с научной точностью описаний, которые в то же самое время берутся за основу. Современная биология плохо сочетается со средневековой символикой, но наши ученые так глубоко не задумываются. Если не кривить душой, придется все же признать, что

" от яйцеклетки до женщины еще очень далеко. К яйцеклетке еще неприложимо само понятие женского пола. Гегель справедливо отмечает, что половые отношения невозможно свести к отношениям двух гамет. Таким образом, нам предстоит изучить весь женский организм в целом, Как уже говорилось, у определенного числа растений и некоторых простейших, например моллюсков, различие в специфике гамет не влечет за собой аналогичного различия особей, так как

каждая из них вырабатывает одновременно и яйцеклетки и сперматозоиды. И даже когда один пол отличается от другого, между ними не существует непреодолимых границ, как между различными видами; подобно тому как гаметы формируются из первоначально недифференцированной ткани, самцы и самки представляют собой скорее две вариации на общей основе. У некоторых животных (наиболее типичный случай — *bonelliidae*) зародыш вначале бывает бесполым, и лишь случайные обстоятель-

[К оглавлению](#)

==50

ства развития впоследствии определяют его пол. Сегодня принято считать, что в большинстве видов пол определяется строением генотипа яйца. Яйцо пчелы, размножающейся путем партеногенеза, порождает исключительно самцов; яйцо тли в тех же условиях — исключительно самок. Когда яйца оплодотворяются, примечательно, что, за исключением разве что некоторых пауков, число рождающихся особей мужского и женского пола практически одинаково. Дифференциация происходит за счет того, что один из двух типов гамет гетерогенен — у млекопитающих иметь то мужской, то женский потенциал может сперматозоид. Пока не выяснено, что именно в ходе сперматогенеза или овогенеза определяет судьбу гетерогенных гамет, во всяком случае, статистические законы Менделя достаточно хорошо объясняют их равномерное распределение. Для обоих полов оплодотворение и начало эмбрионального развития протекают одинаково; эпителиальные ткани, которые впоследствии разовьются в гонады, вначале не дифференцируются; и лишь на определенной стадии созревания начинают формироваться семенники или, еще позже, намечается яичник. Это объясняет тот факт, что между гермафродитизмом и гонохоризмом существует целый ряд промежуточных вариантов. Очень часто у одного пола появляются некоторые органы, характерные для противоположного пола: самый поразительный тому пример — случай жабы. Наблюдения показали наличие у самца атрофированного яичника, названного органом Биддера, который можно искусственно заставить производить яйца. Признаки подобного полового бипотенциала сохранились и у млекопитающих: например, *uterus masculinus* («мужская матка»), грудные железы у самца, а у самки канал Гартнера и клитор. Даже в видах с наиболее четко выраженным половым диморфизмом встречаются особи, одновременно являющиеся самцом и самкой, — случаи интерсексуальности достаточно многочисленны у животных и у человека; а у бабочек и ракообразных встречаются примеры гинандроморфизма, при которых мужские и женские признаки располагаются, так сказать, в мозаичном порядке. Дело в том, что плод с уже определившимся генотипом в то же время испытывает влияние среды, из которой черпает свою субстанцию: известно, что у муравьев, пчел, термитов от способа питания зависит, превратится ли личинка в полноценную самку или ее половое созревание будет заторможено, а сама она низведена до уровня работницы. Влияние в данном случае распространяется на весь организм в целом: у насекомых пол сомы определяется на очень ранней стадии и не зависит от гонад. У позвоночных регулирующим фактором в основном являются гормоны, выделяемые гонадами. Целый ряд опытов показал, что, производя изменения в эндокринной среде, удастся воздействовать на формирование пола. Другие опыты по пересадке и кастрации, производимые на взрослых животных, привели к современной теории пола; у позвоночных сома самцов и самок идентична, ее можно рассматривать как нейтральный эле-

==51

мент; половые признаки она получает под воздействием гонады; некоторые вырабатываемые гормоны действуют как стимуляторы, другие тормозят процесс; сам половой путь по природе своей соматичен, и эмбриология показывает, что он формируется под воздействием гормонов, первоначально обладая свойствами обоих полов. В случае же если не было достигнуто гормональное равновесие и ни один из половых потенциалов в полной мере не реализовался, мы имеем дело с явлением интерсексуальности.

Когда же заканчивается процесс формирования, мужские и женские организмы, численно равные в пределах вида и прошедшие сходное развитие от идентичных основ, в сущности, представляются аналогичными. И те и другие характеризуются наличием желез, вырабатывающих гаметы, будь то яичник или семенники, а процессы сперматогенеза и овогенеза протекают, как мы уже видели, аналогично; железы эти выпускают свой секрет в канал, более или менее сложно организованный в зависимости от видовой иерархии, — у самки яйцо попадает прямо в яйцевод или же содержится прежде в клоаке или в матке; самец выпускает свое семя наружу, или же у него есть копуляторный орган, позволяющий ввести его в организм самки. Итак, структурно самцы и самки представляют собой два комплементарных типа. Чтобы уловить их своеобразие, следует рассмотреть их с точки зрения функций.

Чрезвычайно трудно дать универсальное определение понятия «самка». Определить ее как носительницу яйцеклеток, а самца — как носителя сперматозоидов совершенно недостаточно, так как отношение между организмом в целом и гонадами может сильно варьироваться. И наоборот, дифференциация гамет напрямую не затрагивает организма. Иногда, правда, считалось, что поскольку яйцеклетка больше сперматозоида, то она поглощает больше жизненных сил, но так как сперматозоидов вырабатывается несравнимо больше, затраты организма того и другого пола уравниваются. Еще пытались увидеть в сперматогенезе пример расточительства, а в овуляции — образец экономии; однако в этом явлении есть и своего рода бессмысленная щедрость: огромное большинство яйцеклеток никогда не будет оплодотворено. Во всяком случае, гаметы и гонады еще не дают нам полного представления о микрокосме организма. Его-то непосредственно и следует изучать.

Когда смотришь на различные уровни животного древа, бросается в глаза одна примечательная особенность: чем выше, тем более индивидуализирована жизнь. Внизу она всецело направлена на поддержание вида, наверху она проявляется через отдельные особи. У низших животных организм почти низведен до уровня воспроизводящей машины — в этом случае существует примат яйцеклетки, а значит, самки, поскольку для чистого повторения жизни предназначена прежде всего яйцеклетка; но тогда вся она представляет собой одну сплошную брюшную полость и сущест-

вование ее всецело поглощено постоянной работой по чудовищной овуляции. По сравнению с самцом она приобретает гигантские размеры; но часто члены ее остаются в рудиментарном состоянии, тело представляет собой бесформенный мешок, все органы дегенерируют ради развития яиц. В действительности, хотя самец и самка — это два отдельных организма, в данном случае их вряд ли можно рассматривать как две особи, они составляют единое целое с неразрывно связанными элементами — перед нами промежуточные случаи между гермафродитизмом и

гонохоризмом. Так, у представителей семейства entoniseidae, которые паразитами живут на крабах, самка — это нечто напоминающее белесую колбаску, окруженное чешуйками-инкубаторами, скрывающими в себе тысячи яиц; среди чешуек располагаются крошечные самцы и личинки, производящие самцов им на смену. Еще более ярко выражено порабощение карликового самца в семействе edriolyni: он прикрепляется у жаберной крышки самки, не имеет собственного пищевода, и роль его сводится исключительно к воспроизводству. Но во всех этих случаях самка порабощена не меньше его; она вся во власти вида; если самец прикован к своей супруге, то и сама она тоже прикована либо к живому организму, которым как паразит питается, либо к минеральному субстрату; всю себя она расходует на производство яиц, которые оплодотворяет крошечный самец. Когда жизнь принимает более сложные формы, намечается автономия каждой особи и связь между полами ослабляется; однако у насекомых оба они еще всецело подчинены производству яиц.

Часто, как, например, у поденок, оба супруга погибают сразу после совокупления и кладки яиц; иногда, как, например, у коловраток и комаров, самец, не имеющий пищеварительного тракта, погибает после оплодотворения, тогда как самка, обладающая способностью питаться, выживает — а все потому, что образование яиц и их кладка занимают какое-то время; мать гибнет, как только будет обеспечена судьба следующего поколения. Привилегированное положение, которое имеет самка многих насекомых, объясняется тем, что оплодотворение обычно протекает очень быстро, тогда как овуляция и кладка яиц требуют долгих усилий. Огромная, раскормленная царица термитов, производящая по одному яйцу в секунду до тех пор, пока не станет бесплодной и ее безжалостно не уничтожат, такая же рабыня, как и карликовый самец, прицепившийся к ее животу и оплодотворяющий яйца по мере их выбрасывания. В матриархате, который представляют собой муравейники и ульи, самцы всем только мешают и каждый сезон их убивают. В момент брачного лета все муравьи-самцы вылетают из муравейника к самкам; если им удастся нагнать и оплодотворить самку, они сразу же, истощенные, погибают; если нет, рабочие самки не пускают их обратно — убивают на пороге или оставляют умирать с голоду. Но и оплодотворенную самку ждет печальная участь: она в одиночестве за-

==53

рывается в землю и часто погибает от истощения, откладывая первые яйца; если же ей удастся создать новый муравейник, она живет там двенадцать лет взаперти, беспрестанно откладывая яйца.

Работницы, являющиеся самками с атрофированными половыми признаками, живут четыре года, но жизнь их всецело посвящена выращиванию личинок. То же самое у пчел; трутень, настигающий в своем брачном лете царицу, истерзанный падает на землю; остальных трутней принимают обратно в улей, где они ведут праздное никчемное существование, — в начале зимы с ними расправляются. Но и недоразвитые рабочие пчелы покупают право на жизнь ценой непрерывной работы; царица на самом деле — тоже раба улья; она беспрестанно откладывает яйца; а когда умирает старая царица и сразу много личинок выкармливаются так, чтобы быть способными претендовать на ее место, та, что вылупится первой, приканчивает остальных в колыбели. У гигантского паука самка откладывает яйца в мешок до тех пор, пока они не созревают; она гораздо крупнее и сильнее самца и иногда пожирает его после совокупления. Те же нравы наблюдаются и у богомола, вокруг которого сложился миф о всепожирающем женском начале; яйцеклетка оскопляет сперматозоид, самка богомола убивает супруга — эти факты якобы являются прообразом женской мечты о кастрации. Но в действительности такую жестокость самка богомола проявляет в основном в неволе; на свободе, имея достаточно обильное питание, она

лишь изредка решает употребить в пищу самца; если она и съедает его, то делает это, как одинокая самка муравья, съедающая несколько собственных яиц, чтобы иметь силы откладывать новые яйца и обеспечивать постоянство вида. Видеть в этом предвестие «войны полов», сталкивающей между собой особей как таковых, — сущий бред. Нельзя говорить, что у муравьев, пчел или термитов, у паука или богомола самка поработает и пожирает самца — их обоих разными путями пожирает вид. Самка живет дольше и кажется важнее самца, но у нее нет ни малейшей самостоятельности; вся жизнь ее уходит на откладывание яиц, выведение личинок и заботу о них; все прочие ее функции полностью или частично атрофированы. В самце же, наоборот, проглядывает намек на индивидуальное существование. Часто в оплодотворении он проявляет больше инициативы, чем самка; он сам ищет ее, атакует, осязает, хватается за нее и навязывает ей совокупление; иногда ему приходится сражаться с другими самцами. Сравнительно с самкой органы передвижения, осязания, хватания развиты у него лучше; многие бабочки-самки бескрылы, тогда как у их самцов есть крылья; окраска, надкрылья, лапки, щупальца у самцов развиты больше; а иногда все это богатство сопровождается ничемным блеском роскошных цветов. Если не считать мимолетного совокупления, жизнь самца бесполезна и бессмысленна. По сравнению с прилежанием рабочих пчел праздность трутней имеет заметное преимущество; но преимущество это постыдно, и часто самец жизнью

==54

расплачивается за свое ничтожество, в котором проглядывает независимость. Вид, держащий в рабстве самок, карает самца за попытку этого рабства избежать — и грубо с ним расправляется.

На более развитых ступенях развития размножение становится производством дифференцированных организмов; оно делается двуликим; обеспечивая постоянство вида, воссоздает новые особи; эта новая сторона процесса утверждается по мере того, как все более индивидуальные черты приобретает каждая отдельная особь. Поразительно, что эти два момента обеспечения постоянства и созидания нового разделяются; такое разделение, намеченное уже в момент оплодотворения яйца, содержится в комплексе явлений, связанных с производением потомства. И вызвано оно не структурой яйцеклетки — самка, как и самец, обладает определенной автономией, и связь ее с яйцеклеткой ослабляется. Самки рыб, земноводных, птиц — это уже далеко не только брюшная полость; и чем слабее ощущается связь матери с яйцом, чем менее всепоглощающим становится процесс изгнания плода, тем больше неопределенности наблюдается в отношениях родителей и их потомства. Случается, что заботы о новых ростках жизни берет на себя отец — так часто бывает у рыб. Вода является вполне подходящей средой для того, чтобы переносить яйцеклетки и сперму и обеспечивать их встречу; в водной среде оплодотворение почти всегда наружное; рыбы не совокупляются — самое большее они могут потереться друг о друга, чтобы друг друга стимулировать. Мать выпускает яйцеклетки, отец — семя — роль их одинакова. Признавать яйца своими у матери оснований не больше, чем у отца. В некоторых видах родители бросают свои яйца, и те развиваются без посторонней помощи; иногда мать заранее готовит им гнездо; иногда, бывает, она заботится о них после оплодотворения; но очень часто ими занимается отец: сразу же после оплодотворения он подальше отгоняет самку, которая норовит их съесть, и рьяно защищает от всякого, кто к ним приблизится; есть и такие, что строят гнездо-убежище, выпуская пузырьки воздуха, покрытые изолирующим веществом; а бывает, что они вынашивают яйца во рту или, как морской конек, в складках живота. Аналогичные явления наблюдаются у земноводных: настоящего совокупления они не знают; самец обвивает самку и своими объятиями стимулирует кладку яиц: по мере того как яйца изгоняются из клоаки, он изгоняет семя. Очень часто — в частности, у жаб, известных под названием жаб-повитух, — отец наматывает себе на лапы цепочки яиц, переносит их за собой и обеспечивает выведение потомства. У птиц

образование яйца внутри организма самки происходит довольно медленно, яйцо бывает относительно крупное и изгоняется достаточно тяжело; с матерью у него связь гораздо более тесная, чем с отцом, оплодотворившим его во время быстрого совокупления. Обычно самка высиживает яйцо, потом заботится о птенцах, отец же принимает участие в строительстве гнезда, в защите и питании птенцов; в редких случаях — на-

==55

пример, у воробылных — он и высиживает яйца, и выращивает птенцов. Зоб самца и самки голубя выделяет нечто вроде молока, которым они кормят птенцов. Примечательно, что во всех случаях, когда отец играет роль кормильца, на весь период заботы о потомстве сперматогенез прекращается; занятый поддержанием жизни, он не испытывает потребности порождать ее новые формы.

Наиболее сложные формы и наиболее конкретное индивидуальное выражение жизнь получает у млекопитающих. И тогда разрыв между двумя жизненно важными моментами — поддержания и сотворения — окончательно закрепляется в разделении полов. В этом классе животных — если брать только позвоночных — мать поддерживает со своим потомством самую тесную связь, а отец более чем где-либо устраняется от этих забот; весь организм самки приспособлен к нуждам материнства и регулируется ими, тогда как половая инициатива достается в удел самцу. Самка — это жертва вида. На протяжении одного или двух сезонов, в зависимости от вида, вся жизнь ее определяется половым циклом — циклом астральным, продолжительность которого, как и периодичность, варьируется от вида к виду; цикл этот распадается на две фазы: во время первой фазы созревают яйцеклетки (в разном для каждого вида количестве), а в матке идет процесс подготовки к имплантации; во время второй фазы происходит омертвление жировых клеток, приводящее к изгнанию из организма получившегося таким образом вещества в виде белых выделений. Эструс соответствует периоду течки; но течка у самки носит пассивный характер; она готова принять самца, она ждет его; бывает даже у млекопитающих — как и у некоторых птиц, — что она домогается его; но это ограничивается призывными криками, демонстрацией себя и своего желания — навязать совокупление она неспособна. В конечном счете решение зависит от него. Мы видели, что даже у насекомых, где самка, полностью принося себя в жертву виду, обеспечивает себе большие преимущества, оплодотворение обычно исходит от самца; у рыб он часто побуждает самку к метанию икры своим присутствием или прикосновением; у земноводных выполняет функцию стимулятора. У птиц же и млекопитающих он просто навязывает себя самке; часто она терпит его равнодушно, а то и сопротивляется. Но даже если она провоцирует и соглашается, все равно *берет* он — а она бывает *взята*. Часто это слово очень точно выражает суть явления: может быть, оттого, что у самца есть соответствующие органы, может быть, оттого, что он сильнее, он хватает самку и не дает ей двигаться; он же и совершает активные движения при совокуплении; у многих насекомых, у птиц и млекопитающих он проникает в нее. Она предстает как внутренняя цельность, над которой совершается насилие. Насилие это — не над видом, ибо вид сохраняет свое постоянство, лишь постоянно воспроизводя себя, он умер бы, если бы яйцеклетки и сперматозоиды не встретились. Однако, призванная оберегать яйцо, самка скрывает его в себе,

==56

и ее тело, служащее укрытием для яйцеклетки, изолирует ее также и от оплодотворяющего воздействия самца.

Таким образом, тело это представляет собой сопротивление, которое необходимо сломить, а проникая в него, самец реализует себя как активную силу. Его доминирующее положение выражается в самой позе совокупления: почти у всех животных самец располагается *над* самкой. Орган, используемый при этом, разумеется, материален, но здесь он представляется как нечто неодушевленное — это инструмент; тогда как женский орган в этой операции выступает как инертное принимающее устройство. Самец изливает туда семя — самка принимает его. Таким образом, хотя роль самки в производстве потомства фундаментально активна, она терпит совокупление, которое отчуждает ее от самой себя через проникновение и внутреннее оплодотворение. Хотя она и испытывает половое влечение как индивидуальную потребность, поскольку во время течки ей случается самой искать самца, половое приключение она переживает в данный конкретный момент как факт внутренней жизни, а не как связь с миром и другими. А фундаментальное различие между самцом и самкой млекопитающих заключается в том, что сперматозоид, через который жизнь самца трансцендирует в другое существо, отделяется от его тела и в то же самое мгновение становится ему чужим; таким образом, в тот момент, когда он выходит за пределы своей индивидуальности, он снова в ней замыкается. Яйцеклетка же, напротив, начинает отделяться от самки, когда, созрев, освобождается из фолликула и попадает в яйцевод; но при попадании в нее чуждой гаметы она обосновывается в матке — претерпев насилие, самка переживает отчуждение от самой себя. Она носит плод в своем чреве до определенной стадии созревания, различной для каждого вида, — морские свинки рождаются почти взрослыми, а щенки — близкими к зародышевому состоянию. На протяжении всего периода беременности в самке живет другое существо, питающееся ее субстанцией, а значит, она одновременно является и не является самой собой. После родов она кормит новорожденного молоком из своих сосков. Получается, что даже непонятно, когда его можно считать чем-то автономным — в момент оплодотворения, рождения или отнятия от груди. Примечательно, что, чем больше самка проявляется как отдельная особь, тем более властно заявляет о себе живая преемственность, невзирая ни на какую индивидуализацию; рыбы и птицы, изгоняющие девственные яйцеклетки или оплодотворенные яйца, находятся в меньшей зависимости от своего потомства, чем самка млекопитающих. После рождения детенышей последняя вновь обретает самостоятельность — и тогда между нею и ними устанавливается дистанция; и именно с момента их отделения она посвящает себя им; занимаясь ими, она проявляет инициативу и изобретательность, сражается, защищая их от других животных,

==57

и даже становится агрессивной. Но обычно она не стремится утвердить свою индивидуальность; она не противопоставляет себя самцам или другим самкам; у нее почти нет боевого инстинкта¹; вопреки утверждениям Дарвина, ныне признанным ложными, она, не особенно выбирая, соглашается на любого самца. И дело не в том, что она не обладает индивидуальными особенностями, — напротив, в периоды, свободные от бремени материнства, она порой может сравняться с самцом; кобыла бегает так же быстро, как жеребец, у охотничьей суки такой же нюх, как и у кобеля; самки обезьяны при тестировании оказываются такими же умными, как и самцы. Просто эта индивидуальность не нуждается в самоутверждении — самка отрекается от нее для пользы вида, который требует этого отречения.

У самца судьба совершенно иная; мы только что видели, что даже в самом выходе за пределы своего «я» он отделяется и утверждает в себе самом. Черта эта постоянна от насекомых до высших животных. Даже рыбы и китообразные, живущие косяками, безвольно слившись с коллективом, вырываются из него в брачный период; они уединяются и становятся агрессивными

по отношению к другим самцам. Если у самки пол проявляется непосредственно, то у самца он носит опосредованный характер; между желанием и его утолнением существует дистанция, которую он активно заполняет; он двигается, ищет самку, трогает, ласкает, удерживает ее и, наконец, в нее проникает; органы, отвечающие за быстроту реакции, передвижение и хватание, у него часто развиты лучше. Примечательно, что живой импульс, вызывающий в нем умножение сперматозоидов, выражается также в появлении яркого оперения, блестящей чешуи, рогов, гривы, в пении и возбужденном поведении. Сейчас уже не считается, что «свадебный наряд», в который он облачается в брачный период, или повадки обольстителя имеют перед собой какую-либо селекционную цель — они являются проявлением жизненной мощи, которая обильно и пышно расцветает в нем в этот период. Такая жизненная щедрость, активность в преддверии совокупления и утверждение своего превосходства и власти в самом акте — вот составляющие, на основе которых личность полагает себя как таковую в момент выхода за пределы своего «я». И в этом смысле прав Гегель, увидевший в самце элемент субъективный и считавший самку пленницей вида. Субъективность и разделение сразу означают конфликт. Агрессивность — это один из признаков самца в брачный период; ее нельзя объяснить соревнованием, поскольку число самок практически равно числу самцов; скорее соревнование объясняется этой воинственностью. Можно подумать, что, ¹ Некоторые куры спорят из-за лучших мест в курятнике и с помощью клюва устанавливают в своих рядах иерархию. Бывают также коровы, которые в отсутствие самцов силой завоёвывают себе место во главе стада.

==58

перед тем как породить потомство, самец, требующий, чтобы акт продления вида был его собственным актом, отстаивает в борьбе с себе подобными истинность своей индивидуальности. Вид пребывает в самке и поглощает значительную часть ее индивидуальной жизни; самец же, наоборот, вовлекает в свою индивидуальную жизнь специфические жизненные силы. Разумеется, и он подвластен законам, превосходящим его самого, в нем происходит сперматогенез, периодически наступает период гона; но в этих процессах организм в целом задействован гораздо меньше, чем в эстральном цикле; производство сперматозоидов не требует никаких усилий, как, впрочем, и овогенез в чистом виде, а вот развитие яйца и превращение его во взрослое животное является для самки изнурительным трудом. Совокупление представляет собой быструю операцию, не снижающую жизненной силы самца. Он почти совсем не проявляет отцовского инстинкта. Очень часто он покидает самку после совокупления. Когда же он остается возле нее как глава семейной группы (моногамной семьи, гарема или стада), то играет роль покровителя и кормильца по отношению к коллективу в целом и редко интересуется непосредственно детенышами. В этих благоприятных для расцвета индивидуальной жизни видах стремление самца к самостоятельности — которое у низших животных стоит ему жизни — увенчивается успехом. Он обычно больше, крепче, быстрее, отважнее самки; ведет более независимый образ жизни, больше волен выбирать себе занятия, в нем больше победительности, больше властности — в обществах животного мира повелевает всегда он.

В природе ничто не бывает ясно до конца: два типа, самец и самка, не всегда четко различаются; иногда между ними наблюдается диморфизм — в окраске, расположении пятен и крапинок, — который кажется совершенно случайным; а бывает, что они неразличимы и различие в их функциях так же незначительно, как — мы уже видели — у рыб. Однако в целом и в особенности на высших уровнях животного древа два пола представляют собой два разных аспекта жизни вида. Они противопоставляются друг другу не как активность и пассивность, как неоднократно утверждалось; мало того что активно ядро яйцеклетки, развитие зародыша также является живым, а не механическим процессом. Было бы слишком просто противопоставить их как изменчивость и

постоянство: сперматозоид созидает, лишь поскольку его жизнеспособность поддерживается в яйце; яйцеклетка не может поддерживать свое существование, не превосходя самое себя, иначе она регрессирует и дегенерирует. Однако справедливо, что в этих равно активных операциях — поддержания и созидания — синтез становления совершается по-разному. Поддерживать — значит отрицать дисперсность времени и в потоке мгновений утверждать непрерывность; созидать — значит выявить во временном единстве отдельное, неделимое настоящее; и справедливо

==59

также, что в самке прежде всего стремится к реализации непрерывность жизни, а не разделение на составные части (сепарация); тогда как любая новая, индивидуализированная сила выделяется из целого по инициативе самца, то есть ему дозволено утверждать себя в своей автономности; эту специфическую энергию он привносит в свою жизнь. Индивидуальность самки, напротив, оспаривается интересами вида; она оказывается во власти посторонних сил — то есть отчуждена. И поэтому, когда индивидуальность организмов становится более ярко выраженной, противоположность полов не сглаживается, а наоборот. Самец находит все больше и больше путей для применения сил, которые оказываются в его распоряжении; самка все больше и больше чувствует свою поработченность; заложенный в ней конфликт между собственными интересами и интересами продолжения рода обостряется. У коров и лошадей роды гораздо болезненнее и опаснее, чем у мышей и кроликов. Женщина — самая индивидуализированная из самок — является также и наиболее уязвимой, драматичнее других переживает свою участь и наиболее кардинально отличается от своего самца.

У людей, как и в большинстве видов, представителей каждого пола рождается примерно поровну (100 девочек на 104 мальчика); развитие зародышей происходит аналогично; правда, у зародышей женского пола первичный эпителий дольше остается нейтральным; из этого следует, что он дольше испытывает влияние гормональной среды и что направление его развития чаще может быть изменено; предполагается, что большая часть гермафродитов имела женский генотип и маскулинизировалась впоследствии — создается впечатление, что организм мужского пола сразу определяется как таковой, тогда как зародыш женского пола колеблется, прежде чем принять свой пол; но об этих первых проявлениях жизни плода пока еще слишком мало известно, чтобы можно было делать какие-то выводы. Когда складывается система половых органов, оказывается, что у обоих полов она аналогична; и те и другие гормоны принадлежат к одной и той же химической группе — группе стероидов — и являются в конечном счете продуктом холестерина; от них зависит дифференциация вторичных половых признаков. Ни их формула, ни особенности анатомического строения не определяют самку человека как таковую. Лишь функциональное развитие отличает ее от самца. Мужчина развивается сравнительно просто. С рождения до половой зрелости он более или менее равномерно растет; к пятнадцати-шестнадцати годам начинается сперматогенез, который непрерывно продолжается до старости; его наступление сопровождается выработкой гормонов, определяющих мужскую конституцию сомы. С этого момента мужчина живет половой жизнью, которая, как правило, составляет часть его индивидуального существования: в желании и совокуплении его выход за пределы своего «я» к виду совпадает

[К оглавлению](#)

==60

с субъективным моментом трансценденции — он *есть* тело. У женщины все гораздо сложнее. Уже на стадии зародыша окончательно определяется запас ооцитов; в яичнике содержится около пятидесяти тысяч заключенных в фолликулы яйцеклеток, из которых примерно четыреста достигнут зрелости; вид берет власть над женщиной с момента ее рождения и сразу пытается утвердиться; при появлении на свет женщина переживает нечто вроде первого полового созревания; ооциты внезапно начинают расти; потом яичник сокращается примерно на одну пятую — как будто ребенку дают передышку. В то время как женский организм развивается, система половых органов остается почти без изменений — некоторые фолликулы раздуваются, но зрелости не достигают. Рост девочки аналогичен росту мальчика: в одном и том же возрасте она часто бывает выше и весит больше, чем он. Но в момент наступления половой зрелости вид снова вступает в свои права: под влиянием выделений яичника увеличивается число фолликулов, начавших расти, яичник наливается кровью и увеличивается в объеме, одна яйцеклетка достигает зрелости, и начинается менструальный цикл; система половых органов приобретает окончательные размеры и форму. Сома становится женской, устанавливается эндокринное равновесие. Примечательно, что это событие имеет характер *кризиса*; тело женщины сопротивляется, прежде чем дать виду обосноваться в нем; борьба ослабляет ее, подвергает опасности.

До наступления половой зрелости мальчиков и девочек умирает примерно одинаково; от четырнадцати до восемнадцати лет умирает 128 девочек на 100 мальчиков, а с восемнадцати до двадцати двух — 105 девочек на 100 мальчиков. Именно в этот момент часто появляются анемия, туберкулез, сколиоз, остеомиелит и пр. У одних субъектов половая зрелость наступает намного раньше нормального срока — в четыре-пять лет. У других, наоборот, никак не может начаться — тогда субъект инфантилен, страдает аменореей или дисменореей. У некоторых женщин наблюдаются признаки вирилизма: излишние выделения коры надпочечников сообщают им мужские вторичные половые признаки. Эти аномалии абсолютно не означают победу индивида над тиранией рода — ее никак нельзя избежать, ибо, поработав индивидуальную жизнь, она в то же время ее питает. Этот дуализм выражается на уровне функций яичника; у женщины жизненная сила коренится в яичнике, как у мужчины — в семенниках; в обоих случаях оскотелый индивид не просто бесплоден — он регрессирует и дегенерирует. Несформированный, плохо сформированный организм ощущает себя обездоленным и выведенным из равновесия; он живет полноценной жизнью лишь при условии полного функционирования половой системы; и в то же время многие явления полового цикла не представляют никакой пользы для индивидуальной жизни субъекта и даже подвергают его опасности.

==61

Молочные железы, которые развиваются в момент полового созревания, не играют никакой роли в индивидуальной организации женского организма: в любой момент жизни их можно ампутировать. Многие выделения яичника имеют своей единственной целью созревание яйцеклетки и приспособление матки к ее нуждам: для организма в целом они скорее являются не регулирующим, а нарушающим равновесие фактором; женщина больше приспособлена к нуждам яйцеклетки, чем к своим собственным. От наступления половой зрелости до климакса женщина представляет собой арену событий, разворачивающихся внутри ее, но к ней лично отношения не имеющих. Англосаксы зовут менструацию the curse — «проклятие»; и действительно, менструальный цикл не преследует никакой индивидуальной цели. Во времена Аристотеля

считалось, что каждый месяц уходит та кровь, что в случае оплодотворения составила бы кровь и плоть младенца; истинность этой старой теории заключается в том, что организм женщины беспрестанно трудится над намечающейся беременностью.

У других млекопитающих астральный цикл длится всего лишь один сезон; он не сопровождается кровянистыми выделениями — только у высших обезьян он повторяется ежемесячно и несет с собой боль и кровь ^ В течение примерно четырнадцати дней один из граафовых пузырьков, заключающий в себе яйцеклетку, увеличивается в объеме и созревает, тогда как яичник секретит гормон, образующийся на уровне фолликулов и называемый фолликулином, На четырнадцатый день происходит овуляция: стенки фолликула разрываются (что иногда сопровождается легким кровоизлиянием), яйцо попадает в трубы, в то время как лопнувший фолликул развивается в желтое тело. Тогда начинается вторая, или лютеиновая, фаза, характеризующаяся секрецией гормона прогестерона, действующего на матку. Матка видоизменяется: капилляры стенки наливаются кровью, сама стенка матки сморщивается, собирается в складки, образуя нечто вроде кружев; так в матке создается колыбель, готовящаяся принять оплодотворенное яйцо. Поскольку эти клеточные превращения носят необратимый характер, в случае если оплодотворения не происходит, все эти образования не рассасываются — возможно, у других млекопитающих ненужные остатки выводятся через лимфатические сосуды. У женщины же, когда рушатся эндометральные (то есть на слизистой оболочке стенки матки) кружева, происходит отслоение слизистой оболочки, лопаются капилляры и масса крови просачивается наружу. Затем, пока дегенерирует желтое тело, слизистая оболочка восстанавливается, и начинается новая фолли

¹ Анализ этих явлений далеко продвинулся за последние годы благодаря сопоставлению процессов, происходящих у женщины, с теми, что наблюдаются у высших обезьян, а именно у резусов. «Разумеется, на этих животных экспериментировать легче», — пишет Луи Гальен («Пол»).

==62

nr

кулярная фаза. Этот сложный процесс, еще достаточно таинственный в некоторых тонкостях, приводит в движение весь организм, ибо сопровождается секрецией гормонов, которые воздействуют на щитовидную железу и гипофиз, на центральную и вегетативную нервную систему, а следовательно, на все внутренние органы.

Почти все женщины — более 85 процентов — испытывают в этот период недомогание. Перед началом кровянистых выделений артериальное давление повышается, затем падает; частота пульса и нередко температура повышаются — известны случаи появления жара; низ живота начинает болеть; наблюдается тенденция к запору, а потом к расстройству желудка; бывает также увеличение печени, задержка мочи, альбуминурия. У многих возникает гиперемия слизистой оболочки (болезнь горла), у некоторых — нарушение слуха и зрения; потовыделение увеличивается и в начале месячных сопровождается специфическим запахом, который может оказаться очень сильным и сохраняться до конца менструации. Основной обмен веществ увеличивается. Число красных телец сокращается; в то же время кровь переносит вещества, обычно содержащиеся в тканях, в частности соли кальция; наличие этих солей воздействует на яичник и на щитовидную железу, которая гипертрофируется, на гипофиз, управляющий

изменением слизистой оболочки стенки матки, деятельность которого активизируется; такая нестабильность желез приводит к сильной нервной возбудимости — затронута центральная нервная система, часто бывают головные боли, реакция вегетативной нервной системы возрастает; наблюдается снижение автоматического контроля со стороны центральной нервной системы, таким образом, высвобождаются рефлекс и конвульсивные комплексы, что выражается в сильных перепадах настроения — женщина более возбудима, более нервна и раздражительна, чем обычно, у нее могут случаться серьезные психические расстройства. В этот период она особенно мучительно ощущает свое тело как нечто непроницаемое и отчужденное; оно становится добычей посторонней жизни, которая каждый месяц упрямо снова и снова строит в нем свою колыбель; каждый месяц подготавливается рождение ребенка, и каждый месяц вместе с красными кружевами происходит его выкидыш; женщина, как и мужчина, есть тело¹, но тело ее — это нечто другое, чем она сама.

Известно женщине и более глубокое отчуждение, когда оплодотворенное яйцо опускается в матку и там развивается. Конечно, беременность — это нормальное явление, которое, протекая в условиях

¹ «Итак, я — это мое тело, во всяком случае в меру моего опыта, и наоборот, мое тело — это нечто вроде естественного субъекта, предварительного наброска моего существа в целом» [*Мерло-Понти* и. Феноменология восприятия).

==63

нормального здоровья и питания, не приносит вреда матери; между нею и плодом даже устанавливается благотворное для нее взаимодействие. И все же вопреки оптимистической теории, явно имеющей социальную направленность, беременность представляет собой изнурительный труд, не приносит женщине никакой индивидуальной пользы¹, а, напротив, требует тяжелых жертв. В первые месяцы она часто сопровождается отсутствием аппетита и рвотой, чего не бывает ни у одной другой самки и что выражает бунт организма против овладевающего им рода; уменьшается содержание в организме фосфора, кальция, железа, причем последний дефицит впоследствии трудно восполнить; сверхактивный обмен веществ действует на эндокринную систему; нервная система находится в состоянии повышенной возбудимости; что касается крови, ее удельный вес уменьшается, возникает анемия, кровь становится похожа на «кровь недоедающих, истощенных, претерпевших неоднократные кровопускания, выздоравливающих после болезни»².

Единственное, на что может надеяться здоровая и хорошо питающаяся женщина, — это без особого труда восполнить после родов все эти затраты. Но часто во время беременности возникают серьезные осложнения или по меньшей мере опасные нарушения; и если женщина недостаточно сильна или не очень тщательно следит за гигиеной, материнство может преждевременно деформировать ее и состарить — известно, как часто это бывает в деревнях. Сами роды болезненны — и опасны. В этот кризисный момент особенно отчетливо видно, что тело не всегда удовлетворяет и род и индивид вместе; случается, что ребенок умирает, или при появлении на свет убивает свою мать, или его рождение влечет за собой хронические заболевания. Кормление грудью также представляет собой изнурительный труд; целый ряд факторов, главный из которых, вероятно, появление нового гормона — прогестерона, вызывает выделение молока в молочных железах; прилив молока бывает болезненным и часто сопровождается жаром, кормящая женщина вскармливает новорожденного за счет своих собственных жизненных сил. Конфликт род—индивид, который при родах часто принимает драматические формы, делает женское тело

хрупким и уязвимым. Часто случается слышать, что у женщин «боли в животе»; и действительно, она заключает в себе враждебный элемент — ее изнутри подтачивает род. Многие женские болезни происходят не от заражения извне, а от внутренних нарушений — так, ложный метрит является реакцией слизистой оболочки стенки матки на чрезмерное возбуждение яичника; если желтое тело не рассосется после менструа-

¹ В данном случае я стою на чисто физиологической точке зрения. Разумеется, психологически материнство может быть для женщины чрезвычайно благотворно, как может оказаться и большим бедствием.

² См.: *H. Vignes. Traité de Physiologie*, t. XI, dirigé par Roger et Binet.

==64

ции, а останется в организме, это приведет к сальпингиту, эндометриту и т.д.

Освобождается из-под власти рода женщина также через тяжелый кризис; между сорока пятью и пятьюдесятью годами протекает процесс климакса, обратный процессу полового созревания. Деятельность яичника сокращается, а то и совсем прекращается — и это прекращение влечет за собой снижение жизненной активности организма. Предполагается, что железы внутренней секреции — щитовидная железа и гипофиз — стараются восполнить недостаточность яичника; и таким образом, рядом с климактерической депрессией наблюдаются явления резкого скачка: климактерические приливы, приступы гипертонии, повышенная нервозность; иногда отмечается обострение полового инстинкта. У некоторых женщин при этом происходит ожирение тканей, другие становятся мужеподобны. У многих восстанавливается эндокринное равновесие. И тогда женщина оказывается избавленной от тяжких обязанностей самки; ее нельзя сравнивать с евнухом, ибо ее жизненная сила остается неприкосновенной; в то же время она больше не является добычей превосходящих ее сил — она совпадает сама с собой. Иногда говорили, что пожилые женщины образуют «третий пол»; и действительно, они не самцы, но уже и не самки; и часто эта физиологическая автономия выражается в здоровье, равновесии и бодрости, которых у них раньше не было.

На чисто половые отличия у женщины накладываются особенности, прямо или косвенно из них вытекающие, — это гормональные воздействия, определяющие ее сом. В среднем она ниже мужчины ростом, меньше весит, у нее более хрупкий скелет, таз шире, приспособлен к функциям беременности и родов; в соединительных тканях накапливается жир, что делает формы более округлыми, чем у мужчины; общий вид — морфология, кожа, волосяной покров и т.д. — совершенно различен у двух полов. Женщина обладает гораздо меньшей, чем мужчина, мускульной силой — равной примерно двум третям мужской силы; ее дыхательные способности развиты слабее; легкие, трахея и гортань меньше по объему; различием в размерах гортани объясняется и различие голоса. Удельный вес крови у женщин меньше: соответственно, ниже фиксация гемоглобина, а значит, они физически менее крепки, больше предрасположены к анемии. Пульс у них чаще, сосудистая система менее стабильна; они легче краснеют. Поразительно, насколько нестабильность свойственна женскому организму в целом; у мужчины же, помимо всего прочего, наблюдается и стабильный метаболизм кальция; при том что женщина фиксирует гораздо меньше известковых солей, она еще и расходует их при месячных и во время беременности; похоже, что яйцеклетки оказывают на кальций разрушающее действие; эта нестабильность влечет за собой нарушение функций яичника и щитовидной железы, которая у женщины развита больше, чем у мужчины, а нерегулярность эндокринных выделений воздейству-

ет на вегетативную нервную систему; и нервный мышечный контроль осуществляется не в полной мере. Этот недостаток стабильности и контроля влечет за собой эмоциональную возбудимость, напрямую связанную с сосудистыми колебаниями; сердцебиением, покраснением и др., — и отсюда конвульсивные реакции: слезы, приступы смеха, истерики.

Итак, мы видим, что многие из этих черт опять же проистекают из подчиненности женщины роду. Самый поразительный вывод из проведенного исследования заключается в следующем; из всех самок млекопитающих она переживает самое глубокое отчуждение и наиболее неистово ему сопротивляется; ни у одной самки нет столь настойчивого подчинения всего организма функции воспроизводства, ни у одной это порабощение не принимается с таким трудом; кризис полового созревания и климакса, ежемесячное «проклятие», долгая и часто тяжелая беременность, болезненные, а иногда и опасные роды, болезни, осложнения — все это свойственно самке человека. Можно подумать, что судьба ее тем тяжелее, чем больше она ей противится, утверждая себя как индивид. Если сравнить ее с мужчиной, становятся очевидными несравненные преимущества положения последнего; его половая жизнь не противоречит личному существованию; она протекает равномерно, без кризисов и обычно без осложнений. В среднем женщина живет столько же, сколько мужчина; но она гораздо чаще болеет и в течение многих периодов не принадлежит себе.

Эти биологические данные чрезвычайно важны: в истории женщины они играют первостепенную роль и являются наиболее существенным элементом ее ситуации — во всех наших дальнейших рассуждениях нам не раз придется к ним обращаться. Ибо тело — это инструмент, с помощью которого мы подступаем к миру, а мир представляется совершенно по-разному в зависимости от способа его постижения. Поэтому мы так долго занимались исследованием этих данных; в них — один из ключей, помогающих понять женщину. Но мы отрицаем мысль, что они будто бы раз и навсегда определяют ее судьбу. Для установления иерархии полов этих данных недостаточно; они не объясняют, почему женщина — Другой; они не обрекают ее навсегда оставаться в подчиненном положении.

Нередко случалось слышать, будто одной физиологии достаточно, чтобы ответить на вопросы, одинаковы ли у обоих полов шансы на успешную самореализацию и какой пол играет в жизни рода более важную роль. Однако постановка первой проблемы неодинакова в случае женщины и других самок, ибо животные представляют собой полностью сложившиеся виды, которым можно дать статичные описания: достаточно обработать данные наблюдений, чтобы установить, уступает кобыла в скорости

жеребцу или нет, лучше справляются шимпанзе-самцы с интеллектуальными тестами, чем их подруги, или хуже; человечество же постоянно находится в состоянии становления. Некоторые

ученые-материалисты попробовали подойти к проблеме без учета динамики: проникнувшись теорией психофизиологического параллелизма, они попытались установить математические соотношения между мужским и женским организмами — и вообразили, что результаты этих измерений непосредственно выражают их функциональные способности.

Для примера приведу одну из праздных дискуссий, порожденных этим методом. Поскольку предполагалось, что мозг каким-то таинственным способом вырабатывает мысль, казалось очень важным решить, весит ли мозг женщины меньше мужского или столько же. Выяснилось, что в среднем первый весит 1220 граммов, а второй — 1360, причем вес женского мозга колеблется от 1000 до 1500 граммов, а вес мужского — от 1150 до 1700. Но абсолютный вес не показатель — было решено исходить из веса относительного. Выяснилось, что он составляет $1/48,4$ у мужчины и $1/44,2$ у женщины. Казалось бы, преимущество за ней. Нет, требуется еще одна поправка: в подобных сравнениях преимущество всегда на стороне меньшего по размерам организма; чтобы по всем правилам абстрагироваться от тела, сравнивая две группы индивидов, следует разделить вес мозга на вес тела в степени 0,56, в случае если они принадлежат к одному виду. Мужчина и женщина при этом рассматриваются как два разных типа. Все это приводит к следующим результатам;

2. 73

2. 74

1360

Для мужчины: $P 0,56 = 498$

498 1220

Для женщины: $P 0,56 = 446$

446

Получается примерное равенство. Но интерес к этим ученым дебатам был в значительной степени утрачен оттого, что никакой связи между весом мозга и умственным развитием установить не удалось. Точно так же не удастся дать психическую интерпретацию химическим формулам, определяющим мужские и женские гормоны. Мы же категорически отрицаем идею психофизиологического параллелизма; это доктрина, основы которой были давно и окончательно подорваны. Я останавливаюсь на ней лишь потому, что, будучи философски и научно опровергнутой, она все же продолжает не давать покоя многим умам — впрочем, в иных умах сохраняются и более древние пережитки. Мы также отрицаем любую систему координат, подразумевающую существование *природной* иерархии ценностей, например эволюционной иерархии; совершенно бессмысленно задаваться вопросом, является ли женское тело более инфантильным, чем мужское, или

нет, больше или меньше оно приближается к телу высших приматов и т.д. Все эти рассуждения, в которых весьма туманный натурализм перемешан с еще более туманными этикой и эстетикой, — чистейшее словоблудие. Сравнивать самку и самца человека можно лишь в личностной перспективе. Но человек определяется не как изначально данное существо, а как существо, которое само себя делает тем, что оно есть. Как справедливо заметил Мерло-Понти, человек — это не природный вид, это историческая идея. Женщина — это не застывшая реальность, а становление; и только в становлении следует сопоставлять ее с мужчиной, то есть следует определить ее возможности; огромное количество дебатов теряют смысл из-за желания свести женщину к тому, чем она была, или к тому, что она есть сегодня, в то время как речь идет о ее способностях; не подлежит сомнению, что способности проявляются со всей очевидностью, только когда они реализованы, — но не подлежит сомнению также и то, что, рассматривая существо, суть которого есть трансценденция и выход за пределы своего «я», никогда нельзя подводить черту.

В то же время, скажут мне, в принятой мною перспективе — перспективе Хайдеггера, Сартра, Мерло-Понти, — если тело не является *вещью*, оно является ситуацией: оно предопределяет наш подступ к миру и задает направленность нашим проектам. Женщина слабее мужчины; она обладает меньшей мускульной силой, меньшим количеством красных кровяных телец, меньшими дыхательными способностями; она медленнее бежит, поднимает меньший вес, и нет практически ни одного вида спорта, в котором она могла бы соревноваться с мужчиной; не может она и выдержать с ним борьбу. К этой слабости надо еще прибавить нестабильность, недостаточность контроля и уязвимость, о которых мы уже говорили, — все это факты. Таким образом, ее подход к миру оказывается более ограниченным; в ее проектах меньше твердости и настойчивости, да и осуществлять их она менее способна. Получается, что ее индивидуальная жизнь не столь богата, как у мужчины.

По правде говоря, отрицать эти факты невозможно — но их смысл определяется множеством факторов. Как только мы соглашаемся рассматривать личностную перспективу, в которой тело определяется исходя из понятия существования, биология становится абстрактной наукой. Стоит какому-либо физиологическому качеству (меньшая мускульная сила) приобрести определенное значение, как это значение сразу же оказывается зависящим от всего контекста; слабость обнаруживает себя как таковая лишь в свете поставленных перед собой человеком целей, имеющихся в его распоряжении инструментов и установленных им над собой законов. Если бы он не хотел постигать мир, сама идея *подступа* к нему не имела бы смысла; когда же для этого постижения не требуется применения всей полноты телесной силы, в пределах границы используемого минимума различия стираются. Там, где нравы воспрепятствуют насилию, господство не может быть основан-

ным на мускульной энергии — чтобы конкретно определить понятие «слабость», нужны экзистенциальные, экономические и моральные обоснования. Как-то человеческий род был назван словом «антифизис»; оно не совсем точно, ибо человек не может опровергнуть данность, но он определяет данность как истинную в зависимости от того, каким образом он ее на себя принимает; природа реальна для него лишь в той мере, в какой он воспроизводит ее в своем действии, — не составляет исключения и его собственная природа. Абстрактно определить, насколько тяжело для

женщины бремя детородной функции, столь же невозможно, как невозможно определить суть ее подхода к миру. У животных отношение материнства к индивидуальной жизни естественно регулируется циклом течек и сменой времен года — у женщины же оно неопределенно и может быть установлено только обществом. В зависимости от того, требует ли общество большей или меньшей рождаемости, в зависимости от гигиенических условий, в которых протекают беременность и роды, порабощение женщины родом бывает более или менее полным. Итак, если мы можем сказать, что у высших животных индивидуальное существование самца утверждает себя с большей настойчивостью, чем существование самки, то у человека его индивидуальные «возможности» зависят от экономического и социального положения.

Кстати говоря, далеко не всегда индивидуальные привилегии самца обеспечивают ему господствующее положение внутри рода; через материнство самка отвоевывает себе некоторую автономию. Иногда самец навязывает свое господство: так, например, получается в случае обезьян, изученных Цукерманом; но часто определенный образ жизни ведут сообща оба супруга; лев на равных разделяет с львицей заботы о жилище. Здесь опять же случай человека не сводим ни к какому другому виду; люди в первую очередь определяются не как индивиды; мужчины и женщины никогда не сталкивались друг с другом один на один; пара изначально является особым *mitsein*; сама по себе она представляет собой постоянный или переходный элемент более многочисленного коллектива; так кто же — мужчина или женщина — в рамках этих общественных образований более необходим роду? На уровне гамет, на уровне биологических функций зачатия и беременности, мужское начало созидает, чтобы поддерживать, женское — поддерживает, чтобы созидать. Что же происходит с этим разделением в общественной жизни? Для видов, живущих на других организмах или на субстратах, для тех, которым природа дает корм без труда и в изобилии, роль самца ограничивается оплодотворением; когда же надо искать, охотиться, бороться, чтобы обеспечить детенышей необходимым питанием, самец часто помогает в уходе за ними; помощь эта становится совершенно необходимой в тех видах, где дети еще долго после отрыва от материнской груди неспособны позаботиться о собственных нуждах, — тогда участие самца становится крайне важным, без него порожденная им

==69

жизнь не сможет поддержать себя. Одного самца достаточно, чтобы ежегодно оплодотворять множество самок, но, чтобы дети выжили после рождения, чтобы защитить их от врагов, чтобы вырвать у природы все, в чем они нуждаются, необходимы именно самцы. Равновесие производящих и воспроизводящих сил по-разному реализуется на разных стадиях экономического развития человеческой истории, и этими же стадиями определяются отношения мужчины и женщины к детям и, как следствие, их отношения между собой. Но здесь мы уже выходим за рамки биологии; опираясь только на нее, невозможно установить примат одного из двух полов в том, что касается **их** роли в обеспечении постоянства вида. Ведь общество — это уже не род, в нем род реализует себя как существование; в нем род трансцендирует в мир и в будущее; его нравы не выводятся из положений биологии; в нем индивиды никогда не бывают сведены только к своей природной данности, они повинуются обычаю — второй натуре, в которой находят отражение чаяния и опасения, продиктованные их онтологическим отношением к миру. Субъект осознает себя и осуществляет себя не просто как тело, но как тело, подчиненное табу и законам: он определяет свое значение лишь от имени определенных ценностей. И опять же, система ценностей задается не физиологией — скорее биологические данные подпадают под ту систему, что вырабатывает для них существующий. Если уважение или страх, внушаемые женщиной, препятствуют применению по отношению к ней насилия, превосходство мужчины в мускульной силе не может служить источником власти. Если обычай диктует — как в некоторых индейских

племенах, — чтобы девушки выбирали себе мужей или чтобы вопросы брака решал отец, половая агрессивность мужчины не выливается ни в какую инициативу, не превращается в привилегию. Интимная связь матери и ребенка может быть источником почтительного или непочтительного отношения к женщине в зависимости от того, как высоко ценится ребенок — а это бывает по-разному; да и сама эта связь, мы уже говорили, может признаваться или нет в зависимости от бытующих в обществе предрассудков.

Итак, биологические данные нам предстоит рассмотреть с точки зрения онтологического, экономического, социального и психологического контекста. Порабощение женщины родом, пределы ее индивидуальных возможностей являются фактами чрезвычайной важности; тело женщины — это один из основных элементов, определяющих положение, которое она занимает в мире. Но одного тела недостаточно, чтобы дать женщине определение; оно живет лишь той реальностью, что воспринята ее сознанием через действия и в рамках общества. Одной биологии недостаточно, чтобы ответить на занимающий нас вопрос; почему женщина — это Другой? Речь идет о том, чтобы выяснить, как была в ней подправлена природа в ходе истории. Речь идет о том, чтобы выяснить, что сделало человечество с человеческой самкой.

[К оглавлению](#)

==70

[00.htm - glava06](#)

Глава 2 ТОЧКА ЗРЕНИЯ ПСИХОАНАЛИЗА

Психоанализ ушел далеко вперед по сравнению с психофизиологией, показав, что ни один фактор не может воздействовать на психическую жизнь, не наполнившись предварительно личностным содержанием; конкретно существует не тело-объект, описанное учеными, а тело, в котором живет субъект. Женщина является самкой в той мере, насколько она себя таковой ощущает. Есть, конечно, существенные с точки зрения биологии данные, которые не имеют отношения к проживаемой ситуации — так, строение яйцеклетки с ней никак не связано. И наоборот, такой не имеющий большого биологического значения орган, как клитор, здесь начинает играть первостепенную роль. Женщину определяет не природа — она сама определяет себя, принимая в расчет природу в меру своей чувствительности.

В этой перспективе была выстроена целая система. И здесь мы не собираемся анализировать ее в целом, наша задача — определить ее вклад в изучение женщины. Критический разбор психоанализа вообще — дело крайне нелегкое. Как во всякой религии, будь то христианство или марксизм, в психоанализе, при всей жесткости основных понятий, мешает расплывчатость и неопределенность. То слова берутся в самом узком смысле — например, термин «фаллос» в точности обозначает отросток плоти, каким является мужской половой орган; то смысл их неопределенно расширяется и приобретает символическое значение — и тогда фаллос должен означать всю совокупность мужского характера и ситуации. Если критиковать букву доктрины, то психоаналитик в ответ станет утверждать, что дух ее остался непонятным; если признаешь ее дух, то тебя тут же призовут следовать и ее букве. Доктрина, скажет он, значения не имеет, психоанализ — это метод; но успех метода подкреплён добросовестностью теоретика. Впрочем, где же и искать истинное лицо психоанализа, как не у самих психоаналитиков? Однако среди них, как и среди христиан или марксистов, существуют еретики; и не один психоаналитик заявлял, что

«худшие враги психоанализа — это психоаналитики». Несмотря на схоластические усилия все прояснить,

==71

часто отдающие педантизмом, многие двусмысленности до сих пор остаются невыясненными. Как заметили Сартр и Мерло-Понти, предложение «сексуальность сопряжена с существованием» может пониматься в двух совершенно разных смыслах; можно под этим подразумевать, что все происходящее с существующим человеком имеет сексуальное значение или что любое сексуальное явление имеет экзистенциальный смысл. Между этими двумя утверждениями возможен компромисс, но обычно все ограничивается тем, что смешивают одно с другим. Впрочем, стоит провести различие между «сексуальным» и «генитальным», как понятие «сексуальности» становится расплывчатым. «Сексуальное у Фрейда означает внутреннюю способность высвобождения генитального», — говорит Дальбье. Но ничего нет туманнее идеи «способности», то есть возможного — одна лишь действительность дает неопровержимое доказательство возможности. Фрейд, не будучи философом, отказался дать философское обоснование своей системы; его ученики утверждают, что тем самым он уклоняется вообще от всякого метафизического подхода. Между тем за каждым его утверждением стоит метафизический постулат: пользоваться его языком — значит принять определенную философию. Да этого требует уже само возникновение подобной путаницы, затрудняющей критический анализ.

Фрейда судьба женщины не слишком волновала. Ясно, что, описывая ее, он скопировал описание мужской судьбы, ограничившись изменением некоторых деталей. Еще до него сексолог Мараньон заявил: «Можно сказать, что, будучи дифференцированной энергией, либидо является силой мужского ощущения. То же самое мы скажем и об оргазме». По его мнению, женщины, достигающие оргазма, суть «мужеподобные» (viriloides) женщины; сексуальный порыв «односторонен», а женщина находится лишь на полпути¹. Фрейд до этого не доходит; он признает, что сексуальность у женщины развита так же, как и у мужчины; но он практически не занимается ее непосредственным изучением. Он пишет: «Либидо всегда — и закономерно по природе своей — есть мужская суть, независимо от того, встречается ли оно у мужчины или у женщины». Он отказывается полагать женское либидо как нечто особенное — это либидо представляется ему как сложное отвлечение человеческого либидо вообще. Последнее, считает он, вначале развивается одинаково у обоих полов: все дети проходят оральную фазу, привязывающую их к материнской груди, потом — анальную фазу и, наконец, достигают фазы генитальной; в этот момент происходит их дифференциация.

¹ Любопытно обнаружить эту теорию у Д.Г. Лоуренса. В романе «Змий в павлиньих перьях» дон Чиприано старается, чтобы его любовница никогда не достигла оргазма: она должна вибрировать в унисон с мужчиной, а не самоутверждаться в удовольствии.

==72

Фрейд пролил свет на один факт, значение которого до него недооценивалось: мужской эротизм окончательно локализуется в пенисе, тогда как у женщины существуют две различные эротические системы: одна — клиторическая, развивающаяся на инфантильной стадии, другая —

вагинальная, достигающая расцвета после наступления половой зрелости. Когда мальчик приходит к генитальной фазе, его развитие закончено; ему предстоит перейти от аутоэротизма, при котором удовольствие направлено на его собственную субъективность, к гетероэротизму, который свяжет удовольствие с объектом, обычно с женщиной. Переход этот совершится в момент полового созревания через нарциссическую фазу — но, как и в детстве, сохранится преимущество пениса как эротического органа. Женщине тоже придется через нарциссизм объективировать на мужчину свое либидо; но процесс этот будет намного сложнее, потому что от клиторического удовольствия ей надо будет перейти к удовольствию вагинальному. Для мужчины существует только один генитальный этап, тогда как у женщины их два, и она гораздо больше рискует не дойти до конца своей сексуальной эволюции, остаться на инфантильной стадии, что влечет за собой развитие неврозов.

Уже на аутоэротической стадии ребенок более или менее сильно тяготеет к объекту; мальчик привязывается к матери и хочет идентифицировать себя с отцом; стремление это вызывает у него страх, он боится, что в наказание отец может нанести ему увечье; из эдипова комплекса рождается комплекс кастрации. Под его воздействием развиваются агрессивные чувства по отношению к отцу, но одновременно происходит интериоризация его авторитета — так формируется «сверх-я», которое становится цензором инцестуальных тенденций. Тенденции эти вытесняются, комплекс ликвидируется, сын освобождается от отца, который на самом деле пребывает в нем в виде моральных установок. Чем более определенный характер имел эдипов комплекс, чем более категорично он преодолевался, тем сильнее «сверх-я». Поначалу Фрейд совершенно аналогично описал историю девочки; потом женскую разновидность инфантильного комплекса он назвал комплексом Электры; но очевидно, что разновидность эта определяется не столько сама по себе, сколько исходя из мужского прообраза. Впрочем, он признает между ними одно очень важное различие: девочка вначале имеет привязанность к матери, тогда как мальчик никогда не испытывает сексуального влечения к отцу. Но в возрасте пяти лет она обнаруживает анатомическое различие между полами и реагирует на отсутствие пениса комплексом кастрации — она считает это увечьем и страдает от этого. Тогда ей приходится отказываться от своих «мужских» притязаний, она идентифицирует себя с матерью и пытается соблазнить отца. Комплекс кастрации и комплекс Электры взаимно друг друга усиливают; чувство фрустрации становится для девочки тем сильнее, чем больше, любя отца, она хочет ему уподобиться; и

==73

наоборот, сожаление усиливает любовь — через нежность она внушает отцу, что может компенсировать свою неполноценность. По отношению к матери девочка испытывает чувство соперничества и враждебности. Потом у нее тоже формируется «сверх-я» и инцестуозные тенденции вытесняются; но у нее «сверх-я» слабее: комплекс Электры выражен не столь отчетливо, как эдипов комплекс, так как первой возникла привязанность к матери; а поскольку отец сам был объектом этой осуждаемой им любви, запреты здесь имеют меньше силы, чем в случае с сыном-соперником. Мы видим, что в целом сексуальная драма, переживаемая девочкой при генитальном развитии, гораздо сложнее, чем у ее братьев: она может поддаться комплексу кастрации, если откажется от своей женственности и станет упорно желать обладать пенисом и идентифицировать себя в отношениях с отцом. В результате она останется на клиторической стадии, станет фригидной или обратится к однополой любви.

Два основных упрека, которые можно высказать в адрес этого описания, вызваны тем, что Фрейд скопировал его с мужского образца. Он предполагает, что женщина чувствует себя увечным мужчиной, но сама идея увечья уже включает в себя сравнение и оценку. Многие психоаналитики

сегодня признают, что девочка сожалеет о пенисе, но при этом все же не предполагает, что ее лишили этого органа. К тому же это сожаление не столь универсально и не может быть порождено простым анатомическим сопоставлением. Множество девочек знакомятся с мужской конституцией лишь значительно позже, да и знакомятся лишь чисто зрительно. Мальчик знает свой пенис на живом опыте, что дает ему некоторое право им гордиться, но это не означает, что подобной гордости прямо соответствует униженность его сестер, ибо последним знаком лишь внешний вид мужского органа — этот отросток, этот хрупкий, длинный кусок плоти может быть им безразличен или даже внушать отвращение. Когда же у девочки появляется жажда обладания им, это бывает результатом предварительной оценки мужественности. Фрейд принимает эту жажду за нечто признанное, тогда как она требует обоснования¹. С другой стороны, без оригинального описания женского либидо понятие комплекса Электры остается очень расплывчатым. Уже у мальчиков наличие эдипова комплекса чисто генитального порядка — явление далеко не универсальное; но, за очень редким исключением, мы никак не можем признать, что отец является для дочери источником генитального возбуждения. Одна из серьезных проблем женского эротизма — это изоляция клиторического удовольствия: лишь только ко времени полового созревания, в связи с вагинальным эротизмом, развивается в женском теле определенное количество эрогенных зон. Утверждение, будто у десяти-

¹ Эта дискуссия будет продолжена гораздо подробнее в т. 2, гл. 1.

==74

летней девочки поцелуи и ласки отца обладают «внутренней способностью» высвободить клиторическое удовольствие, в большинстве случаев не имеет никакого смысла. Если признать, что аффективный характер комплекса Электры весьма расплывчат, то встанет вопрос об аффективности вообще, и тогда становится очевидным, что фрейдизм не располагает методом, чтобы различить, чем аффективность отличается от сексуальности. Во всяком случае, обожествление отца происходит не от женского либидо — ведь влечение, которое мать вызывает у сына, не ведет к ее обожествлению; тот факт, что женское влечение направлено на высшее существо, придает этому влечению оригинальный характер; но девочка не конституирует свой объект — она его претерпевает. Верховенство отца — факт социального порядка, и Фрейд не дано было осознать это. Он сам признается, что выяснить, каким авторитетом в некий момент истории была предопределена победа отца над матерью, невозможно: по его мнению, такое решение было прогрессивным, но причины его неизвестны. «Здесь не может быть речи об отцовском авторитете, поскольку сам этот авторитет достался отцу в результате прогресса», — пишет он в своей последней работе¹.

Поняв недостаточность системы, выводившей все развитие человеческой жизни из одной только сексуальности, Адлер отмежевался от Фрейда — он задался целью вернуть систему к целостной личности. Если Фрейд объясняет любые поступки человека его влечениями, то есть поиском удовольствия, то Адлер представляет человека преследующим определенные цели; на смену побуждению приходят мотивы, целеполагание, планы. Он отводит такое большое место интеллекту, что зачастую сексуальное у него приобретает лишь чисто символическое значение. Согласно его теориям, человеческая драма распадается на три момента: у каждого индивида есть стремление к могуществу, но сопровождается оно комплексом неполноценности; в результате этого конфликта человек прибегает к тысяче уловок, с тем чтобы избежать действительности, потому что боится, что не сумеет ее преодолеть; субъект устанавливает дистанцию между собой и обществом, вызывающим у него страх, — отсюда проистекают неврозы, вызванные социальными причинами. Что касается женщины, комплекс неполноценности приобретает у нее форму

стыдливого отказа от своей женственности — комплекс вызывается не отсутствием пениса, а всей ситуацией в целом; девочка завидует фаллосу только как символу предоставленных мальчикам привилегий; место, которое в семье занимает отец, повсюду встречаемое преимущество мужского пола, воспитание — все убеждает ее в идее мужского превосходства. Позже, во время сексуальных сношений, само положение тел при коитусе, когда женщине отводится место под

¹ См.: «Моисей и его народ».

==75

мужчиной, становится для нее новым унижением. Ее реакцией бывает «мужской протест»; она либо пытается уподобиться мужчине, либо начинает с ним борьбу женским оружием. Через материнство она может обрести в ребенке эквивалент пениса. Но это предполагает, что прежде она полностью примет себя как женщину, то есть смирится со своей неполноценностью. Она переживает гораздо более глубокий внутренний разлад, чем мужчина.

Не стоит труда долго распространяться о теоретических расхождениях Фрейда и Адлера и о возможностях их примирения; ни объяснение через побуждение, ни объяснение через мотивацию никогда не будут достаточными. Любое побуждение полагает мотивацию, но мотивацию можно осмыслить только через побуждение; таким образом, синтез фрейдизма и адлеризма представляется вполне осуществимым. В действительности, даже вводя понятия цели и целеполагания, Адлер полностью сохраняет идею психической причинности. Его отношение к Фрейду примерно то же, что отношение энергетизма к механицизму: идет ли речь о толчке или силе притяжения, физик всегда признает детерминизм. В этом и общий постулат всех психоаналитиков: по их мнению, человеческую историю можно объяснить с помощью набора определенных элементов. И все видят женскую судьбу одинаково. Ее драма сводится к конфликту между «мужеподобными» и «женскими» тенденциями. Первые реализуются в клиторической системе, вторые — в вагинальном эротизме. В детстве она идентифицирует себя с отцом; потом испытывает чувство неполноценности по сравнению с мужчиной, и тогда перед ней возникает альтернатива: или способствовать поддержанию своей автономии и уподобиться мужчине, что на фоне комплекса неполноценности вызывает напряжение, которое может привести к неврозам, или счастливо реализовать себя в любовном подчинении — причем последнее решение облегчается некогда испытанной любовью к отцу-повелителю; именно его ищет она в любовнике или муже, и сексуальная любовь сопровождается у нее желанием чувствовать над собой чье-то господство. Она бывает вознаграждена материнством, которое дает ей возможность обрести автономию нового типа. Драма эта представляется обладающей собственным динамизмом; она развивается вопреки всем искажающим ее превратностям, и каждая женщина пассивно ее переживает.

Психоаналитики имеют прекрасные возможности, чтобы отыскать эмпирические подтверждения своим теориям: ведь известно, что, достаточно тонко усложняя систему Птолемея, люди могли долго оставаться в полной уверенности, что она совершенно точно отвечает истинному расположению планет; точно так же, если на место Эдипа поставить инвертированного Эдипа и в любой тревоге обнаруживать влечение, можно с успехом использовать для подтверждения фрейдизма даже те факты, что ему противоречат. Уловить форму можно только при наличии определенного фона, и от того, как постигается форма, зависят очертания,

==76

которые приобретает под ней этот фон. Так, если задаться целью описать какую-нибудь частную историю во фрейдистской логике, то за ней выявится и фрейдистская схема. Только когда доктрина неопределенно и произвольно требует нагромождения побочных объяснений, когда наблюдения обнаруживают столько же аномалий, сколько и нормальных случаев, лучше покинуть пределы установленных рамок. Вот почему сегодня каждый психоаналитик всеми силами по-своему пытается придать гибкость фрейдистским идеям, устранить в них противоречия. Один современный психоаналитик пишет, например: «В тот момент, когда существует комплекс, существует, по определению, и множество его составляющих... Комплекс заключается в группировке этих разрозненных элементов, а не в представлении одного из них через остальные»!. Но идея простой группировки элементов неприемлема: физическая жизнь — это не мозаика; она целиком содержится в каждом из своих отдельных моментов, и с этим единством следует считаться, что возможно лишь тогда, когда через разрозненные факты обнаруживается изначальная направленность существования. Если не добраться до этого истока, то человек будет выглядеть лишь полем боя между своими импульсами и наложенными на них запретами, одинаково лишенными смысла и случайными. Всех психоаналитиков объединяет систематический отказ от идеи *выбора* и сопряженного с ней понятия ценности; это и составляет внутреннюю слабость их системы. Оторвав импульсы и запреты от экзистенциального выбора, Фрейд оказывается не в состоянии объяснить нам их происхождение — он принимает их как данные. Понятие ценности он попытался заменить понятием авторитета; однако в работе «Моисей и его народ» он сам признает, что обосновать этот авторитет никак нельзя. Инцест, например, запрещен, потому что его запретил отец; но откуда взялась сама идея запрета — тайна. «Сверх-я» интериоризирует порядки и запреты, исходящие от произвольной тирании; здесь налицо инстинктивные тенденции, а почему — неизвестно; было установлено, что мораль не имеет отношения к сексуальности, поэтому каждая из двух реальностей существует сама по себе; единство человека как будто расколото, между личностью и обществом нет перехода: чтобы соединить их, Фрейду приходится сочинять странные истории², Адлер обратил внимание на то, что комплекс кастрации необъясним вне социального контекста. Коснулся он и проблемы образования ценностей, но не добрался до онтологических ценностей, признанных обществом, не понял, что ценности задействованы и в самой сексуальности, а соответственно и недооценил их значение.

Baudouin. L'Ame enfantine et la Psychanalyse.² 3. *Фрейд*. Тотем и табу.

==77

Разумеется, сексуальность играет в человеческой жизни значительную роль — можно сказать, вся жизнь в целом проникнута ею. Из физиологии мы уже поняли, что жизнь семенников и яичника переплетается с жизнью сомы. Человек существующий — это тело определенного пола; и в отношениях с другими людьми, которые тоже являются телами определенного пола, обязательно будет присутствовать пол (сексуальность). Но если тело и сексуальность суть конкретные выражения существования, то и значения их можно выявить через него же — вне этой перспективы психоанализ принимает как данные необъясненные факты. Например, нам говорят, что девочка испытывает *стыд*, оттого что приседает и обнажает ягодицы, когда мочится, — но что такое стыд? Аналогично, прежде чем задаваться вопросом, гордится ли мужчина тем, что у него есть пенис, или в пенисе выражается его гордость, следует выяснить, что такое гордость и как притязания субъекта могут воплощаться в объекте, Не нужно принимать сексуальность за

непреложную данность, за основу бытия, у человека есть и более оригинальный «поиск бытия», а сексуальность — лишь один из его аспектов. Именно это показывает Сартр в книге «Бытие и ничто»; это же говорит и Башлар в своих работах о Земле, Воздухе и Воде: психоаналитики считают первейшей истиной человека его отношения с собственным телом и с телами ему подобных в пределах общества; однако человек несет в себе исконный интерес к сущности окружающего его природного мира и пытается обнаружить ее в работе, в игре, во всех экспериментах «динамического воображения»; человек стремится добраться конкретно до постижения основ своего существования через весь мир в целом, постигая его всеми возможными способами. Месить глину или рыть яму — это занятия столь же изначальные, как объятия или коитус, и заблуждается тот, кто видит в них только сексуальные символы. Яма, липкость, впадина, твердость, цельность — это исконные реалии; интерес человека к ним продиктован не либидо — скорее, само либидо будет окрашено соответственно тому, как человек их для себя открывал. Цельность нравится человеку не потому, что символизирует девственность, — он ценит девственность потому, что любит цельность. В работе, войне, игре, искусстве определяются способы существования в мире, которые нельзя свести ни к каким другим; они обнаруживают качества, которые пересекаются с теми, что несет в себе сексуальность. Индивид выбирает себя как посредством этих качеств, так и посредством эротического опыта. Но восстановить единство этого выбора позволяет лишь онтологическая точка зрения.

Это понятие выбора психоаналитик отвергает особенно яростно во имя детерминизма и «коллективного бессознательного», будто бы это бессознательноеставляет человеку готовые образы и универсальную символику; и оно же якобы объясняет аналогии между снами, несостоявшимися актами, маниями, аллегориями и человеческими судьбами; говорить о свободе — значит от-

==78

казаться от возможности объяснить все эти волнующие соответствия. Но нельзя сказать, что идея свободы несовместима с существованием некоторых постоянных факторов. И психоаналитический метод часто может оказаться плодотворным, несмотря на ошибки теории, благодаря тому что в каждой частной истории есть данные, всеобщий характер которых никто и не думает отрицать. Ситуации и поведение повторяются; момент решения возникает в недрах всеобщности и повторяемости. «Анатомия — это судьба», — говорил Фрейд; с этим высказыванием перекликаются слова Мерло-Понти: «Тело — это всеобщность». Существование единично, ибо живущие разделены: оно проявляется в аналогичных организмах; значит, связь онтологического и сексуального должна иметь какие-то постоянные параметры. В определенную эпоху технические средства, экономическая и социальная структура некоего коллектива открывают всем своим членам один и тот же мир — так возникает постоянное отношение между сексуальностью и социальными формами; аналогичные индивиды, поставленные в аналогичные условия, уловят в данности аналогичные значения. Эта теория не ведет к непрременной универсальности, но позволяет находить в индивидуальных историях всеобщие типы. Символ не представляется нам аллегорией, разработанной таинственным бессознательным, — это постижение определенного значения при посредстве аналога означающего объекта. Из-за того что экзистенциальная ситуация всех людей идентична и идентична «фактичность», с которой им приходится сталкиваться, для некоторого числа живущих значения открываются одинаковым образом. Символика не упала с неба и не вышла из земных недр — она была выработана, как и язык, человеческой действительностью, которая одновременно является *mitsein* и разделением. Именно это обстоятельство объясняет, почему в символическом находится место и для индивидуального вымысла — на практике психоаналитический метод вынужден это признать,

даже если это противоречит его доктрине. Данная перспектива позволяет нам, например, понять ценность, обычно признаваемую за пенисом¹, Эту ценность невозможно обосновать, если не исходить из одного экзистенциального факта: тенденции субъекта к *отчуждению*. Испытывая тревогу за свою свободу, субъект принимается искать себя в вещах, что есть один из способов бегства от себя. Тенденция эта настолько фундаментальна, что сразу же после отнятия от груди, когда ребенок отделяется от Всего, он старается в зеркалах, в родительском взгляде уловить свое отчужденное существование.

В примитивном обществе люди отчуждаются в мане, в тотеме; цивилизованные люди — в своей индивидуальной душе, своем «я», своем имени, собственности, работе — это первое искуше-

- Мы подробнее остановимся на этом вопросе в т. 2, гл. 1.

==79

ние неподлинного бытия. Пенис как нельзя больше пригоден, чтобы играть для маленького мальчика роль «двойника», — он для него одновременно посторонний предмет и он сам; это игрушка, кукла — и его собственная плоть; родители и няньки обращаются с ним, как с маленьким человечком. Тогда понятно, что для ребенка он становится alter ego, которое обычно хитрее и умнее самого индивида¹. Поскольку функция мочеиспускания, а позже эрекция занимают промежуточное положение между сознательными и самопроизвольными процессами, поскольку пенис представляет собой капризный и почти посторонний источник субъективно ощущаемого удовольствия, субъект полагает его как самого себя и нечто отличное от самого себя. В нем ощутимо воплощается специфическая трансцендентность, и он становится источником гордости; так как фаллос существует отдельно, человек может сделать частью своей индивидуальности превосходящую его жизнь. Тогда понятно, что длина пениса, сила напора при мочеиспускании, эрекции и эякуляции становятся для него мерой собственной ценности². Таким образом, не вызывает сомнения, что фаллос является телесным воплощением трансцендентности, а поскольку не вызывает сомнения и то, что ребенок чувствует себя трансцендируемым, то есть насильно лишенным трансцендентности отцом, мы приходим к фрейдистской идее комплекса кастрации. Лишенная такого alter ego девочка не отчуждается ни в каком материальном предмете, не восполняет себя — ей приходится сделать объектом всю себя: она полагает себя как Другого. Вопрос о том, сравнивала она себя с мальчиками или нет, второстепенен; главное, что отсутствие пениса, даже не осознаваемое ею, не позволяет ощутить себя представительницей пола; из этого вытекает множество следствий. Но приведенные нами постоянные факторы все же не определяют судьбу человека; фаллос приобретает такую ценность, потому что символизирует господство в других областях. Если бы женщине удалось утвердиться как субъекту, она изобрела бы эквиваленты фаллоса: кукла, воплощающая будущего ребенка, может стать еще более ценным объектом обладания, чем пенис³. Существуют общества с материнской филиацией, где у женщин есть маски, в которых отчуждается коллектив; в таком случае слава пениса во многом меркнет. Анатомическая привилегия становится основой для подлинной человеческой привилегии лишь при учете ситуации, взятой во всей ее целост-

¹ *A l i c e B a l i n t. La Vie intime de l'enfant, p. 101.*

² Мне рассказали один случай, когда крестьянские дети устроили для забавы соревнования по экскрементам: престиж того, чьи испражнения были самыми объемными и крепкими, не могли компенсировать никакие другие достижения в играх или даже в борьбе. Фекалии играли здесь ту же роль, что и пенис, — в обоих случаях налицо факт отчуждения.

³ К этим соображениям мы вернемся во второй части; здесь же упоминаем о них лишь из методических соображений.

[К оглавлению](#)

==80

ности. Психианализ смог бы добраться до истины только в историческом контексте.

Точно так же, как недостаточно сказать, что женщина — это самка, нельзя дать ей определение исходя из того, как она осознает свою женственность: она осознает ее в недрах общества, членом которого является. Интериоризируя бессознательное и всю психическую жизнь, сам язык психианализа подводит к тому, что драма индивида происходит в нем самом — эта мысль присутствует в таких словах, как «комплекс», «тенденции» и т.д. Но жизнь — это отношение с миром; индивид самоопределяется, выбирая себя через мир; и чтобы ответить на интересующие нас вопросы, придется обратиться к миру. В частности, психианализу не удастся объяснить, почему женщина — это Другой. Ибо сам Фрейд признает, что престиж пениса объясняется господствующим положением отца, но что ему ничего не известно о происхождении мужского главенства.

Не отбрасывая огульно всех достижений психианализа, многие из которых весьма плодотворны, мы все же вынуждены отказаться от этого метода. Прежде всего мы не будем ограничиваться тем, чтобы рассматривать сексуальность как данность, — упрощенность такого подхода наглядно демонстрируют описания, касающиеся женского либидо; я уже говорила, что психианалитики никогда не изучали его непосредственно, но лишь исходя из мужского либидо; похоже, они пребывают в полном неведении относительно амбивалентности влечения, которое мужчина вызывает у женщины.

Фрейдисты и адлерианцы объясняют тревогу, испытываемую женщиной перед мужским членом, как инверсию фрустрированного влечения. Штекель смог разглядеть, что здесь речь идет о первичной реакции, но дал ей поверхностное обоснование: якобы женщина боится дефлорации, проникновения, беременности, боли, и это-де тормозит ее влечение. Объяснение это слишком рационально. Вместо того чтобы утверждать, что влечение оборачивается тревогой и борется со страхом, следовало бы признать как первичную данность тот одновременно настойчивый и испуганный зов, каким является женское либидо; его характеризует неделимый синтез притяжения и отталкивания. Примечательно, что многие самки животных бегут от совокупления, которого сами же настойчиво домогаются. Их обвиняют в кокетстве и лицемерии, но пытаться объяснять примитивное поведение, проводя параллель с более сложными формами, — чистейший абсурд; это примитивное поведение как раз и является источником того, что у женщины именуется кокетством и лицемерием. Идея «пассивного либидо» приводит в замешательство, так как, ориентируясь на мужской пол, либидо определили как импульс, энергию; но точно так же невозможно априорно представить себе, что свет может быть одновременно желтым и синим, — для этого нужно на опыте познать зеленый цвет. Действительность приобрела бы куда более

6-2242

четкие очертания, если бы вместо туманных определений либидо вроде «энергии» были бы сопоставлены значения сексуальности и других человеческих проявлений, выраженных в понятиях «брать», «хватать», «есть», «делать», «терпеть» и др. Ибо сексуальность — это один из способов постижения объекта. Следовало бы также изучить свойства эротического объекта, каким он представляется не только в половом акте, но и в восприятии вообще. Такое исследование выходит за рамки психоанализа, для которого эротизм — понятие непреложное.

С другой стороны, мы совершенно иначе поставим проблему женской судьбы: мы расположим женщину в мире ценностей и рассмотрим ее поведение в масштабах свободы. Мы считаем, что ей предоставлен выбор между утверждением своей трансцендентности и отчуждением в объекте; она не является игрушкой противоречивых импульсов. Она принимает решения, между которыми существует этическая иерархия. Подменяя ценность авторитетом, выбор — импульсом, психоанализ предлагает эрзац морали — идею нормальности. Идея эта, конечно, очень полезна в медицине. Однакостораживает, какое широкое толкование получила она в психоанализе. Описательная схема предлагается в качестве закона; и разумеется, механистическая психология не может принять понятия полагания морали; в крайнем случае она может обосновать «менее», но никогда «более»; в крайнем случае она признает неудачи, но никогда — созидание. Если субъект не идет по пути, признанному нормальным, считается, что он в своей эволюции остановился на полпути, и остановка эта интерпретируется как недостаток, как нечто негативное, а не как позитивное решение. Из-за этого, в частности, так нелепо выглядит психоанализ великих людей; нам твердят о трансфере, сублимации, которых им не довелось испытать; и никто не предполагает, что они сами, быть может, от них отказались и имели на то весьма веские причины; никто не хочет брать в расчет, что их поведение было мотивировано свободно полагаемыми целями; индивид все время объясняют через его связь с прошлым, а не исходя из будущего, в которое он себя проектирует. Поэтому нам никогда не дают его подлинного образа, а к подлинности едва ли применяют другой критерий, кроме нормальности. С этой точки зрения описание женской судьбы просто поразительно. В том смысле, который предполагают психоаналитики, «идентифицировать» себя с матерью или отцом — значит *отчуждаться* в некоем образце, предпочитать спонтанному движению собственного существования посторонний образ, то есть играть в бытие. Нам показывают женщину, разрывающуюся между двумя способами отчуждения; очевидно, что играть в то, чтобы быть мужчиной, заведомо означает идти на провал; но и играть в то, чтобы быть женщиной, тоже значит попасться на крючок; быть женщиной — это быть объектом, Другим; Другой остается субъектом в пределах своего отречения от навязываемой роли. Настоящая проблема для женщины —

это, отказавшись от предлагаемых уловок, осуществить себя в своей трансцендентности; речь идет о том, чтобы осознать, какие возможности предоставляет ей так называемое мужское и женское поведение.

Когда ребенок идет по пути, указанному одним из родителей, это может быть свободным перениманием их проектов — его поведение может быть обусловлено выбором, мотивированным определенными целями. Даже у Адлера воля к власти представляет собой некую разновидность абсурдной энергии; любой проект, в котором воплощается трансцендентность женщины, он называет «протестом мужского типа»; если девочка лазает по деревьям, то это, по его мнению, для того, чтобы сравняться с мальчиками, — ему даже в голову не приходит, что лазать по деревьям ей просто нравится. Для матери ребенок — это не «эквивалент пениса», а нечто совсем иное. Создание картин и книг, занятие политикой — это не только «хорошие способы сублимации», но и реализация сознательно поставленных целей. Отрицать это — значит исказить всю человеческую историю. Между нашими описаниями и описаниями психоаналитиков можно провести некоторые параллели. Дело в том, что, с точки зрения мужчин — а именно ее принимают психоаналитики мужского и женского пола, — отчуждение рассматривается как женское поведение, а мужским считается то, при котором субъект полагает свою трансцендентность. Дональдсон, занимавшийся историей женщины, заметил, что определения «мужчина — это человек мужского пола, женщина — это человек женского пола» асимметрично искажены; только у психоаналитиков можно встретить положение о том, что мужчина определяется как человек, а женщина как представительница женского пола; и каждый раз, когда она ведет себя как человек, говорят, что она подражает мужчине. Психоаналитик рисует нам девочку и девушку побуждаемой идентифицировать себя с отцом и с матерью, разрывающейся между «мужеподобными» и «женскими» тенденциями; мы же считаем, что она колеблется между предлагаемой ей ролью *объекта*, *Другого*, и требованием собственной свободы. Так получается, что в некотором количестве фактов мы согласны — в частности, когда рассматриваем предоставляемые женщине пути неподлинного бегства. Но у нас эти факты имеют совсем другое значение, чем у фрейдиста или адлерианца. Для нас женщина определяется как человек, ищущий ценности внутри мира ценностей — мира, экономическую и социальную структуру которого необходимо знать; мы будем изучать женщину в экзистенциальной перспективе через ее общую ситуацию,

==83

[00.htm - glava07](#)

Глава 3 ТОЧКА ЗРЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Теория исторического материализма открыла очень важные истины. Человечество — это не животный вид, а историческая реальность. Человеческое общество — это антифизис: оно не пассивно терпит присутствие природы, а берет на себя ответственность за нее. Это восприятие природы осуществляется не как субъективная операция, а объективно — в практике (praxis). Таким образом, нельзя рассматривать женщину просто как организм определенного пола: среди биологических данных значимы лишь те, что в ее действиях приобретают конкретную ценность; самосознание женщины определяется не только ее сексуальностью, оно отражает ситуацию, взаимосвязанную с экономической структурой общества; а в ней в свою очередь находит выражение уровень технического развития, достигнутый человечеством. Мы уже видели, что две основные черты, характеризующие женщину с биологической точки зрения, заключаются в следующем: ее подступы к миру более ограничены, чем у мужчины; она в большей степени поработана родом. Но эти факты могут приобретать совершенно различное значение в зависимости от экономического и социального контекста. В человеческой истории подступ к миру никогда не определялся, исходя попросту из возможностей голого тела: уже одна рука со своим хватательным большим пальцем превосходит сама себя, сливаясь с инструментом, который умножает ее мощь; по сведениям самых древних доисторических документов, человек всегда

предстает перед нами вооруженным. В те времена, когда нужно было орудовать тяжелыми дубинами и противостоять диким зверям, физическая слабость женщины превращалась в очевидную неполноценность. Когда использование орудия требует физических затрат, превосходящих женскую силу, женщина оказывается совершенно беспомощной. Но возможен и противоположный вариант, когда техника аннулирует потребность измерять разницу в мускульной силе между мужчиной и женщиной; избыток обеспечивает позицию превосходства лишь в силу потребности в нем; в противном случае иметь слишком

==84

много ничем не лучше, чем иметь достаточно. Так, управление большим количеством современных машин требует лишь части ресурсов мужской силы, и, если необходимый минимум не превосходит женских возможностей, она становится в работе равной с мужчиной. На самом деле сегодня можно пустить в ход колоссальную энергию, просто нажав кнопку. Что же касается бремени материнства, значение его бывает разным в зависимости от нравов: оно обременительно, когда женщину заставляют беспрестанно рожать, а потом кормить и воспитывать детей без посторонней помощи; если же она рождает по свободному выбору, если общество приходит к ней на помощь во время беременности и занимается ребенком, материнские обязанности становятся легкими и могут быть без труда компенсированы на трудовом поприще. В такой перспективе Энгельс изложил историю женщины в работе «Происхождение семьи»; у него эта история существенным образом зависит от технического развития. В каменном веке, когда землей сообща владели все члены рода, рудиментарный характер первобытной лопаты и мотыги ограничивал возможности земледелия: женских сил хватало на тот труд, что требовался для обработки садов. При этом первобытном разделении труда два пола уже составляют нечто вроде двух классов; между этими классами существует равенство; мужчина охотится и рыбачит, женщина остается у домашнего очага; но домашняя работа включает в себя производительный труд: изготовление посуды, ткачество, садоводство; таким образом женщина играет большую роль в экономической жизни. С открытием меди, олова, бронзы, железа, с появлением плуга получает большее распространение земледелие: для того чтобы корчевать лес и возделывать поля, требуется интенсивный труд. И тогда мужчина прибегает к услугам других мужчин, низводя их до положения рабов. Появляется частная собственность; будучи хозяином рабов и земли, мужчина становится также и хозяином женщины. В этом состоит «великое историческое поражение женского пола». Оно объясняется переворотом, произошедшим в разделении труда вследствие изобретения новых орудий. «Та самая причина, которая прежде обеспечивала женщине ее господство в доме, — ограничение ее труда домашней работой — эта же самая причина теперь делала неизбежным господство мужчины в доме; домашняя работа женщины утратила теперь свое значение по сравнению с промысловым трудом мужчины, его труд был всем, ее работа — незначительным придатком». Тогда же отцовское право приходит на смену материнскому; передача собственности происходит от отца к сыну, а не от матери к ее роду, как раньше. Возникает патриархальная семья, основанная на частной собственности. Женщина в такой семье — угнетенная. Будучи полновластным господином, мужчина позволяет себе среди прочих и сексуальные капризы: спит с рабынями или гетерами, то есть становится многоженцем. Как только нравы начинают допускать обратный вариант, женщина мстит

==85

неверностью — брак естественно дополняется адюльтером. Это единственное, чем может защитить себя женщина от домашнего рабства, в котором ее держат, — переносимое ею социальное угнетение является следствием угнетения экономического. Равенство может быть установлено лишь тогда, когда оба пола будут иметь юридически равные права; но это освобождение требует, чтобы весь женский пол влился в общественное производство. «Освобождение женщины станет возможным только тогда, когда она сможет в крупном общественном масштабе участвовать в производстве, а работа по дому будет занимать ее лишь в незначительной мере. А это сделалось возможным только благодаря современной крупной промышленности, которая не только допускает женский труд в больших размерах, но и прямо требует его...»

Итак, судьба женщины и будущее социализма тесно связаны между собой, что следует и из обширного труда, который посвятил женщине Бебель. «Женщина и пролетарий, — говорит он, — это двое угнетенных». И оба они будут освобождены в результате одного и того же развития экономики после переворота, произведенного машинным производством. Проблема женщины сводится к проблеме ее трудовых возможностей. Могущественная во времена, когда техника была под стать ее силам, свергнутая с престола, когда оказалось, что она неспособна этой техникой управлять, женщина вновь обретает равенство с мужчиной в современном мире. И только сопротивление старого капиталистического патернализма в большинстве стран препятствует этому равенству осуществиться на практике — оно будет осуществлено, когда будет сломлено сопротивление. Оно уже осуществлено в СССР, как утверждает советская пропаганда. А когда социалистическое общество будет построено во всем мире, не будет ни мужчин, ни женщин, а только равные между собой трудящиеся. Хотя намеченный у Энгельса синтез представляет собой определенный прогресс по сравнению с теми взглядами, что были рассмотрены ранее, его анализ все же явился для нас разочарованием: здесь обходятся наиболее важные проблемы. Поворотным пунктом истории был переход от общинного строя к частной собственности — нам ничего не говорят о том, как стало возможным его осуществление; Энгельс даже признается, что «об этом мы ничего до сих пор не знаем»¹; он не только не знает исторических деталей этого перехода, но даже не дает никакой его интерпретации. Точно так же не совсем ясно, почему частная собственность фатально повлекла за собой порабощение женщины. Исторический материализм принимает как общепризнанные факты, которые следовало бы объяснить: он без рассуждений говорит об *интересе*, который связывает человека с собственностью; но откуда берется этот интерес, который является источником

¹ «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

всех общественных институтов, в чем его собственный источник? Таким образом, изложение Энгельса остается поверхностным, а открываемые им истины — условными. Оставаясь в пределах исторического материализма, их невозможно развить. Исторический материализм неспособен найти решения поставленных нами проблем, потому что они касаются всего человека в целом, а не некой абстракции, именуемой *homo oeconomicus*.

Ясно, например, что идея индивидуального владения имеет смысл только в особых условиях человеческого существования. Чтобы возникла такая идея, нужно прежде, чтобы у субъекта

существовало намерение полагать себя в своей принципиальной исключительности, чтобы он утверждал свое существование как нечто отдельное и автономное. Понятно, что это притязание могло оставаться субъективным, внутренним, лишенным истинного выражения до тех пор, пока у индивида не было практического способа объективно его удовлетворить: не имея адекватных орудий, он вначале не мог испытать свою власть над миром, чувствовал себя потерянным в природе и сообществе, пассивным, запуганным, игрушкой темных сил; он мог думать о себе, лишь идентифицируя себя со своим кланом, — тотем, мана, земля были коллективными реалиями. Изобретение бронзы позволило ему, пройдя испытание тяжелым производительным трудом, открыть в себе творца; покорив природу, он ее уже не боится и, стоя лицом к лицу с преодоленным сопротивлением, дерзновенно осознает себя как автономную активность и осуществляется в своей исключительности¹. Но этого осуществления никогда бы не произошло, если бы человек изначально его не хотел; урок труда был преподан не пассивному субъекту: выковав орудия труда и покорив землю, субъект выковал и покорила самого себя. С другой стороны, тезиса о самоутверждении субъекта недостаточно для объяснения собственности — в вызове, борьбе, в индивидуальном столкновении каждое сознание может попытаться возвыситься до идеи суверенности. Для того чтобы вызов приобрел характер экономического соперничества, чтобы в соответствии с этим сначала вождь, а потом и члены рода стали притязать на частное достояние, нужно, чтобы в человеке обнаружилась и другая изначальная тенденция: как уже было сказано в одной из предшествующих глав, существующий познает себя, лишь самоотчуждаясь; обращаясь к миру, он ищет себя в каком-нибудь постороннем образе, который делает своим. В тотеме, в мане, на занимаемой им тер-

Гастон Башлар в «Земле и блужданиях Воли» среди прочего проводит показательное исследование труда кузнеца. Он демонстрирует, как с помощью молота и наковальни человек самоутверждается и отделяется от себя. «Мгновение кузнеца — это одновременно изолированное и разросшееся мгновение. Благодаря неистовой силе мгновения рабочий укрощает время». И далее: «Человек, кующий железо, принимает вызов, брошенный ему универсумом».

==87

ритории его отчужденное существование встречается с его родом; когда индивид отделяется от сообщества, он оповещает об этом особым воплощением, мана индивидуализируется в вожде, потом — в каждом индивиде; одновременно каждый старается захватить себе в собственность клочок земли, орудия труда, часть урожая. В этих богатствах — его богатствах — человек находит самого себя, потому что он потерялся в них, — и тогда понятно, что он может Придавать им столь же фундаментальное значение, как и самой своей жизни. Тогда *заинтересованность* человека в своей собственности становится понятным отношением. Но очевидно, что объяснить весь этот процесс одним лишь тезисом об орудиях труда нельзя, нужно целиком охватить все поведение человека, вооруженного этим орудием труда, — поведение, которое включает в себя онтологическую инфраструктуру.

Точно так же невозможно из положения о частной собственности *сделать вывод* об угнетении женщины. Здесь снова проявляется недостаточность энгельсовского подхода. Он справедливо заметил, что мускульная слабость женщины реально поставила ее ниже мужчины лишь с появлением бронзовых и железных орудий труда; но он не увидел, что пределы ее трудовых способностей сами являются реальным недостатком лишь в определенной перспективе. Именно потому, что человек трансцендентен и амбициозен, посредством каждого нового орудия он проецирует свои новые требования; когда он изобрел бронзовые инструменты, то уже не мог довольствоваться возделыванием садов, а захотел вспахивать и обрабатывать большие поля — и

не бронза как таковая породила это желание. Неприспособленность женщины к этим орудиям повлекла за собой ее крах, потому что мужчина подчинил ее с помощью своего проекта обогащения и экспансии. Но и этого проекта недостаточно, чтобы объяснить факт ее угнетения: разделение труда между мужчиной и женщиной могло бы стать дружеским сотрудничеством. Если бы изначально отношения человека с себе подобными строились исключительно на дружбе, то любой тип порабощения был бы просто необъясним — явление это есть следствие захватнических свойств человеческого сознания, которое стремится к объективному осуществлению своей суверенности. Если бы оно не содержало в себе изначально категорию Другого и притязание на господство над Другим, открытие бронзовых орудий труда не могло бы повлечь за собой угнетения женщины. Энгельс не объясняет и особого характера этого угнетения. Он пытается свести противостояние полов к классовому конфликту — впрочем, без излишней в том уверенности: его тезис не выдерживает критики. Действительно, разделение труда между полами и проистекающее отсюда угнетение в некоторых случаях напоминают разделение на классы, но смешивать их нельзя. В классовом разделе нет никакой биологической основы; в процессе труда раб осознает себя противостоящим хозяину, пролетариат всегда осознавал свое положение в

==88

бунте, в нем он, обращаясь к сущности явления, угрожал своим эксплуататорам и в нем же устремлялся к тому, чтобы перестать существовать как класс. Мы уже говорили во введении, насколько отлично от этого положение женщины, что связано в особенности с той общностью жизни и интересов, которая делает ее солидарной с мужчиной, и с тем, что мужчина встречает в ней сообщницу: в ней нет никакой жажды бунта, революции, она не смогла бы уничтожить себя как пол — она лишь требует устранения некоторых последствий половых различий. Еще важнее то, что к женщине нельзя, не покрывив душой, подходить только как к трудящейся; ведь ее роль в воспроизводстве потомства не менее важна, чем ее производительные возможности; бывают времена, когда рожать детей полезнее, чем управлять плугом.

Энгельс уходит от этой проблемы; он лишь заявляет, что социализм уничтожит семью: но это весьма абстрактное решение. Известно, как часто и радикально вынуждены были менять политику в области семьи в СССР, в зависимости от того, как по-разному уравнивались непосредственные нужды производства и народонаселения. Впрочем, уничтожить семью необязательно означает освободить женщину; примеры Спарты и нацистского режима показывают, что, и прямо подчиняясь государству, она может быть по-прежнему угнетаема мужчинами. Действительно, социалистическая этика, то есть та этика, что ищет справедливости, не устраняя свободы, что налагает на личность обязанности, не стирая индивидуальности, окажется в затруднительном положении перед проблемами, возникающими в связи с положением женщины. Невозможно просто-напросто уподобить деторождение *работе* или *службе* наподобие военной службы. Требование рожать детей является для женщины гораздо более глубоким вторжением в ее жизнь, чем для граждан регламентация их поведения; еще ни одно государство не осмелилось установить обязательный коитус. Половой акт и материнство не только занимают время и силы женщины — здесь задействованы сущностные ценности. И напрасно пытается рационалистический материализм игнорировать драматический характер половых отношений; половой инстинкт нельзя регламентировать. Нельзя быть уверенным, что он сам не несет в себе отказа от своего утоления, говорил Фрейд. И совершенно несомненно, что он не поддается интеграции в социальную сферу, потому что в эротизме содержится бунт мгновения против времени, бунт индивидуального против универсального. Стремясь направить его или использовать, рискуешь его убить, ибо с живой спонтанностью нельзя обращаться как с инертной

материей; к тому же ее нельзя подавить силой, как подавляют свободу. Невозможно впрямую заставить женщину рожать — единственное, что можно сделать, это поставить ее в такое положение, из которого не будет другого выхода, кроме материнства. Закон или нравы заставляют ее вступать в брак, под

==89

запретом оказываются противозачаточные средства и аборт; не разрешается развод. Именно эти старые узы патриархата сегодня воскрешены в СССР; возрождены патерналистские теории брака; и таким образом государство пришло к тому, что снова потребовало от женщины стать эротическим объектом, — в одной недавней речи советских гражданок призывали следить за своим туалетом, пользоваться косметикой и кокетничать, чтобы удерживать своих мужей и разжигать в них желание. Как видно из этого примера, женщину невозможно рассматривать только как производительную силу — для мужчины она еще и сексуальный партнер, воспроизводительница жизни, эротический объект, Другой, посредством которого он ищет себя самого. Сколько бы тоталитарные и авторитарные режимы с общего согласия ни запрещали психоанализ, сколько бы ни заявляли, что для граждан, присягнувших на верность коллективу, не существует индивидуальных драм, эротика представляет собой область, где индивидуальное всегда преобладает над общим. И для демократического социализма, где были бы уничтожены классы, а не личности, вопрос личной судьбы сохранил бы все свое значение — и все свое значение сохранила бы дифференциация полов. Половое отношение, которое связывает женщину с мужчиной, отличается от его отношения к ней; а связь женщины и ребенка нельзя свести ни к какой другой связи. Не бронзовое орудие труда ее породило — и машины недостаточно, чтобы ее уничтожить. Требовать для нее всей полноты человеческих прав и возможностей не значит закрывать глаза на исключительность ее ситуации. Чтобы понять ее, нужно выйти за рамки исторического материализма, видящего в мужчине и женщине только экономические единицы.

Итак, по одной и той же причине мы отвергаем сексуальный монизм Фрейда и экономический монизм Энгельса. Психоаналитик станет интерпретировать любые социальные требования женщины как проявление «мужского протеста»; и наоборот, для марксиста женская сексуальность является всего лишь более или менее опосредованным выражением ее экономического положения. Категории «клиторический» и «вагинальный», как и категории «буржуазный» и «пролетарский», одинаково неспособны охватить конкретную женщину. Но существует еще и экзистенциальная система мышления, анализирующая как индивидуальные драмы, так и экономическую историю человечества, и только она одна позволяет в целом понять такую исключительную форму, как жизнь человека. Фрейдизм может оказаться полезным, поскольку существующий человек есть тело; и то, каким образом он ощущает себя как тело перед другими телами, конкретно выражает его экзистенциальную ситуацию. Точно так же в марксистской теории истинным является тезис, что онтологические притязания человека принимают конкретные формы в зависимости от имеющихся у него материальных возможностей, в особенности от тех,

[К оглавлению](#)

==90

которые открывает ему техника. Но если данные о сексуальности и технических средствах не подчинить анализу человеческой реальности в целом, сами по себе они ничего не в силах объяснить. Поэтому-то у Фрейда налагаемые «сверх-я» запреты и влечения «я» выглядят как случайные факты, а от энгельсовского изложения истории семьи создается впечатление, что важнейшие события происходят неожиданно, повинувшись капризам таинственного случая. Пытаясь понять женщину, мы не будем отрицать определенного вклада биологии, психоанализа и исторического материализма — но мы будем исходить из того, что тело, сексуальная жизнь и технические средства конкретно существуют для человека лишь постольку, поскольку он включает их в глобальную перспективу своего существования. Ценность мускульной силы, фаллоса, орудий труда может быть определена лишь в более общей системе ценностей — она вырабатывается в том фундаментальном проекте человека, с которым тот трансцендирует к бытию.

[==91](#)

[00.htm - glava08](#)

Часть вторая

ИСТОРИЯ

[00.htm - glava09](#)

1.

Этот мир всегда принадлежал мужчинам — и ни одно предложенное обоснование этого факта не показалось нам убедительным. Только рассмотрев доисторические и этнографические данные в свете философии экзистенциализма, философии существования, мы сможем понять, как установилась иерархия полов. Мы уже отмечали, что, когда две категории людей противостоят друг другу, каждая хочет навязать другой свое господство; если обе они в состоянии настаивать на этом требовании, между ними образуется — иногда враждебное, иногда дружественное, всегда напряженное — отношение взаимности; если же преимущество оказывается на стороне одной из них, она одерживает верх над другой и всячески старается закрепить ее в угнетенном положении. Итак, понятно, почему у мужчины возникло желание возвыситься над женщиной, но какое преимущество позволило ему осуществить это желание?

Сообщаемые нам этнографами сведения о примитивных формах человеческого общества крайне противоречивы, особенно когда этнографы хорошо информированы и не придерживаются определенной системы. Исключительно трудно составить себе представление о положении женщины в период, предшествующий земледельческому. Мы даже не знаем, ведь, может быть, в условиях жизни, столь отличных от нынешних, мускулатура и дыхательный аппарат женщины были развиты так же, как и у мужчины. Ей доставалась тяжелая работа, в частности, именно она таскала тяжести; правда, последний факт можно расценить по-разному: возможно, эта функция была возложена на нее, чтобы при длительных переходах у мужчины руки были свободными и он мог бы отбиваться от возможных нападений зверя или человека; в таком случае его задача была более опасной и требовала большей физической силы. Создается тем не менее впечатление, что во многих случаях женщины были достаточно крепки и выносили-

вы, чтобы участвовать в военных походах. Из рассказов Геродота, сказаний о дагомейских амазонках и многих других древних и современных источников следует, что женщины принимали участие в войнах и кровавых вендеттах; при этом они проявляли не менее мужества и жестокости, чем мужчины; известно, например, что некоторые из них зубами вгрызались в печень своих врагов. И все же, скорее всего, тогда, как и сейчас, преимущество в физической силе было на стороне мужчины; в век дубины и диких зверей, в век, когда противостояние природе требовало предельного напряжения, а орудия труда были самыми примитивными, это превосходство должно было иметь колоссальное значение. Во всяком случае, какими бы сильными ни были в то время женщины, в борьбе против враждебного мира бремя деторождения им страшно мешало — рассказывают, что амазонки калечили себе груди, а значит, по крайней мере на тот период, что они посвящали себя ратному делу, отказывались от материнства. Что же касается нормальных женщин, беременность, роды, менструация снижали их трудоспособность и обрекали на долгие периоды бессилия. Чтобы защищаться от врагов, чтобы прокормить себя и свое потомство, они нуждались в покровительстве воинов, им необходимы были продукты охоты и рыболовства, которыми занимались мужчины. А так как никакого контроля за рождаемостью, разумеется, не существовало, а природа не дала женщине периодов бесплодия, как самкам других млекопитающих, беспрестанное материнство, очевидно, поглощало большую часть сил и времени; они были неспособны обеспечить жизнь детям, которых производили на свет. Таков первый факт, ведущий к серьезным последствиям. На заре человечества жизнь была трудной: люди занимались собирательством, охотой и рыболовством и ценой тяжелейших усилий отвоевывали у земли лишь скудные богатства. Детей рождалось слишком много по сравнению с ресурсами сообщества, абсурдная плодовитость женщины мешала ей активно участвовать в преумножении богатств, и в то же время она постоянно создавала новые потребности. Призванная обеспечивать воспроизводство рода, она обеспечивала его с избытком — мужчина же обеспечивал равновесие между воспроизводством и производством. Таким образом, женщина даже не обладала привилегией по поддержанию жизни рядом с мужчиной — творцом нового; она не играла роль яйцеклетки по отношению к сперматозоиду или матки по отношению к фаллосу; она лишь посильно участвовала в упорной борьбе человеческого рода за выживание, и только благодаря мужчине эта борьба приводила к конкретным результатам.

И все же, поскольку равновесие производства и воспроизводства в конце концов всегда устанавливалось — ценой детоубийства, жертвоприношений, войн, — с точки зрения коллективного выживания одинаково необходимы и мужчины и женщины; можно даже предположить, что на определенной стадии продовольственного изобилия женщина-мать подчинила себе мужчину благо-

даря своей роли хранительницы и кормилицы. У животных существуют самки, которым материнство дает полную независимость; почему же женщине не удалось сделать из него пьедестал? Даже в те моменты истории, когда человечество самым настойчивым образом требовало увеличения рождаемости, поскольку рабочие руки нужны были больше, чем сырье,

даже в те эпохи, когда материнство пользовалось наибольшим уважением, оно не позволило женщине завоевать первенство¹. Причина этого в том, что человечество не является просто естественным видом; его задача — не в поддержании себя в качестве рода; его проект — не стагнация, это проект, направленный на то, чтобы преодолеть, превзойти себя.

Первобытные племена мало интересовались будущими поколениями. Не привязанные к определенной территории, ничем не владея, не воплощаясь ни в чем стабильном, они не могли выработать никакой конкретной идеи о непрерывности; они не заботились о том, чтобы пережить себя, и не узнавали себя в своих потомках; они не боялись смерти и не нуждались в наследниках; дети были для них обузой, а не богатством. Доказательство тому — широкое распространение детоубийства у кочевых народов; а те же новорожденные, что не были убиты, часто умирали от недостатка гигиены посреди всеобщего равнодушия. И женщине, рожавшей детей, была неведома гордость созидания, она чувствовала себя пассивной игрушкой темных сил, а болезненные роды были событием бесполезным, а то и досадным. Позже ребенок стал цениться выше. Но в любом случае рожать и кормить — это не *деятельность*, это естественные функции, *и* них нет никакого проекта; и поэтому женщина не видит в этом повода для высокомерного утверждения своего существования; она пассивно претерпевает свою биологическую судьбу. Домашняя работа, которой она вынуждена посвятить себя, поскольку только это совместимо с обязанностями материнства, замыкает ее в круге повторяемости и имманентности; эта работа повторяется изо дня в день в той же форме и переходит почти без изменений из века в век; женщина не производит ничего нового. Случай мужчины принципиально иной; добыча пропитания для коллектива представляет для него не просто жизненный процесс, как для рабочих пчел, но серию актов, трансцендирующих его животное состояние, *Nom faber*² испокон веку изобретатель: уже палка и дубина, которыми он вооружает руку, чтобы сбивать с дерева плоды и убивать животных, являются инструментами, расширяющими возможности для освоения мира; мало того что он приносит в дом рыбу, выловленную из морской пучины, — прежде ему нужно покорить водную стихию, выдолбив пирогу; в ходе присвоения богатств мира

¹ Сегодня социология абсолютно не доверяет измышлениям Бахоффена.

² Человек-творец, человек созидающий (лот.).

он присваивает и сам мир. В этом действии он испытывает себя на власть; он полагает цели и проектирует к ним пути — он реализуется как человек существующий. Чтобы поддерживать жизнь, он созидает ее; он выходит за рамки настоящего и открывает будущее. Поэтому рыболовецкие и охотничьи походы приобретают характер священнодействия. В честь их успешного завершения устраиваются триумфальные празднества; в них человек осознает свою человечность. Эту гордость он проявляет и сегодня, построив плотину, небоскреб, атомный реактор. Он трудился не только над сохранением данного мира — в труде он раздвигал его границы и закладывал основы для нового будущего. Есть в его деятельности и другой аспект, который внушает к ней наивысшее уважение, — эта деятельность зачастую опасна. Если бы кровь была всего лишь продуктом питания, она ценилась бы не выше молока; но охотник — не мясник, в борьбе с дикими животными он подвергается опасности. Чтобы поднять престиж своего племени и рода, воин рискует жизнью. И таким образом блестяще доказывает, что жизнь не является для человека высшей ценностью, а должна служить целям более значительным, чем она сама. Худшее проклятие, тяготеющее над женщиной, — это ее неучастие в военных походах; человек

возвышается над животным не тем, что дает жизнь, а тем, что рискует жизнью; поэтому человечество отдает предпочтение не рожающему полу, а полу убивающему.

И в этом ключ к разгадке всей тайны. На уровне биологии вид может поддерживать себя, лишь заново себя создавая; но это созидание — не что иное, как повторение той же самой Жизни в различных формах. Человек обеспечивает повторение Жизни, трансцендируя Жизнь посредством своего Существования, Экзистенции; превосходя самого себя, он создает ценности, которые полностью обесценивают простое повторение. У животных ничем не стесненное разнообразие деятельности самца оказывается совершенно напрасным, потому что у самца нет никакого проекта; когда он не служит виду, все его действия ничего не стоят; самец же человека, служа роду, преображает мир, создает новые инструменты, изобретает и кует будущее. Утверждая себя как полновластного господина, он встречает участие и в самой женщине — ведь она тоже существует, ей тоже свойственна трансцендентность, и проект ее не в повторении раз и навсегда данного, а в выходе за пределы своего «я» к другому будущему; в глубине души она согласна с мужскими притязаниями. Она присоединяется к мужчинам во время праздников, устраиваемых в честь мужских успехов и побед. Ее несчастье в том, что она биологически обречена повторять Жизнь, тогда как и в ее глазах Жизнь не несет в себе своего обоснования, а обоснование это важнее самой жизни.

Диалектика, определяющая, по Гегелю, отношение хозяина к рабу, местами больше подходит для объяснения отношения муж-

==95

чины к женщине. Преимущество Хозяина, говорит он, основано на том, что, рискуя жизнью, он утверждает примат Духа над Жизнью — но на самом деле покоренному рабу этот риск тоже знаком. А вот женщина — это изначально существо, которое дает Жизнь *вообще* и не рискует *своей* жизнью; она никогда не сталкивалась с мужчиной в борьбе; к ней всецело приложимо гегелевское определение: «Другое (сознание) — это сознание зависимое, для которого основной действительностью является животная жизнь, то есть бытие, данное другой сущностью». Но это отношение отличается от отношения угнетателя и угнетенного, потому что женщина признает ценности, конкретно достигаемые мужчинами, и тоже на них нацелена; именно мужчина открывает будущее, к которому трансцендирует и она; по правде говоря, женщины никогда не противопоставляли мужским ценностям женские — это разделение придумали мужчины, желая поддержать мужские привилегии; они решили создать женский удел — порядок и определенный уклад жизни, законы имманентности — для того только, чтобы заключить в нем женщину; но существующий ищет оправдания своему существованию в своей трансценденции поверх каких бы то ни было половых различий — и доказательством тому служит само подчинение женщин. Их требования на сегодняшний день как раз и заключаются в том, чтобы быть признанными существующими наравне с мужчинами и не подчинять свое существование — жизни, а человека в себе — одной животной сущности.

Таким образом, перспектива философии существования позволяет нам понять, почему биологическая и экономическая ситуация в примитивных племенах должна была привести к мужскому главенству. Самка подчинена роду в большей степени, чем самец; человечество всегда стремилось выйти за пределы особой судьбы; с изобретением орудий труда поддержание жизни стало для мужчины деятельностью и проектом, тогда как материнство для женщины так и осталось связанным с телом, как у животных. Мужчина стал полагать себя по отношению к женщине как хозяин, потому что человечество поставило вопрос о сути своего бытия, то есть

предпочло жизни смысл жизни; проект мужчины заключается не в том, чтобы повторяться во времени, а в том, чтобы восторжествовать над мгновением и ковать будущее. Именно мужская деятельность, создавая ценности, утвердила как ценность само существование; она одержала верх над темными силами жизни, а также поработила Природу и Женщину.

Теперь нам предстоит проследить, как это положение вещей закреплялось и развивалось на протяжении веков. Какое место уделило человечество той части себя самого, которая внутри его определилась как Другой? Какие права оно признало за этой частью? Какое определение дали ей мужчины?

[==96](#)

[00.htm - glava10](#)

II

Как мы только что убедились, в первобытном племени женская доля очень тяжела; у самок животных функция воспроизводства естественно ограничена, а во время ее исполнения особь полностью или частично освобождается от других забот; только самок домашних животных требовательный хозяин доводит порой до полного истощения, используя как их свойство воспроизводить жизнь, так и индивидуальные способности. Видимо, так же обстояло дело и с женщиной в то время, когда борьба против враждебного мира требовала отдачи всех ресурсов сообщества; к бремени беспрестанного и беспорядочного деторождения добавлялись тяжелые домашние обязанности. Впрочем, некоторые историки утверждают, что именно на этой стадии меньше всего выражено мужское превосходство. Однако следует отметить, что превосходство это переживается непосредственно, оно непреднамеренно и никем не полагаемо; еще не предпринимается никаких усилий, чтобы компенсировать жесткость обстоятельств, ставящих в невыгодное положение женщину; но нет и стремления притеснять ее, как это будет впоследствии при патерналистском строе. Неравенство полов не закреплено никакими институтами; да и самих институтов тоже нет — нет ни собственности, ни наследства, ни права. Религия нейтральна — все поклоняются какому-нибудь бесполому тотему, Лишь когда кочевники закрепляются на земле и начинают заниматься сельским хозяйством, появляются институты и право. Человек уже не ограничивается суровым сопротивлением враждебным силам — он начинает конкретно утверждать себя через образ, который он навязывает миру, через то, как он мыслит мир и самого себя. В этот момент различие между полами отражается на структуре сообщества; оно приобретает особенный характер; в сельскохозяйственных коллективах женщина часто облечена необычайным престижем. Престиж этот главным образом объясняется тем совершенно новым значением, что приобретает ребенок в цивилизации, основой которой становится земледельческий труд. Обосновываясь на той или иной территории, люди присваивают ее себе; появляется собственность в коллективной форме; она требует от своих владельцев потомства; материнство становится сакральной функцией. Многие племена живут общинным строем — это не значит, что женщины принадлежат всем мужчинам коллектива; сегодня уже практически никто не верит, что брак по принципу близкого соседства когда-либо практиковался; но религиозное, социальное и экономическое существование мужчин и женщин возможно только в группе — их индивидуальность остается чисто биологическим фактом; брак в любой форме — моногамии, полигамии или полиандрии — также является чисто мирским случайным явлением, не осознанным как какая-то мистическая связь. Для супруги он не является источником какого

бы то ни было порабощения, она продолжает быть составной частью своего рода. Весь род в целом, объединенный одним тотемом, мистически обладает одной маной, а материально — одной территорией. В соответствии с процессом отчуждения, о котором я говорила, род воспринимает себя на этой территории в определенном объективном и конкретном образе; так, через постоянство места обитания он реализуется как единое целое, идентичность которого поддерживается в дисперсии времени. Только экзистенциальный подход позволяет понять сохранившуюся до наших дней идентификацию рода, людей, семьи и собственности. Сельскохозяйственная община противопоставляет мировоззрению кочевых племен, для которых существует только мгновение, новое мировоззрение, которое видит жизнь уходящей корнями в прошлое и захватывающей будущее: возникает поклонение тотемическому предку, давшему имя членам рода, и род начинает серьезно интересоваться своими потомками — ведь в земле, которую он им завещает и которую они будут обрабатывать, род переживет самого себя. Община осознает себя как единое целое и хочет продлить свое существование за пределами настоящего времени — она узнает себя в детях, признает их своими, в них реализуется, в них же превосходит себя. Но первобытные люди, как правило, не задумывались об участии отца в воспроизводстве; детей рассматривали как перевоплощение духов предков, витающих вокруг определенных деревьев и скал, в определенных священных местах и попадающих в тело женщины; порой предполагалось, что такое проникновение возможно, только если женщина утратила девственность, однако другие народы допускали, что оно может осуществиться и через ноздри или через рот; во всяком случае, дефлорация имеет здесь второстепенное значение и по каким-то мистическим причинам редко считается делом мужа. Мать же совершенно очевидно необходима для рождения ребенка; она сохраняет и вскармливает зародыш в своем чреве, через нее жизнь рода получает распространение в видимом мире. Таким образом, выходит, что она играет роль первого плана. Очень часто дети принадлежат роду матери, носят его имя и получают долю в его правах, в частности в пользовании землей, находящейся во владении рода. Итак, общинная собственность передается по женской линии; женщины распределяют поля и урожаи между членами рода, и наоборот, члены рода получают тот или иной удел от своих матерей. Значит, можно заключить, что земля мистическим образом принадлежит женщинам — они имеют одновременно религиозную и законную власть над землей и ее продуктами. Связующие их узы теснее, чем принадлежность; при материнском праве наблюдается самое настоящее отождествление женщины и земли; в них обеих путем различных превращений воспроизводится постоянство жизни — жизни, являющейся прежде всего способностью к порождению нового.

Кочевники воспринимают рождение детей как явление случайное, а о богатствах земли и вовсе ничего не знают; земледелец же восхищается тайной плодородия, кроющейся в борозде пашни и в материнском чреве; он знает, что сам порожден так же, как скот или хлеб, и хочет, чтобы его род продолжался в новых людях, которые увековечат его, увековечивая плодovitость полей; вся природа представляется ему матерью; земля — это женщина, а в женщине живет та же неведомая мощь, что и в земле¹. Отчасти поэтому ей были доверены сельскохозяйственные работы: если она способна призывать в свое чрево духов предков, значит, у нее есть сила заставить засеянные поля в изобилии давать плоды и колосья. В том и в другом случаях речь идет не о созидательном действии, но о магическом заклинании. На этой стадии человек уже не ограничивается

собираательством плодов земли, но еще не знает своего могущества; он колеблется между техникой и магией; он чувствует себя пассивным и зависимым от Природы, произвольно отпускающей жизнь и смерть. Разумеется, он более или менее признает полезность полового акта и техники, помогающей возделывать землю, — но дети и урожай тем не менее представляются ему сверхъестественными дарами; причем богатства, скрытые у самых потаенных истоков жизни, привлекают в этот мир таинственные испарения, исходящие от женского тела. Подобные верования еще до сих пор сохраняются во многих индейских, австралийских и полинезийских племенах²; и значение их достаточно велико, поскольку они прекрасно сочетаются с практическими интересами коллектива. Материнство обрекает женщину на оседлый образ жизни; пока мужчина охотится, рыбачит, воюет, она, естественно, остается у домашнего очага. Но у примитивных народов садоводство ограничивается лишь небольшими площадями, размещенными в пределах деревни; их возделывание относится к домашней работе; пользование орудиями труда каменного века не требует интенсивных усилий; экономика и мистика сообща предоставляют земледелие женщинам. И по

«Привет тебе. Земля, мать людей, стань плодородной в объятиях Божьих и преисполнись плодов на благо человеку», — гласит древнее англосаксонское заклинание.

В Уганде и у индийских племен бханта бесплодная женщина считается опасной для садов. В Никобаре верят, что урожай будет более обильным, если его соберет беременная женщина. На Борнео именно женщины отбирают и хранят семена. «Кажется, в них видят природное родство с семенами, о которых сами женщины говорят как о беременных. Иногда в период созревания риса женщины проводят ночь на рисовых полях» (Хоуз и Мак-Дугал). В Древней Индии обнаженные женщины ночью проходят с плугом вокруг поля. Индейцы оренока предоставляли сажать и сеять женщинам, ибо «точно так же, как женщины умели зачинать и производить на свет детей, так и посаженные ими зерна и корни давали более обильные всходы, чем если бы их сажали мужчины» (Фрззер). У Фрззера можно найти множество подобных примеров.

==99

мере того, как зарождается домашняя индустрия, она также достается в удел женщинам; они ткут ковры и покрывала, изготавливают посуду. Часто именно они ведают обменом товарами — в их руках находится торговля. Итак, они способствуют поддержанию и распространению жизни племени; от их усилий и магических свойств зависят дети, стада, урожаи, домашняя утварь и вообще процветание группы людей, душой которой они являются. Такое могущество внушает мужчинам смешанное чувство уважения и ужаса, что находит отражение в культе женщин. Последние начинают восприниматься как воплощение всей чуждой Природы.

Как мы уже говорили, человек осознает себя только в противопоставлении *Другому*, человек воспринимает мир сквозь призму дуализма, причем первоначально дуализм этот не имеет половой окраски. Но поскольку женщина отличается от мужчины, который полагает себя в качестве самотождественного, она, естественно, попадает в категорию Другого; понятие «Другой» включает в себя женщину; но вначале ее значение еще не так велико, чтобы она могла одна воплощать это понятие, и таким образом внутри Другого намечается подразделение: в древних космогониях один и тот же элемент часто имеет и мужское и женское воплощение — так, у вавилонян Океан (муж.) и Море (жен.) являются двойным воплощением космического хаоса. Когда роль женщины возрастает, она почти полностью поглощает область Другого. Тогда появляются божества женского пола, чей культ связан с поклонением идее плодородия. В Сузах было найдено древнейшее изображение Великой Богини, Великой Матери в длинном одеянии и

высоком головном уборе, в то время как другие статуи увенчаны башнями; несколько таких изображений было обнаружено при раскопках на Крите. Ее то представляют сидящей на корточках, с непомерно пышными бедрами, то — стоящей и более худой, иногда одетой, часто — обнаженной, сжимающей руки под полными грудями. Она владычица небес, ее символ — голубь; она же повелительница преисподней, откуда ползком выбирается на поверхность символизирующая ее в этом случае змея. Она дает о себе знать в горах и лесах, на море и в родниках. Повсюду она творит жизнь — даже убивая, воскрешает. Капризная, похотливая, жестокая, как Природа, благодатная и грозная одновременно, она царит по всей Эгеиде, Фригии, Сирии, Анатолии, по всей Западной Азии. В Вавилоне ее зовут Иштар, у семитских народов — Астарта, у греков — Гея, Рея или Кибела; в Египте ее обнаруживают в образе Исида; божества мужского пола занимают по отношению к ней подчиненное положение. Являясь верховным идиолом самых дальних сфер неба и преисподней, женщина на земле окружена табу; как все сакральные существа, она сама и есть табу; она обладает такой властью, что в ней видят волшебницу, ведьму; ее ассоциируют с молитвой, а иногда она становится жрицей, как друидессы у древних кельтов; в некоторых случаях она участвует в

[К оглавлению](#)

[==100](#)

управлении племенем и даже, случается, осуществляет его в одиночку. Те давние времена не оставили нам никакой литературы. Но великие патриархальные эпохи сохранили в своей мифологии, памятниках, традициях воспоминания о временах, когда женщины занимали очень высокое положение. С женской точки зрения, брахманическая эпоха была шагом назад по сравнению с эпохой Ригведы, а последняя — по сравнению с предшествовавшей ей примитивной стадией. Статус бедуинок в доисламскую эпоху был гораздо выше, чем тот, что определен Кораном. Великие образы Ниобеи и Медеи напоминают об эре, когда матери считали детей своим личным достоянием и непомерно гордились ими. А в гомеровских поэмах Андромача и Гекуба обладают влиянием, которое классическая Греция уже не признает за женщинами, укрывшимися в тени гинекея. На основе этих фактов было выдвинуто предположение, что в первобытные времена существовало настоящее женское Царство; именно эту гипотезу, предложенную Бахоффоном, воспринял Энгельс; переход от матриархата к патриархату представляется ему «великим историческим поражением женского пола».

Но в действительности такой золотой век Женщины — не что иное, как миф. Сказать, что женщина была *Другим*, — значит констатировать отсутствие отношения взаимности между полами; Земля, Мать, Богиня, она никогда не была для мужчины равной, ее могущество утверждалось *за пределами* человеческого царства, а значит, и сама она была *вне* его. Общество всегда было мужским, политическая власть всегда находилась в руках у мужчин. «Общественная или просто социальная власть всегда принадлежит мужчинам», — утверждает Леви-Строс в конце своего исследования, посвященного примитивным обществам. Для мужчины подобный, другой, который одновременно и тот же самый и с которым можно установить отношение взаимности, — это всегда индивид мужского пола. Дуализм, который в той или иной форме обнаруживается в недрах сообщества, противопоставляет одну группу мужчин другой, а женщины составляют часть богатства, которым мужчины владеют и обмениваются между собой. Ошибка произошла из-за смешения двух совершенно взаимоисключающих видов Другого. Если женщина рассматривается как абсолютно Другой, то есть — несмотря на всю свою магию — как несущественное, совершенно невозможно воспринимать в ней другого субъекта¹. Женщины, та-

Как мы увидим, такое разделение утвердилось. Как раз в те эпохи, когда женщина воспринималась как *Другой*, общество особенно упорно отказывалось принять ее как человека. Сегодня она становится равным Другим ценой утраты мистического ореола. На этой двусмысленности всегда играли антифеминисты. Они охотно соглашались превозносить женщину как Другого, с тем чтобы утвердить ее другую сущность как абсолютную, неизменную и отказать ей в участии в человеческом *mitsein*.

==101

ким образом, никогда не составляли отдельной группы, которая полагала бы себя *для себя* перед лицом мужского объединения; они никогда не имели прямого и автономного отношения с мужчинами.

«Отношение взаимности, лежащее в основе брака, было установлено не между мужчинами и женщинами, а между мужчинами при помощи женщин, которые явились для этого всего лишь основным поводом», — говорит Леви-Строс¹. Конкретное положение женщины вовсе не зависит от того, какой тип филиации преобладает в обществе, к которому она принадлежит; при патрилинейной, матрилинейной, и при смешанной, и при неопределенной (ведь неопределенность всегда относительна) филиации женщина всегда остается под опекой мужчин; вопрос лишь в том, находится ли она после заключения брака по-прежнему под властью отца или старшего брата — властью, распространяющейся впоследствии и на ее детей, — или начинает подчиняться мужу. Но в любом случае: «Женщина служит лишь символом для своего потомства... матрилинейная филиация — не что иное, как рука отца или брата женщины, дотянувшаяся до деревни мужа»². Она лишь посредница при передаче права, но не его держательница. На самом деле тип филиации определяет отношения между двумя мужскими группами, а не между полами. На практике конкретное положение женщины не имеет прочной связи с тем или иным типом правового устройства. Случается, что при матрилинейной филиации она занимает очень высокое положение (следует, однако, не упускать из виду, что появление женщины — вождя, царицы во главе племени совершенно не означает, что в нем правят женщины; восшествие на русский престол Екатерины Великой несколько не изменило судьбу русских крестьянок); но нередко ей суждено жить в унижении и подлости. Впрочем, случаи, когда женщина остается со своим родом, а мужу дозволяется лишь наносить ей краткие, а то и тайные визиты, встречаются весьма редко. Почти всегда она переселяется в дом супруга — уже одного этого достаточно, чтобы продемонстрировать мужское превосходство. «При всех колебаниях форм филиации, — говорит ЛевиСтрос, — постоянное проживание в доме у мужчины свидетельствует об изначальной асимметрии в отношениях между полами, характеризующей человеческое общество». Поскольку она держит при себе детей, получается, что территориальная организация племени не совпадает с его тотемической организацией: последняя тщательно выстроена, первая — случайна; но на практике первая имеет большее значение, ибо место, где люди живут и работают, важнее, чем их мистическая принадлежность. При переходных формах филиации, которые получили наибольшее распро-

¹ См.: *Лев и-Строс*. Элементарные структуры родства.

² Там же.

странение, сосуществуют два вида права, одно — религиозное, другое — основанное на совместном проживании и обработке земли, и они взаимно проникают друг в друга. Хотя брак и является светским установлением, его социальное значение чрезвычайно велико; семья, даже не имея религиозного смысла, очень существенна в человеческом плане. Даже в тех сообществах, где наблюдается большая сексуальная свобода, женщина, производящая на свет ребенка, должна быть замужем; одна со своим потомством она не сможет образовать автономную группу; одного религиозного покровительства брата оказывается недостаточно — необходимо присутствие супруга. Часто он имеет большую ответственность перед детьми; хотя они и не принадлежат к его клану, он обязан их кормить и воспитывать; между мужем и женой, между отцом и сыном устанавливается связь, основанная на совместном проживании, общем труде и интересах, взаимной нежности. Отношения между такой светской семьей и тотемическим родом очень сложны, о чем свидетельствует разнообразие свадебных обрядов. Первоначально муж покупает жену у другого клана или по крайней мере два клана совершают обмен — один предоставляет своего члена, другой уступает скот, плоды, труд. Но поскольку муж берет на свое обеспечение жену и ее детей, бывает также, что он получает вознаграждение от ее братьев. Равновесие между мистическими и экономическими реалиями весьма шатко. Часто мужчина гораздо больше привязан к своим детям, чем к племянникам; он предпочтет утверждать себя как отец, когда предоставится возможность такого самоутверждения. И поэтому всякое общество начинает тяготеть к патриархальной форме, как только стадия его развития позволяет человеку осознать себя и проявить свою волю.

Однако важно подчеркнуть, что даже в те времена, когда мужчина терялся в тайнах Жизни, Природы и Женщины, он не слагал с себя власти; когда, в страхе перед опасной магией, таящейся в женщине, он полагает ее как существенное, полагает ее именно он и в этом добровольно принимаемом отчуждении сам реализуется как существенное; несмотря на все ее плодоносные свойства, мужчина остается ее хозяином, как является он хозяином плодородной земли; ее судьба — быть подчиненной, покоренной, эксплуатируемой, как сама Природа, плодородие которой она магическим образом воплощает. Престиж, которым она наделена в глазах мужчин, она получает от них; они преклоняют колена перед Другим и поклоняются Богине-Матери. Но при всем своем кажущемся могуществе она постижима только в понятиях, выработанных мужским сознанием. Все изобретенные человеком идола, какими бы ужасающими он их ни придумал, на самом деле зависят от него, что позволит ему в дальнейшем их разрушить. В примитивных обществах эта зависимость не признавалась и не полагалась, но она существовала не опосредованно, сама в себе; а как только человек полнее осознает себя, как только осмелится

утверждать и противопоставлять себя, она будет легко пропущена через сознание. На самом деле, даже когда человек воспринимает себя как данность, как пассивное существо, живущее по воле дождей и солнца, он все равно реализуется как трансценденция, как проект; его разум и воля уже тогда утверждают себя вопреки беспорядочности и случайности жизни. Тотемический предок, многие ипостаси которого берет на себя женщина, представляет собой под именем животного или дерева более или менее ярко выраженное мужское начало; в женщине увековечено его плотское существование, но ее роль лишь в том, чтобы вскармливать, а не созидать; она не созидает ни в одной области; она поддерживает жизнь племени, давая ему детей и хлеб, больше ничего — она

остаётся обреченной на имманентность; она воплощает лишь статичность общества и того замкнутость на себе.

В то же время мужчина продолжает присваивать функции, которые открывают общество навстречу природе и всему человечеству в целом; единственно достойные его занятия — это война, охота, рыболовство, он делает своей добычей нечто чужое и присоединяет это к своему племени; война, охота, рыболовство представляют собой экспансию существования, его выход в мир; мужчина является единственным воплощением трансценденции. У него пока нет практических средств для полного господства над Женщиной-Землей, он еще не осмеливается восстать против нее, но уже хочет от нее оторваться. На мой взгляд, именно в этом желании следует искать глубинную причину знаменитого обычая экзогамии, столь распространенного в обществах с материнской филиацией. Даже ничего не зная о своей роли в деторождении, мужчина придает большое значение браку: женившись, он обретает достоинство взрослого и получает свою долю во владении миром; через мать он связан со своим кланом, предками, со всем, что составляет его собственную субстанцию; но во всех светских функциях — работе и браке — он стремился вырваться из этого круга, противопоставить имманентности трансцендентность, открыть перед собой будущее, отличное от прошлого, куда уходят его корни. В зависимости от того, как определяется тип родства в различных обществах, запрещение инцеста принимает различные формы, но с первобытной эпохи до наших дней смысл его остаётся прежним: мужчина желает обладать прежде всего тем, чем сам он не *является*; он соединяется с тем, что представляется ему Другим по сравнению с самим собой. Значит, жена не должна быть причастна *мане* мужа, должна быть ей чужой — а следовательно, чужой и для его племени. В основе первобытного брака иногда лежит похищение, хотя бы символическое, — ведь насилие по отношению к другому человеку является самым наглядным утверждением его другой сущности. Силой завоевывая себе жену, воин доказывает, что способен присвоить себе чужое богатство и

==104

тем самым сломать границы судьбы, определенной ему по рождению; покупка жены в различных формах — будь то уплата выкупа или предоставление услуг — имеет тот же смысл, хотя это и не столь очевидно¹.

Понемногу человек опосредовал свой опыт, и мужское начало восторжествовало как в его представлениях, так и в практическом существовании. Дух одержал верх над Жизнью, трансцендентность — над имманентностью, техника — над магией, разум — над суеверием. Падение престижа женщины представляет собой необходимый этап в истории человечества — ведь этот престиж был основан не на ее позитивной ценности, но на слабости мужчины. В ней воплощались тревожные тайны природы — и мужчина выходит из-под ее влияния, когда освобождается от природы. Своим трудом покорить землю, а также и покорить самого себя стало возможным в результате перехода от камня к бронзе. Земледелец брошен на произвол земли, прорастания семян, смены времени года, он пассивен, он заклинает и ждет — и поэтому человеческий мир был населен тотемическими духами; крестьянин терпел капризы со всех сторон обступавших его стихий. Рабочий же, наоборот, мастерит орудие труда по своему усмотрению; своими руками он придает ему образ согласно своему проекту; перед лицом инертной природы, которая сопротивляется ему, но которую он побеждает, он утверждает себя как суверенную волю; чем чаще будет он ударять по наковальне, тем скорее изготовит инструмент — тогда как ничто не может ускорить созревание колосьев; он осознает свою ответственность за изготовленную вещь: одно ловкое или неловкое движение может придать ей форму или сломать ее; осторожно и умело он доводит ее до

¹ Подтверждение этой мысли в несколько иной форме мы находим в уже цитированной диссертации Леви-Строса. Из его рассуждений следует, что запрещение инцеста ни в коей мере не было изначальным фактом, повлекшим за собой экзогамию, — оно является негативным отражением позитивной воли к экзогамии. Нет никаких непосредственных причин, почему бы женщина не могла стать предметом торга для мужчин ее рода; но с социальной точки зрения важно, чтобы она была частью уступок, посредством которых каждый род, вместо того чтобы замкнуться на себе, устанавливает с другим родом отношение взаимности: «Экзогамия имеет не столько негативную, сколько позитивную ценность... она исключает эндогамный брак. не потому, что кровосмесительный брак связан с биологической опасностью, а потому, что экзогамный брак полезен для общества». Группа не должна единолично пользоваться женщинами, составляющими часть ее достояния, — ей следует сделать их средством общения с другими группами; брак с женщиной из своего рода запрещен «лишь потому, что женщина эта — то же, тогда как ей следует (а значит, она может) стать Другой... Проданы в рабство могут быть те же самые женщины, которых первоначально приносили в дар. И те и другие должны лишь иметь на себе *признак другой сущности*, который является следствием определенного положения в структуре, а не врожденным свойством».

==105

совершенства, которым вправе гордиться: успех дела зависит не от милости богов, а от него самого.

Он бросает вызов товарищам, гордится успехами, и, хотя обряды еще занимают какое-то место в его жизни, точная техника кажется ему намного важнее; мистические ценности отходят на второй план, а на первый выдвигаются практические интересы; он не совсем освобождается от богов, но отделяет их от себя тем, что сам от них отделяется; он отправляет богов на их Олимп, а себе оставляет землю; с первым ударом молота великий Пан начинает чахнуть и наступает царство человека. Он осознает свою власть. На примере отношения его творящей руки и изготовленного предмета он постигает причинность: посеянное зерно может произрасти, а может и не произрасти, тогда как металл всегда одинаково реагирует на огонь, закалку, механическое воздействие; этот мир орудий труда укладывается в четкие и ясные понятия — и возникают рациональное мышление, логика и математика. В корне изменяется образ мира. Культ женщины был связан с царством земледелия, царством неизменной длительности, случайности, непредсказуемости, ожидания, тайны, царство же *hom faber* — это торжество времени, которое можно покорить, как пространство; победа необходимости, проекта, действия, разума. Впредь, даже имея дело с землей, человек будет подходить к ней как работник; он обнаруживает, что почву можно удобрять, что ей неплохо дать отдохнуть, что с такими-то посевами следует обращаться так-то; он орошает или осушает землю, прокладывает дороги, строит храмы — он заново создает мир. Народы, оставшиеся под властью богини-матери и сохранившие материнскую филиацию, тем самым остановились на стадии примитивной цивилизации. А дело в том, что женщина была почитаема в той мере, в какой мужчина пребывал рабом собственных страхов и потакал собственной беспомощности — ужас побуждал его поклоняться женщине, а вовсе не любовь. И чтобы осуществить себя как личность, ему нужно было прежде всего скинуть ее с престола'. Теперь в созидательной силе, свете, разуме и порядке он признает главенство мужского начала. Рядом с богиней-матерью возникает бог — сын или возлюбленный, — который пока еще ниже ее, но как две капли воды на нее похож и составляет с ней единое целое. Он тоже воплощает плодородное начало: это бык, Минотавр, Нил, удобряющий долины Египта. Он умирает осенью и воскресает весной, после того как неуязвимая, но безутешная супружата приложит все усилия, чтобы найти и оживить его тело. Эта

¹ Разумеется, условие это необходимое, но не достаточное; существуют патрилинейные цивилизации, застывшие на примитивной стадии, есть и такие, развитие которых пошло вспять, как у майя. Между обществами с материнским и отцовским правом нет абсолютной иерархии, но только последние достигли определенного уровня технического и идеологического развития.

==106

пара впервые появляется на Крите, а потом встречается на всем побережье Средиземного моря; в Египте это Исида и Гор, в Финикии — Астарта и Адонис, в Малой Азии — Кибела и Аттис, а в эллинской Греции — Рея и Зевс. Потом Великая Мать лишается престола. В Египте, где положение женщины продолжает быть исключительно благоприятным, богиня Нут, воплощающая небо, и Исида — плодородная земля, супруга Нила-Осириса — остаются чрезвычайно почитаемыми богинями; но верховным божеством все же становится Ра, бог солнца, света и мужественной энергии, В Вавилоне Иштар теперь всего лишь супруга Бел-Мардука, именно он сотворяет вещи и обеспечивает их гармоничное существование. Бог семитов — мужского пола. Когда Зевс воцаряется на небесах, Гее, Рее и Кибеле приходится отречься от престола, а Деметра остается божеством хоть и могущественным, но второстепенным. У ведических богов есть супруги, но их почитают меньше, чем их мужей. Римский Юпитер не знает себе равных¹.

Итак, торжество патриархата не было ни случайностью, ни результатом насильственной революции. С самого возникновения человеческого рода биологические преимущества позволили мужчине утвердиться как единственному полновластному субъекту; от этих преимуществ он никогда не отрекался; частично его существование было отчужденным в Природе и в Женщине; но затем он снова отвоевал его. Обреченная на роль Другого, женщина также была обречена и на то, что могущество ее будет непрочным, — кем бы она ни была, рабыней или идиолом, ей никогда не суждено самой избирать свой удел. «Мужчины создают богов, женщины им поклоняются», — сказал Фрэзер. И только мужчины решают, будут ли их божества женского или мужского пола; женщина всегда занимает в обществе то место, которое отводят ей мужчины; ни в какие времена ей не удавалось установить свой закон.

Возможно, правда, что, если бы производительный труд и впредь был по силам женщине, она вместе с мужчиной покоряла бы природу; человеческий род противопоставил себя богам в лице индивидов мужского и женского пола; но женщина не смогла овладеть возможностями, что сулили орудия труда, Энгельс недостаточно полно объяснил суть ее поражения: мало сказать, что

¹ Интересно отметить (см.: *M. B e g o u e n*. — «Journal de Psychologie», année 1934), что в ориньякскую эпоху часто встречаются статуэтки, изображающие женщин с подчеркнутыми половыми признаками: бросаются в глаза полнота этих женщин и преувеличенное внимание к вульве. Кроме того, в пещерах обнаружены и просто грубо нарисованные вульвы. В солютрейскую и магдаленийскую эпохи подобные изображения исчезают. В ориньякскую эпоху мужские статуэтки встречаются редко, а мужской орган не изображается никогда. В магдаленийскую эпоху еще иногда встречаются изображения вульв, но в небольшом количестве, зато обнаружено множество фаллосов.

==107

бретение бронзы и железа коренным образом изменило расстановку производительных сил и что женщина тем самым попала в невыгодное положение; самого по себе этого невыгодного положения недостаточно, чтобы объяснить, почему она попала под гнет мужчины. Пагубным для нее оказалось то обстоятельство, что, не став для работника товарищем по труду, она была исключена из человеческого *mitsein*; исключение это нельзя обосновать слабостью женщины и низкой производительностью ее труда. Мужчина не признал ее себе подобной потому, что ей чужды были и его труд, и его образ мыслей, что она пребывала во власти тайн жизни; а раз он не принимал ее, раз она сохраняла в его глазах характер *Другого*, единственное, что мог сделать мужчина, — это стать ее угнетателем. Мужская воля к экспансии и господству превратила женскую слабость в проклятие. Человек захотел максимально использовать новые возможности, предоставляемые новой техникой, — и он прибегнул к подневольной рабочей силе и обратил в рабство себе подобных. Поскольку труд рабов гораздо производительнее труда женщины, она потеряла экономическую роль, которую играла в племени. А в отношениях с рабом хозяин нашел гораздо более радикальное подтверждение своему господству, чем в том смягченном влиянии, которое он оказывал на женщину. Поскольку женщина внушала почтение и страх из-за своей плодovitости, поскольку она была *Другой* по сравнению с мужчиной, а значит сродни внушающей опасение области *Другого*, постольку мужчина в некотором роде находился в зависимости от нее, даже когда сама она зависела от него; взаимосвязь хозяин—раб актуально существовала и для нее, и тем самым она избежала рабства. Раб не защищен никаким табу, он всего лишь поработенный человек, не отличный, а низший — актуализация диалектики его взаимоотношений с хозяином займет целые века; в рамках организованного патриархального общества раб — это всего лишь выючное животное с человеческим лицом, хозяин ведет себя с ним как тиран; это разжигает в человеке гордыню — и он обращает ее против женщины. Всего, чего он добивается, он добивается за счет нее; чем могущественнее он становится, тем ниже она падает. В частности, став собственником земли¹, он требует также и собственности на женщину. Некогда им владела мана и Земля *вообще* — теперь у него *одна* душа и вполне *конкретные* земли; освободившись из-под власти Женщины *вообще*, он начинает претендовать на обладание конкретной женщиной и собственным потомством. Он хочет, чтобы семейный труд, который он использует для процветания своих полей, был целиком *его*, а для этого нужно, чтобы работники ему принадлежали, — так он поработывает жену и детей. Ему нужны наследники, в которых продлится его земная жизнь, поскольку он завещает

ем. ч. 1, гл. 3.

[==108](#)

ет им свои владения, и которые после смерти воздадут ему почести, необходимые для упокоения его души. Установление частной собственности дополняется культом домашних богов, и наследник выполняет одновременно экономическую и мистическую функции. Итак, с того момента, как земледелие перестает быть по сути своей магическим действием, а становится прежде всего созидательным трудом, мужчина обнаруживает в себе порождающую силу; он претендует на своих детей точно так же, как и на свой урожай¹. Важнейшей идеологической революцией в первобытные времена был переход от материнской филиации к филиации отцовской — агнации; отныне мать низводится до уровня кормилицы, прислуги, а всю полноту власти получает отец; все права принадлежат ему и передаются через него, Аполлон в «Эвменидах» Эсхила провозглашает эти новые истины: *Дитя родит отнюдь не та, что матерью*

Зовется. Нет, ей лишь вскормить посев дано. Родит отец. А мать, как дар от гостя, плод Хранит, когда вреда не причинит ей бог².

Очевидно, что подобные утверждения не являются следствием научного открытия, — это символ веры. Наверное, познав на опыте причинность в технике и таким образом убедившись в собственных созидательных возможностях, мужчина обнаружил, что для продолжения рода он так же необходим, как мать. Идея повлекла за собой наблюдение; но последнее ограничилось тем, что признало роль отца равной роли матери: оно позволило предположить, что естественное условие зачатия — это встреча спермы и менструаций. Именно эта мысль выражена у Аристотеля; женщина — всего лишь материя, тогда как «принцип движения, который во всех рождающихся существах есть принцип мужской, — лучше и в нем больше божественного». Идея эта отражает стремление к могуществу, превосходящее всякое знание. Приписывая потомство исключительно себе, мужчина окончательно высвобождается из-под власти женского начала и отвоевывает у женщины господство над миром. Теперь уделом женщины становится рождение детей и выполнение второстепенной работы, она утра-

Подобно тому как женщина отождествлялась с бороздой, фаллос теперь отождествляется с плугом, и наоборот. На одном рисунке касситской эпохи изображение плуга дополняли символы полового акта; позже тождество фаллос—плуг нередко находило отражение в пластическом искусстве. Слово *Iak* в нескольких австралийско-азиатских языках значит одновременно «фаллос» и «заступ». Существует ассирийская молитва, обращенная к богу, «плуг которого оплодотворил землю».

• Перевод С. Апта.

[==109](#)

чивает и практическую значимость, и мистическое влияние, а потому оказывается всего лишь прислугой.

Это завоевание мужчины представили как завершение ожесточенной борьбы. Одна из самых древних космогоний — ассиро-вавилонская — сохранила рассказ об их победе в тексте, датированном VII веком, но воспроизводящем гораздо более архаичную легенду. Океан и Море, Атум и Тамиат¹ породили мир небесный, мир земной и всех великих богов; но последние оказались им чересчур беспокойными, и они решили их уничтожить; борьбу с самым сильным и самым красивым из своих потомков — Бел-Мардуком — вела Тамиат, женщина-мать; он сошелся с ней в поединке, после жестокой битвы убил ее и рассек пополам ее тело; из одной половины он

сделал небесный свод, из другой — опору земного мира; затем он упорядочил вселенную и сотворил людей. В драме «Эвмениды», представляющей собой торжество патриархата над материнским правом, Орест также убивает Клитемнестру. Через такие кровавые победы мужская мощь и солярные силы порядка и света одерживают верх над женским хаосом. Оправдывая Ореста, суд богов провозглашает, что он прежде всего сын Агамемнона, а уже потом — Клитемнестры. Старое материнское право умерло — его убил дерзкий бунт мужчины. Однако на самом деле, как мы уже видели, утверждению отцовского права предшествовал долгий переходный период. Завоевывая, мужчина отвоевывал свое — он лишь вступил во владение тем, чем уже обладал, привел право в соответствие с реальностью. Ни борьбы, ни победы, ни поражения не было. Впрочем, в этих легендах есть глубокий смысл. Как только человек утверждает себя как субъект и существо свободное, идея Другого опосредуется. С этого момента отношения с Другим представляют собой драму; существование Другого содержит в себе угрозу, опасность. Ранняя древнегреческая философия показала — и Платон ее в этом не опроверг, — что другая сущность — это то же самое, что отрицание, то есть Зло. Полагать Другого — значит склоняться к манихейству. А потому все религии и законы столь враждебны по отношению к женщине. В эпоху, когда человечество достигло такого уровня развития, что смогло записать свою мифологию и законы, патриархат уже установился окончательно — своды законов составляли мужчины. Вполне естественно, что женщине они отвели подчиненное положение, но можно было бы ожидать, что они отнесутся к ней столь же доброжелательно, как и к детям или домашним животным. Ничего подобного. Закрепляя господство над женщиной, законодатели сами ее боятся. В ее амбивалентных свойствах выделяют один лишь пагубный аспект; из священной она становится нечистой, Ева, дарованная Адаму, чтобы стать его подругой, погубила человеческий род; когда языческие боги

¹ Видимо, Апсу и Тиамат. — *Перев.*

[К оглавлению](#)

[==110](#)

хотят отомстить людям, они создают женщину, и первое же такое существо женского пола — Пандора — выпустило на землю все невзгоды на погибель человечеству. Другой — это пассивность перед лицом активности, отличие, разбивающее единство, материя, противостоящая форме, беспорядок, сопротивляющийся порядку. Так предназначением женщины стало Зло. «Есть доброе начало, сотворившее порядок, свет и мужчину, и злое начало, сотворившее хаос, мрак и женщину», — говорит Пифагор, Законы Ману определяют ее как существо низкое, которое подобает держать в рабстве. Левит приравнивает ее к скоту, находящемуся во владении главы семьи. Законодательство Солон не предоставляет ей никаких прав. Римский кодекс отдает ее под опеку и заявляет о ее «глупости». Каноническое право рассматривает ее как «врата Дьявола». Коран говорит о ней с величайшим презрением.

Но в то же время Зло необходимо Добру, материя — идее, а ночь — свету. Мужчина знает, что, если он хочет удовлетворить свои желания и продлить свое существование, без женщины ему не обойтись; ее приходится вовлекать в общество — и по мере того, как она подчиняется заведенному мужчинами порядку, она очищается от изначальной скверны. Эта мысль отчетливо выражена в законах Ману: «С помощью законного брака женщина обретает те же достоинства, что и ее супруг, подобно тому как река теряется в океане, и после смерти может быть допущена в тот же небесный рай». Библия же с одобрением рисует портрет «сильной женщины». Несмотря на свою ненависть к плоти, христианство почитает посвященную девственницу и целомудренную и

послушную супругу. Если женщина причастна к культу, она даже может играть важную роль в религии; женщины-брахманы в Индии или фламминии в Риме наделены не меньшей святостью, чем их мужья; в супружеской паре повелевает мужчина, но союз мужского и женского начал по-прежнему необходим для обеспечения плодородия, жизни и общественного порядка.

Эта амбивалентность Другого, Женского повлияет на весь ход истории женщины; вплоть до наших дней она останется под властью мужской воли. Но воля эта имеет двойной смысл; полное присвоение женщины низводит ее до уровня вещи; однако мужчина хочет, чтобы все, что он завоевывает и чем владеет, имело собственное достоинство; Другой сохраняет в его глазах какую-то часть первобытной магии; как сделать супругу одновременно прислужой и подругой — вот одна из проблем, которую он пытается решить; его поведение на протяжении веков будет меняться, что повлечет за собой изменения и в женской судьбе¹.

Мы проследим за ходом этих изменений на Западе. История женщины на Востоке, в Индии и Китае в действительности представляет собой долгое и неизменное рабство. От средних веков до наших дней предмет своего исследования мы изберем Францию, история которой достаточно типична.

==111

[00.htm - glava11](#)

III

Возникновение частной собственности лишило женщину власти, и с частной собственностью будет на протяжении веков связана ее судьба: история женщины во многом перекликается с историей наследства. Фундаментальное значение этого установления можно понять, если учесть, что собственник отчуждает свое существование в собственности, он дорожит ею больше самой жизни; она выходит за узкие рамки этой временной жизни, продолжает существовать после разложения тела — земного, видимого воплощения бессмертной души; но такое продление жизни происходит только в том случае, если собственность остается в руках собственника — а она не могла бы по-прежнему быть его после смерти, если бы не принадлежала людям, в которых он видит свое продолжение, узнает самого себя, которых считает своими. Возделывать отцовскую землю и поклоняться манам отца — это для наследника две стороны одной и той же обязанности; он должен продлить жизнь предков на земле и в загробном мире. Таким образом, мужчина не станет делиться с женщиной ни имуществом, ни детьми. Полностью и навсегда удовлетворить свои притязания ему не удастся. Но в период могущества патриархата он отнимает у женщины все права на владение и передачу имущества. Впрочем, отказать ей в правах представляется вполне логичным. Стоит признать, что рожденные женщиной дети больше ей не принадлежат, как сразу теряется всякая связь между ними и группой людей, из которой происходит эта женщина. Если раньше при заключении брака один род на время отдавал женщину другому, то теперь ее полностью отторгают от группы, где она родилась, и присоединяют к группе супруга; он покупает ее, как скотину или раба, и навязывает ей своих домашних богов — дети же ее принадлежат семье супруга. Если бы она была наследницей, то все богатства семьи своего отца передала бы семье мужа — поэтому ее старательно исключают из наследования. И наоборот, поскольку она ничем не владеет, за ней не признают достоинства личности; она сама составляет часть достояния мужчины — сначала отца, потом — мужа. При строго патриархальном режиме отец волен осудить своих новорожденных детей на смерть, будь то мальчики или девочки; но в первом случае общество, как правило, ограничивает его власть: любой новорожденный мужского пола и нормального сложения

остается жить; а вот обычай отречься от девочек получил большое распространение; у арабов известны случаи массового детоубийства: только что родившихся девочек сбрасывали в яму. Признание ребенка женского пола было со стороны отца свободным изъявлением великодушия; в такое общество женщина вступает как бы дарованной ей милостью, а не на законном основании, как мужчина. В любом случае мать,

==112

родившая девочку, считается после родов гораздо более нечистой: у евреев Левит требует в этом случае очищения вдвое продолжительнее, чем если бы роженица произвела на свет мальчика. В обществах, где принято платить «цену за кровь», требуемая сумма совсем невелика, если жертва женского пола: жизнь женщины настолько же дешевле жизни мужчины, насколько жизнь раба дешевле жизни свободного человека. Пока она девушка, всю полноту власти над ней имеет отец; после свадьбы он целиком передает свою власть супругу. Поскольку она — собственность мужчины, как раб, скотина или вещь, естественно, он может иметь столько жен, сколько ему вздумается; ограничивают полигамию только экономические соображения; муж может разводиться с женами по собственной прихоти — общество не дает им практически никаких гарантий. Зато женщине предписывается строгое целомудрие. Общества с материнским правом, несмотря на табу, допускали большую свободу нравов; редко когда требовалась невинность до брака, да и к супружеской измене относились не особенно строго. Когда же женщина становится собственностью мужчины, он хочет получить ее девственной и под страхом самых страшных кар требует абсолютной верности; нет хуже преступления, чем рисковать отдать права на наследство чужому отпрыску, — а поэтому *pater familias*¹ имеет право предать смерти виновную супругу. На протяжении всего существования частной собственности супружеская неверность жены рассматривалась как величайшее предательство.

Все законодательства, до наших дней продолжающие закреплять неравенство в вопросах супружеской неверности, толкуют о тяжести вины женщины, которая рискует ввести в семью незаконнорожденного наследника. И хотя право мужа самому свершить правосудие упразднено во времена Августа, кодекс Наполеона обещает карающему мужу снисхождение присяжных. Когда женщина одновременно принадлежала роду своего отца и семье мужа, два вида связей накладывались друг на друга и даже друг другу противоречили, и ей удавалось сохранить довольно большую свободу, ибо каждая из двух систем была ей опорой против другой: например, она часто могла выбирать мужа по собственной прихоти, поскольку брак был установлением мирским и не касался коренной структуры общества. Но при патриархальном режиме она является собственностью отца, он выдает ее замуж по своему усмотрению; прикованная к домашнему очагу, она становится вещью супруга, вещью рода (*genos*), в который ее ввели.

¹ Отец семейства {лат.}.

==113

Когда семья и частная собственность делают безусловными основами общества, отчуждение женщины становится полным. Именно это произошло в мусульманском мире. Он феодален по своей структуре, то есть в нем не возникло достаточно сильного государства, чтобы объединить и подчинить себе различные племена; над властью главы рода нет никакой другой власти. Религия,

сформировавшаяся в тот момент, когда арабский народ воевал и завоевывал, выказывает по отношению к женщине полнейшее презрение. «Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество перед другими, и за то, что они расходуют из своего имущества», — говорится в Коране; они никогда не имели ни реальной власти, ни мистического авторитета. Бедуинка выполняет тяжелую работу — ходит за плугом и таскает тяжести, — тем самым между нею и мужем устанавливается отношение взаимной зависимости; она выходит из дома свободно, с открытым лицом. Покрытая чадрой и содержащаяся взаперти мусульманка и сегодня в большинстве слоев общества остается чем-то вроде рабыни. Я помню, как в одной пещерной деревне Туниса в подземном помещении сидели четыре женщины: старая супруга, одноглазая, беззубая, с чудовищно изможденным лицом, пекла лепешки на углях среди паров едкого дыма; две жены помоложе, но почти так же обезображенные, качали на руках детей — одна из них кормила грудью; а у ткацкого станка сидела молоденькая богиня в роскошном убранстве из шелков, золота и серебра и связывала шерстяные нити. Покинув это мрачное логово — царство имманентности, чрево, могилу, — я встретила в коридоре, ведущем наверх, к свету, их мужа, одетого в белое, сияющего чистотой, улыбающегося, солнечного. Он возвращался с базара, где обсуждал с другими мужчинами, что творится в мире; несколько часов он проведет в этом уединенном жилище — его жилище посреди огромного мира, которому принадлежит он сам и от которого его никто не отторгает. А увядшие старухи и молоденькая новобрачная, обреченная на столь же скорое старение, не знают другого мира, кроме закопченного подземелья, и выйти оттуда они могут лишь под покровом ночи, в полном молчании и с закрытым лицом.

Нравы евреев библейской эпохи мало чем отличаются от нравов арабов. Глава семьи имеет несколько жен и может разводиться с ними более или менее по собственной прихоти; под страхом суровых наказаний требуется, чтобы невеста была отдана супругу девственницей; в случае супружеской измены ее побивают камнями; ее удел — домашний труд, о чем свидетельствует портрет «сильной женщины»: «Она прядет шерсть и лен... встает затемно... Ночью ее лампа продолжает гореть... и даром хлеба ей есть не приходится». Но даже если она целомудренна и трудолюбива, ее считают нечистой и окружают табу; свидетельство ее в суде не учитывается. Екклесиаст

==114

говорит о ней с глубочайшим отвращением: «И нашел я, что горче смерти женщина, потому что она — сеть, и сердце ее — силки, руки ее — оковы... Мужчину одного из тысячи я нашел, а женщины между всеми ими не нашел». А после смерти мужа если не закон, то обычай требовал, чтобы вдова вышла замуж за брата усопшего.

Обычай *левирата* встречается у многих народов Востока. Одна из проблем, встающих во всех обществах, где женщина находится под опекой, — это положение вдов. Наиболее радикальным решением было их заклание над могилой супруга. Но было бы ошибкой считать, что даже в Индии подобное жертвоприношение когда-либо предписывалось законом; законы Ману допускали, чтобы жена пережила мужа; эффектные самоубийства были всего лишь аристократической модой. Гораздо чаще вдова отдавалась в распоряжение наследников супруга. Иногда левират принимает форму полиандрии; чтобы предотвратить затруднения, связанные с вдовством, женщине дают в мужья сразу всех братьев одной семьи — обычай, который служит еще и для предупреждения возможного бессилия мужа. Когда читаешь Цезаря, создается впечатление, что в Бретани все мужчины одной семьи сообща имели некоторое количество жен.

Но не везде патриархат установился в такой крайней форме. В Вавилоне законы Хаммурапи признавали за женщиной некоторые права; она получает часть отцовского наследства, а когда выходит замуж, отец дает за ней приданое. В Персии принято было многоженство; жене надлежит беспрекословно слушаться мужа, которого отец выбирает для нее, едва лишь она достигнет зрелости; но к ней относятся с большим почтением, чем у большинства народов Востока; инцест не воспрещается, нередки браки между братом и сестрой; жена обязана воспитывать детей: мальчиков — до семи лет, а девочек — до их замужества. Жена может получить долю наследства мужа, если сын окажется этого недостоин; если она «любимая жена», а муж умирает, не оставив взрослого сына, ей вверяется опека над несовершеннолетними детьми и ведение дел. Правила заключения брака наглядно показывают, какое значение для главы семьи имело наличие потомства. Существовало, кажется, пять форм брака¹: 1) Женщина выходила замуж с согласия своих родителей; ее называли «любимой женой»; дети ее принадлежали мужу, 2) Когда женщина была единственным ребенком, ее первенца отдавали ее родителям, чтобы он заменил им дочь; затем она становилась «любимой женой». 3) Если мужчина умирал холостым, его семья собирала приданое и выдавала замуж постороннюю женщину — ее называли «приемной же-

Это изложение взято из книги: С. *H u a z t*. *La perse antique et la*

iiiisatinn iT Aηĩaηηa η 10^——I OK

civilisation iranienne, p. 195—196.

==115

ной»; половина детей как бы принадлежала покойному, другая половина — живому мужу. 4) Бездетная вдова, выходящая замуж второй раз, считалась женой-прислужкой: половину детей от второго брака она должна была «отдать» покойному супругу. 5) Женщина, выходящая замуж без согласия родителей, не могла стать их наследницей до тех пор, пока ее старший сын, достигнув совершеннолетия, не сделает ее «любимой женой» своего отца; если муж умирал раньше, она считалась несовершеннолетней и отдавалась под опеку. Наличие статуса приемной жены и жены-прислужки устанавливает право каждого мужчины на продолжение жизни в потомках, с которыми он не обязательно связан кровными узами. Это подтверждает то, что мы говорили выше: в определенном смысле такие узы выдуманы человеком, когда он захотел помимо своей конечной жизни приобрести еще и бессмертие на земле и в загробном мире.

Наиболее благоприятным положение женщины было в Египте. Богини-матери, став супругами, сохранили свое влияние; религиозной и социальной единицей является супружеская пара; женщина представляется союзницей мужчины, чем-то ему необходимым. Ее магическое воздействие настолько невраждебно, что преодолевается даже страх перед инцестом, и сестру не колеблясь отождествляют с супругой¹. У женщины такие же права, как и у мужчины, та же юридическая сила; она наследует и владеет имуществом. Такая удача выпала ей не случайно: причина ее в том, что в Древнем Египте земля принадлежала царю и высшим кастам жрецов и воинов; частным же лицам земля давалась лишь в пользование; земельная собственность оставалась неотчуждаемой, имущество, передаваемое по наследству, не имело большой ценности, и в том, чтобы его поделить, не видели большой беды. Из-за отсутствия частной собственности женщина смогла сохранить свое человеческое достоинство. Она свободно выходила замуж, а овдовев, могла вступить во второй брак по собственному усмотрению. Мужчина обычно имел несколько жен, но, хотя все его дети считались законными, у него была только одна настоящая жена, единственная приобщенная к культу и соединенная с ним на равных правах, — остальные

были всего лишь рабынями, лишенными всяких прав. Главная супруга, выходя замуж, сохраняла свое общественное положение: она оставалась хозяйкой своего имущества и могла самостоятельно заключать сделки. Когда фараон Бокхорис установил частную собственность, женщина занимала слишком прочное положение, чтобы быть обойденной; Бокхорис открыл эру контрактов, и даже брак стал основываться на контракте. Существовало три вида контрактов: один из них отно-

¹ По крайней мере в некоторых случаях брат *должен* жениться на своей сестре.

==116

сился к браку-порабощению — женщина становилась вещью мужчины, однако иногда она оговаривала, что у него не будет другой сожительницы, кроме нее; в то же время законная супруга считалась равной мужчине, и все имущество у них было общее; часто муж брал на себя обязательство выплатить ей определенную сумму в случае развода. Немного позднее этот обычай привел к исключительно благоприятной для женщины форме контракта: муж признавал за ней потенциальное право требования. Супружеская измена сурово каралась, но разводиться обе стороны могли более или менее свободно. Практика контрактов значительно ограничивала полигамию; женщины присваивали состояния и передавали их своим детям, что привело к образованию класса плутократов. Птолемей Филадельф издал закон, по которому женщины больше не могли распоряжаться своим имуществом без разрешения мужа, что превращало их в вечных несовершеннолетних. Но даже в те времена, когда они имели привилегированный статус — единственный случай во всем древнем мире, — они не были социально равными с мужчинами; приобщенные к культу и государственному управлению, они могли играть роль регентш, но фараоном был мужчина; жрецы и воины были мужчинами; участие женщин в общественной жизни играло второстепенную роль; а в частной жизни от них требовалась верность в одностороннем порядке.

Нравы греков недалеко ушли от восточных нравов; правда, у них не было принято многоженство.

Почему, мы точно не знаем. В действительности содержать гарем всегда было чрезвычайно тяжело: позволить себе роскошь иметь большой сераль могли блистательный Соломон, султаны из «Тысячи и одной ночи», цари, вожди, богатые собственники; средний человек довольствовался тремя-четырьмя женами; крестьянин редко имел больше двух жен. С другой стороны, за исключением Египта, где не было частной собственности на землю, забота о сохранении вотчины в целостности и сохранности привела к тому, что старший сын получал особые права на отцовское наследство; тем самым устанавливалась иерархия и между женами, поскольку достоинство матери главного наследника ставило ее намного выше остальных жен. Если женщина сама владеет имуществом, если за ней дается приданое, супруг видит в ней личность; он связывает себя с нею, и только с нею, религиозными узами. С этого момента, видимо, и устанавливается обычай признавать только одну супругу — но на самом деле греческий гражданин продолжал в свое удовольствие оставаться многоженцем, поскольку всегда мог удовлетворить свои желания с городскими проститутками и служанками гинеек. «У нас есть гетеры для увеселения духа, наложницы (pallages) Для увеселения чувств и супруги, чтобы дарить нам сыновей», — говорит Демосфен. Наложница заменяла жену на ложе хозяина в том случае, если последняя заболела, плохо себя чувствовала,

==117

была беременна или оправлялась после родов; получается, что разница между гинекеем и гаремом не столь уж велика. В Афинах женщину держат взаперти в ее апартаментах, в строгости, предписанной законами, и под наблюдением специальных магистратов. В течение всей жизни она обречена оставаться несовершеннолетней; она всецело подвластна своему опекуну, будь то отец, муж, наследник мужа или в крайнем случае государство, представленное общественными должностными лицами; все это — ее хозяева, распоряжающиеся ею, как товаром, поскольку опекунская власть распространяется и на человека, и на его имущество; опекун может передать свои права по собственному усмотрению: отец может отдать дочь приемному отцу или выдать замуж; муж: может, разведясь с супругой, передать ее новому мужу. Правда, -греческий закон обеспечивает женщине приданое, служащее для нее содержанием, которое должно быть полностью ей возвращено в случае расторжения брака; он также предоставляет женщине право в редчайших случаях самой требовать развода; но больше никаких гарантий общество ей не дает. Разумеется, все наследство переходит детям мужского пола, приданое же представляет собой не имущество, полученное на основании родства, а что-то вроде обязательства, которое надлежит выполнить опекуну. Впрочем, благодаря обычаю давать приданое вдова уже не переходит как часть наследуемого имущества к наследникам мужа, а возвращается под опеку к своим родственникам.

Одна из проблем, возникающих в обществах, основанных на агнании, — это судьба наследства при отсутствии наследников мужского пола. Греки установили обычай эпиклерата; наследница должна была выйти замуж за старейшего родственника из числа сородичей своего отца; таким образом имущество, завещанное ей отцом, переходило к детям, принадлежащим той же группе, и земля оставалась собственностью рода; женщина была не наследницей, а лишь машиной для производства наследников; этот обычай полностью отдавал ее под власть мужчины, поскольку ее автоматически выдавали за старшего члена семьи, который чаще всего оказывался стариком.

Поскольку причина угнетения женщины кроется в желании бесконечно продлевать род и содержать вотчину в неприкосновенности, она может избежать этой абсолютной зависимости в той мере, в какой ей удастся избежать семьи; если общество, отрицающее частную собственность, отвергает и семью, судьба женщины тем самым значительно улучшается. Спарта, где преобладал общинный строй, была единственным городом, где женщина считалась почти равной мужчине. Девочек воспитывали так же, как и мальчиков; супруга не заточалась в доме мужа — ему разрешалось всего лишь украдкой навещать ее по ночам; он имел так мало прав на свою супругу, что другой мужчина мог во имя со-

==118

вершенствования рода потребовать соединения с нею — само понятие супружеской неверности исчезает, когда исчезает наследство; а так как все дети вместе принадлежат всему городу, женщины также не попадают в кабалу к ревнивому хозяину — или, наоборот, можно сказать, что, не владея имуществом, не имея собственных потомков, мужчина не владеет и женой. Женщины несут на себе тяготы материнства, как мужчины — тяготы войны; за исключением исполнения этого гражданского долга, ничто не стесняет их свободы.

Помимо свободных женщин, о которых мы только что говорили, и рабынь, живущих внутри геноса и являющихся полной собственностью главы семьи, в Греции есть еще проститутки.

Примитивные народы знали проституцию из гостеприимства, то есть предоставление женщины проезжему гостю, которое наверняка имело какой-то мистический смысл, и священную проституцию, призванную выпустить на свободу в интересах коллектива таинственную мощь оплодотворения. Подобные нравы существовали и в классической античности. Геродот рассказывает, что в V веке до н.э. каждая женщина Вавилона должна была раз в жизни отдаться постороннему мужчине в храме Милитты за монету, а затем отдать ее в сокровищницу храма, вернуться домой и соблюдать целомудрие. Священная проституция по сей день сохранилась у египетских «альмей» (танцовщиц) и индийских баядерок, составляющих уважаемые касты музыкантов и танцовщиц. Но чаще всего в Египте, Индии и Западной Азии священная проституция переходила в проституцию законную, поскольку духовенство видело в подобной торговле средство наживы. Даже у евреев существовали продажные проститутки. В Греции храмы, где можно встретить «девушек, радушно принимающих путников», как называл их Пиндар, находились в основном на побережье, на островах и в городах, куда приезжает много иностранцев, — деньги, получаемые женщинами, предназначались культу, то есть его служителям, а значит, косвенно шли на их содержание. В действительности здесь в лицемерном виде извлекается польза — как, например, в Коринфе — из сексуальных потребностей моряков и путешественников, то есть речь уже идет о продажной проституции. Особым институтом она стала при Солоне. Он купил азиатских рабынь и поселил их в «диктерионах», расположенных в Афинах рядом с храмом Венеры, неподалеку от порта; во главе заведения были поставлены «порнотропы», в чьи обязанности входило его финансовое управление; каждая девушка получала зарплату, а вся прибыль предназначалась государству. Потом открылись частные заведения — *Karaiéia*, — на их вывесках был изображен красный Приап. Вскоре туда на содержание помимо рабынь поступили греческие женщины из низших слоев общества. Диктерионы считались настолько необходимыми, что были признаны

==119

неприкосновенными убежищами. Между тем куртизанки были клеймены позором, не имели никаких социальных прав, дети не обязаны были их кормить; они должны были носить специальный наряд из пестрой материи, украшенной букетами цветов, и красить волосы шафраном. Кроме женщин, содержащихся в диктерионах, существовали еще и вольные проститутки, которых можно разделить на три категории; диктериады, похожие на нынешних зарегистрированных проституток; ауетриды — танцовщицы и флейтистки; и гетеры, дамы полусвета, обычно приезжавшие из Коринфа, которые имели официальную связь с самыми известными людьми Греции и играли в обществе ту же роль, что и современные «светские женщины». Первых можно было встретить среди вольноотпущенниц или молодых гречанок из низших классов; их эксплуатировали сутенеры, и существование их было весьма плачевным. Вторым часто удавалось достигнуть богатства благодаря музыкальным талантам — самой известной из них была Ламия, любовница Птолемея Египетского, а потом его победителя, македонского царя Деметрия Полиоркета. Что касается последних, то многие из них, как известно, разделили славу своих возлюбленных. Они свободно распоряжались собой и своим состоянием, были умны, образованны, знали искусства, и мужчины, восхищавшиеся их талантами, относились к ним как к полноправным личностям. Избегав семьи и поставив себя вне общества, они избегали также и власти мужчины — он видел в них себе подобных, почти равных. В Аспазии, фринии, Лаис утверждается превосходство женщины без предрассудков над добродетельной матерью семейства.

Но если не считать эти блистательные исключения, греческая женщина влачит полурабское существование; и даже возмущаться она не имеет права — разве что Аспазия и еще более страстно

Сафо вслух заявили о своем протесте. У Гомера еще сохранились реминисценции из героической эпохи, когда женщины имели какую-то силу; но и гомеровские воины сурово отправляют их на женскую половину. То же презрение встречаем мы и у Гесиода: «Тот, кто доверяется женщине, доверяется вору». В великую классическую эпоху женщина оказывается окончательно заточенной в гинекею. «Лучшая женщина — та, о которой меньше всего говорят мужчины», — сказал Перикл, Платон, собиравшийся допустить совет матрон к управлению республикой и дать девочкам свободное воспитание, представляет собой исключение; он вызывает насмешки Аристофана; в «Лисистрате», когда жена начинает расспрашивать мужа о государственных делах, он отвечает: «Тебя это не касается. Замолчи, а то побью... Тки свое покрывало», Аристотель выражает общее мнение, говоря, что женщина является женщиной в силу своей недостаточности и что она должна жить дома взаперти и подчиняться мужчине. «Раб полностью лишен права участвовать в принятии решений; у женщины это право

[К оглавлению](#)

[==120](#)

есть, но слабое и недейственное», — утверждает он. По словам Ксенофонта, жена и муж — люди друг другу совершенно чужие: «Есть ли на свете люди, с которыми ты беседовал бы меньше, чем со своей женой? — Таких очень мало...» Единственное, что требуется от женщины в «Экономике», это быть внимательной, осторожной, экономной, трудолюбивой, как пчела, хозяйкой дома, то есть образцовой экономкой. С скромный удел, отведенный женщине, не мешает грекам быть женоненавистниками до мозга костей. Уже в VII веке до н.э. Архилох пишет язвительные эпиграммы, направленные против женщин; у Симонида Аморгского читаем: «Женщины — это величайшее из зол, когда-либо сотворенных Богом: пусть иногда они и кажутся полезными, очень скоро хозяева с ними хлопот не оберутся». А вот что у Гиппонакса: «Есть только два дня в жизни, когда жена радует вас: в день свадьбы и в день ее похорон». Наибольшую озлобленность проявляют ионийцы в своих милетских историях; например, хорошо известен рассказ об эфесской матроне. В эту эпоху женщинам в основном вменяется в вину лень, сварливость и расточительство, то есть как раз отсутствие качеств, которые от них требуются. «И на земле, и в море водятся чудовища, и все же величайшее из них — это женщина, — пишет Менандр. — Женщина — это не оставляющее вас страдание». Когда с учреждением приданого женщина приобрела некоторый вес, стали сетовать на ее высокомерие; это излюбленная тема Аристофана и особенно Менандра. «Я женился на ведьме с приданым. Я взял ее за поля и дом, а это, о Аполлон, худшая из бед!..» «Будь проклят тот, кто придумал брак, а с ним и второй, и третий, и четвертый, и все, кто последовал их примеру». «Если вы бедны и женитесь на богатой женщине, вы обрекаете себя на рабство и бедность одновременно». Греческую женщину держали слишком строго, чтобы можно было осудить ее нравы, да и глумясь над ней, не имели в виду плоть. Мужчин в основном тяготили узы брака — а это позволяет нам предположить, что, несмотря на суровые условия жизни, несмотря на то что за ней не признавалось почти никаких прав, женщина, видимо, играла в доме важную роль и пользовалась некоторой самостоятельностью; ей предписывалось послушание, а она могла не слушаться; могла изводить супруга сценами, слезами, болтовней, руганью, и брак, призванный поработить женщину, превращался в оковы и для мужа. В персонаже по имени Ксантиппа собраны всевозможные сетования греческого гражданина на мегеру жену и невзгоды супружеской жизни.

[==121](#)

Историю римской женщины определяет конфликт семьи и государства. Этруски представляли собой общество с матрилинейной филиацией, вполне вероятно, что в царскую эпоху в Риме еще сохранилась экзогамия, связанная с режимом материнского права: римские цари не передавали власть по наследству. Достоверно же известно, что после смерти Тарквиния утверждается патриархальное право: сельскохозяйственная собственность, частный надел, а значит, семья становятся ячейкой общества. Женщину все больше порабощает вотчина, а следовательно — семейная группа: законы полностью лишают ее даже тех гарантий, которые давались греческим женщинам; она проводит свою жизнь в бесправии и рабской зависимости. Само собой разумеется, она исключена из публичных дел и занимать «мужскую должность» ей строго воспрещается; в гражданской жизни она навеки обречена оставаться несовершеннолетней. Прямо ей не отказывают в праве на долю отцовского наследства, но косвенно не дают ею распоряжаться: наследницу подчиняют власти опекуна. «Опекунство было установлено в интересах самих опекунов, — говорит Гай, — чтобы женщина, наследниками которой они заранее назначаются, не могла лишиться их наследства завещанием или сделать бедными продажей имущества или долгами». Первый опекун женщины — это ее отец; если отца нет, эту функцию выполняют агнаты по отцовской линии. Когда женщина выходит замуж, она переходит «в руку» к супругу; существуют три формы брака: *confregatio*, когда супруги приносят Юпитеру Капитолийскому пирог из полбы в присутствии фламينا Юпитера; *coemptio*, фиктивная продажа, посредством которой отец-плебей передавал («манципировал») дочь в собственность мужу; и *usus*, являвшийся результатом совместного проживания на протяжении года; все три вида считались «строгим браком» (*cum manu*), то есть супруг занимал место отца или агнатов-опекунов; жена приравнивалась к одной из его дочерей, и отныне ему принадлежала вся полнота власти над ее личностью и имуществом. Но уже начиная с эпохи Законов XII таблиц, из-за того что римлянка принадлежала одновременно и роду отца, и роду супруга, стали возникать конфликты, положившие начало ее юридической эмансипации. В самом деле, брак *cum manu* разоряет агнатов-опекунов. Для защиты интересов родственников со стороны отца появляется так называемый «свободный брак» (*sine manu*); в этом случае имущество жены остается в распоряжении опекунов; права мужа распространяются только на ее личность, да и эту власть он делит с главой семьи, сохраняющим всю полноту влияния на дочь. Разногласия, возникающие между отцом и мужем, призван разрешать домашний суд — подобное установление позволяет женщине прибегать к поддержке отца против мужа и мужа против отца; она не принадлежит, как вещь, од-

ному человеку. Впрочем, хотя род необычайно силен, что доказывает само существование такого суда, независимого от судов публичных, возглавляющий его *pater familias* — прежде всего гражданин: власть его неограниченна, он держит в полном подчинении жену и детей, но собственностью его они не являются; скорее, он организует их жизнь в интересах общественного блага; женщина рождает детей, ее домашняя работа часто включает в себя выполнение сельскохозяйственных задач, а потому она считается полезной для страны и пользуется глубоким уважением. Здесь мы можем заметить одну очень важную особенность, наблюдаемую на протяжении всей истории; одного абстрактного права недостаточно, чтобы определить конкретное положение женщины — оно во многом зависит от ее экономической роли в обществе; часто даже бывает, что абстрактная свобода и конкретная власть изменяются в обратной зависимости. По закону римлянка порабощена в большей степени, чем гречанка, но реально она гораздо активнее вовлекается в общественную жизнь; дома она занимает атриум — центральное помещение

жилища, а не отправляется в гинекей подальше от посторонних глаз; она следит за работой рабов; она руководит воспитанием детей и часто оказывает на них влияние вплоть до весьма зрелого возраста; она разделяет с супругом его труды и заботы и считается совладелицей его имущества. Выражающая сущность брака формулировка «Ubi tu Gaïus, ego Gaia»¹ — не пустая фраза; матрону называют *domina* (госпожа); она — хозяйка дома, причастная культу, она — подруга мужчины, а не рабыня; соединяющие их узы настолько священны, что за пять веков не известно ни одного развода. Она не сидит в заточении в своих апартаментах, а присутствует на трапезах, на празднествах, ходит в театр; на улице мужчины уступают ей дорогу, даже консулы и ликторы сторонятся, когда она идет. Легенды отводят ей видную роль в истории: хорошо известны рассказы о сабинянках, о Лукреции, о Виргинии; Кориолан внемлет мольбе матери и супруги; на создание закона, закрепившего торжество римской демократии, Луциния якобы вдохновила его жена; души обоих Гракхов закалила Корнелия; «Повсюду мужчины правят женщинами, — говорил Катон, — мы же правим всеми мужчинами, а нами правят наши жены».

Понемногу юридическое положение римлянки приходит в соответствие с реальными условиями ее жизни. Во времена патрицианской олигархии каждый отец семейства является независимым государем внутри республики; но когда власть государства укрепляется, оно начинает бороться против концентрации богатств в одних руках и против высокомерия могущественных се-

¹ «Где ты Гай, там я Гайя» (лот.).

мей. Домашний суд отступает перед публичным правосудием. А женщина получает все более и более значительные права. Первоначально ее свобода была ограничена четырьмя источниками власти; отец и муж распоряжались ее личностью, опекун и *manus* — ее имуществом. Ссылаясь на сопротивление отца и мужа, государство сужает их права: отныне вопросы измены, развода и т.д. будет решать государственный суд. Точно так же одно за другим ликвидируют *manus* и опекунов. Сначала *manus* был отделен от брака в интересах опекуна; затем женщины стали использовать *manus* как способ освободиться от опекунов, либо заключая фиктивные браки, либо получая от отца или государства снисходительных опекунов. По имперскому законодательству опекунов будет полностью упразднено. Одновременно женщина получает положительную гарантию своей независимости: отец обязан обеспечить ее приданым; после расторжения брака это приданое не переходит к агнатам и никогда не достается мужу; в любой момент женщина может потребовать его возмещения, внезапно разведясь с мужем, так что она держит его в своих руках. «Принимая приданое, он продавал свою власть», — говорил Плавт. Начиная с конца Республики было признано право матери пользоваться уважением своих детей наравне с отцом; в случае установления опекуна или плохого поведения мужа дети остаются с ней. При Адриане Веллеевы рекомендации предоставляют ей, в случае если у нее трое детей, а усопший бездетен, право наследовать *ab intestat*¹ имущество каждого из них. При Марке Аврелии эволюция римской семьи завершается: начиная со 178 года наследниками матери становятся ее дети, которые одерживают верх над агнатами; отныне основой семьи становится *conjuncti sanguinis*² и мать считается равной отцу; дочь является такой же наследницей, как и ее братья.

Однако в истории римского права прослеживается тенденция, противоречащая той, о которой мы только что говорили: делая женщину независимой от семьи, центральная власть сама берет ее под свою опеку; во многих случаях женщина признается юридически недееспособной.

В самом деле, ее влияние настораживающе возросло бы, если бы она смогла стать одновременно богатой и независимой, а значит, нужно было постараться отобрать одной рукой то, что было предоставлено другой. Закон Оппия, запрещавший римлянам жить в роскоши, голосовался в тот момент, когда Ганнибал угрожал Риму, а едва опасность миновала, женщины потребовали его отмены; Катон в знаменитой речи настаивал на его сохранении — но публичная демонстрация матрон одержала над ним верх. По-

¹ Без завещания (лат.).

² Кровное родство (лат.).

еле этого было предложено множество законов, тем более строгих, чем сильнее расшатывались нравы, но особого успеха они не имели, а только привели к правонарушениям. Победу одержало только сенатское постановление Веллея, запрещавшее женщине «вступаться за других»¹!, что почти полностью лишало ее гражданской дееспособности. Именно в тот момент, когда женщина практически достигла наибольшей эмансипации, провозглашается превосходство мужского пола над женским, что является замечательным примером самооправдания мужчин, о котором я говорила: поскольку права женщины как дочери, супруги, сестры уже не ограничиваются, ей отказывают в равенстве с мужчиной как представительнице другого пола; ее притесняют под предлогом «глупости, немощности этого пола».

Правда, матроны не лучшим образом распорядились своей новой свободой; но дело в том, что им и не было дозволено извлечь из нее нечто позитивное. Из-за двух противоположных тенденций, одна из которых — индивидуалистская — отрывает женщину от семьи, а другая — государственная — притесняет ее как личность, положение ее оказывается весьма шатким. Она наследница, она имеет равное с отцом право на уважение детей, она составляет завещание, она избавлена благодаря приданому от принудительных супружеских уз, она может развестись и снова выйти замуж, когда ей вздумается, — но она эмансипируется только негативно, поскольку никакого конкретного применения ее силам ей не предлагают. Экономическая самостоятельность остается абстрактной, раз она не порождает никакой политической правоспособности; так получается, что, лишённые возможности *действовать*, римлянки устраивают демонстрации: возбужденной толпой они рассыпаются по городу, осаждают суды, подстрекают к заговорам, диктуют распоряжения, разжигают гражданские войны; целая процессия отправляется за статуей Матери Богов и сопровождает ее вдоль берега Тибра, приводя таким образом в Рим восточных богов; в 114 году разражается скандал весталок, вызванный упразднением их коллегии. Поскольку общественная жизнь и общественные добродетели женщинам по-прежнему недоступны, а частные добродетели былых времен с распадом семьи делаются ненужными и старомодными, у женщин не остается никаких моральных устоев. Им нужно выбрать одно из двух: или упрямо придерживаться тех же ценностей, что были в ходу у их предков, или вообще никаких ценностей не признавать. В конце — начале II века можно встретить целый ряд женщин, которые по-прежнему были подругами и соратницами своих мужей, как во времена Республики; Плотина делит с Траяном славу и ответственность, Сабина настолько прославляет себя благодеяниями, что ее при жизни обожествляют в статуях; при Тиберии Сексия от-

¹ То есть связывать себя с другими контрактами.

казывается жить после смерти Эмилия Скавра, а Пасцея — после смерти Помпония Лабей; Паулина вскрывает себе вены одновременно с Сенекой; Плиний Младший сделал знаменитой фразу Аррии «Paete, non dolet»!; Клаудия Руфина, Виргиния, Сульпиция вызывают восхищение у Марциала как безупречные супруги и преданные матери. Но существует также множество женщин, которые отказываются от материнства и множат число разводов. Законы по-прежнему не допускают супружескую измену, а потому иные матроны доходят до того, что записываются в проститутки, лишь бы никто не мешал их оргиям². До сих пор римская литература всегда относилась к женщинам с почтением — теперь на них обрушиваются сатирики. Впрочем, их нападки направлены не против женщин вообще, а преимущественно против современниц. Ювенал клеймит их за похоть и обжорство и осуждает стремление к мужским занятиям: они интересуются политикой, роются в судебных бумагах, спорят с грамматиками и риториками, страстно увлекаются охотой, бегом на колесницах, фехтованием, борьбой. Получается, что они соперничают с мужчинами в основном в пороках и склонности к развлечениям; их воспитания недостаточно, чтобы поставить перед собой более высокие цели; впрочем, никакой цели им и не предлагается; действие им по-прежнему запрещено. Римлянка старой Республики имеет свое место на земле, но из-за отсутствия абстрактных прав и экономической независимости она к этому месту прикована; римлянка периода упадка являет собой пример ложной эмансипации: в мире, единственными реальными хозяевами которого остаются мужчины, она имеет только пустую свободу — она свободна «просто так».

[00.htm - глава 12](#)

IV

Эволюция положения женщины не была непрерывной. Великие завоевания поставили под вопрос саму цивилизацию. Даже римское право испытывает влияние новой идеологии — христианства; а в последующие века варвары добиваются торжества своих законов. Полностью изменяется экономическая, социальная и политическая ситуация, что отражается и на положении женщины.

Христианская идеология немало способствовала угнетению женщины. Наверное, в Евангелии есть дух милосердия, который распространяется на женщин, так же как и на прокаженных; именно мелкий люд, рабы и женщины наиболее страстно веряют

¹ «Пет, не больно» {лат.}.

² Рим, как и Греция, официально допускает проституцию. Существовало два класса куртизанок: одни содержались в борделях, другие, *bonae meretrices* (добрые распутницы), свободно занимались своим ремеслом; **им** не разрешалось одеваться как матронам; они имели определенное влияние в вопросах моды, привычек и искусства, но никогда не занимали такого высокого положения, **как** афинские гетеры.

себя новому закону. В самый ранний период христианства женщины, если они подчинялись Церкви, пользовались относительным уважением; они являли примеры мученичества вместе с мужчинами; между тем участвовать в культе они могли лишь на второстепенных ролях; «дьяконессам» разрешалось выполнять только светские обязанности: ухаживать за больными, помогать бедным. И если считается, что брак — это институт, требующий взаимной верности, то само собой разумеется, что жена должна всецело подчиняться мужу; через святого апостола Павла утверждается еврейская, яро антифеминистская, традиция. Апостол Павел предписывает женщинам скромность и сдержанность; на основе Ветхого и Нового завета он формулирует принцип подчинения женщины мужчине. «Ибо не муж от жены, но жена от мужа, и не муж создан для жены, но жена для мужа». И в другом месте: «Но как Церковь повинуете Христу, так и жены своим мужьям во всем». В религии, проклинаящей плоть, женщина представлена самым страшным искушением дьявола. Тертуллиан пишет: «Женщина, ты — врата дьявола. Ты смогла убедить того, против которого дьявол не осмеливался выступить в открытую. Это из-за тебя Сыну Божьему пришлось умереть; тебе следовало бы всегда ходить в трауре и в лохмотьях». Святой Амвросий: «Ева склонила Адама ко греху, а не Адам Еву. И справедливо, чтобы женщина имела господином того, кто был склонен ею ко греху». И святой Иоанн Златоуст: «Среди всех диких зверей не найти никого, кто был бы вреднее женщины». Когда в IV веке складывается каноническое право, брак представляется уступкой человеческим слабостям и считается несовместимым с христианским совершенством. «Возьмем в руки топор и уничтожим на корню бесплодное дерево брака», — пишет святой Иероним. А со времен Григория VI, когда священникам было предписано безбрачие, опасный характер женщины стал подчеркиваться еще строже — все Отцы Церкви говорят о ее низости. Святой Фома Аквинский будет верен этой традиции, заявляя, что женщина — это всего лишь «случайное», незавершенное существо, нечто вроде неудавшегося мужчины, «Мужчина возвышается над женщиной, как Христос возвышается над мужчиной, — пишет он. — Женщина неизменно должна жить под властью мужчины и не иметь на своего главу никакого влияния». Поэтому единственный вид брака, который признает каноническое право, — это брак с приданым, обрекающий женщину на бесправие и бессилие. Ей не только запрещено занимать мужские должности, но даже не разрешается обращаться к правосудию и свидетельство ее не учитывается. В смягченном виде влияние Отцов Церкви распространяется и на императоров; законодательство Юстиниана с почтением относится к женщине как к супруге и матери, но полностью подчиняет ее этим функциям; причина ее бесправия не в том, что она женщина, а в ее положении внутри семьи. Развод запрещается, а брак должен заключаться публично; мать имеет над детьми такую же

==127

власть, как и отец, и такие же права на их наследство; если муж умирает, она становится их законной опекуншей. В сенатское постановление Веллея вносятся изменения: отныне она может вступаться за третьих лиц, но не может заключать контракты от имени мужа; приданое ее становится неотчуждаемым — оно считается достоянием детей, и ей запрещается им распоряжаться.

На территориях, занятых варварами, на эти законы накладываются германские традиции. У германцев были особые нравы. Вождей они знали только во время войны; в мирное время семья представляла собой автономное общество; похоже, она была чем-то средним между кланами с материнской филиацией и патриархальным родом; брат матери имел такую же власть, как отец, и оба они сохраняли влияние на свою племянницу и дочь, равное влиянию мужа. В обществе, где любое право обеспечивалось грубой силой, женщина была фактически абсолютно бессильна, но за ней признавались права, гарантией которых была ее зависимость от двух различных домашних

властей; порабощенная, она все же пользовалась уважением; муж покупал ее — но сумма сделки составляла наследство, становившееся ее собственностью; кроме того, отец давал за ней приданое; она получала долю в отцовском наследстве, а в случае убийства родителей — долю компенсации, выплачиваемой убийцей. Семья была моногамной, измена строго каралась, брак почитался. Женщина всегда оставалась под опекой, но жила в тесном сотрудничестве с мужем. «В мире и на войне она разделяет его судьбу, вместе с ним живет, вместе с ним умирает», — пишет Тацит. Во время битв она приносила воинам еду и вдохновляла их своим присутствием. Если она оставалась вдовой, могущество покойного супруга частично передавалось ей. Бесправие, коренившееся в ее физической слабости, не считалось выражением морального несовершенства. Женщины были жрицами, пророчицами, а это наводит на мысль, что они были лучше образованны, чем мужчины. Позже в наследуемом имуществе среди предметов, по праву предназначавшихся женщинам, встречались драгоценности и книги.

Именно эта традиция получает развитие в средние века. Женщина находится в абсолютной зависимости от отца и мужа: во времена Хлодвиг над ней всю жизнь тяготел *mundium*¹, но франки отказались от германского целомудрия; при Меровингах и Каролингах процветает полигамия; женщину выдают замуж без ее согласия, муж может развестись с ней, когда вздумается, он властен над ее жизнью и смертью; с ней обращаются как с прислугой. Она находится под защитой законов — не только в качестве собственности мужчины и матери своих детей. Назвать ее проституткой, не представив тому доказательств, — это оскорбление, за которое приходится платить в пятнадцать раз дороже, чем за

¹ Обет верности {лат.}.

любое оскорбление, нанесенное мужчине [..похищение замужней женщины приравнивается к убийству свободного мужчины; пожатие руки замужней женщины влечет за собой штраф от пятнадцати до тридцати пяти су; аборт запрещен и карается штрафом в сто су; убийство беременной женщины стоит в четыре раза дороже, чем убийство свободного мужчины; женщина, доказавшая свою способность к материнству, ценится втрое дороже, чем свободный мужчина; но, когда она уже не может рожать, она теряет всякую цену; выйдя замуж за раба, она оказывается вне закона, и родители имеют право ее убить. Как личность она не имеет никаких прав. Впрочем, когда мощь государства возрастает, намечается та же тенденция, что мы наблюдали в Риме: опека над недееспособными, детьми и женщинами перестает быть правом семьи, а становится публичной обязанностью; со времен Карла Великого тяготеющий над женщиной *mundum* начинает принадлежать королю; сначала он вмешивается только в тех случаях, когда женщина лишается своих кровных опекунов; потом понемногу присваивает себе полномочия семьи; но эта перемена не приводит к эмансипации франкской женщины. *Mundium* становится для опекуна обязанностью; его долг — покровительствовать своей подопечной, а для последней это покровительство означает все то же рабство, что и раньше.

Когда на исходе бурных событий глубокого средневековья устанавливается феодальный строй, положение женщины представляется очень неопределенным. Феодальное право характеризуется смешением права верховной власти и права собственности, публичных и частных прав. Это объясняет, почему феодальный строй то принижал, то снова возносил женщину. Сначала ей было отказано в каких бы то ни было частных правах из-за ее политического бесправия. В самом деле, вплоть до XI века порядок основывается только на одной силе — владении оружием. Феод, по словам юристов, — это «земля, которую получают при условии несения военной службы»;

женщина не может владеть феодальным доменом, потому что неспособна его защищать. Положение ее меняется, когда феоды становятся наследственными и родовыми; как мы видели, в германском праве сохранились некоторые пережитки материнского права: при отсутствии наследников мужского пола наследницей могла стать дочь. В результате и феодализм к XI веку признает передачу наследства по женской линии. В то же время от вассалов по-прежнему требуется несение военной службы, и судьба женщины не улучшается оттого, что она становится наследницей; она нуждается в мужчине-опекуне; роль эту играет муж: он принимает инвеституру, отвечает за феодал, имеет право пользования имуществом. Как и в Греции, женщина-наследница — это только промежуточное звено для передачи домена, а не его владелица; но при этом она и не эмансипируется; феодал в некотором роде поглощает ее, она становится частью не-

==129

движимости. Домен уже не принадлежит семье, как во времена римских родов, — теперь это собственность сюзерена, и женщина тоже принадлежит сюзерену. Он выбирает ей супруга; рожая детей, она дарит их скорее ему, чем мужу: они станут вассалами и будут защищать его владения. Таким образом, она оказывается рабыней домена и хозяина этого домена при посредстве «покровительства» навязанного ей мужа — немного найдется эпох, когда судьба ее была бы тяжелее. Наследница — значит, земля и замок, претенденты спорят из-за такой добычи, а девушке порой нет и двенадцати лет, когда отец или сеньор отдают ее в подарок какому-нибудь барону. Чем больше раз мужчина женится, тем больше у него доменов, а потому множится число разводов; Церковь их лицемерно допускает; поскольку брак между родственниками запрещен до седьмого колена, а родство определяется не только по крови, но и по духовным узам, то есть между крестными, всегда можно найти предлог для расторжения брака. В XI веке мы можем встретить целый ряд женщин, оставленных четырьмя-пятью мужьями. Овдовев, женщина обязана сразу же признать над собой нового хозяина. В «жестях» мы видим, как Карл Великий скопом выдает замуж вдов всех своих баронов, погибших в Испании; у Жирара Вьеннского герцогиня Бургундская сама приходит к королю с просьбой дать ей нового супруга. «Мой муж только что умер, но к чему мне траур?.. Найдите мне могущественного мужа, ибо он нужен мне, чтобы защищать мои земли». В эпосе мы часто встречаем короля или сюзерена, тиранящего девушек и вдов. Тот же эпос показывает, что супруг относился без всякого уважения к полученной в дар жене; он издевался над ней, оскорблял ее, таскал за волосы, бил; Бомануар в «Кутюмах Бовуази» требует только одного — чтобы муж «разумно карал» свою супругу. Эта воинственная цивилизация не может относиться к женщине иначе как с презрением. Рыцарь не интересуется женщинами: его лошадь кажется ему гораздо более ценным сокровищем; в «жестях» девушки всегда сами делают первый шаг навстречу молодым людям; от замужних требуется верность, ни к чему не обязывающая мужа, мужчина не посвящает их в свою жизнь. «Будь проклят рыцарь, который спросит у дамы, когда ему надлежит участвовать в турнире». А у Рено де Монтобана читаем такую тираду: «Идите в свои расписные и позолоченные апартаменты, сидите в тени, пейте, ешьте, вышивайте, красьте шелк, но только не вмешивайтесь в наши дела. Наше дело — сражаться с мечом в руках. Молчать!» Иногда женщина разделяет тяжелую долю мужчин. В молодости она приучается к физическим упражнениям, ездит верхом, участвует в соколиной охоте; она не получает почти никакого образования, и в ней не воспитывают стыдливость: она принимает гостей замка, следит за их трапезами и омовениями, она «обихаживает их, чтобы помочь им уснуть»; замужней женщине случается преследовать хищных зверей, совер-

шать длинные и трудные паломничества; когда муж далеко, сеньорию защищает она. Такие владелицы замков вызывают восхищение, их называют *virago*¹, потому что они ведут себя в точности как мужчины: жадны до наживы, коварны, жестоки, угнетают вассалов. История и легенды донесли до нас воспоминания о многих из них: когда по повелению владелицы замка Оби была построена башня, превосходившая высотой все известные донжоны, она тотчас же приказала отрубить голову архитектору, чтобы сохранить в тайне его секрет; мужа она изгнала из своих владений — он тайно вернулся туда и убил ее. Мейбл, жене Роджера Монтгомери, нравилось пускаться по миру дворян своей сеньории — они отомстили, обезглавив ее. Жюльенна, незаконная дочь Генриха I Английского, защищала от него замок Бретей и заманила его в ловушку, за что была жестоко наказана. И все же подобные факты были исключениями. Обычно владелицы замков коротали дни, прядя пряжу, вознося молитвы, поджидая супруга и скучая.

Часто утверждали, что куртуазная любовь, зародившаяся на Средиземноморском Юге, привела к улучшению женской доли. Относительно ее зарождения существует несколько гипотез: по одним, «куртуазность» проистекает из отношений владетельных дам с их молодыми вассалами; другие связывают ее с катарскими ересями и культом Богоматери; третьи выводят мирскую любовь из любви к Богу вообще. Нельзя с уверенностью сказать, существовали ли когда-нибудь на самом деле «куртуазные собрания» («*cours d'amour*»). Не вызывает сомнений лишь то, что грешнице Еве противопоставляется все выше превозносимая Церковью Мать Спасителя: ее культ приобрел такое значение, что стало возможным сказать, будто в XIII веке Бог сделался женщиной; мистическое учение о женщине развивается, таким образом, в религиозном плане. С другой стороны, праздность дворцовой жизни позволяет благородным дамам окружать себя пышным великолепием учтивости, галантных разговоров, поэзии; просвещенные женщины, такие, как Беатрис Валантинуа, Элеонора Аквитанская и ее дочь Мария Французская, Бланка Наваррская и многие другие, привлекают к себе поэтов и назначают им жалованье. Расцвет культуры, охвативший сначала Юг, а потом и Север, поднимает женщин на новую высоту. Куртуазную любовь часто описывали как любовь платоническую; Кретьен де Труа, видимо, чтобы угодить своей покровительнице, изгоняет адюльтер из своих романов: единственная преступная страсть у него — это любовь Ланселота и Генеvры; но на самом деле, поскольку феодальный супруг был опекуном и тираном, женщина искала возлюбленного вне брака; куртуазная любовь была компенсацией варварства официальных отношений. «Любовь в современном смысле слова проявлялась в античности лишь за рамками официального обще-

- Мужественная женщина, воительница, героиня {лат.}).

ства, — замечает Энгельс. — Средневековье начинается с того пункта, где остановилась античность в своем стремлении к сексуальной любви, — с адюльтера». И действительно, пока существует институт брака, любовь будет облекаться именно в эту форму.

На самом деле, если куртуазная любовь и смягчает женскую долю, глубоких изменений в ней она не вызывает. К освобождению женщины ведет не идеология, будь то религия или поэзия; некоторые сдвиги в этом направлении в конце феодальной эпохи обусловлены совсем иными

причинами. Когда королевская власть утверждается над вассалами как власть верховная, сюзерен утрачивает немалую часть своих прав; в частности, понемногу аннулируется его право выдавать замуж своих вассалок по собственному усмотрению; одновременно феодального опекуна лишают права пользования имуществом подопечной; выгоды, связанные с опекуном, пропадают, а когда феодальная служба сводится к денежному обложению, исчезает и само опекунство; женщина неспособна нести военную службу, но она не хуже мужчины может выполнить денежное обязательство; феоде превращается в простое земельное владение, и нет больше никаких оснований отказывать в равенстве обоим полам. В действительности в Германии, Швейцарии и Италии женщины по-прежнему живут под постоянной опекой; Франция же признает, по словам Бомануара, что «девушка стоит мужчины». Германская традиция давала женщине в качестве опекуна защитника — когда она перестает нуждаться в защитнике, она обходится и без опекуна; как представительница своего пола она уже не считается бесправной. Незамужней или вдове предоставлены те же права, что и мужчине; собственность дает ей всю полноту власти; владея феоде, она им правит, то есть вершит правосудие, подписывает договоры, издает законы. Бывает, что она даже обращается к военному делу, командует войсками, принимает участие в битвах; женщины-солдаты существовали и до Жанны д'Арк, и Орлеанская дева хоть и вызывает удивление, но не шокирует. Однако женской независимости препятствует столько факторов, что все вместе их никогда не уничтожить: физическая слабость уже не в счет, но в случае, если женщина замужем, ее подчинение по-прежнему выгодно обществу. Поэтому муж остается всемогущим и после исчезновения феодального строя. Утверждается парадокс, сохранившийся и по сей день: общество охотнее всего принимает в свои ряды ту женщину, у которой меньше всего преимуществ. При гражданском феодализме брак выглядит точно так же, как и во времена военного феодализма; муж по-прежнему остается опекуном своей жены. Когда появляется буржуазия, она соблюдает те же законы. Обычное право, как и право феодальное, допускает эмансипацию женщины только вне брака; девушка и вдова имеют те же права, что и мужчина; но, выходя замуж, женщина попадает под опеку, «попечение» мужа; он может ее избить, следит за ее поведением, связями, перепиской

==132

и распоряжается ее состоянием не в силу контракта, а исходя из самого факта брака. «Едва заключается брак, — говорит Бомануар, — имущество обоих делается общим в силу самого их супружества, а попечение об оном вверяется мужу». Дело в том, что и у дворян, и у буржуазии интересы собственности требуют, чтобы ею распоряжался один хозяин. Жену подчиняют мужу не потому, что в принципе считают ее неправоеспособной, — когда никаких противопоказаний не возникает, за женщиной признают всю полноту прав. От феодализма до наших дней замужнюю женщину без колебаний приносят в жертву частной собственности. Важно отметить, что порабощение это тем полнее, чем значительнее размеры имущества, находящегося в распоряжении мужа; особенно отчетливо зависимость женщины всегда проявлялась у имущих классов; патриархальная семья и поныне сохраняется у богатых землевладельцев; чем более социально и экономически могущественным чувствует себя человек, тем с большим правом он претендует на роль *pater familias*. И наоборот, общая нищета превращает супружескую связь в связь, основанную на взаимности. Женщину освободил не феодализм и не Церковь. Скорее, переход от патриархальной к подлинно супружеской семье начинается с крепостничества. Крепостной и его супруга ничем не владели, они лишь имели в общем пользовании дом, мебель, орудия труда — у мужчины не было никаких оснований стремиться подчинить себе жену, не имеющую никакого имущества; зато объединявшие их общий труд и общий интерес поднимали супругу до уровня подруги. Когда отменяется крепостное право, бедность сохраняется; супругов, живущих на равных, можно встретить в маленьких сельских общинах или у ремесленников; жена

— это не вещь и не прислуга, такую роскошь может позволить себе только богатый человек; бедный же чувствует, что связь между ним и его половиной обоюдна; в свободном труде женщина завоевывает себе реальную самостоятельность, ибо обретает определенную экономическую и социальную роль. Средневековые фарсы и фавлю отражают среду ремесленников, мелких торговцев и крестьян, где превосходство мужа над женой проявляется лишь в том, что он может ее побить, — однако она противопоставляет силе хитрость, и равенство между супругами восстанавливается. Тогда как богатая женщина покорностью расплачивается за свою праздность.

В средние века женщина еще сохраняла некоторые привилегии: в деревнях она принимала участие в собраниях жителей, участвовала в первичных собраниях по выборам депутатов в Генеральные штаты; муж мог единолично распоряжаться только движимым имуществом — для отчуждения недвижимости необходимо было согласие жены. Только в XVI веке были систематизированы законы, сохранявшиеся на протяжении всего старого режима; в эту эпоху окончательно исчезают феодальные нравы, и ничто уже не защищает женщин от стремления мужчин приковать

==133

их к домашнему очагу. Здесь чувствуется влияние римского права, столь пренебрежительного по отношению к женщине; как и во времена римлян, яростные диатрибы, критические суждения против глупости и немощности женского пола, представляют собой не основание для такого кодекса, но попытку его оправдания; мужчины лишь задним числом могут объяснить, почему они поступают так, как им удобнее. «Среди имеющихся у женщин дурных свойств, — читаем мы в «Грезах фруктового сада», — девять дурных свойств, по моему мнению, причитаются им по праву. Во-первых, женщина по природе своей причиняет себе вред... Во-вторых, женщина по природе своей весьма скупа... В-третьих, хотения их весьма внезапны... В-четвертых, сами чаяния их устремлены к дурному... В-пятых, они притворщицы... Опять же женщины известны своим вероломством, и, согласно гражданскому праву, женщина не может быть признана свидетелем при составлении завещания... Опять же женщина всегда делает обратное тому, что ей наказано сделать... Опять же женщины охотно всем рассказывают и пересказывают свои же собственные брань и стыд. Опять же они лукавы и хитры, Монсеньор Блаженный Августин говорил, что «женщина — это животное, не имеющее ни двора, ни хлева»; она мстительна, к стыду своего мужа, в ней вскармливается зло и начинаются все ссоры и все разногласия, от нее пролегает путь-дорога ко всяческому беззаконию». Подобные тексты встречаются в эту эпоху в изобилии. Приведенный выше интересен тем, что каждое обвинение предназначено для оправдания одного из направленных против женщин пунктов законодательства и зависимого положения женщин. Разумеется, все «мужские должности» для них закрыты, снова обретают силу Веллевы рекомендации сенату, лишаящие их всякой гражданской правоспособности; право первородства и преимущественное право мужчины отодвигают женщину на второй план при получении отцовского наследства. Пока девушка не замужем, она остается под опекой отца, и если он не выдает ее замуж, то, как правило, заточает в монастырь. Матери-одиночке разрешено установление отцовства, но оно дает право только на покрытие расходов на медицинскую помощь при родах и на алименты на ребенка; выйдя замуж, женщина оказывается во власти мужа: он выбирает место жительства, управляет хозяйственными делами, разводится с женой в случае измены, заточает ее в монастырь или, позже, добывает королевский указ о взятии под стражу, чтобы отправить ее в Бастилию; ни один акт не действителен без его утверждения; все, что вносит жена в общее имущество супругов, уподобляется приданому в римском смысле слова; но поскольку брак нерасторжим, имущество может перейти в распоряжение жены лишь после смерти мужа; отсюда поговорка; «Uxor non est proprie socia sed speratur fore»¹. Поскольку

«Супруга не является в собственном смысле слова союзницей, но может надеяться стать ею» {лат.}.

==134

она не распоряжается своим капиталом, даже если сохраняет на него права, она за него и не отвечает; деятельность ее не становится содержательнее — она не имеет конкретного «подступа» к миру. Даже дети ее, как во времена «Эвменид», считаются принадлежащими прежде всего отцу, а уж потом ей: она «дарит» их супругу, авторитет которого несравненно выше и который является истинным хозяином своего потомства; этот аргумент даже использовал Наполеон, заявив, что, подобно тому как грушевое дерево принадлежит владельцу груш, женщина есть собственность мужчины, коему она приносит детей. Таким статус французской женщины оставался на протяжении всего старого режима; понемногу Веллеевы рекомендации будут изгоняться из юриспруденции, но только кодекс Наполеона уничтожит их окончательно. За долги супруги и ее поведение отвечает муж, только ему она должна давать отчет; она практически никак не связана напрямую с общественными властями, нет у нее и автономных связей с людьми, посторонними семье. В труде и материнстве она не столько сообщница, сколько прислуга: вещи, ценности, дети принадлежат не ей, а семье, то есть мужчине, который ее возглавляет. Не больше свободы предоставлено ей и в других странах — напротив, в некоторых из них сохранилась опека, во всех — права замужней женщины ничтожны, а нравы суровы. Все европейские законодательства были составлены на основе канонического, римского и германского права — и ни одно из них не благоприятствовало женщине, во всех странах утвердились частная собственность и семья, и женщина подчинялась требованиям этих институтов.

Во всех странах одно из следствий порабощения «честной женщины» семьей — это наличие проституции. Лицемерно поставленные вне общества, проститутки играют в нем чрезвычайно важную роль. Христианство клеймит их позором, но принимает как необходимое зло. «Уничтожьте проституток, — говорил Блаженный Августин, — и общество погрязнет в распутстве». А позже святой Фома Аквинский — или по крайней мере тот теолог, что подписал его именем IV книгу «De regimine principum» («правлении властителей»), — заявляет: «Отнимите у общества публичных женщин, и разврат заполнит его всяческими беспорядками. Проститутки в городе подобны отхожему месту во дворце; уничтожьте отхожее место, и дворец станет местом грязным и смрадным». В период глубокого средневековья в нравах царила такая свобода, что в девицах легкого поведения почти не было надобности; но когда сложилась буржуазная семья и стала строго соблюдаться моногамия, мужчине пришлось искать увеселений вне семейного очага.

Напрасно капитулярный Карла Великого со всей возможной строгостью запретил проституцию, напрасно Людовик Святой приказал в 1254 году изгнать проституток, а в 1269-м — разрушить злочастные места: в Дамьетте, как говорит Жуанвилль, палатки проституток прилежали к палатке короля. Усилия Карла IX во

==135

Франции и Марии-Терезии в Австрии, как покажет позже XVIII век, в равной мере оказались тщетными. Организация общества делала проституцию необходимой. «Проститутки, — высокопарно заявит Шопенгауэр, — это жертва человечества на алтарь моногамии». А специалист по истории европейской морали Лекки формулирует ту же самую мысль следующим образом; «Будучи высшим проявлением греха, они наиболее рьяно оберегают добродетель». Их положение часто справедливо сравнивали с положением евреев, с которыми у них часто находили много общего¹: ростовщичество и спекуляция запрещены Церковью так же, как и любое сношение вне супружества; но общество не может обойтись ни без спекулянтов, ни без свободной любви, и эти функции возлагаются на проклятые касты: их размещают в гетто и в специально отведенных кварталах. В Париже женщины «малого круга» работали в «норах», приходили туда утром, уходили вечером, после сигнала к тушению огней; они жили на определенных улицах, откуда не имели права отлучаться, в большинстве других городов дома терпимости располагались за пределами городских стен. Как и евреи, они были обязаны носить на одежде отличительные знаки; во Франции это был, как правило, шнурок определенного цвета, который полагалось носить на плече; часто им запрещалось надевать шелк, меха и украшения честных женщин. Они на *законном основании* были заклеены позором и абсолютно беспомощны перед лицом полиции и магистратуры, хватало жалобы кого-нибудь из соседей, чтобы их выгнали из дому. Большинство из них жили тяжело и бедно. Некоторых забирали в публичные дома. Французский путешественник Антуан де Лален оставил описание одного такого испанского заведения, находившегося в Валенсии в конце XV века. Место это, говорит он, «размером с небольшой город, со всех сторон обнесено стеной с единственными воротами. А перед воротами установлена виселица для преступников, кои могут оказаться внутри; у дверей стоит человек, который отбирает палки у желающих войти внутрь и предлагает им, коли будет на то их воля и коли у них есть деньги, оставить их покамест у него, с тем чтобы забрать на возвратном пути в целости и сохранности; а коли случится так, что деньги у них есть, но оставить их ему они не пожелают и будут ограблены ночью, так за то привратник в ответе не будет. В месте сем есть четыре улицы, а в них — множество маленьких домиков, и в каждом из них — весьма полногрудые девицы, одетые в бархат и атлас. Таких девиц там двести или триста; а домишки их увешаны и разукрашены добротным бельем. Установленная такса в их деньгах составляет четыре денье, что для нас равняется одному

¹ Те женщины, что приходили в Систерон через ворота Пепэн, должны были, как евреи, уплатить пошлину в пять су в пользу монахинь ордена Святой Клары (Баюто).

грошу. Имеются там таверны и кабаре. Днем из-за жары место сие не разглядеть так хорошо, как ночью или вечером, когда все девицы сидят у своих дверей, а над ними горят красивые висячие фонари, чтобы удобнее было их рассматривать. Городу полагается два лекаря, кои состоят на жалованье и должны всякую неделю посещать девиц на случай, если занемогут они какой пристойной болезнью либо какой другой, тайной, дабы удалить их из сего места. Ежели в городе обнаруживается больная, городские власти обязываются взять ее на свое обеспечение, а пришлых же выпроваживают на все четыре стороны»¹. Впрочем, автор дивится столь хорошо организованному порядку. Многие проститутки оставались свободными; иные недурно зарабатывали. Как и во времена гетер, служение любви открывало для женского индивидуализма больше возможностей, чем жизнь «честной женщины», Особое положение во Франции занимает незамужняя женщина; юридическая независимость, которой она располагает, самым резким образом контрастирует с порабощением супруги. Незамужняя женщина — это существо необычное; а потому нравы стремятся отнять у нее все то, что предоставлено законами; у нее есть

все гражданские права — но права эти абстрактны и пусты; у нее нет ни экономической самостоятельности, ни социального достоинства; обычно старая дева прячется в тени отцовской семьи или обретает общество себе подобных в лоне монастыря — а там едва ли ей доведется узнать другие формы свободы, кроме непослушания и греха, точно так же как римлянки периода упадка освобождались только через порок. Негативность остается уделом женщины, до тех пор пока негативно ее освобождение.

В таких условиях женщина редко имеет возможность действовать или просто выражать себя: в трудящихся классах экономическое угнетение стирает неравенство полов, но одновременно отнимает все шансы у личности; у дворян и буржуазии женщину притесняют как женщину — она может вести лишь паразитическое существование; она малообразованна; нужны исключительные обстоятельства, чтобы она смогла задумать и осуществить какой-нибудь конкретный проект. Королевы и регентши имеют это редкое счастье: власть ставит их над полом; салический закон во Франции запрещает женщинам наследовать трон; но рядом с супругом и после его смерти они порой играют немалую роль, как, например, святая Клотильда, святая Радегунда, Бланка Кастильская. Монастырская жизнь делает женщину независимой от мужчины: некоторые аббатисы обладают большой властью; Элоиза как аббатиса прославилась не меньше, чем как возлюбленная. В мистических, то есть автономных, отношениях, связующих их с Богом, женские души черпают вдохновение и силу, не уступающую силе мужской души; а уважение, которым их окружают в

¹ Diet de la Conversation. — *Riffenbeig*. Femmes et filles de folle vie.

==137

обществе, позволяет им совершать нелегкие деяния. Подвиг Жанны д'Арк выглядит чудом — впрочем, это была лишь вспышка безрассудной смелости. А вот история святой Екатерины Сиенской весьма показательна; посреди совершенно нормальной жизни ей удастся снискать в Сиене славу благодаря активной благотворительной деятельности и видениям, свидетельствующим об интенсивной внутренней жизни; таким образом она приобретает необходимый для успеха авторитет, которого обычно у женщин не бывает; к ее влиянию прибегают, чтобы увещевать приговоренных к смерти, наставлять на путь истинный заблудших, миром разрешать раздоры между семьями и городами. Ее поддерживает сообщество, отождествляющее себя с нею, и это позволяет ей исполнять свою миротворческую миссию: проповедовать по городам и весям покорность папе, вести обширную переписку с епископами и монархами и, наконец, будучи избранной послом Флоренции, поехать за папой в Авиньон. Королевы Богом данным им правом и святые своими бесспорными добродетелями обеспечивают себе в обществе поддержку, позволяющую им стать вровень с мужчинами. От остальных же, напротив, требуется молчаливая скромность. То, что удалось Кристине Пизанской, — поразительная случайность — да и она решилась зарабатывать на жизнь литературным трудом, лишь оставшись вдовой, обремененной детьми.

В целом в средние века мужчины относились к женщинам не слишком благосклонно. Конечно, куртуазные поэты превозносят любовь; возникают многочисленные «Искусства любви», среди которых — поэма Андре Шаплена и знаменитый «Роман о Розе», где Гильом де Лорис призывает молодых людей посвятить себя служению дамам. Но этой литературе, испытавшей влияние поэзии трубадуров, противостоят тексты буржуазного толка, злостно обличающие женщин: фаблио, фарсы, лэ обвиняют их в лени, кокетстве и похотливости. Злейшие враги женщин — клерки. Они ополчаются на брак. Церковь сделала его таинством и в то же время запретила его христианской элите — кроющееся здесь противоречие явилось источником «Женской распри». Оно же с необычайным пылом обличается в «Жалобах Матеолуса» — произведении,

опубликованном через пятнадцать лет после первой части «Романа о Розе», сто лет спустя переведенном на французский и бывшем в свое время знаменитым. Матье, женившись, потерял свое «клеркство» и теперь проклинает пресловутую женитьбу, женщин и вообще брак. Зачем Бог создал женщину, если брак несовместим со званием клерка? В браке не может быть покоя, ведь это наверняка измышление дьявола; или же Бог сам не ведал, что творил. Матье надеется, что в Судный день женщина не воскреснет, Но Бог отвечает ему, что брак — это чистилище, благодаря которому можно попасть на небеса; и, перенесясь во сне на небеса, Матье видит легион мужей, встречающих его возгласами: «Приди, приди, о истинный мученик!» Ту же интонацию мы встречаем у Жана де Менга, тоже бывшего клерком; он пред-

==138

писывает молодым людям уклоняться от женского ига; сначала он нападает на любовь: *Любовь — то полный злобы край, Любовь — то край любовной злобы*; нападает и на брак, обращающий мужчину в рабство и обрекающий его на то, чтобы быть обманутым; и раздражается яростной диатрибой против женщин. Защитники женщины пытаются в ответ доказать ее превосходство. Вот несколько аргументов, к которым вплоть до XVII века будут обращаться апологеты слабого пола; «*Mulier perfetur viro scilicet. Material quia Adam factus est de limo terrae, Eva de costa Ade. Z,oco: quia Adam factus est extra paradisum, Eva in paradiso, /n conceptione: quia mulier concepit Deum, quid homo non potuit, Apparitione: quia Christus apparuit mulieri post mortem resurrectionem, scilicet Magdalene. Exaltatione: quia mulier exaltata est super chorus angelorum scilicet beata Maria...*»!

На это противники возражали, что Христос явился прежде всего женщинам, потому что знал об их болтливости, а ему надо было поскорее возвестить всем о своем воскресении.

Спор не стихал на протяжении всего XV века. Автор «Пятнадцати радостей брака» с сочувствием описывает невзгоды, выпадающие на долю несчастных мужей. Эсташ Дешан пишет нескончаемую поэму на ту же тему. В эту же эпоху начинается и спор о «Романе о Розе». Впервые женщина берется за перо, чтобы защитить свой пол; Кристина Пизанская бойко нападает на клерков в «Послании Богу любви». Клерки тут же поднимаются на защиту Жана де Менга; однако Жерсон, хранитель печати Парижского университета, встает на сторону Кристины; свой трактат он пишет по-французски, чтобы сделать его доступным широкой публике. Мартен ле франк бросает на поле брани неудобоваримый текст под названием «Дамский капюшон», который читали еще двести лет спустя. И снова вступает Кристина. Она в основном требует, чтобы женщины были допущены к образованию: «Если бы было принято отдавать маленьких дочерей в школу и если бы их учили наукам, как обыкновенно учат сыновей, они бы столь же замечательно преуспели в учебе и постижении тонкостей всех искусств и наук».

На самом деле спор этот лишь косвенно касается женщин. Никто и не помышляет добиваться предоставления им какой-то

«Женщина выше мужчины, а именно: Материально; ибо Адам был создан из глины, а Ева — из ребра Адама. *Из-за места:* ибо Адам был создан вне рая, а Ева в раю. *Из-за зачатия:* ибо женщина зачала Бога, а мужчина этого не мог. *Из-за явления:* ибо Христос после смерти явился женщине, а именно — Магдалине. *Из-за вознесения:* ибо женщина воспарила над хором ангелов, а именно — благодатная Мария...» {лат.}

другой роли в обществе. Скорее речь идет о противопоставлении жизни клерка положению женатого человека; иными словами, речь идет о мужской проблеме, возникшей из-за двусмысленного отношения Церкви к браку. Этот конфликт разрешит Лютер, отказавшись от безбрачия священников. Но на положение женщины эта литературная война никакого влияния не имеет. Сатира, содержащаяся в фарсах и фавбу, хоть и высмеивает общество таким, как оно есть, но не стремится его изменить: она издевается над женщинами, но ничего против них не замышляет. Куртуазная поэзия превозносит женственность — но подобный культ отнюдь не способствует сближению полов. «Распря» — это явление второстепенное, она отражает настроения общества, но не изменяет его.

Мы уже говорили, что юридический статус женщины оставался более или менее неизменным с начала XV до XIX века; однако в привилегированных классах ее конкретное положение меняется, Итальянское Возрождение — это эпоха индивидуализма, благотворная для процветания всех сильных личностей, без различия пола. Среди женщин этой эпохи можно встретить могущественных правительниц, как, например, Жанна Арагонская, Жанна Неаполитанская, Изабелла де Эсте; искательниц приключений, ставших кондотьерами и с оружием в руках сражавшихся наравне с мужчинами: так, жена Джираломо Риарио боролась за свободу Форли; Ипполита Фьораменти командовала войсками герцога Миланского и во время осады Павии привела к крепостным стенам роту знатных дам. Чтобы защитить свой город от Монлюка, жительницы Сиены собрали три отряда по три тысячи женщин в каждом, и командовали ими тоже женщины. Другие итальянки снискали славу своей образованностью или талантами; среди них Изотта Ногарола, Вероника Гамбара, Гаспара Стампара, Виттория Колонна, бывшая подругой Микеланджело, и особенно Лукреция Торнабуони, мать Лоренцо и Жюльена Медичи, перу которой, в частности, принадлежат гимны и жития Иоанна Крестителя и Девы Марии. Среди этих рафинированных женщин насчитывается немало куртизанок; свободу нравов они дополняли свободой духа, занимаясь своим ремеслом, обеспечивали себе экономическую самостоятельность, и ко многим из них мужчины относились с почтительным восхищением; они покровительствовали искусствам, интересовались литературой, философией и часто сами писали и занимались живописью: Изабелла де Луна, Екатерина ди Сан-Челсо, Империя, бывшая поэтессой и музыкантшей, возобновляют традицию Аспазии и Фринии. И все же для многих еще свобода принимала только форму распущенности: оргии и преступления итальянских знатных дам и куртизанок стали легендой.

[К оглавлению](#)

Подобная распущенность и на протяжении последующих веков была основным видом свободы среди женщин, которых положение в обществе или состояние освобождали от расхожей морали; последняя же в целом оставалась такой же строгой, как и в средние века. Что же касается позитивных свершений, их пока могло быть лишь совсем немного. Всегда в привилегированном положении оказывались королевы; Екатерина Медичи, Елизавета Английская, Изабелла Католическая — это поистине великие правительницы. Весьма почитаемы были и некоторые великие святые. Удивительную судьбу святой Терезы Авильской можно объяснить примерно так

же, как и судьбу святой Екатерины: в своей вере в Бога она черпает незыблемую веру в себя; доводя до совершенства приличествующие ее положению добродетели, она обеспечивает себе поддержку своих духовников и всего христианского мира — это позволяет ей стать выше обычной монахини; она основывает монастыри, управляет ими, путешествует, смело берется за дело и упорствует в своих начинаниях с бесстрашием и мужеством мужчины; общество не чинит ей преград; даже литературный труд не считается дерзостью — духовники обязывают ее писать. Она с блеском свидетельствует о том, что женщина может подняться столь же высоко, как и мужчина, если удивительный случай предоставит ей равные с мужчиной возможности.

Но в действительности возможности их по-прежнему неравны; в XVI веке женщины еще малообразованны. Анна Бретонская призывает множество женщин ко двору, где раньше были одни мужчины; она старается окружить себя свитой фрейлин — но больше печется об их воспитании, чем о культуре. Большинство женщин, прославившихся впоследствии умом, интеллектуальным влиянием, литературными трудами, были знатными особами; среди них герцогиня Рецкая, г-жа де Линероль, герцогиня де Роан и ее дочь Анна; а лучше всего известны королева Марго и Маргарита Наваррская. Перетт де Гийе была, судя по всему, буржуазного происхождения; а вот Луиза Лаббе, вероятно, была куртизанкой — во всяком случае, отличалась большой свободой нравов.

В XVII веке женщины и дальше будут заявлять о себе главным образом именно в интеллектуальной области; светская жизнь развивается, распространяется культура; женщины играют в салонах весьма значительную роль; уже одно то, что они не участвуют в созидании мира, позволяет им на досуге предаваться разговорам, искусствам, литературному творчеству; образование их неупорядоченно, но благодаря беседам, книгам, занятиям с частными наставниками и публичным лекциям они достигают больших знаний, чем их мужья; м-ль де Гурне, г-жа де Рамбуйе, м-ль де Скюдери, г-жа де Лафайетт, г-жа де Севинье пользуются во Франции большой известностью; а за пределами Франции такая же слава связана с именами принцессы Елизаветы, королевы Кристины, м-ль Шурман, состоявшей в переписке со всем ученым миром. Благо-

==141

даря столь высокой культуре и связанному с ней престижу женщинам удается вторгнуться в мужской мир; от литературы и любовной казуистики многие честолюбивые особы переходят к политическим интригам. В 1623 году папский нунций писал: «Во Франции все великие события, все важные интриги, как правило, зависят от женщин». Принцесса Конде подстрекает к «заговору женщин»; Анна Австрийская окружена женщинами, советам которых охотно следует; Ришелье благосклонно внимает герцогине д'Эгийон; известно, какую роль в период Фронды сыграли г-жа де Монбазон — герцогиня де Шеврез, м-ль де Монпансье, герцогиня де Лонгвиль, Анна де Гонзаго и многие другие. Наконец, г-жа де Ментенон великолепно продемонстрировала, какое влияние может оказывать на государственные дела умелая советчица, Вдохновительницы, советчицы, интриганки — женщины обеспечивают себе наибольшее влияние окольными путями; принцесса дез Урсэн в Испании добилась большей власти, но карьера ее была недолгой. Помимо знатных дам в обществе заявляют о себе и некоторые особы, избежавшие буржуазных пут; появляется неведомая ранее разновидность — актрисы. Впервые о присутствии женщины на сцене упоминается в 1545 году; в 1592-м известен пока только один такой случай; в начале XVII века большая часть женщин, играющих на сцене, — жены актеров; затем они приобретают самостоятельность как в своей профессиональной деятельности, так и в личной жизни. Что касается куртизанок, то на смену Фриниям и Империям приходит новый тип, нашедший наиболее

полное воплощение в Нинон де Ланкло: тем, что она извлекает пользу из своей женственности, она ее превосходит; живя среди мужчин, она приобретает мужские свойства; независимость нравов приводит ее к независимости духа — Нинон де Ланкло довела свободу до высшей точки, возможной в то время для женщины.

В XVIII веке свобода и независимость женщин еще более возрастают. В принципе нравы остаются строгими: девушка получает лишь самое общее воспитание; ее не спрашивая выдают замуж или отправляют в монастырь. Буржуазия — восходящий класс, укрепляющий свои позиции, — предписывает супруге строгое соблюдение нравственных норм. Зато разложение дворянства позволяет светским женщинам допускать величайшие вольности, а их пример оказывается заразительным и для крупной буржуазии; ни монастыри, ни семейный очаг не могут сдерживать женщину. И снова для большинства из них свобода по-прежнему остается негативной и абстрактной — они ограничиваются поиском удовольствий. Однако наиболее умные и честолюбивые создают себе возможности для деятельности. Салонная жизнь переживает новый подъем: достаточно хорошо известно, какую роль сыграли г-жа Жоффрен, г-жа дю Деффан, м-ль де Лепинас, г-жа д'Эпине, г-жа Тансэ; женщины — покровительницы и вдохновительницы — это излюбленная аудитория писателя; и сами они занимаются литера-

==142

турой, философией, науками: у них, как, скажем, у г-жи де Шатле, есть свои физические кабинеты, свои химические лаборатории, они ставят опыты, производят вскрытие; они активнее, чем когда-либо, вмешиваются в политическую жизнь: г-жа де При, г-жа де Майи, г-жа де Шатонеф, г-жа де Помпадур, г-жа дю Барри по очереди управляют Людовиком XV; вряд ли найдется министр, у которого не было бы своей тайной советчицы; Монтескье даже считает, что во Франции всем заправляют женщины; они составляют, говорит он, «новое государство в государстве»; а Колле пишет незадолго до 1789 года: «Женщины до такой степени взяли верх над французами, до такой степени подчинили их себе, что мужчины теперь думают и чувствуют только под их руководством». Помимо женщин из общества широкой известностью пользуются некоторые актрисы и женщины легкого поведения, как, например, Софи Арни, Жюли Тальма, Андриенна Лекуврер.

Итак, на протяжении всего старого режима область культуры была наиболее доступна женщинам, стремившимся к самоутверждению. Однако ни одна из них не достигла высот Данте или Шекспира. Это объясняется общей посредственностью их положения. Культура всегда была достоянием лишь женской элиты, а не массы; но ведь гении мужского пола зачастую выходили именно из масс; да и представительницы привилегированных классов были окружены препятствиями, преграждавшими им путь к высшим достижениям. Ничто не стесняло полета какой-нибудь святой Терезы или Екатерины Великой, но тысяча обстоятельств сходились на пути женщин-писательниц. В своей небольшой книге «Чья-то комната» Вирджиния Вульф сочиняет забавную историю о судьбе предполагаемой сестры Шекспира; пока он в колледже понемногу изучал латынь, грамматику и логику, она сидела дома в полном невежестве; когда он браконьерствовал, бегал по полям и лесам, спал с женщинами, живущими по соседству, она штопала всякое тряпье под зорким оком родителей; а если бы она, подобно брату, смело отправилась искать счастья в Лондон, то ей бы не удалось стать актрисой, свободно зарабатывающей на жизнь: или ее препроводили бы обратно в семью, где насильно выдали бы замуж; или, соблазненная, брошенная, обесчещенная, она покончила бы с собой от отчаяния. А еще можно представить себе, что она стала бы веселой проституткой, наподобие какой-нибудь Молль Фландерс, какой ее вывел Даниель Дефо, — но в любом случае она не возглавила бы

войско и не стала бы писать драмы. В Англии, замечает В. Вульф, к женщинам-писательницам всегда относились враждебно. Доктор Джонсон сравнивал их с «собакой, ходящей на задних лапах, — получается не очень хорошо, но вызывает удивление». Художники больше чем кто-либо озабочены мнением о себе других людей; женщины сильно от него зависят — и можно понять, какая сила необходима женщине-художнику просто для того, чтобы дерзнуть выйти за установленные рамки; часто в этой борьбе они расходуют все свои силы. В конце

==143

XVII века леди Винхилси, дворянка, не имеющая детей, отваживается писать; в ее творчестве встречаются места, свидетельствующие, что по натуре она чувствительна и поэтична; однако она растратила всю себя на ненависть, гнев и страх: *Увы! Женщина, берущаяся за перо, Считается таким самонадеянным созданием, Что ей никак не искупить свое преступление!*

Почти все ее творчество пронизано возмущением по поводу положения женщин. Аналогичная ситуация сложилась и в случае герцогини Ньюкасл; когда она, тоже будучи знатной дамой, начала писать, это послужило поводом для скандала. «Женщины живут, как тараканы или совы, а умирают, как черви», — пишет она в ярости. После всех оскорблений и насмешек ей пришлось укрыться в своих имениях; несмотря на щедрый темперамент, она, наполовину обезумев, не написала ничего, кроме нескольких вымученных нелепостей. Лишь в XVIII веке г-жа Афра Бен, из буржуазии, овдовев, жила, как мужчина, литературным трудом; ее примеру последовали и другие; но и в XIX веке женщинам нередко приходилось таиться; у них даже не было «собственной комнаты», то есть они не обладали той материальной независимостью, которая является одним из необходимых условий внутренней свободы.

Как мы видели, положение француженок было более благоприятным из-за развитой светской жизни и ее тесной связи с жизнью интеллектуальной. И все же общественное мнение было в основном враждебно настроено по отношению к «синим чулкам». В эпоху Возрождения знатные дамы и интеллектуально развитые женщины положили начало движению в защиту своего пола; пришедшие из Италии платонические теории одухотворяют любовь и женщину. Множество образованных людей становятся на ее защиту. Появляются работы «Корабль добродетельных дам», «Рыцарь дам» и т.д. Эразм в «Малом Сенате» дает слово Корнелии, которая со всей резкостью излагает претензии своего пола. «Мужчины — это тираны... Они обращаются с нами как с игрушками, они делают из нас прачек и кухарок для себя». Он требует, чтобы женщинам позволили учиться. Корнелиус Агриппа в снискавшем в то время широкую известность труде «Декламация о благородстве и совершенстве женского пола» старательно доказывает превосходство женщин. Он снова приводит все те же аргументы: Ева означает Жизнь, Адам — Землю. Женщина создана после мужчины, а потому она совершеннее. Она родилась в раю, а он — нет. Упав в воду, она всплывает, а мужчина — тонет. Она сделана из ребра Адама, а не из глины. Менструации лечат от всех болезней. Ева лишь обманулась по незнанию — согрешил Адам; поэтому Бог сделался мужчиной — впрочем, воскреснув, он явился женщинам. Затем Агриппа заявляет, что женщины до-

==144

бродетельнее мужчин. Он перечисляет «светлых дам», составляющих гордость их пола, что тоже стало общим местом подобных апологий. Наконец, он выступает с обвинительной речью против мужской тирании: «Действуя вопреки всякому праву, безнаказанно нарушая естественное равенство, тирания мужчины лишает женщину свободы, полученной ею при рождении». Между тем она рождает детей, она столь же умна и даже более утонченна, чем мужчина; ограничивать ее деятельность просто возмутительно, «и делается это уж наверное не по велению Господа, не по необходимости и не по здравому соображению, но в силу общепринятого обычая, через воспитание, труд и в особенности через насилие и угнетение». Он, конечно, не требует равенства полов, но хочет, чтобы к женщине относились с уважением. Труд этот имел неимоверный успех, равно как и другая апология женщины — «Неодолимая сила», и проникнутая платоновским мистицизмом «Великолепная подруга» Эроз. В одной любопытной книге, предвосхитившей учение Сен-Симона, Постель возвещает о пришествии новой Евы — матери, которая должна переродить человечество, — ему даже кажется, что он ее где-то видел: она умерла и, возможно, перевоплотилась в него. Маргарита Валуа проявляет большую сдержанность — в своей «Ученой и утонченной речи» она заявляет, что в женщине есть что-то божественное. Но больше всех послужила пером своему полу Маргарита Наваррская, противопоставившая нравственной распущенности идеал сентиментального мистицизма и целомудрия без ханжества и попыткавшаяся примирить брак с любовью к чести и женским счастьем. Разумеется, противники женщин оружия не сложили. В частности, в «Препирательстве мужского и женского пола», написанном в ответ Агриппе, мы снова встречаем все те же средневековые аргументы. Рабле в третьей книге «Гаргантюа и Пантагрюэль» дает остросатирическое описание брака в традиции Матьё и Дешана — в то же время вершить закон в счастливом Телемском аббатстве предоставляется женщинам, С новой, особенно язвительной силой антифеминизм выступает в 1617 году, когда Жак Оливье пишет «Азбуку женского несовершенства и лукавства»; на обложке была воспроизведена гравюра, изображающая женщину с руками гарпии, в перьях похоти, на курьих ножках, потому что она такая же, как курица, плохая хозяйка; и на каждую букву алфавита приводился один из ее пороков. Снова представитель Церкви разжигал старую распрю, М-ль де Гурне парировала «Равенством мужчин и женщин». Тут с «Сатирическими парнасами и кабаре» на нравы женщин обрушивается целый поток фривольной литературы, а для пущего их устрашения святоши приводят цитаты из апостола Павла, Отцов Церкви, Екклесиаста. Неисчерпаемой темой сатиры Матюрена Ренье и его друзей стала опять же женщина. В противоположном лагере апологеты снова приводят и комментируют на все лады аргументы Агриппы. Отец

дю Бок требует в «Честной женщине», чтобы женщинам позволили учиться. «Астрей», а с ней целый поток галантной литературы прославляют их заслуги в рондо, сонетах, элегиях и т.п.

Даже успехи, достигнутые женщинами, вызывают новые на них нападки; женщины из прециозных салонов восстанавливают против себя общественное мнение; публика рукоплещет «Смешным жеманницам», а немного позднее — «Ученым женщинам». И все же Мольер не был врагом женщин: он горячо выступает против навязанных браков, требует для девушки свободы чувств, а для супруги — уважения и независимости. А вот Боссюэ, напротив, совсем не щадит их в своих проповедях. Первая женщина, вещает он, была «всего лишь частью Адама, чем-то гораздо меньшим. Примерно в той же пропорции она наделена и разумом». Направленная против женщин сатира Буало — всего лишь упражнение в риторике, однако она провоцирует новый всплеск негодования: Прадон, Реньяр, Перро с жаром кидаются возражать. Ла Брюйер, Сент-Эврмон

встают на сторону женщин. Самым решительным феминистом эпохи оказывается Пулен де ля Барр, опубликовавший в 1673 году труд картезианского толка «О равенстве обоих полов». Он считает, что мужчины, будучи сильнее, всегда поступали в угоду своему полу, а женщины по привычке мирятся с этой зависимостью. У них никогда не было тех же возможностей, что и у мужчины, — ни свободы, ни образования. Соответственно их нельзя судить по тому, что они совершили в прошлом. Нет никаких оснований считать, что они ниже мужчин. В анатомии открываются некоторые различия, но ни одно из них не представляет для мужчины преимущества. В заключение Пулен де ля Барр требует для женщины систематического образования. Фонтенель пишет в их защиту «Трактат о множественности миров». И если Фенелон, следующий по стопам г-жи де Ментенон и аббата Флери, еще достаточно робок в своей программе воспитания, университетский профессор-янсенист Роллэн, напротив, хочет, чтобы женщины серьезно занялись учебой, XVIII век также распадается на две части. В 1744 году в Амстердаме автор «Спора о женской душе» заявляет, что «женщина, созданная исключительно для мужчины, после конца света перестанет существовать, ибо перестанет служить предмету, для коего была создана, из чего неизбежно следует, что душа ее не бессмертна». Чуть менее резко Руссо, в данном случае выражающий мнение буржуазии, утверждает, что женщина должна посвятить себя мужу и материнству. «Женское воспитание должно всегда соотноситься с интересами мужчин... Женщина создана, чтобы уступать мужчине и сносить несправедливости», — утверждает он. Между тем демократический и индивидуалистический идеал XVIII века благоприятен для женщин; большинство философов воспринимают их как людей, равных представителям сильного пола, Вольтер обличает несправедливость их удела. Дидро полагает, что их приниженное положение было во многом *создано* обществом.

==146

«Женщины, мне жаль вас!» — пишет он. По его мнению, «во всех обычаях жестокость гражданских законов объединилась против женщин с жестокостью природы. К ним стали относиться как к неразумным существам». Монтескье парадоксальным образом считает, что женщины должны подчиняться мужчинам в домашней жизни, но что у них есть все необходимое для политической деятельности. «Женщине стать хозяйкой дома противно разуму и природе, управлять же империей — нет». Гельвеций показывает, что неполноценность женщины — это следствие ее нелепого воспитания; мнение это разделяет и Д'Аламбер. А у одной женщины, г-жи де Сире, робко зарождается экономический феминизм. Но едва ли не один только Мерсье в своей работе «Картина Парижа» возмущается нищетой женщин-работниц и таким образом затрагивает фундаментальный вопрос о женском труде. Кондорсе хочет, чтобы женщины приняли участие в политической жизни. Он считает, что они равны с мужчинами, и защищает их от классических нападок: «Говорили, что женщины попросту лишены чувства справедливости, что они подчиняются не столько совести, сколько чувству... [Но] это отличие порождено не природой, а воспитанием и общественной жизнью». И в другом месте: «Чем больше были женщины поработаны законами, тем опаснее становилась **их** власть... Она не была бы таковой, если бы женщины не были заинтересованы в ее сохранении, если бы она не была для них единственным средством защитить себя и избежать угнетения».

[00.htm - glava13](#)

V

Можно было ожидать, что Революция изменит женский удел. Но этого не произошло. Буржуазная революция уважительно отнеслась к буржуазным институтам и ценностям; и совершена она была

почти исключительно мужчинами. Важно подчеркнуть, что на протяжении всего старого режима именно женщины из трудящихся классов были наиболее независимы как представительницы своего пола. Женщина могла иметь свое дело, у нее были все необходимые права, чтобы самостоятельно заниматься своим ремеслом. В качестве белошвейки, прачки, полировщицы, продавщицы и т.д. она принимает участие в производстве; работает она или на дому, или на маленьких предприятиях; материальная независимость позволяет ей вести себя весьма вольно: женщина из народа может выходить из дому, посещать таверны, распоряжаться своим телом почти как мужчина; они с мужем — компаньоны, равные. Угнетение она терпит в экономическом, а не в половом плане. В деревнях крестьянка принимает значительное участие в сельском труде; относятся к ней как к прислуге; часто она не ест за одним столом с мужем и сыновьями, работает больше, чем они, и ко всем тяготам добавляются еще связанные с материнством обязанности. Но, как и в древних сельскохозяйственных обще-

==147

ствах, она необходима мужчине, а потому пользуется его уважением; у них общее имущество, общие интересы, общие заботы; в доме она имеет большой авторитет. Именно такие женщины могли бы в своей трудной жизни утвердить себя как личность и потребовать прав; но над ними тяготела традиция робости и подчинения: среди наказов депутатам Генеральных штатов число женских требований, можно сказать, ничтожно; ограничиваются они следующим: «Чтобы мужчины не могли заниматься ремеслами, предназначенными женщинам». Женщин, разумеется, можно встретить рядом с их мужьями на демонстрациях и во время волнений; именно они отправляются в Версаль за «булочником, булочницей и их маленьким подмастерьем». Но революционное движение возглавлял не народ, и не он пожинал его плоды. Что же касается женщин из буржуазии, то некоторые из них рьяно включились в борьбу за дело свободы: г-жа Ролан, Люсиль Демулен, Теруань де Мерикур; одна из них существенно повлияла на ход событий; Шарлотта Корде, убившая Марата. Было и несколько феминистских движений. Олимпия де Гуж предложила в 1789 году «Декларацию прав женщины» по аналогии с «Декларацией прав человека», где потребовала уничтожения всех мужских привилегий. В 1790 году те же идеи можно обнаружить в «Резолюции бедной Жакотты» и других подобных пасквилях; но, несмотря на поддержку Кондорсе, усилия эти ни к чему не приводят, и Олимпия погибает на эшафоте. Наряду с основанной ею газетой «Импасьян» появляются и другие листки, но продержаться им удастся недолго. Женские клубы по большей части сливаются с мужскими и поглощаются ими. Когда 28 брюмера 1793 года актриса Роз Лакомб, бывшая президентом Общества революционных республиканок, в сопровождении депутации женщин стала штурмовать вход в Генеральный совет, собрание услышало слова прокурора Шометта, как будто навеянные апостолом Павлом и святым Фомой Аквинским: «С каких это пор женщинам дозволяется отрекаться от своего пола и делаться мужчинами?.. [Природа] сказала женщине: "Будь женщиной. Забота о детях, тонкости домашнего хозяйства, разные тревоги, связанные с материнством, — вот твоя работа». В Совет их не допустили, а вскоре перестали допускать даже в клубы, где проходило их политическое обучение. В 1790 году были упразднены право первородства и мужское преимущество; в том, что касается наследования, мальчики и девочки стали равны; в 1792 году законодательно утверждается развод, что несколько ослабляет суровость матримониальных уз; но все это были лишь незначительные завоевания. В буржуазной среде женщины настолько сильно врастали в семейную жизнь, что не могли почувствовать между собой реальную солидарность; они не составляли отдельной касты, способной выдвинуть требования, — с экономической точки зрения они вели паразитическое существование. Получается, что тем женщинам, которые могли бы участвовать в событиях, несмотря на свой пол,

их классовое положение не позволяло это сделать, а женщины из активно действовавших классов были обречены оставаться в стороне именно как женщины. Только тогда, когда экономическая власть окажется в руках трудящихся, трудящиеся женщины смогут добиться таких прав, каких никогда не имели женщины-паразиты, будь то представительницы дворянства или буржуазии.

Во время отката Революции женщина пользовалась анархической свободой, но когда общество упорядочилось снова, она опять оказалась в тяжелой кабале. С феминистской точки зрения Франция опережала остальные страны; но, к несчастью для современной француженки, ее статус был определен во времена военной диктатуры; кодекс Наполеона, на целый век предрешивший ее судьбу, сильно задержал ее эмансипацию. Как все военные, Наполеон хочет видеть в женщине только мать; но как наследник буржуазной революции он не собирается разрушать структуры общества и давать матери преимущество перед супругой: он запрещает установление отцовства и жестко определяет положение матери-одиночки и внебрачного ребенка; но и замужней женщине материнское достоинство жизни не облегчает; феодальный парадокс продолжает существовать. Девушка и женщина не считаются гражданами, что лишает их права исполнять некоторые функции: занимать должность адвоката или принимать на себя опеку. Однако незамужняя женщина пользуется всей полнотой гражданских прав, в то время как в браке сохраняется *tundium*. Женщине предписывается *подчинение* мужу; в случае супружеской измены он может добиться ее заключения под стражу и получить развод; если он убьет виновную на месте преступления, в глазах закона его вина прощительна; в то же время на мужа может быть наложен штраф в том случае, если он приведет сожительницу в дом, где живет его семья, и только тогда жена может получить развод. Место жительства определяет мужчина, и прав на детей у него гораздо больше, чем у матери; и — если только женщина не руководит коммерческим предприятием — для того, чтобы она могла взять на себя обязательство, необходимо разрешение мужа.

В течение всего XIX века юриспруденция только усиливает строгости кодекса, в частности она лишает женщину всяких прав на отчуждение имущества. В 1826 году Реставрация ликвидирует развод; Учредительное собрание 1848 года отказывается восстановить его; положение о нем вновь появляется лишь в 1884 году — и то получить его очень трудно. А дело в том, что буржуазия в этот период сильна как никогда и в то же время понимает, какую-опасность несет в себе промышленная революция; власть буржуазии утверждается на весьма шаткой основе.

Унаследованное от XVIII века свободомыслие не затрагивает семейной морали; она остается такой, как ее определяют в начале XIX века реакционные мыслители Жозеф де Местр и Бональд. Они обосновывают необходимость порядка божественной волей и требуют,

чтобы в обществе существовала строгая иерархия; семья, неделимая социальная ячейка, представляется микрокосмом общества. «Мужчина для женщины — то же, что женщина для ребенка; или: власть для министра — то же, что министр для подданного», — говорит Бональд. В семье, определение которой Ле Плэ дает в середине века, соблюдается та же иерархия.

Огюст Конт тоже настаивает на иерархии полов, правда немного иначе; между полами существуют «кардинальные различия одновременно психического и морального свойства, которые во всех животных видах и особенно в роде человеческом решительно отделяют их друг от

друга». Женственность — это что-то вроде «постоянного детства», не дающего женщине приблизиться к «идеальному типу представителя рода людского». Такая биологическая инфантильность проявляется в умственной слабости; этому живущему исключительно чувствами существу предназначена роль супруги и домашней хозяйки, она не может конкурировать с мужчиной — «ни руководящая деятельность, ни образование ей не пристало». Как и у Бональда, у Конта женщина заточается в семье, а руководит этим обществом в миниатюре отец, ибо женщина «неспособна ни на какое руководство, даже домашнее», она лишь следит за хозяйством и советует. Образование ее должно быть ограничено. «Женщины и пролетарии не могут и не должны становиться писателями, да они и не хотят этого», И Конт предрекает, что эволюция общества приведет к полному устранению женского труда вне семьи. Во второй части своего труда Конт под влиянием любви к Клотильде де Во превозносит женщину, делает ее почти божеством, эманацией великого существа; именно ей, согласно позитивистской религии, будет поклоняться народ в храме Человечества; но поклонения она заслуживает одним своим нравственным обликом; пока мужчина действует, она любит — в ее душе гораздо больше альтруизма, чем у него. Однако все это, с точки зрения позитивизма, не освобождает ее из семейного заточения; развод ей запрещен, а вдове желательно оставаться вдовой навсегда; у нее нет ни экономических, ни политических прав; она всего лишь супруга и воспитательница.

В более циничной манере Бальзак выражает тот же идеал. «Предназначение женщины и единственная ее слава — это/заставлять биться мужские сердца... — пишет он в «Физиологии брака». — Женщина — это собственность, приобретаемая по контракту; причем движимость, ибо владение не требует документального подтверждения; то есть, в сущности говоря, женщина — не что иное, как приложение к мужчине». Здесь писатель выступает рупором буржуазии, которая реагирует на вольнодумие XVIII века и угрожающие ей прогрессивные идеи удвоившим силу антифеминизмом. Блестяще показав в начале работы «физиология брака», что установление это, где нет места любви, неизбежно ведет женщину к адюльтеру, Бальзак увещевает супруга держать ее в полном подчинении, если только он хочет избежать

[К оглавлению](#)

[==150](#)

насмешек и позора. Надо закрыть ей путь к образованию и культуре, запретить все, что могло бы способствовать развитию индивидуальности, заставить носить неудобные одежды, предписать обескровливающую диету. Буржуазия в точности следует этой программе; кухня, хозяйство закрепощает женщин, нравственность их — под ревнивым наблюдением; их держат в рамках принятых правил хорошего тона, что пресекает любое стремление к независимости. В качестве компенсации их окружают почетом и изысканной вежливостью. «Замужняя женщина — это рабыня, которую надо уметь посадить на трон», — говорит Бальзак; в любых незначительных обстоятельствах мужчине положено пропускать женщин вперед, уступать им первые места; их не только не заставляют носить тяжести, как в примитивных обществах, — их старательно освобождают от всех трудных обязанностей и забот, а тем самым и от всякой ответственности. И все это — в надежде, что, одуроченные и соблазненные легкой жизнью, они согласятся на роль матери и домохозяйки, которую им хотят навязать. И действительно, большая часть женщин из буржуазии капитулирует. Поскольку воспитание и паразитическое существование ставят их в зависимость от мужчины, они даже не решаются выдвигать какие-либо требования — те же, кто позволяет себе такую дерзость, не встречают почти никакого отклика. «Легче надеть на людей цепи, чем снять, если цепи приносят уважение», — сказал Бернард Шоу. Буржуазная женщина держится за свои цепи, потому что держится за классовые преимущества. Ей неустанно

объясняют, и сама она знает, что женская эмансипация ослабила бы буржуазное общество; высвободившись из-под власти мужчины, она была бы обречена на труд; может, она и сожалеет, что ее права на частную собственность подчинены правам супруга, но она расстроилась бы куда больше, если бы эта самая частная собственность была уничтожена вовсе; она не чувствует никакой солидарности с женщинами из рабочего класса — она гораздо ближе к своему мужу, чем к работницам текстильной фабрики. Его интересы становятся ее интересами.

И все же это упорное сопротивление не может затормозить ход истории; наступление машинного производства наносит удар по земельной собственности, вызывает эмансипацию трудящихся классов и, соответственно, эмансипацию женщины. Любой социализм, вырывая женщину из семьи, способствует ее освобождению: Платон, мечтая об общинном строе, обещал женщинам такую же самостоятельность, какая была у женщин Спарты. Вместе с утопическим социализмом Сен-Симона, Фурье, Кабе рождается утопия «свободной женщины». Принадлежащая Сен-Симону идея всемирной ассоциации требует отмены всякого порабощения — и рабочих и женщин. Сен-Симон, а вслед за ним Леру, Пекёр, Карно настаивают на освобождении женщин, исходя из того, что они такие же люди, как и мужчины. К сожалению, к этому разумному

==151

положению ученики Сен-Симона не отнеслись с должным доверием. Утописты превозносят женщину за ее женственность, а это самый верный способ навредить ей. Под тем предлогом, что единица общества — это супружеская пара, отец Анфантен хочет каждому духовнику дать в пару женщину, чтобы получилась так называемая «пара священнослужителей»; от женщины-мессии он ждет пришествия лучших времен, а Спутники Женщины отплывают на Восток в поисках спасителя женского пола. Анфантен находится под влиянием Фурье, который путает освобождение женщины и реабилитацию плоти; Фурье требует, чтобы каждому человеку была предоставлена свобода следовать зову страстей; брак он хочет заменить любовью; он рассматривает женщину не саму по себе, а как возлюбленную. Кабе тоже обещает, что при икарыйском коммунизме будет достигнуто равенство полов, хотя и допускает лишь ограниченное участие женщин в политической жизни. В действительности женщины в сенсимонистском движении занимают второстепенное место: одна только Клэр Базар, которая основала газету «Новая женщина», некоторое время продержавшуюся под ее руководством, играет весьма значительную роль. Вслед за этим изданием появляются и другие мелкие журналы, но требования их весьма робки; они больше добиваются образования для женщин, чем их эмансипации; именно к повышению уровня женского образования настойчиво стремится Карно, а вслед за ним и Лёгуве. Идея женщины-соратницы, женщины, возрождающей человечество, продержалась на протяжении всего XIX века; ее можно найти у Виктора Гюго. Но доктрины эти лишь дискредитировали дело женщины, так как вместо того, чтобы сблизить ее с мужчиной, они ее противопоставляют ему, признавая ее интуицию, чувство, но не разум. Дискредитировано это дело было и неумелостью тех, кто за него боролся. В 1848 году женщины основывают клубы, газеты; Эжени Нибуайе издает газету «Голос женщин», в которой сотрудничает Кабе. Женская делегация отправляется к парижской ратуше, чтобы требовать «прав женщин», но возвращается ни с чем. В 1849 году Жанна Декуэн предложила себя кандидатом в депутаты и развернула предвыборную кампанию, которая потонула в насмешках. Были осмеяны и движения «везувианок» и «блумеристок», расхаживавших в экстравагантных костюмах. Самые умные женщины эпохи остаются в стороне от этих движений; г-жа де Сталь борется скорее за свое собственное дело, чем за дело своих сестер; Жорж Санд требует права на свободную любовь, но отказывается сотрудничать в «Голосе женщин»; ее требования распространяются главным образом на сферу чувств. Флора Тристан верит, что искупление народа будет совершено женщиной; но она больше интересуется

эмансипацией рабочего класса, чем эмансипацией своего пола. В то же время Даниэль Стерн и г-жа де Жирардэн присоединяются к феминистскому движению.

В целом реформистское движение, развивающееся на протяжении XIX века, благоприятствует феминизму, поскольку ищет

==152

справедливости в равенстве. Но есть и примечательное исключение — Прудон. Наверное, из-за своих крестьянских корней он бурно реагирует на сенсимонистский мистицизм; он остается сторонником мелкой собственности, а тем самым обрекает женщину на домашнее заточение. «Домохозяйка или куртизанка» — вот дилемма, перед которой он ее ставит. До сих пор нападки на феминизм исходили от консерваторов, которые столь же беспощадно боролись и с социализмом; в частности, «Шаривари» находил в этом неистощимый источник для шуток; Прудон же разрушает альянс феминизма и социализма; он протестует против банкета женщин-социалисток под председательством Леру и мечет громы и молнии в адрес Жанны Декуэн. В труде, озаглавленном «Справедливость», он утверждает, что женщина должна оставаться в подчинении у мужчины; только мужчину можно считать социальным индивидом; в супружеской паре нет места сотрудничеству, что предполагало бы равенство, это — союз; женщина — существо неполноценное рядом с мужчиной, во-первых, потому, что ее физическая сила составляет всего лишь $\frac{1}{3}$ от мужской силы, а во-вторых, потому, что интеллектуально и морально она ниже его в той же пропорции; в целом ее ценность можно измерить формулой $2 \times 2 \times 2$ против $3 \times 3 \times 3$, что составляет $\frac{8}{27}$ от ценности мужчины. Когда две женщины, г-жа Адам и г-жа д'Эрикур, ответили ему, одна решительно и твердо, другая — с не столь уместной экзальтацией, Прудон разразился опусом «Порнократия, или Женщина в современную эпоху». Между тем, как все антифеминисты, он горячо воспекает «настоящую женщину», рабу и зеркало мужчины; но при всем благоговении ему пришлось признать, что жизнь, которую он навязал собственной супруге, не сделала ее счастливой: письма г-жи Прудон — это одна нескончаемая жалоба.

Однако на ход событий теоретические прения влияния не оказывают — скорее они дают колеблющееся отображение того, что происходит. Женщина отвоевывает себе экономическую значимость, утраченную ею еще в доисторические времена, поскольку вырывается из дому и, работая на заводе, по-новому принимает участие в производстве. Такой переворот становится возможным благодаря машине, ибо разница в физической силе между работниками мужского и женского пола в огромном большинстве случаев нивелируется. Поскольку резкий скачок промышленности требует гораздо больше рабочих рук, чем могут предложить работники мужского пола, привлечение женщин делается необходимым. Это и есть та великая революция, которая в XIX веке преобразует участь женщины и открывает перед ней новую эру. Маркс и Энгельс по достоинству оценивают значение этой революции и обещают, что освобождение пролетариата принесет с собой и освобождение женщин. И действительно, «у женщины и рабочего есть нечто общее — они оба принадлежат к числу угнетаемых», — говорит Бебель. И оба они освободятся из-под гнета благодаря тому значению, которое в результате технической ре-

==153

волюции приобретет их производительный труд. Энгельс показывает, что судьба женщины тесно связана с историей частной собственности; в результате какой-то катастрофы патриархат пришел на смену материнскому праву и подчинил женщину вотчине; промышленная революция представляет собой противоположность былого краха и приведет к эмансипации женщин. Он пишет; «Освобождение женщины станет возможным только тогда, когда она сможет в крупном общественном масштабе участвовать в производстве, а работа по дому будет занимать ее лишь в незначительной мере. А это сделалось возможным только благодаря современной крупной промышленности, которая не только допускает женский труд в больших размерах, но и прямо требует его...»

В начале XIX века женщина подвергалась более постыдной эксплуатации, чем работники противоположного пола. Надомная работа представляла собой то, что англичане называют «sweating system» («потогонная система»); несмотря на непрерывный труд, работница зарабатывала недостаточно, чтобы обеспечить себя всем необходимым. Жюль Симон в книге «Работница» и даже консерватор Леруа-Болье в работе «Женский труд в XIX веке», опубликованной в 1873 году, обличают чудовищные злоупотребления; так, последний заявляет, что двести тысяч француенокработниц не зарабатывают и пятидесяти сантимов в день. Понятно, что они стремятся перейти на мануфактуры; впрочем, вскоре за пределами цехов останутся лишь ремесла швеи, прачки да прислуги — рабские ремесла с голодным жалованьем; даже плетение кружев, трикотажное производство и т.п. захвачены заводом; зато существует массовый спрос на рабочую силу в хлопковой, шерстяной и шелковой отраслях; больше всего женщин используют в прядильных и ткацких цехах. Часто хозяева предпочитают их мужчинам, «Они лучше работают за меньшую плату». Эта циничная формула проливает свет на драматизм женского труда. Ведь только через труд женщина обрела свое человеческое достоинство, но борьба была исключительно тяжелой и долгой. Прядильщицы и ткачихи работают в никуда не годных гигиенических условиях. «В Лионе, — пишет Бланки, — в басонных цехах некоторые женщины вынуждены работать, почти повиснув на ремнях, одновременно действуя ногами и руками». В 1831 году работницам шелковой промышленности приходилось работать летом с трех до одиннадцати часов вечера либо по семнадцать часов в день, «часто во вредных для здоровья цехах, куда никогда не проникают солнечные лучи, — говорит Норбер Трюкэн. — Половина этих девушек заболевают чахоткой, еще не закончив обучение. Когда они жалуются, их обвиняют в притворстве»¹. «Чтобы выжать их до конца, они прибегают к самым возмутительным сред-

¹ *N.T m u q u i n . Mémoires et aventures d'un prolétaire. Cité d'après E.D o l l é a n s. Histoire du Mouvement ouvrier, t.I.*

ствам — нужде и голоду», — говорит анонимный автор «Правды о лионских событиях». Случается, что женщины совмещают сельскохозяйственный труд с работой на заводе. Их цинично эксплуатируют. В одном из примечаний к «Капиталу» Маркс рассказывает; «Г-н N, фабрикант, поведал мне, что для работы на механических ткацких станках он нанимает исключительно женщин, причем отдает предпочтение замужним, а среди них — тем, кому нужно содержать большую семью, потому что они гораздо осмотрительнее и послушнее, чем незамужние, и вынуждены работать до изнеможения, чтобы обеспечить своих домашних необходимыми средствами. Именно так, — добавляет Маркс, — чистые свойства женщины обращаются ей во вред, а все нравственные и уязвимые стороны ее натуры превращаются в орудие порабощения и источник страдания». Резюмируя «Капитал» и комментируя Бебеля, Ж. Дервиль пишет: «Роскошный зверек или выючное животное — вот что представляет собой женщина сегодня, и

практически ничего более. Ее содержит мужчина, если она не работает, и опять-таки он же содержит ее, если она убивается над работой». Положение рабочих-женщин было настолько плачевным, что Сисмонди и Бланки стали требовать недопущения женщин в цеха. Причина этого частично состоит в том, что женщины поначалу не умели защищаться и не смогли организовать профсоюз. Женские объединения возникают в 1848 году, но первоначально это были только производственные объединения. Движение это продвигалось вперед крайне медленно, что видно из следующих цифр: в 1905 году среди 781 392 членов профсоюза насчитывалось 69 405 женщин; в 1908 году среди 957 120 членов профсоюза насчитывалось 88 906 женщин; в 1912 году среди 1 064 413 членов профсоюза насчитывалось 92 336 женщин; в 1920 году на 1 580 967 трудящихся приходилось 239 016 рабочих и служащих женщин — членов профсоюза, а среди женщин, занятых в сельском хозяйстве, — всего 36 193 члена профсоюза на 1 083 957, то есть всего 292 000 женщин — членов профсоюза при общем числе трудящихся, состоящих в профсоюзе, 3 076 585. Они остались безоружными перед лицом открывающихся перед ними новых возможностей из-за традиционной привычки к смирению и подчинению, из-за недостатка солидарности и коллективной сознательности.

В результате такого поведения женский труд долго оставался нерегламентированным. Вмешательства закона пришлось ждать до 1874 года; да и то, несмотря на проведенные в период Империи кампании, только два положения в нем касаются женщин; одно из них запрещает использовать труд несовершеннолетних в воскресные и праздничные дни; их рабочий день ограничен двенадцатью часами; что касается женщин старше двадцати одного го-

==155

да, то им всего лишь не разрешают подземные работы в шахтах и каменоломнях. Первая хартия женского труда датируется 2 ноября 1892 года; она запрещает ночную работу и ограничивает рабочий день на заводе; однако остается множество путей обойти ее. В 1900 году рабочий день ограничивается десятью часами; в 1905 году еженедельный выходной становится обязательным; в 1907 году трудящиеся женщины получают право свободно распоряжаться своим заработком; в 1909 году вводится гарантированный оплаченный отпуск для рожениц; в 1911 году положения 1892 года принимаются к неукоснительному исполнению; в 1913 году разрабатывается порядок предоставления отдыха женщинам до и после родов и запрещается использование их на опасных и утомительных работах. Понемногу складывается социальное законодательство и женский труд получает гарантию соблюдения гигиены: закон требует стульев для продавщиц; запрещается долгое стояние у внешних витрин и т.д. Международное бюро труда способствовало заключению международных конвенций относительно санитарных условий женского труда, предоставления отпусков

по беременности и т.д.

Вторым следствием смиренной пассивности работниц были заработки, которыми им приходилось довольствоваться. Почему заработная плата для женщин была установлена на таком низком уровне — это феномен, объяснявшийся по-разному и обязанный своим возникновением целому ряду факторов. Сказать, что у женщин меньше потребностей, чем у мужчин, недостаточно — это годится лишь как последующее оправдание. Скорее женщины, как мы уже видели, не сумели защитить себя от эксплуататоров; им предстояло столкнуться с конкуренцией тюрем, которые выбрасывали на рынок продукцию, произведенную без затрат на рабочую силу; конкурировали они и друг с другом. Кроме того, следует заметить, что освободиться с помощью работы женщина стремится в недрах общества, где сохраняется общность имущества супругов; связанная с домом

отца или мужа, она чаще всего довольствуется тем, что вносит свой вклад в хозяйство, она работает вне семьи, но для семьи; а поскольку для работницы речь не идет о том, чтобы удовлетворить все свои потребности, ей приходится соглашаться на вознаграждение, значительно уступающее тому, что требует мужчина. И если значительное число женщин соглашается на пониженную заработную плату, вся женская зарплата в целом, естественно, выравнивается по этому, наиболее

выгодному для нанимателя, уровню.

Во Франции, по данным опроса, проведенного в 1889—1893 годах, за равный с мужчиной рабочий день работница получала лишь половину того, что платили мужчине. По данным опроса 1908 года, самая высокая почасовая плата надомным работницам не превышала двадцати сантимов в час и доходила до пяти сантимов; при такой эксплуатации женщине невозможно было жить, не прося милостыню или не имея покровителя. В Америке в 1919

==156

году женщина получает лишь половину мужского заработка. Приблизительно в тот же период за одинаковое количество угля, извлеченного из германских шахт, женщине платили примерно на 25 процентов меньше, чем мужчине. Между 1911 и 1943 годами женская заработная плата во Франции росла немного быстрее, чем мужская, но все равно осталась значительно ниже ее.

Наниматели стали охотно принимать на работу женщин, поскольку они соглашались на низкую зарплату, а это вызвало сопротивление со стороны трудящихся мужского пола. Между делом пролетариата и делом женщин не было столь непосредственной солидарности, как это утверждали Бебель и Энгельс. Возникла примерно та же проблема, что и в США в связи с черной рабочей силой. Наиболее угнетаемые меньшинства какого-либо общества охотно используются угнетателями как оружие против основной массы того класса, к которому они принадлежат; тем самым первоначально они выступают как враги, и требуется более глубокое осознание ситуации, чтобы интересы черных и белых, работниц и рабочих не противопоставлялись друг другу, а сочетались бы. Вполне понятно, что трудящиеся мужского пола восприняли поначалу эту дешевую конкуренцию как страшную угрозу и отнеслись к ней враждебно. Только когда женщины были вовлечены в профсоюзную деятельность, они смогли защищать свои собственные интересы, не опасаясь поставить под удар интересы рабочего класса в целом.

Несмотря на все эти трудности, женский труд продолжал развиваться. В 1900 году во Франции еще насчитывалось 900 000 надомных работниц, изготавливающих одежду, изделия из кожи, погребальные венки, сумки, поделки из стекла, предметы роскоши; но число их значительно сократилось. В 1906 году 42 процента женщин трудоспособного возраста (от восемнадцати до шестидесяти лет) были заняты в сельском хозяйстве, промышленности, торговле, работали в банках, страховых компаниях, конторах, имели свободные профессии. Движение это было ускорено во всем мире кризисом рабочей силы 1914—1918 годов и аналогичным кризисом во время второй мировой войны. Мелкая и средняя буржуазия решила влиться в это движение, и женщины стали осваивать также и свободные профессии. Согласно одной из последних переписей довоенного времени, во Франции работают 42 процента от общего числа женщин в возрасте от восемнадцати до шестидесяти лет, в Финляндии — 37, в Германии — 34,2, в Индии — 27,7, в Англии — 26,9, в Нидерландах — 19,2, в США — 17,7 процента. Однако во Франции и Индии столь высокие показатели вызваны большим удельным весом сельского труда. Если исключить крестьянство, во Франции в 1940 году насчитывается примерно 500 000 женщин, возглавляющих

предприятия, миллион служащих, два миллиона рабочих, полтора миллиона единоличниц или безработных. Среди рабочих Насчитывается 650 000 надомниц; 1 200 000 заняты в перера-

==157

батывающих отраслях, 440 000 из них — в текстильной промышленности, 315 000 — на швейных предприятиях, 380 000 работают швеями на дому. По торговле, свободным профессиям, сфере обслуживания показатели во Франции, Англии и США примерно совпадают.

Одна из основных проблем, возникающих в связи с женским вопросом, — это, как мы видели, проблема совмещения воспроизводящей роли женщин и ее производительного труда. В ранний исторический период глубинной причиной того, что на долю женщины выпала домашняя работа, а участвовать в построении мира ей было запрещено, была ее подчиненность функции продления рода. Цикличность периодов течки и брачных сезонов у самок животных обеспечивает им экономию сил; у женщин же, напротив, с момента наступления половой зрелости и до климакса способность к деторождению не ограничена природой. В некоторых цивилизациях ранние браки запрещены; известны индейские племена, где требуется, чтобы женщинам был обеспечен хотя бы двухлетний отдых между родами; но в целом на протяжении многих веков женская плодовитость никак не регулировалась. Еще во времена античности¹ применялись противозачаточные средства, обычно предназначенные для женщин: микстуры, свечи, вагинальные тампоны; но они оставались секретом проституток и врачей; может быть, секретом этим владели римлянки периода упадка, которых сатирики упрекали за бесплодие. Средневековые же об этом ничего не знали; никаких следов подобных секретов вплоть до XVIII века. Для целого ряда женщин жизнь в эти времена представляла собой непрерывную череду беременностей; даже женщины легкого поведения расплачивались за свободу любви беспрестанным материнством. Правда, в определенные эпохи человечество ощущало потребность в сокращении численности населения; но в то же время нации боялись ослабеть; в эпохи кризисов и нищеты снижение уровня рождаемости достигалось установлением более позднего брачного возраста. Как правило же, люди женились молодыми и имели столько детей, сколько могла выносить женщина; и только детская смертность сокращала численность живых детей. Уже в XVII веке аббат де Пюр² протестует против «любовной водянки», на которую осуждены женщины; ¹ «Самое древнее из известных упоминаний о противозачаточных средствах — это египетский папирус второго тысячелетия до нашей эры, рекомендующий вагинальное применение странной смеси, состоящей из экскрементов крокодила, меда, едкого натра и некоей клейкой субстанции» (P.Aries. Histoire des populations françaises). Персидские средневековые врачи знали тридцать один рецепт, из которых только девять относились к мужчине. Соранос в эпоху Адриана объясняет, что в момент эякуляции женщина, не желающая иметь детей, должна «задержать дыхание, немного податься всем телом назад, чтобы сперма не могла попасть в os uteri (в матку), потом сразу встать на корточки и вытолкнуть все из себя».

² В «Даме из прециозного салона», 1656 г.

==158

а г-жа де Севинье советует дочери избегать слишком частых беременностей. Однако мальтузианская тенденция получает развитие во Франции лишь в XVtII веке. Сначала обеспеченные слои общества, а потом и все население признают разумным соотносить количество детей с возможностями родителей — и тогда в обиходе начинают появляться противозачаточные средства. В 1778 году демограф Моро пишет; «Не только богатые женщины видят в продлении рода устаревшую попытку ввести их в заблуждение; зловещие секреты, во всем животном мире ведомые одному лишь человеку, уже проникли в деревню; природу обманывают даже в деревнях». Практика *coitus interruptus* (прерванного сношения) распространяется сначала в буржуазной среде, а потом и среди сельского населения и рабочих; презерватив, ранее существовавший в качестве антивенерического средства, становится противозачаточным средством, которое получает особенно широкое распространение после открытия вулканизации в 1840 году!. В англосаксонских странах *birth control* (контроль за рождаемостью) разрешен официально и найдено множество способов разграничить две ранее неделимые функции — сексуальную и воспроизводящую. Когда в трудах венских медиков был в точности установлен механизм зачатия и благоприятствующие тому условия, в них же были подсказаны пути, как этого избежать. Во Франции пропаганда противозачаточных средств и продажа пессариев, вагинальных тампонов и т.д. запрещены, но это не мешает широкому распространению *birth control*. Что же касается аборта, он нигде не был официально разрешен законом. Римское право не оказывало специального покровительства внутриутробной жизни; *nasciturus* (зародыш) оно рассматривало не как человеческое существо, а как часть материнского тела: «*Partus antequam edatur mulieris portio est vel viscerum*»². В период упадка Римской империи аборт считался в порядке вещей и законодательная власть, даже стремясь повысить рождаемость, не решилась его запретить. Если женщина отказывалась рожать вопреки воле мужа, он мог привлечь ее к ответственности — но вина ее состояла в непослушании. В целом в восточной и греко-римской цивилизации аборт допускался законом.

Отношение морали к этому вопросу было в корне пересмотрено с наступлением христианства, которое наделило зародыш душой; в таком случае аборт принимает характер преступления против самого плода, «Любая женщина, поступающая так, чтобы не смочь родить столько детей, сколько она могла бы, столько же

«К 1930 году одна американская фирма продавала двадцать миллионов презервативов в год. Пятнадцать американских мануфактур выпускали их полтора миллиона в день» (П. Ариэс).

«Нерожденное дитя является частью женщины, чем-то вроде внутреннего органа».

==159

раз становится человекоубийцей, равно как и женщина, пытающаяся поранить себя после зачатия», — говорит Блаженный Августин. В Византии аборт карался лишь временной ссылкой; у варваров, допускавших детоубийство, аборт считался предосудительным, только если совершался насильно, против воли матери, — в качестве выкупа следовало уплатить плату за кровь. Но первые Вселенские соборы установили за это «човекоубийство» самые суровые кары, каким бы ни был предполагаемый возраст плода. Между тем возникает один вопрос, ставший предметом нескончаемых дискуссий: в какой момент душа проникает в тело? Святой Фома Аквинский и большая часть авторов установили, что одушевление происходит примерно на сороковой день для детей мужского пола и на восьмидесятый — у детей женского пола; так стали отличать одушевленный плод от неодушевленного. В средние века пенитенциарная книга гласит; «Если беременная женщина умертвит свой плод в течение сорока пяти дней, она подвергается наказанию

сроком на один год. Если она сделает это до истечения шестидесяти дней, то подвергается наказанию сроком на три года. В случае же если ребенок уже одушевлен, ее следует считать человекоубийцей». В то же время в книге добавляется: «Существует большая разница между бедной женщиной, умерщвляющей свое дитя из-за того, что ей трудно его прокормить, и той, что не имеет иной цели, кроме как скрыть преступление блуда». В 1556 году Генрих II издал знаменитый эдикт о сокрытии беременности; поскольку простое сокрытие каралось смертью, был сделан вывод, что с еще большим основанием эта мера должна применяться в случае аборта; в действительности эдикт был направлен против детоубийства; но было решено, что он дает право карать смертной казнью тех, кто делает аборт, и их сообщников. К XVIII веку различие между одушевленным и неодушевленным плодом исчезло. В конце века Беккария, влияние которого во Франции было весьма значительным, выступил в защиту женщины, отказывающейся иметь ребенка. Кодекс 1791 года оправдывает женщину, но карает ее сообщников «двадцатью годами кандалов». К XIX веку аборт перестают считать убийством — его рассматривают скорее как преступление против государства. Закон 1810 года полностью запрещает его под страхом лишения свободы и каторжных работ для женщины и ее сообщников; в действительности врачи по-прежнему делают аборт в случаях, когда речь идет о спасении жизни матери. Чрезмерная суровость закона сама привела к тому, что к концу века присяжные перестали его применять; арестов было ничтожно мало, а 4/5 обвиняемых были оправданы. В 1923 году новый закон снова предусматривает каторжные работы для сообщников и тех, кто осуществляет операцию, но женщину карает только тюремным заключением или штрафом; в 1939 году новый декрет всецело направлен против специалистов: отныне к ним не применяется условное наказание. В 1941 году аборт был объявлен преступлением про-

[К оглавлению](#)

==160

тив государственной безопасности. В других странах это считается правонарушением, подлежащим исправительному наказанию; впрочем, в Англии это уголовное преступление (felony), караемое тюрьмой или каторжными работами. В целом кодексы и суды гораздо снисходительнее к самой женщине, чем к ее сообщникам. Впрочем, Церковь продолжает относиться к этой проблеме все так же сурово. Кодекс канонического права, утвержденный 27 марта 1917 года, гласит: «Те, кто осуществляет аборт, считая также и мать, в случае, если результат достигнут, подвергаются отлучению — *latae sententiae*», к которому прибегают лишь в исключительных случаях. Никакие обстоятельства не учитываются, даже наличие угрозы для жизни матери. Совсем недавно папа снова заявил, что, выбирая между жизнью матери и ребенка, следует принести в жертву первую: ведь мать, будучи крещеной, может попасть на небо — любопытно, что ад в таких подсчетах никогда не фигурирует, — тогда как плод обречен вечно оставаться в лимбе⁷.

Лишь в течение краткого периода аборт был официально разрешен в Германии до прихода нацизма и в СССР до 1936 года. Но, невзирая на религию и законы, во всех странах он занимает значительное место. Во Франции за год насчитывается от восьмисот тысяч до миллиона абортов — то есть столько же, сколько и рожденных детей, причем две трети составляют замужние женщины, у многих из которых уже есть один или два ребенка. Несмотря на предрассудки, сопротивление, пережитки устарелой морали, совершился переход от свободной рождаемости к рождаемости, управляемой государством и самими людьми. Прогресс в области акушерства значительно снизил опасность родов; постепенно уходят в прошлое и испытываемые при родах мучения; в последние дни — в марте 1949 года — в Англии вышло постановление об

обязательном применении некоторых видов анестезии; они уже широко используются в США и начинают распространяться во Франции. Искусственное оплодотворение завершает эволюцию, которая позволит человечеству подчинить себе функцию воспроизводства. В частности, эти изменения имеют колоссальное значение для женщины; она может сократить число беременностей, разумно сделать их частью своей жизни, вместо то-

Во втором томе мы вернемся к обсуждению позиции Церкви. Отметим лишь, что католики далеко не буквально восприняли учение Блаженного Августина. Накануне свадьбы духовник шепчет на ухо невесте, что она может делать со своим мужем все что угодно, лишь бы сношение завершилось «как положено»; всякие предохранительные меры — в том числе и *coitus interruptus* — запрещены; однако разрешается пользоваться календарем, разработанным венскими сексологами, и совершать акт, единственная признанная цель которого — зачатие, в дни, когда женщина зачать не может. Бывают даже духовники, которые сами рекомендуют этот календарь своей пастве. В действительности существует множество «христианских матерей», имеющих всего двоих-троих детей и отнюдь не прекративших супружеские отношения после последних родов.

==161

11-2242

рау/, -ки от них зависеть. В течение XIX века женщина

сея и от природных оков; она подчиняет себе свое тело большей мере избавленная от бремени деторождения, л взять на себя предлагаемую ей экономическую роль, что -ост ей в дальнейшем полное овладение своей личностью. .так, эволюция положения женщины связана с совпадением

х факторов; участия в производстве и освобождения от рабстдеторождения. Как предвидел Энгельс, ее социальный и полигический статус неизбежно должен был измениться. Феминистское движение, начатое во Франции Кондорсе, а в Англии Мэри Уоллстонкрафт в ее работе «Защита прав женщины» и подхваченное в начале века сенсимонистами, не могло увенчаться успехом, пока у него не было конкретных основ, В настоящее время требования женщины зазвучат в полную силу. Они будут раздаваться даже в буржуазной среде. Вследствие быстрого развития промышленной цивилизации земельная собственность отступает перед собственностью движимой; принцип единства семейной группы теряет силу. Подвижность капитала позволяет его обладателю, вместо того чтобы быть под властью своего состояния, владеть им в одностороннем порядке и иметь возможность им распоряжаться. Женщина была всецело привязана к супругу через посредство вотчины; когда вотчину отменили, супруги стали просто сосуществовать, и даже дети перестали быть связующим звеном, прочность которого могла бы сравниться с материальным интересом. Таким образом, личность начинает утверждать себя над группой; особенно эта эволюция бросается в глаза в Америке, где торжествует современная форма капитализма: здесь широко распространен развод и муж и жена представляют собой лишь временных союзников. Во Франции, где удельный вес сельского населения весьма значителен и где кодекс Наполеона установил опеку над замужней женщиной, развитие идет медленнее, В 1884 году восстанавливается развод, женщина может получить его в случае измены мужа; в то же время с точки зрения уголовного права разница между полами сохраняется: супружеская измена считается правонарушением, только если ее совершает женщина. Право опеки, принятое с оговорками в 1907 году, было окончательно побеждено лишь в 1917-м. В 1912 году было разрешено установление отцовства для внебрачных детей. Пересмотра статуса замужней

женщины пришлось ждать до 1938 и 1942 годов; тогда отменяется долг послушания, хотя главой семьи по-прежнему считается отец; он выбирает место жительства, но женщина может воспротивиться его выбору, если представит веские основания; правоспособность ее возрастает — и все же в не совсем ясной формулировке: «Замужняя женщина обладает всей полнотой прав. Ее права не ограничены ничем, кроме брачного контракта и закона» — последняя часть статьи противоречит первой. Равенство супругов еще не достигнуто.

Что касается политических прав, во Франции, Англии и США они были завоеваны не без труда, В 1867 году Стюарт Милль

==162

выступил перед парламентом с первой когда-либо официально произнесенной речью в поддержку женского избирательного права. В своих трудах он настоятельно требовал равенства мужчины и женщины в семье и обществе. «Я убежден, что социальные отношения полов, при которых один пол подчинен другому именем закона, сами по себе нехороши и составляют одно из главных препятствий на пути к прогрессу человечества; я убежден, что они должны уступить место полному равенству». Вслед за его выступлениями англичанки создают политическую организацию под руководством г-жи Фоусетт; французки группируются вокруг Мари Дерезм, которая между 1868 и 1871 годами посвящает целую серию публичных лекций анализу женской участи, она горячо спорит с Александром Дюма-сыном, посовествовавшим мужу, обманутому неверной женой: «Убей ее». Подлинным основателем феминизма был Леон Ришье; в 1869 году он основал общество «В защиту прав женщин» и организовал Международный конгресс в защиту прав женщин, состоявшийся в 1878 году. Вопрос об избирательном праве пока не поднимался; женщины ограничились требованием предоставления им гражданских прав; на протяжении тридцати лет феминистское движение как во Франции, так и в Англии оставалось весьма робким. Правда, одна женщина, Губертине Оклер, развернула кампанию суфражисток; она создала группу «Избирательный голос женщины» и газету «Ситуаенн». Под ее влиянием образовалось множество обществ, но деятельность их была малоэффективна. Источником слабости феминизма были его внутренние разногласия; ведь женщины, как уже отмечалось, не солидаризируются по признаку пола — прежде всего они связаны со своим классом; интересы женщин, относящихся к буржуазии и к пролетариату, не пересекаются. Революционный феминизм воспринял сенсимонистскую и марксистскую традиции; кстати, следует отметить, что, например, Луиза Мишель выступает против феминизма, считая, что это движение только отвлекает силы, которые следует целиком употребить на классовую борьбу; с уничтожением капитала наладится и судьба женщины.

В 1879 году социалистический конгресс провозгласил равенство обоих полов, и с тех пор союз феминизма и социализма стал нерасторжимым, но поскольку собственной эмансипации женщины ждут прежде всего от освобождения рабочего класса, то и делу своему они придают лишь второстепенное значение. Представительницы буржуазии, напротив, требуют новых прав в рамках существующего общества, но не переходят в ряды революционеров; они хотят изменить нравы в ходе добродетельных реформ, таких, как уничтожение алкоголизма, порнографической литературы, проституции. В 1892 году собрался так называемый Феминистский конгресс, который дал имя всему движению; результаты его были невелики. Между тем в 1897 году выходит закон, позволяющий женщине выступать свидетелем в суде, одна^o, когда женщина, имеющая степень доктора права, подала за-

явление на должность адвоката, ей ответили отказом. В 1898 году женщины получают право избирать в Торговый суд, право избирать и быть избранными в Высший совет труда, допуск в Высший совет общественной благотворительности и в Школу изящных искусств. В 1900 году феминистки снова собираются на конгресс; но и он не приводит к большим результатам. Между тем в 1901 году Вивиани впервые поднимает в палате депутатов вопрос о женском голосовании — впрочем, он предлагает ограничиться предоставлением права голоса незамужним и разведенным женщинам. В этот период значение феминистского движения возрастает. В 1909 году создается французский Союз борьбы за женское избирательное право, вдохновительницей которого была г-жа Бруншви́г; она организует конференции, митинги, конгрессы, манифестации. В 1909 году Бюиссон делает сообщение относительно предложения Дюссо́зуа о предоставлении женщинам права голоса на выборах в органы местного управления. В 1910 году предложение в пользу женского избирательного права вносит Тома; к нему возвращаются в 1918-м, а в 1919-м оно получает поддержку палаты депутатов; но в 1922 году в сенате оно не проходит. Ситуация складывается весьма сложная. Помимо революционного, так называемого независимого феминизма г-жи Бруншви́г появляется феминизм христианский: папа Бенедикт XV в 1919 году высказался за предоставление женщинам избирательного права, монсеньор Бодрийар и отец Сертийанж ведут в этом направлении активную пропаганду; на самом деле католики считают, что женщины во Франции представляют собой консервативный и религиозный элемент; именно этого и боятся радикалы: истинная причина их сопротивления — в том, что они боятся перераспределения голосов в случае, если женщинам будет позволено голосовать. В сенате многие католики, группа Республиканского союза и другие ультралевые партии выступают за предоставление женщинам права голоса — однако большинство против него. Вплоть до 1932 года сенат прибегает к всевозможным отсрочкам и отказывается рассматривать предложения, касающиеся женского избирательного права; тем не менее в 1932 году, когда палата депутатов проголосовала тремястами девятнадцатью голосами против одного за поправку, предоставляющую женщинам право избирать и быть избранными, сенат открывает прения, которые продолжаются на протяжении нескольких заседаний: поправка отклоняется. Отчет, напечатанный в газете «Офисье́ль», чрезвычайно знаменателен; в нем можно найти все аргументы, выдвигавшиеся антифеминистами на протяжении полувека в трудах, одно перечисление которых было бы весьма утомительным. В первую очередь в ход идут галантные аргументы типа: мы слишком любим женщин, чтобы позволить им голосовать; как некогда у Прудона, превозносится «настоящая женщина», принимающая дилемму «куртизанка или домохозяйка»; женщина потеряла бы все свое очарование, начав голосовать; она возвышается на пьедестале, так

пусть и не сходит с него; став избирательницей, она теряет все и ничего не приобретает; для того чтобы повелевать мужчинами, ей не нужен избирательный бюллетень и т.д. Более серьезным аргументом служат интересы семьи: место женщины — дома; политические дискуссии привели бы к раздорам между супругами. Некоторые признаются в умеренном антифеминизме. Женщины отличаются от мужчин. Они не служат в армии. А что, проститутки тоже будут голосовать? А другие высокомерно настаивают на мужском превосходстве. Голосование — это обязанность, а не право, женщины ее недостойны. Они не столь умны и не столь образованны, как мужчины. Если бы они стали голосовать, мужчины бы изнежились. У женщин нет никакого политического

воспитания, Они бы стали голосовать так, как прикажет муж. Если они хотят быть свободными, пусть сначала освободятся от своей портнихи. Предлагают даже такой великолепный по своей наивности аргумент: во Франции женщин больше, чем мужчин. Но, несмотря на убожество всех этих возражений, француженке пришлось ждать до 1945 года, чтобы получить политические права.

Новая Зеландия предоставила женщине все полноту прав уже в 1893 году; в 1908-м ее примеру последовала Австралия. Но в Англии и Америке победа была трудной. Викторианская Англия властно держала женщину у домашнего очага, Джейн Остин писала тайком, и требовалось много мужества или необычайная судьба, чтобы стать Джордж Элиот или Эмилией Бронте; в 1888 году один английский ученый писал; «Женщины — это не только не род, но даже не половина рода, а всего лишь подвид, предназначенный исключительно для размножения». Г-жа Фоусетт создает в конце века движение суфражисток, но движение это так же робко, как и во Франции. А вот к 1903 году женские требования приобретают особое звучание. Семья Пэнкхёрст образует в Лондоне Женский социально-политический союз (ЖСПС), примыкающий к лейбористской партии, который предпринимает серию решительных действий. Впервые в истории женщины выступают именно как женщины — это и привлекает особый интерес к деятельности суфражисток Англии и Америки. На протяжении пятнадцати лет они проводят политику давления, некоторыми чертами напоминающую поведение Ганди: не позволяя себе прибегать к насилию, они более или менее искусно изобретают ему замену. Они врываются в Альберт-холл во время митингов либеральной партии, потрясая ситцевыми знаменами с лозунгом «Право голоса — женщинам!»; они силой пробираются в кабинет лорда Асквита, организуют митинги в Гайд-парке или на Трафальгарской площади, устраивают уличные шествия с транспарантами, читают лекции; во время демонстраций они оскорбляют полицейских или кидают в них камни, чтобы вызвать протест; в тюрьме они избирают тактику голодовок; они собирают средства, объединяют вокруг себя миллионы женщин и мужчин; они возбуждают общественное мнение настолько, что в 1907 году двести членов пар-

==165

ламента образуют комитет в защиту женского избирательного права; с этого момента каждый год кто-нибудь из членов комитета предлагает закон о предоставлении женщинам права голоса, и закон этот отклоняется каждый год на одних и тех же основаниях. В том же 1907 году ЖСПС организует первый поход на парламент, в котором принимают участие множество укуганных в платки трудящихся женщин и несколько представительниц аристократии; их разгоняет полиция; однако год спустя, когда раздается угроза запретить замужним женщинам работать в отдельных подземных шахтах, ЖСПС призывает работниц Ланкашира устроить большой митинг в Лондоне. Следуют новые аресты, на которые заключенные-суфражистки отвечают в 1909 году продолжительной голодовкой. Выйдя на свободу, они организуют новые шествия: одна из них верхом на побеленной известью лошади изображает королеву Елизавету. 18 июля 1910 года, в день, когда закон о женском избирательном праве должен был обсуждаться в палате общин, через весь Лондон протягивается живая цепь длиной в девять километров; а когда закон отклоняют, следуют новые митинги и новые аресты. В 1912 году женщины переходят к более агрессивной тактике: поджигают нежилые дома, срывают афиши, топчут газоны, швыряют камни в полицейских; в то же время они посылают делегацию за делегацией к Ллойд Джорджу и сэру Эдуарду Грею; прячутся в Альберт-холле и с шумом врываются в зал во время выступлений Ллойд Джорджа. Их деятельность прервала война. Сейчас очень трудно установить, в какой степени эта борьба ускорила события. Избирательное право было предоставлено англичанкам в 1918 году — в ограниченном виде, а затем в 1928 году — без всяких оговорок: такого успеха женщины достигли в значительной мере благодаря своей деятельности во время войны,

Американская женщина вначале была более свободной, чем жительница Европы. В начале XIX века женщинам пришлось принимать участие в тяжелом труде первопроходцев, который лег на плечи мужчин, они боролись бок о бок с мужчинами, их было намного меньше, а потому ценили их очень высоко. Однако понемногу их положение приблизилось к положению женщин Старого Света; с ними продолжали галантно обращаться; они сохранили привилегии в области культуры и господствующее положение внутри семьи; законы охотно предоставляли им роль хранительниц религии и морали; все это нисколько не мешало мужчинам удерживать в своих руках бразды правления обществом. Около 1830 года появились женщины, которые стали требовать политических прав. Они предприняли также кампанию в защиту негров. Поскольку состоявшийся в 1840 году Конгресс за отмену рабства был закрыт для женщин, квакерша Лукреция Мотт основала феминистскую ассоциацию. 18 июля 1840 года на собравшемся в Сенека-Фолс съезде члены ассоциации составили проникнутый духом квакерства манифест, который задал тон всему

==166

американскому феминизму. «Мужчина и женщина были созданы равными, и сам Создатель дал им неопровержимые права... Правительство образовано лишь для того, чтобы эти права оберегать. Мужчина обрекает замужнюю женщину на гражданскую смерть... Он узурпирует prerogatives Иеговы, который один может определять сферу деятельности человека». Три года спустя г-жа Бичер-Стоу пишет «Хижину дяди Тома», которая поднимает общественное мнение на защиту интересов негров. Эмерсон и Линкольн поддерживают феминистское движение. Когда развязывается война между Севером и Югом, женщины принимают в ней активное участие; однако напрасно требуют они, чтобы поправка, предоставляющая право голоса неграм, была сформулирована следующим образом: «Ни цвет кожи, ни пол не могут служить препятствием для предоставления избирательного права». И все же, пользуясь тем, что одна из статей поправки допускает разночтение, мисс Энтони, одна из главных лидеров феминизма, голосует в Рочестере вместе с четырнадцатью соратницами; на нее налагают штраф в размере ста долларов. В 1869 году она основывает Национальную ассамблею в защиту женского избирательного права, и в том же году женщинам штата Вайоминг предоставляется право голоса. Но только в 1893 году Колорадо, а затем в 1896-м — Айдахо и Юта последовали этому примеру. Далее прогресс идет очень медленно. Правда, в экономическом плане женщины добиваются гораздо большего, чем в Европе. В 1900 году в США насчитывается 5 миллионов работающих женщин, из которых 1 300 000 заняты в промышленности, 500 000 — в торговле; множество женщин работают в торговле, промышленности, занимаются бизнесом и всеми свободными профессиями. Есть женщины-адвокаты, доктора и 3373 женщины-пастора. Знаменитая Мари Бейкер Эдди основывает движение «Христианская наука». У женщин входит в привычку объединяться в клубы: в 1900 году в их составе насчитывается около двух миллионов членов.

И все же только девять штатов предоставили женщинам право голоса. В 1913 году организуется движение суфражисток по типу аналогичного английского движения. Его возглавляют две женщины: мисс Стивене и молодая квакерша Элис Пол. Они добиваются от Вильсона разрешения проводить демонстрации и шествия со знаменами и транспарантами; затем организуют серию разнообразных лекций, митингов, шествий и манифестаций. Избирательницы из девяти штатов, где женщинам дано право голоса, торжественно направляются к Капитолию, требуя избирательного права для женщин всей нации. В Чикаго женщины впервые объединяются в партию за освобождение своего пола — она получает название «Партия женщин». В 1917 году суфражистки изобретают новую тактику; они как на часах стоят возле ворот Белого дома со знаменами в руках и часто приковывают себя к решетке, чтобы нельзя было прогнать их оттуда. Через полгода их арестовывают и отправляют в исправительную тюрьму Окскайкуа; они

объявляют голодовку, и в конце концов их выпускают. Новые шествия ведут к началу мятежа. Наконец правительство соглашается назначить при палате представителей Комитет по избирательному праву. Исполнительный комитет Партии женщин созывает в Вашингтоне конференцию; в результате поправка о предоставлении женщинам избирательного права выносится на обсуждение палаты представителей и голосуется 10 января 1918 года. Остается получить одобрение сената. Поскольку Вильсон не обещает оказать достаточное давление на сенат, суфражистки разворачивают новые манифестации; они устраивают митинг у ворот Белого дома. Президент принимает решение обратиться к сенату с воззванием, но поправка отклоняется с перевесом в два голоса. Она будет принята республиканским конгрессом в июне 1919 года. Затем на протяжении двух лет длится борьба за полное равенство двух полов. На шестой конференции американских республик, состоявшейся в Гаване в 1928 году, женщины добиваются образования Межамериканского женского комитета. В 1933 году международные соглашения, подписанные в Монтевидео, поднимают положение женщин на новую высоту. Девятнадцать американских республик подписывают соглашение, предоставляющее женщине полное равенство во всех правах.

Сильное феминистское движение существует также в Швеции, Во имя сохранения старых традиций шведки требуют права «на образование, на труд, на свободу». Борьбу ведут в основном женщины-литераторы, и в первую очередь их интересует моральный аспект проблемы; затем, объединившись в сильные ассоциации, они привлекают на свою сторону либералов, но наталкиваются на враждебность консерваторов. Норвежки получают право голоса в 1907 году, финки — в 1906-м, тогда как шведкам приходится ждать этого еще много лет.

В романских странах, как и в странах Востока, строгость нравов сильнее подавляет женщину, чем строгость законов. В Италии фашизм неуклонно тормозил развитие феминизма. Итальянский фашизм искал союза с Церковью, почитал семью и продолжал традицию женского рабства, так что женщина оказалась под двойным гнетом: над ней стояли общественные власти и муж. Совершенно иная ситуация сложилась в Германии. В 1790 году студент Гиппель выступил с первым манифестом немецкого феминизма. Начало XIX века было периодом процветания сентиментального феминизма наподобие того, что проповедовала Жорж Санд. В 1848 году первая немецкая феминистка Луиза Отто требовала для женщин права содействовать преобразованию страны — ее феминизм был прежде всего национальным. В 1865 году она основала Всеобщую ассоциацию немецких женщин. Немецкие социалисты вместе с Бебелем в свою очередь требовали устранения неравенства полов. В 1892 году в состав партийного руководства СДПГ входит Клара Цеткин. Появляются женские рабочие ассоциации и союзы женщин-социалисток, объединен-

ные в Федерацию. Предпринятая немками попытка образовать женскую национальную армию в 1914 году терпит провал, но они активно участвуют в военных действиях. После поражения Германии они получают избирательное право и начинают принимать участие в политической жизни: Роза Люксембург ведет борьбу в группе «Спартак» бок о бок с Либкнехтом и становится в

1919 году жертвой убийства. Большинство немок выступили в поддержку партии порядка; многие из них заседают в рейхстаге. Таким образом, наполеоновский идеал «Küche, Kirche, Kinder» был снова навязан Гитлером уже эмансипированным женщинам. «Присутствие женщины обесчестило бы рейхстаг», — заявил он. Поскольку нацизм имел антикатолическую и антибуржуазную направленность, он отвел матери привилегированное место. Социальная защита, предоставленная матерям-одиночкам и внебрачным детям, в большой мере освобождала женщину от брачных уз; как некогда в Спарте, она гораздо больше зависела от государства, чем от кого-либо еще, что давало ей одновременно больше и меньше автономии, чем имела женщина из буржуазной среды, живущая при капиталистическом строе.

Наибольшего размаха феминистское движение достигло в СССР. Оно наметилось в конце XIX века среди студенчества и интеллигенции; женщины эти не столько боролись за свое частное дело, сколько были привержены революционному выбору в целом; они «идут в народ» и борются с охранкой нигилистическими методами: в 1878 году Вера Засулич убивает префекта полиции Трепова. Во время русско-японской войны женщины по многим специальностям заменяют мужчин; у них появляется самосознание, и Русский союз борьбы за права женщины требует политического равенства полов; в составе I Думы образуется парламентская группа, отстаивающая права женщины, однако результатов она не дает. Эмансипация трудящихся женщин станет возможной лишь после революции. Уже в 1905 году они приняли активное участие в охвативших страну массовых политических забастовках и пошли на баррикады. В 1917 году, за несколько дней до Февральской революции, по случаю Международного женского дня (8 марта) они устроили массовую манифестацию на улицах Санкт-Петербурга, требуя хлеба, мира и возвращения мужей. Принимают они участие и в Октябрьском восстании; между 1918 и 1920 годами они играют большую политическую и даже военную роль в борьбе страны против интервентов, Верный марксистской традиции, Ленин увязал женскую эмансипацию с освобождением трудящихся; он предоставил им политическое и экономическое равенство.

Статья 122-я Конституции 1936 года гласит: «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественнополитической жизни». Именно эти принципы были сформулированы Коммунистическим Интернационалом. Он требовал «соци-

ального равенства женщины и мужчины перед законом и в практической жизни. Радикальной переработки семейного права и кодекса семьи. Признания материнства социальной функцией. Возложения на общество забот по воспитанию детей и юношества. Организованной просветительной работы по борьбе с идеологией и традициями, превращающими женщину в рабыню». В экономической области завоевания женщины поразительны. Она получила равную с работниками мужского пола зарплату и стала принимать активное участие в производстве; тем самым она приобрела большую политическую и общественную значимость. В недавно изданной обществом «Франция — СССР» брошюре говорится, что по результатам всеобщих выборов 1939 года 457 000 женщин стали депутатами районных, областных, городских и сельских советов, 1480 — высших республиканских советов, 227 заседали в Верховном Совете СССР. Около 10 миллионов женщин являются членами профсоюзов. Женщины составляют 40 процентов всего состава рабочих и служащих в СССР; многие работницы приняли участие в стахановском движении. Известно, сколь велика была роль русской женщины во время последней войны; женщины самоотверженно трудились даже в тех отраслях, где преобладали мужские профессии: в

металлургической и горнодобывающей промышленности, на лесосплаве, на железной дороге и т.д. Они отличались как летчицы и парашютистки, создавали партизанские отряды.

Такое участие женщины в общественной жизни породило сложную проблему; встал вопрос о ее роли в семейной жизни. На протяжении целого периода ее стремились вовсе освободить от домашних обязанностей; 16 ноября 1924 года на пленарном заседании Коминтерна было провозглашено: «Революция бессильна, пока существуют понятия семьи и семейные отношения». Признание и уважение свободного союза, облегчение развода, легализация аборт — все это обеспечивало женщине свободу перед лицом мужчины; законы об отпусках по беременности, ясли, детские сады и прочее облегчали материнские обязанности. На основании эмоциональных и противоречивых свидетельств трудно установить, каково же было ее реальное положение; несомненно лишь то, что сегодня необходимость воспроизводства населения привела к иной политике в области семьи: семья представляет собой первичную ячейку общества, а женщина является одновременно труженицей и домохозяйкой¹. Сексуальная мораль — одна из самых строгих; по закону, принятому в июне 1936 года, и уси-

¹ Секретарь ЦК комсомола Ольга Мишакова в 1944 году заявила в одном интервью: «Советские женщины должны стараться стать настолько привлекательными, насколько позволяет природа и хороший вкус. После войны им нужно будет одеваться, как женщинам, и иметь женскую походку... Девушкам будут говорить, чтобы они вели себя и ходили, как девушки, и, возможно, поэтому они станут носить очень узкие юбки, которые сделают их походку грациозной».

[К оглавлению](#)

[==170](#)

ливающему его закону от 7 июня 1941 года аборт запрещен, а развод практически упразднен; нравы осуждают супружескую измену. Находящаяся, как все трудящиеся, в тесной зависимости от государства, прочно привязанная к домашнему хозяйству, но при этом имеющая доступ к политической жизни и пользующаяся уважением благодаря своему участию в производительном труде, русская женщина оказывается в особом положении, которое было бы полезно по возможности изучить непосредственно во всей его исключительности; к сожалению, обстоятельства не позволяют мне сделать это.

Комиссия по положению женщин на своей недавней сессии в ООН потребовала признания всеми нациями равенства в правах мужчины и женщины и одобрила целый ряд предложений, нацеленных на то, чтобы конкретная реальность была приведена в соответствие с этим юридическим статусом. Дело, кажется, было выиграно. Будущее может лишь привести к все более и более глубокой ассимиляции женщины с некогда мужским обществом.

Если окинуть единым взором всю эту историю в целом, напрашивается целый ряд выводов. Первый из них — тот, что вся история женщин творилась мужчинами. Точно так же, как в Америке нет проблемы черных, а есть только проблема белых¹, как «антисемитизм — это не еврейская проблема, а наша»², так и проблема женщины всегда была мужской проблемой. Мы видели, по каким причинам изначально физическая сила обеспечивала мужчинам моральное преимущество; они создали ценности, нравы, религию; эту власть женщины никогда у них не оспаривали. Считанные единицы — Сафо, Кристина Пизанская, Мэри Уоллстонкрафт, Олимпия де Гуж — протестовали против суровости своей доли; иногда случались коллективные манифестации; но римские матроны, объединившиеся против закона Оппия, или англосаксонские

суффражистки смогли оказать давление только потому, что мужчины охотно ему поддавались. Судьба женщины всегда была в их руках; и распоряжались они ею отнюдь не в ее интересах — они пеклись о своих проектах, своих опасениях, своих надобностях. Они поклонялись богине-матери только потому, что Природа внушала им страх; как только бронзовые орудия труда дали им возможность ей противостоять, они установили патриархат; и тогда статус женщины стал определяться конфликтом между семьей и государством; в положении женщины нашло отражение отношение христианина к Богу, миру и своей плоти; то, что в средние века называли «женской распрей», на самом деле было спором

¹ *Myrdall*. American dilemma.

² *J.-P. Sartre*. Réflexions sur la Question juive.

==171

между клерками и светскими лицами относительно брака и безбрачия; к установлению опеки над замужней женщиной привел социальный строй, основанный на частной собственности, а современную женщину освободила техническая революция, осуществленная мужчинами. Именно эволюция мужской этики привела к уменьшению количества детей в семьях с помощью противозачаточных средств и частично освободила женщину от тягот материнства. Да и сам феминизм никогда не был автономным движением: он был частично орудием в руках политиков, частично эпифеноменом, отражающим более глубокую социальную драму. Женщины никогда не составляли отдельной касты, да и, по правде говоря, никогда не стремились играть в истории какую-то роль именно как пол. Доктрины, взывающие к женщине как к плоти, жизни, имманентности, как к Другому, суть идеологии мужчин, несколько не выражающие женские притязания. Большинство женщин смиряются со своей судьбой и совсем не пытаются действовать; а если кто и пробовал что-то изменить, то не из стремления замкнуться в своей исключительности и дать ей восторжествовать, а из стремления ее преодолеть. Они вмешивались в ход мирового развития в согласии с мужчинами и в предложенных

мужчинами перспективах.

Это вмешательство в целом было второстепенным и эпизодическим. Классы, в которых женщины пользовались некоторой экономической автономией и участвовали в производстве, были угнетаемыми классами, и как работницы женщины были поработаны еще в большей степени, чем работники мужского пола. В правящих классах женщина жила как паразит и в качестве такового полностью подчинялась мужским законам; в обоих случаях возможность действия для нее практически исключалась. Право и нравы не всегда совпадали: и равновесие между ними устанавливалось таким образом, что реально женщина никогда не была свободна. В древнеримской республике экономические условия дают матроне конкретные возможности, но никакой юридической независимости у нее нет; часто так же дело обстоит в крестьянской среде и у мелкой торговой буржуазии; дома любовница-прислуга, в социальном плане женщина — несовершеннолетняя. И наоборот, в те эпохи, когда общество распадается, женщина эмансипируется, однако, переставая быть вассалом мужчины, она теряет и свою вотчину; у нее есть только негативная свобода, которая находит свое выражение лишь в вольном поведении и распутстве, — так было в период упадка Римской империи, в эпоху Возрождения, в XVIII веке, при Директории. Или она находит себе применение, но при этом поработана; или она освобождается, но не находит себе применения. Следует среди всего прочего отметить, что замужняя женщина всегда имела свое место в обществе, но была абсолютно бесправна, тогда как

незамужняя, будь то честная девушка или проститутка, обладала всеми правами мужчины; но вплоть до нынешнего века она была более или менее

==172

исключена из общественной жизни. Такая противоположность права и нравов породила, в частности, любопытный парадокс: свободная любовь не запрещена законом, тогда как супружеская измена является правонарушением; между тем часто «согрешившая» девушка считается обесчещенной, тогда как на похождения супруги смотрят снисходительно; многие девушки с XVII века до наших дней выходили замуж специально, чтобы свободно заводить любовников. При такой замысловатой системе основная масса женщин связана по рукам и ногам — нужны исключительные обстоятельства, чтобы между двумя видами уз, абстрактных и конкретных, смогла пробиться и утвердить себя женская личность. Сравнимые с мужскими деяния совершили лишь те женщины, которые силою социальных установлений были вознесены превыше всех половых различий. Изабелла Католическая, Елизавета Английская, Екатерина Великая не принадлежали ни к мужскому, ни к женскому полу — это монархи. Примечательно, что, утратив социальный смысл, их женственность перестала обозначать неполноценность; в пропорциональном отношении королей, чье царствование считается великим, было намного больше, чем великих королей. Такое же превращение происходит и в религии; Екатерина Сиенская и святая Тереза — это святые души, без учета каких-либо физиологических условий; их мирская и мистическая жизнь, их деятельность и литературные труды достигают мало кому из мужчин доступных высот. Есть основания полагать, что другим женщинам не удалось оставить за собой в мире глубокий след из-за того, что условия жизни не давали им никакой свободы. Их вмешательство почти всегда было негативным или косвенным. Юдифь, Шарлотта Корде, Вера Засулич убивают; участницы Фронды готовят заговор; во время Революции и Парижской коммуны женщины борются бок о бок с мужчинами против установленного порядка; свободе, лишенной права и власти, дозволено бросить все силы на отрицание и бунт, но запрещено участвовать в позитивном строительстве; самое большее, она может окольными путями проникнуть в дела мужчин. К советам Аспазии, г-жи де Ментенон, принцессы дез Урсэн мужчины прислушивались — но надо было, чтобы они согласились их слушать. Мужчины охотно преувеличивают это влияние, когда хотят убедить женщину в ее превосходстве; но на самом деле женские голоса смолкают, как только начинается конкретное действие; женщины могли спровоцировать начало войны, но не могли подсказать тактику ведения боя; на политику они влияли лишь постольку, поскольку политика сводилась к интригам, — истинные же бразды правления миром никогда не были в женских руках; женщины не оказывали никакого воздействия на технику и экономику, не создавали и не разрушали государств, не открывали новых миров. Многие события свершились из-за них, но они были прежде всего предлогом, а не действующими лицами. Самоубийство Лукреции имело чисто символическое значение. Угнетенному всегда позво-

==173

ляется мученичество; во время гонений на христиан, после социальных или национальных потрясений женщинам всегда доставалась роль подвижниц; но никогда еще ни один мученик не

изменил лицо мира. Да и манифестации и инициативы женщин приобрели вес, только когда получили эффективное продолжение в виде принятого мужчинами решения. Американки, сгруппировавшиеся вокруг г-жи Бичер-Стоу, сильно всколыхнули общественное мнение против рабства; однако истинные причины войны между Севером и Югом были далеко не сентиментального свойства. «Женский день» 8 марта 1917 года, может, и ускорил наступление русской революции — и все же это мог быть только сигнал. Большая часть женщин-героинь относятся к барочному типу: этакие авантюристки, оригинальные особы, прославившиеся не столько благодаря важности содеянного, сколько из-за исключительности своей судьбы; величие Жанны д'Арк, г-жи Ролан, флоры Тристан, если сравнить их с Ришелье, Дантоном, Лениным, представляется прежде всего субъективным — это скорее образцовые личности, а не исторические деятели. Великий человек вырывается из массы и отдается на волю обстоятельств — женская масса живет в стороне от истории, а обстоятельства для каждой из них — это препятствие, а не трамплин. Чтобы изменить образ мира, нужно прежде накрепко в него врасти; но женщины, накрепко укоренившиеся в обществе, — это как раз те, которые этому обществу покорны. Если только речь не идет о божественном предназначении — а в этом случае женщины ни в чем не уступают мужчинам, — честолюбивая женщина, героиня выглядят диковинными существами. Лишь когда женщины начинают чувствовать себя на этой земле как дома, появляются такие личности, как Роза Люксембург и г-жа Кюри. Они с блеском продемонстрировали, что не неполноценность женщины определила ее ничтожную роль в истории, а ничтожная роль в истории обрекла ее на неполноценность¹.

Это особенно бросается в глаза в той области, где женщинам лучше всего удалось утвердить себя, — в области культуры. Их судьба была глубоко связана с развитием литературы и искусства; уже у германцев функции пророчиц и жриц возлагались на женщин; а так как женщины выходят за пределы этого мира, именно к ним обращаются мужчины, когда пытаются при помощи культуры перейти границы своего универсума и подступиться к чему-то другому. Куртуазный мистицизм, гуманистическое любопытство, вкус к красоте, развившийся в итальянском Возрождении, прециозность XVII века, прогрессивный идеал XVIII века в разных формах ведут к превознесению женственности. Женщина занимает

¹ Примечательно, что в Париже из тысячи статуй (за исключением королей, которые по чисто архитектурным соображениям окружают клумбу Люксембургского сада) только десять воздвигнуто в честь женщин. Три посвящены Жанне д'Арк. Остальные — это г-жа де Сепор, Жорж Санд, Сара Бернар, г-жа Бусико и баронесса де Гирш, Мари Дерезм, Роза Бонёр.

главное место в поэзии, становится центром художественного произведения; располагая большим досугом, она может посвятить себя усладам разума; вдохновительница, судья, аудитория писателя, она становится его соперницей; часто именно благодаря ей берут верх тот или иной вид чувственности, та или иная этика; она питает мужские сердца и тем самым вмешивается и в собственную судьбу: женское образование — это в большей степени завоевание самих женщин. В то же время, если женщины-интеллектуалки в совокупности и играют важную роль, их индивидуальный вклад, как правило, куда менее весом. Женщина занимает привилегированное место в области мысли и искусства, потому что она не участвует в действии; но искусство и мысль черпают жизненную силу в действии. Быть за пределами мира — расположение неблагоприятное для того, кто стремится сотворить его заново; и здесь тоже, чтобы возвыситься над данностью, надо прежде глубоко в ней укорениться. Реализация личности почти невозможна для людей из тех категорий, которые коллективно держат в приниженном положении. «В юбках куда, по-вашему,

мы можем пойти? » — спрашивала Мария Башкирцева. А Стендаль говорил: «Все гении, родившиеся женщинами, потеряны для счастья общества». По правде говоря, гениями не рождаются — ими становятся; а положение женщины до сих пор делало это становление невозможным.

Антифеминисты выводят из анализа истории два противоречивых аргумента: 1) женщины никогда не создавали ничего великого; 2) положение женщины никогда не мешало расцвету великих личностей женского пола. В обоих утверждениях чувствуется предвзятость; успехи нескольких удачливых особ не могут ни компенсировать, ни оправдать систематического унижения основной массы; а то, что успехи эти редки и ограничены, как раз и доказывает, что обстоятельства им не благоприятствуют. Как утверждали Кристина Пизанская, Пулен де ля Барр, Кондорсе, Стюарт Милль, Стендаль, ни в одной области женщина не могла полностью выявить свои возможности. Именно поэтому сегодня многие из них требуют нового статуса; опять же им не нужно, чтобы превозносили их женственность, — они хотят, чтобы в них самих, как и в человечестве в целом, трансцендентность возобладала над имманентностью; они хотят, наконец, получить абстрактные права и конкретные возможности, без совпадения которых свобода — не что иное, как мистификация¹.

Здесь снова антифеминисты играют на двусмысленности. То, не ставя ни во что абстрактную свободу, они восторгаются огромной конкретной ролью, которую может играть в обществе порабощенная женщина, — чего же она тогда требует. А то, упустив из виду, что негативная свобода не дает никаких конкретных возможностей, упрекают абстрактно раскрепощенных Женщин, что они никак себя не проявляют.

==175

Сейчас это желание на пути к осуществлению. Но переживаемый нами период — переходный; этот мир, всегда принадлежавший мужчинам, еще в их руках; установления и ценности патриархальной цивилизации в большой степени сохранились. Далеко не везде женщинам предоставлена вся полнота абстрактных прав: в Швейцарии они до сих пор не голосуют, во Франции закон 1942 года в смягченной форме закрепляет преимущества супруга. А абстрактных прав, как мы только что говорили, никогда не бывает достаточно, чтобы обеспечить женщине конкретный подступ к миру; сегодня между двумя полами еще нет подлинного

равенства.

Прежде всего бремя семейной жизни для женщины по-прежнему намного тяжелее, чем для мужчины. Мы видели, что зависимость от материнства уменьшилась в результате применения — открытого или тайного — противозачаточных средств; но подобная практика охватывает не всех и соблюдается недостаточно строго; поскольку официально аборт запрещен, многие женщины подвергают опасности свое здоровье неконтролируемыми абортными действиями или вынуждены сносить тяготы нового материнства. Заботы о детях, как и ведение хозяйства, почти исключительно ложатся на плечи женщины. Во Франции, в частности, настолько прочно укоренилась антифеминистская традиция, что мужчина счел бы для себя унижением принять участие в делах, всегда считавшихся женскими. Получается, что женщине труднее, чем мужчине, сочетать семейную жизнь и работу. В тех случаях, когда общество требует от нее этого усилия, ей живется намного тяжелее, чем ее супругу.

Рассмотрим, например, долю крестьянок. Во Франции они составляют большинство женщин, участвующих в производительном труде; и, как правило, они замужем. Незамужняя на деле чаще всего остается прислугой в доме отца, брата или сестры; хозяйкой дома она становится, лишь признав над собой власть мужа; в разных регионах нравы и традиции отводят ей различную роль: нормандская крестьянка во время трапезы сидит во главе стола, тогда как корсиканская женщина не садится за один стол с мужчинами; но в любом случае, играя важнейшую роль в домашнем хозяйстве, она разделяет с мужем ответственность, интересы, вместе с ним владеет собственностью; пользуясь уважением и держа все в своих руках, она занимает примерно то же положение, что в древней сельскохозяйственной общине. Ее престиж часто равен или превышает престиж мужа; однако конкретные условия жизни ее намного тяжелее. Уход за садом, птичьим двором, овчарней, свинарником всецело ложится на ее плечи; принимает она участие и в тяжелой работе: уходе за стойлами, унавоживании, севе, вспашке, прополке, сенокосе; она копает, выдирает сорняки, жнет, собирает виноград, а порой еще помогает нагружать и разгружать возы соломы, сена, дров и хвороста, фуража и пр. Кроме того, она готовит еду и ведет хозяйство: сти-

==176

рает, зашивает, штопает и т.д. Она несет на себе всю тяжесть материнства и заботы о детях. Она встает на заре, кормит птицу и мелкий скот, подает завтрак мужчинам, приводит в порядок детей и отправляется работать в поле, в лес или в огород; потом идет к источнику за водой, снова подает на стол, моет посуду, опять работает в поле до ужина; после последней трапезы она до поздней ночи штопает, убирается, перебирает маис и т.д. Поскольку даже во время беременности у нее нет времени заняться своим здоровьем, она быстро деформируется, преждевременно блекнет, стареет, поддается болезням. Ей отказано в тех немногих компенсациях, которые мужчина время от времени находит в общественной жизни: он ездит в город по воскресеньям и в дни ярмарок, встречается с другими мужчинами, ходит в кафе, пьет, играет в карты, охотится, ловит рыбу. Она же остается на ферме и вообще не знает досуга. Только зажиточные крестьянки, которые могут взять себе в помощь прислугу, или те, что избавлены от полевых работ, достигают в жизни счастливого равновесия: они пользуются уважением в обществе, обладают дома большим авторитетом и при этом не сгибаются под тяжестью непосильного труда. Однако чаще всего сельский труд низводит женщину до положения вьючного животного.

Положение лавочницы, хозяйки небольшого предприятия во все времена было привилегированным; они единственные, кого законодательство еще в средние века признало правоспособными; бакалейщица, молочница, трактирщица, торговка табаком находятся в равном положении с мужчинами; если они не замужем или овдовели, их торговое дело принадлежит только им; выйдя замуж, они остаются столь же самостоятельными, как и супруг. Они имеют редкую возможность работать там же, где живут, и работа обычно не бывает чересчур обременительной.

Совершенно иначе обстоит дело у рабочих, служащих, секретарш, продавщиц — всех, кто куда-то ходит на работу. Им гораздо труднее сочетать работу по специальности с заботами по дому (покупки, готовка, уборка, приведение в порядок одежды занимают по меньшей мере три с половиной часа каждый день и шесть часов в воскресенье; это весьма значительная цифра, если ее прибавить к количеству часов, проводимых на заводе или в учреждении). Что касается свободных профессий, то, даже если женщинам — адвокатам, врачам или преподавателям кто-нибудь помогает по хозяйству, заботы и обязанности, связанные с домашними делами и детьми, весьма обременительны и для них. В Америке работа по дому облегчается техническими изобретениями; зато от работающей женщины требуется, чтобы она элегантно одевалась и хорошо выглядела, и

это становится еще одной обязанностью; а за дом и за детей по-прежнему отвечает она. С другой стороны, у женщины, стремящейся стать независимой благодаря работе, гораздо меньше шансов добиться успеха, чем у ее конкурентов мужского пола. И мужчинам и женщинам одинаково претит быть

==177

под началом у женщины; все всегда оказывают больше доверия мужчине; быть женщиной — это если не порок, то, во всяком случае, особенность. Чтобы «преуспеть», женщине желательно заручиться мужской поддержкой. Самые выгодные места, самые важные посты занимают мужчины, Существенно подчеркнуть, что в экономическом плане мужчины и женщины составляют две различные касты¹.

Сегодняшнее положение женщины определяется тем, что в

намечающейся новой цивилизации упорно сохраняются пережитки самых древних традиций. Именно этот факт недооценивают поверхностные наблюдатели, которые считают, что женщина недостойна предоставленных ей ныне возможностей, или же видят в этих возможностях один лишь опасный соблазн. Истина же заключается в том, что в положении ее нет равновесия, а потому ей трудно к нему приспособиться. Перед женщинами открываются заводы, учреждения, факультеты, однако брак по-прежнему считается для них самым почетным поприщем, освобождающим от всякого прочего участия в общественной жизни. Как и в примитивных цивилизациях, акт любви — это для женщины некая услуга, за которую она имеет право прямо или косвенно брать плату. Везде, кроме СССР², современной женщине разрешается рассматривать свое тело как капитал, который можно эксплуатировать. К проституции относятся терпимо³, любовные похождения приветствуются. Замужняя женщина имеет полное право быть на содержании мужа; кроме того, в обществе она наделена гораздо большим престижем, чем незамужняя. Нравы далеко не предоставляют ей сексуальной свободы, равной той, что имеет неже-

¹ В Америке большие состояния часто в конце концов попадают в женские руки: будучи моложе, жены переживают своих мужей и наследуют **их** имущество; но тогда и сами они уже немолоды и редко решаются на новые вложения; они скорее пользуются, чем владеют собственностью. В действительности *распоряжаются* капиталами мужчины. Во всяком случае, таких богатых привилегированных женщин — незначительное меньшинство. А достичь высокого положения в качестве адвоката, врача и т.д. в Америке

женщине еще труднее, чем в Европе.

² По крайней мере по официальной доктрине.

³ В англосаксонских странах проституция никогда не регулировалась законом. До 1900 года английское и американское Common law (обычное право) рассматривало ее как правонарушение

только в случае возмущения спокойствия и нарушения порядка. Позже в Англии и различных штатах США, законодательства которых сильно отличаются друг от друга по этому вопросу, проституцию более или менее строго и более или менее успешно пресекали. Во Франции в результате долгой аболиционистской кампании законом от 13 апреля 1946 года были закрыты дома терпимости и усилена борьба против сводничества: «Считая, что существование подобных домов несовместимо с основными принципами человеческого достоинства и ролью, предоставленной женщине в современном обществе...» И тем не менее проституция продолжает существовать. Очевидно, что ситуацию нельзя изменить негативными и лицемерными мерами.

==178

натый мужчина; в частности, ей практически запрещено материнство, ибо положение матери-одиночки по-прежнему остается скандальным. Как же тогда мифу о Золушке ! не сохранить всю свою ценность? И поныне все склоняет молодую девушку к тому, чтобы ждать «прекрасного принца», богатства и счастья, а не пытаться всего этого добиться самой в трудной и неверной борьбе. В частности, она может надеяться получить благодаря ему доступ в более высокую касту — чудо, которое не заработать и за всю жизнь. Но такая надежда пагубна для женщины, потому что разводит ее силы и интересы²; может, это разделение и есть самое серьезное препятствие на ее пути. Уже родители, воспитывая дочь, скорее готовят ее к замужеству, чем способствуют ее индивидуальному развитию; она приветствует это, тем более что сама желает того же; в результате она часто хуже образованна, хуже подготовлена по специальности, чем ее братья, не хочет полностью отдаваться своей профессии; тем самым она обрекает себя на то, чтобы всегда быть ниже; получается порочный круг; чувствуя свою неполноценность, она еще сильнее хочет найти мужа. Обратная сторона любого права — это всегда обязанность; но если обязанности слишком тяжелы, то и право становится бременем; для большинства работающих труд сегодня — это неблагоприятная повинность; женщина за свой труд не может получить конкретного признания своего социального достоинства, нравственной свободы, экономической независимости; вполне естественно, что многие работницы и служащие видят в праве на труд только обязанность, от которой их может избавить брак. В то же время, поскольку женщина уже осознала свои возможности и может освободить себя от брака с помощью работы, она уже не дает так просто себя подчинить. Ей бы хотелось только, чтобы для совмещения семейной жизни и работы по специальности ей бы не приходилось выбиваться из сил и изворачиваться. Но даже в этом случае, пока существует соблазн легкого пути — создаваемый экономическим неравенством, которое дает преимущества отдельным личностям, и признанным правом женщины предать себя одному из таких привилегированных людей, — ей потребуется гораздо больше моральной стойкости, чем мужчине, чтобы избрать независимый путь. Не все еще понимают, что соблазн — это тоже препятствие, причем одно из самых опасных. Здесь он граничит с мистификацией, поскольку на самом деле в лотерее удачного замужества выигрывает одна из многих тысяч. Современная эпоха призывает и даже обязывает женщин к труду; но она держит у них перед глазами заманчивый рай праздности и наслаждений; избранных она возносит высоко над головами тех, кто остается жить в этом земном мире.

¹ Ф у л у η Уидли. Поколение змей. На этом мы остановимся подробнее в т. 2.

==179

Экономические преимущества, которыми обладают мужчины, их социальная ценность, престижность брака, важность мужской поддержки — все склоняет женщин страстно желать нравиться мужчинам. В целом они еще не вышли из вассальной зависимости. Из этого следует, что женщина познает и выбирает себя не такой, какая она есть для себя, но такой, как определяет ее мужчина. Поэтому нам следует прежде описать ее так, как видят ее в мечтах мужчины, ибо ее «для-мужчин-бытие» — один из основных факторов ее конкретного положения.

[К оглавлению](#)

[==180](#)

[00.htm - glava14](#)

ЧАСТЬ третья

[00.htm - glava15](#)

Глава 1

История показала нам, что реальная власть всегда была в руках мужчины; с самого начала эпохи патриархата они считали полезным держать женщину в состоянии зависимости; их законодательство было направлено против нее; и таким образом она была конкретно конституирована как Другой. Это положение отвечало экономическим интересам мужчин, но оно также удовлетворяло их онтологические и моральные запросы. Когда субъект пытается утвердить себя, ограничивающий и отрицающий его Другой все же ему необходим, ибо он может достичь себя только через такую реальность, что не есть он сам. Именно поэтому жизнь человека никогда не может быть полнотой и покоем, она всегда нехватка и движение, всегда борьба. Человек сталкивается с противостоящей ему Природой; он обладает «подступом» к ней и пытается присвоить ее. Но она неспособна заполнить внутреннюю пустоту. Либо она осознается только в чисто абстрактном противопоставлении, и тогда она — препятствие и остается чуждой; либо она пассивно подчиняется воле человека и дает ему себя ассимилировать; он может владеть ею, только потребляя, то есть разрушая ее. В обоих случаях он остается один; один, когда берет в руки камень, один, когда поедает плод. Присутствие другого возможно, только если другой — это предвавший перед ним он сам, то есть подлинно «Другое» — это «Другое» сознания, существующего отдельно от моего и в то же время ему идентичного. Только благодаря существованию других людей каждый человек может вырваться из своей имманентности, обнаружить подлинность своего бытия, осуществиться в трансценденции, выходя к объекту, как проект. Но эта посторонняя свобода, подтверждающая мою свободу, еще и вступает с ней в конфликт; в этом трагедия несчастного сознания; каждое сознание претендует на то, чтобы только себя одного полагать в качестве суверенного субъекта. Каждый стремится к самоосуществлению через порабощение другого. Но и раб в труде и страхе тоже ощущает себя как

[==181](#)

существенное, а несущественным в результате диалектического поворота оказывается хозяин. Драматическую эту ситуацию можно преодолеть, если каждый свободно признает в другом личность, полагая одновременно себя и другого и как объект и как субъект во взаимно направленном движении. Но дружба, великодушие, через которые совершается это признание свобод, — нелегкие добродетели; без сомнения, они представляют собой высшую реализацию человека, через них он достигает своей истинности; но истинность эта предполагает постоянно намечающуюся и постоянно устранимую борьбу; она требует, чтобы человек ежеминутно преодолевал себя. Другими словами можно сказать, что человек приходит к подлинно моральному поведению, когда отказывается *быть*, чтобы взять на себя ответственность за свое существование; этим обращением он отрекается и от всякой установки на обладание, ибо обладание — один из способов поиска возможности быть; однако это обращение, в результате которого он достигает истинной мудрости, никогда не может совершиться до конца — его надо совершать непрерывно, оно требует постоянного напряжения. Получается, что, неспособный реализоваться в одиночестве, человек, общаясь с себе подобными, постоянно подвергается опасности: жизнь его — это трудное предприятие, успех которого никогда не может быть обеспечен.

Но трудностей он не любит, опасности — боится. Сам себе противореча, он жаждет жизни и покоя, существования и возможности быть; он, конечно же, знает, что «волнение духа» — это расплата за то, что дух развивается, а дистанция по отношению к объекту — расплата за само наличие объекта; но он все равно мечтает о покое в беспокойстве, и о непроницаемой полноте, которая-де живет в его сознании. Эта мечта в воплощенном виде как раз и есть женщина; она — то самое промежуточное звено между чуждой человеку природой и слишком похожим на него ближним¹. Она не противопоставляет ему ни враждебного молчания природы, ни суровой требовательности взаимного признания; ей дана исключительная привилегия быть сознанием, и в то же время ею вроде бы можно обладать телесно. Благодаря ей появляется возможность избежать неумолимой диалектики отношений хозяина и раба, источник которой — во взаимной направленности свобод.

Мы уже видели, что не было никогда никаких свободных

женщин, которых бы потом поработили мужчины, и что разделение на два пола не привело к разделению на касты. Уподоблять

¹ «...Женщина — это не бесполезное повторение мужчины, а зачарованное место, где осуществляется живая связь человека и природы. Исчезни она, и мужчины останутся одни, чужестранцы без паспорта в ледяном мире. Она — сама земля, вознесенная к вершинам жизни, земля, ставшая ощутимой и радостной; а без нее земля для человека нема и мертва», — пишет Мишель Карруж («Les pouvoirs de la femme». — «Cahiers du Sud», № 292).

женщину рабу — это ошибка; среди рабов были женщины, но были всегда и свободные женщины, то есть те, что обладали религиозным и социальным достоинством: они соглашались на мужское верховенство, и мужчина не чувствовал угрозы бунта, который мог бы самого его превратить в объект. Таким образом, женщина представлялась как несущественное, которое никогда не станет существенным, как абсолютно Другой в одностороннем порядке. Все мифы о сотворении мира

выражают это ценное для мужчины убеждение, и среди прочих — легенда «Бытия», которая через христианство утвердилась в западной цивилизации. Ева была сотворена не одновременно с мужчиной; ее сделали не из какого-то другого материала, но и не из той же глины, что пошла на изготовление Адама, — она вышла из ребра первого мужчины. Само рождение ее не было автономным; Бог не просто так решил сотворить ее ради нее самой и ради того, чтобы она в ответ поклонялась ему непосредственно; он дал ее Адаму, чтобы спасти его от одиночества, в муже — ее источник и цель; она его дополнение, как и следует несущественному. Таким образом, она представляется привилегированной жертвой. Она — природа, просветленная сознанием, она — сознание, подчиненное от природы. Чудесная надежда, которую мужчина часто связывает с женщиной, заключается в том, что он надеется полностью состояться как бытие, телесно обладая другим бытием, и в то же время утвердиться в сознании своей свободы благодаря близости со свободой покоренной. Ни один мужчина не согласился бы стать женщиной, но все они хотят, чтобы женщины были. «Возблагодарим Господа за то, что он сотворил женщину». «Природа добра, ибо даровала мужчинам женщину». В этих и подобных им фразах мужчина который раз с вызывающей наивностью утверждает, что его присутствие в этом мире — факт неизбежный, его право, а вот присутствие женщины — простая случайность, но случайность счастливая. Будучи воспринимаема в качестве Другого, женщина тем самым воспринимается как полнота бытия в противоположность тому существованию, что заставляет человека ощущать внутри себя ничто; Другой, определенный как объект в глазах субъекта, полагается как «вещь-в-себе», то есть как бытие. В женщине позитивно воплощается отсутствие чего-то, которое человек носит в своем сердце, и он надеется реализовать себя, пытаясь через нее добраться до самого себя.

В то же время она представляла для него не единственное воплощение Другого, не всегда в истории ей придавалось такое значение. Бывали моменты, когда ее затмевали другие идола. Когда гражданина поглощает Город, Государство, у него уже нет возможности заниматься своей частной судьбой. Посвященная государству спартанка имела более высокое положение, чем другие греческие женщины. Но зато ее и не преображала никакая мужская мечта. Культ вождя, будь то Наполеон, Муссолини, Гитлер, исключает всякий иной культ. При военной диктатуре, при тоталитарном

==183

режиме женщина перестает быть привилегированным объектом, и, разумеется, женщину обожествляют в богатой стране, жители которой не слишком представляют себе, во имя чего им жить, — что и происходит в Америке. Зато социалистические теории, требующие уравнивания всех людей, не признают, чтобы в будущем и даже уже в настоящем какая-либо категория людей была объектом или идиолом: в подлинно демократическом обществе, о котором возвещает Маркс, нет места Другому. И все же немногие мужчины в точности соответствуют образу солдата, борца, который они для себя выбрали; и в той мере, в какой они продолжают оставаться личностями, женщина сохраняет в их глазах особую ценность. Я видела письма немецких солдат к французским проституткам, где, несмотря на нацизм, наивно просматривалась живучая традиция голубого цветка. Коммунистические писатели, вроде Арагона во Франции или Витторини в Италии, в своих произведениях выводят на первый план женщину — возлюбленную и мать. Быть может, когда-нибудь миф о женщине угаснет: чем больше женщины утверждают себя как человеческие существа, тем скорее умирает в них чудесное качество Другого. Но пока миф этот живет в сердцах всех мужчин.

Любой миф предполагает наличие Субъекта, проецирующего свои чаяния и опасения в трансцендентное небо. Поскольку женщины не полагали себя как Субъект, они не создали мужского мифа, в котором отразились бы их проекты; у них нет ни религии, ни поэзии, которые

принадлежали бы собственно им: они и мечтают посредством мужских мечтаний. Они поклоняются богам, придуманным мужчинами. Последние для собственного восхваления создали великие мужественные образы: Геракла, Прометея, Парсифаля; в судьбе этих героев женщина играет второстепенную роль. Конечно, существуют стилизованные образы мужчины, в которых он запечатлен в своих отношениях с женщиной, — это образы отца, соблазнителя, мужа, ревнивца, хорошего сына, дурного сына; но их опять же создали мужчины, и до уровня мифа они не поднялись; практически это всего лишь клише. А вот женщина определяется исключительно в своих отношениях с мужчиной. Асимметрия отношений между мужской и женской категориями проявляется в одностороннем построении сексуальных мифов. Иногда говорят «пол», подразумевая под этим женщину; она — плоть и связанные с плотью наслаждения и опасности. А что для женщины сексуальное и плотское воплощено в мужчине — это истина, которая не провозглашалась никогда, потому что провозглашать ее было некому. Изображение мира, как и сам мир, — это дело мужчин; они описывают его со своей точки зрения, которую они путают с абсолютной истиной. Описать миф всегда трудно; его никак не охватишь, не очертишь, он неотступно присутствует в сознании людей, но никогда не предстает перед ними как застывший объект. Он так изменчив, так противоречив, что не сразу понимаешь, насколько он цель-

==184

ный: Далила и Юдифь, Аспазия и Лукреция, Пандора и Афина, женщина — это одновременно Ева и Дева Мария. Она идол, прислуга, источник жизни, мощь тьмы; она — элементарное молчание истины; она — лукавство, болтливость и ложь; она — целительница и колдунья; она — добыча мужчины, она же — его погибель, она — все, чем он не является, но что хочет иметь, она его отрицание и смысл его жизни.

«Быть женщиной, — говорит Кьёркегор¹, — это что-то настолько странное, настолько смешанное и сложное, что ни один предикат не может этого выразить, а если употребить все те многочисленные предикаты, которые хочется употребить, они будут настолько противоречивы, что выдержать это под силу только женщине». Происходит это потому, что женщину рассматривают не позитивно, как она есть для себя, но негативно, как она представляется мужчине. Ибо если и есть другие Другие помимо женщины, она тем не менее всегда определяется как Другой. И амбивалентность ее — это амбивалентность самой идеи Другого, амбивалентность положения человека, как он определяет себя в своем отношении к Другому. Мы уже говорили, Другой — это Зло; но будучи необходимым Добру, оно оборачивается Добром; через Другого я подступаю ко Всему, но он же меня от Всего отделяет; он — врата в бесконечность и мера моей конечности, И поэтому женщина не воплощает никаких застывших понятий; через нее неустанно совершается переход от надежды к краху, от ненависти к любви, от добра к злу, от зла к добру. Под каким углом зрения ни рассматривай ее, прежде всего бросается в глаза эта амбивалентность.

Мужчина ищет в женщине Другого как Природу и как себе подобного. Однако известно, какие амбивалентные чувства внушает человеку Природа. Он эксплуатирует ее, но она его подавляет; он рождается из нее и в ней умирает; она — источник его бытия и царство, которое он подчиняет своей воле; это материальная оболочка, в которой томится душа, и это — высшая реальность; она — случайность и Идея, конечность и тотальность; она — то, что противостоит Духу, и сам Дух. То союзница, то враг, она представляется сумрачным хаосом, откуда бьет жизнь, и самой жизнью, и потусторонним миром, к которому она устремлена, — женщина же олицетворяет природу как Мать, Супруга и Идея; образы эти иногда смешиваются, иногда противостоят друг Другу, и у каждого из них два лица.

Человек уходит своими корнями в Природу; он был рожден, как животные и растения; он прекрасно знает, что существует, только пока живет. Но со времен наступления патриархата Жизнь в его глазах приобрела двойственный характер; это созна-

«Этапы жизненного пути».

==185

ние, воля, трансценденция, это — дух; но это и материя, пассивность, имманентность, это — плоть, Эсхил, Аристотель, Гиппократ провозгласили, что на земле, как и на Олимпе, подлинно творческое начало — это начало мужское: от него происходят форма, число, движение; колосья преумножаются благодаря Деметре, но первопричина колоса и его истинность — в Зевсе; плодovitость женщины стала рассматриваться лишь как пассивная добродетель. Она — земля, мужчина же — семя, она — вода, он — огонь. Сотворение мира часто представлялось как брак огня и воды; живые существа рождаются из теплой влаги; Солнце — супруг Моря; Солнце, Огонь — это божества мужского пола; а Море — это один из наиболее универсальных материнских символов. Инертная вода терпит воздействие палящих лучей, которые ее оплодотворяют. И так же неподвижная, возделанная трудами человека пашня принимает зерна в свои борозды. Между тем ее участие необходимо: она питает семя, хранит его в себе, дает ему плоть. Поэтому даже после свержения с престола Великой Матери мужчина продолжал поклоняться богиням плодородия¹; Кибеле он обязан своим урожаем, стадами, своим благополучием. Он обязан ей собственной жизнью. Он возносит воду до высот огня. «Слава морю! Слава пучине, объятай священным огнем! Слава волне! Слава огню! Слава чудному событию!» — пишет Гёте во второй части «Фауста»: *Слава чуду и хваленье Морю в пламени и пене! Слава влаге и огню! Слава редкостному дню!*²

Он почитает Землю — «The matron Clay» («Матрону Плоть»), как называет ее Блейк. Один индийский пророк советует своим ученикам не копать землю, ибо «грех уязвить, порезать, разорвать нашу общую мать, возделывая ее под пашню,., Возьму ли я в руки нож, чтобы вонзить его в грудь моей матери?.. Покалечу ли плоть ее, чтобы добраться до костей?.. Как посмел бы я остричь волосы матери моей?» В Центральной Индии байжа также считают за грех «плугом разрывать чрево земли-матери», И наоборот, Эсхил говорит об Эдипе, что он «дерзнул обронить семя в борозду, из которой был рожден». Софокл говорит об «отцовских бороздах» и о «пахаре, хозяине далекого поля, в которое наведывается лишь раз в пору сева». Возлюбленная из египетской песни

¹ «Я буду воспевать землю, всеобщую мать на незыблемых опорах, почтенную прародительницу, питающую в своем лоне все сущее», — говорится в одном гомеровском гимне. Эсхил тоже прославляет землю, которая «порождает все существа, питает их, а потом снова принимает от них плодотворное семя».

² Перевод Б. Пастернака.

==186

заявляет: «Я — земля!» В исламских текстах женщину называют «полем... виноградом». Святой Франциск Ассизский в одном из своих гимнов говорит о «сестре нашей земле, матери нашей, хранящей и лелеющей нас, производящей самые разнообразные плоды с разноцветными цветами и травой». Мишле, принимая грязевые ванны в Аккуи, восклицает: «О дорогая наша общая мать! Мы с тобой одно. Из тебя я пришел, к тебе возвращусь!..» Были даже целые эпохи, когда утверждался витальный романтизм, желавший, чтобы Жизнь восторжествовала над Духом, — и тогда магическая плодovitость земли, женщины представляется большим чудом, чем продуманные действия мужчины; тогда мужчина мечтает снова слиться с сумраком материнского лона, чтобы там обрести истинный источник своего бытия. Мать — это корень, уходящий в глубины космоса и всасывающий в себя его соки, она — ключ, из которого бьет живая вода, она же — питающее молоко, горячий источник, грязь из земли и воды, исполненная живительных сил!.

Но, как правило, человек восстает против своего плотского состояния; он считает себя падшим богом: проклятие его в том, что он пал с лучезарного и упорядоченного неба в хаотический сумрак материнского чрева. И этот огонь, это активное и чистое дуновение, в котором ему хочется узнавать себя, женщина держит в плену земистой грязи. Он желал бы стать необходимым, как чистая Идея, как Одно, Все, Абсолютный Дух, а вместо этого томится в пределах тела, в пространстве и времени, которые он не выбирал, куда его не звали, бесполезный, громоздкий, нелепый. Случайность плоти — это случайность самого его бытия, которое он вынужден сносить при всей своей оставленности и ничем не оправданной никчемности, Случайность обрекает его на смерть. Тот дрожащий желатин, что вырабатывается в матке (потанной и закрытой, как могила, матке), слишком напоминает влажную вязкость падали, чтобы он не отвернулся от нее с содроганием. Всюду, где идет процесс созидания жизни, в прорастании зерна, в ферментации, эта жизнь вызывает отвращение, ибо созидание ее возможно только через разложение; скользкий зародыш открывает цикл, который заканчивается гниением смерти. Поскольку человека ужасает никчемность и смерть, его ужасает и то, что сам он был зачат; он хотел бы отречься от своих связей с животным миром; фактом своего рождения он оказывается во власти смертоносной Природы. У примитивных народов роды окружены строжайшими табу; в частности, плаценту следует непременно сжечь или выбросить в море, ибо тот, кто завладеет ею, будет держать в своих руках судьбу новорожденного; эта оболочка, в которой формировался плод, — символ его зависимости; уничтожение ее позволяет человеку оторваться от живой магмы

«Буквально женщина — это Исида, плодovitая природа. Она — река и Русло реки, корень и роза, земля и вишневое дерево, лоза и виноградина» (М. К а р р у ж . Цит. соч.).

и реализовать себя как автономное существо. Скверна рождения падает на мать. Левит и все древние своды законов предписывают роженице совершение очистительных обрядов; и во многих деревнях церемония взятия молитвы продолжает ту же традицию. Известно, какую неловкость, часто маскируемую смешком, непроизвольно ощущают дети, девушки, мужчины при виде живота беременной женщины или налившихся грудей кормилицы. В музеях Дюпюитрина любопытные разглядывают восковых зародышей и законсервированные плоды с тем нездоровым интересом, что вызвал бы у них вид разрытой могилы. При всем уважении, которым функция деторождения окружена в обществе, она все же внушает непроизвольное отвращение. И если в раннем детстве маленький мальчик чувственно привязан к материнской плоти, то, когда он вырастает, входит в общество, осознает индивидуальность своего существования, эта плоть вызывает у него страх; он предпочитает ничего не знать о ней и видеть в матери только нравственную личность; и если он

жаждет видеть ее чистой и целомудренной, то виной тому не столько любовная ревность, сколько отказ признать, что у нее есть тело. Подросток смущается и краснеет, если, гуляя с приятелями, встречает мать, сестер или еще какую-нибудь родственницу; присутствие их возвращает его в область имманентности, откуда он хочет улететь, обнаруживает корни, от которых он хочет оторваться. Раздражение, которое испытывает мальчик от поцелуев и ласк матери, имеет тот же смысл; он отвергает семью, мать, материнское чрево. Он хотел бы, как Афина, вступить во взрослый мир вооруженным с головы до пят, неуязвимым¹. То, что он был зачат и рожден, — это проклятие, тяготеющее над его судьбой, нечистота, пятнающая его бытие. А еще это возвешение о смерти. Культ прорастания всегда ассоциировался с культом мертвых. Мать-Земля поглощает во чреве своем останки своих детей. Именно женщины — парки и мойры — ткуют человеческую судьбу; но они же и обрывают ее нить. В большинстве народных представлений Смерть — женщина, и женщинам надлежит оплакивать мертвых, потому что

смерть — это их дело². Таким образом, у Женщины-Матери на лице печать тьмы: она — хаос, из которого все вышло и куда все должно однажды вернуться, она — Ничто. В Ночи сходятся многочисленные аспекты мира, на смену которым приходит день: это ночь духа, томящегося в плену универсальной и непроницаемой материи, ночь сна и

¹ См. немного далее наш анализ Монтерлана, который дает образцовое воплощение этой точки зрения.

² Деметра представляет собой тип *mater dolorosa* (скорбящей матери). Но другие богини — Иштар, Артемида — жестоки. Кали держит в руках череп, наполненный кровью. «Головы свежесвищенных быков твоих висят на шее твоей, как ожерелье... Тело твое прекрасно, как дождевые облака, ноги твои забрызганы кровью», — говорит о ней один индийский поэт.

пустоты. В морских глубинах царит ночь: женщина — это *Magis tenebrarum* (сумрачное море), внушавшее страх древним мореплавателям; и в недрах земли тоже царит ночь. Эта ночь, грозящая поглотить человека, ночь, представляющая собой обратную сторону плодovitости, вселяет в него ужас. Он стремится к небу, к свету, к залитым солнцем вершинам, к чистому и прозрачному, как кристалл, холоду лазури; а под ногами у него влажная, теплая, темная, готовая вобрать его в себя бездна; множество легенд повествуют о героях, навеки канувших после того, как однажды попали в материнский сумрак — в пещеру, в пропасть, в ад.

Но здесь снова проявляется амбивалентность: всегда вызывая ассоциацию со смертью, прорастание в то же время несет в себе идею плодovitости. Ненавистная смерть представляется как новое рождение и сразу становится священной. Умерший герой воскресает, как Озирис, каждой весной, новые роды дают ему новую жизнь. Высшая надежда человека, говорит Юнг, «это чтобы сумрачные воды смерти стали водами жизни, чтобы смерть и ее холодные объятия стали материнским чревом, подобно морю, которое хоть и поглощает солнце, но заново рождает его в своих глубинах»!. Погребение бога-солнца в морской пучине и его новое блистательное явление — это общая тема многих мифологий, И человек тоже одновременно хочет жить, но стремится к покою, сну, его влечет к себе ничто. Он не хочет быть бессмертным, а через это может научиться любить смерть, «Неорганическая материя — это материнское чрево, — пишет Ницше. — Быть освобожденным от жизни — значит снова стать истинным, завершиться. И понимающий это отнесся бы к возвращению в состояние бесчувственного праха как к празднику». Чосер

вкладывает в уста старика, который никак не может умереть, такую мольбу: *Палкой моей ночью и днем*

Стучусь я в землю, дверь матери моей, И говорю: «О мать! Впусти меня».

Человек хочет утвердить свое существование во всей его исключительности и обрести гордое спокойствие от осознания своего «существенного отличия», но также он желает сломать преграды своего «я», слиться с водой, землей, ночью, с Ничем и со Всем. Женщина, обрекающая мужчину на конечность, в то же время позволяет ему выйти за пределы своего «я»: отсюда и связанная с нею двусмысленная магия.

Во всех цивилизациях и даже в наши дни она внушает мужчине ужас: он проецирует на нее ужас перед собственной плотской случайностью. Девочка, не достигшая половой зрелости, не таит в себе угрозы, не окружена никакими табу, в ней нет ничего сак-

«Метаморфозы либидо».

==189

рального. Во многих примитивных обществах даже ее половой орган представляется невинным: с самого детства мальчикам и девочкам дозволяются эротические игры. Женщина становится нечистой с того момента, как может зачать. Часто встречаются описания строгих табу, окружавших в примитивных обществах девочку в день ее первой менструации; даже в Египте, где к женщине относились с исключительным почтением, на протяжении всего периода месячных ее держали взаперти¹. Часто ее выгоняют на крышу какого-нибудь дома, отправляют в хижину, расположенную за пределами деревни, ее нельзя ни видеть, ни трогать — больше того, она сама не может касаться рукой своего тела; у народов, ежедневно занимающихся вычесыванием вшей, ей дают палочку, чтобы она могла почесаться; ей нельзя прикасаться пальцами к пище; иногда ей вообще запрещается есть; в других случаях мать и сестра могут покормить ее с помощью какого-нибудь инструмента; но все предметы, которых она касалась в этот период, должны быть сожжены. После первого испытания связанные с менструацией табу перестают быть настолько суровыми, но по-прежнему остаются строгими. В Левите, в частности, говорится; «Если женщина имеет истечение крови, текущей из ее тела, то она должна сидеть семь дней во время очищения своего. И всякий, кто прикоснется к ней, нечист будет до вечера. И все, на чем она ляжет... и все, на чем сядет, нечисто. И всякий, кто прикоснется к постели ее, должен вымыть одежды свои и омыться водою и нечист будет до вечера». Этот текст в точности совпадает с тем местом, где речь идет о нечистоте в результате заболевания гонореей. И очистительная жертва в обоих случаях одинакова. Очистившись от истечений, следует отсчитать семь дней и принести двух горлиц или двух молодых голубей священнику, который принесет их в жертву Всевышнему. Следует отметить, что в матриархальных обществах менструации приписывались амбивалентные свойства. С одной стороны, она парализует социальную деятельность, подрывает жизненные силы, от нее вянут цветы и падают плоды; но она может действовать и благотворно: выделения используются для приготовления любовных напитков и лекарств, в частности для врачевания порезов и синяков. Еще сегодня у некоторых индейцев, когда они отправляются сражаться с фантастическими чудовищами, населяющими их реки, принято вывешивать на носу лодки пучок волокон, смоченных менструальной кровью: ее испарения губительно действуют на их сверхъестественных врагов. В некоторых греческих городах девушки несли в знак поклонения в храм Астарты белье, запачканное первой

¹ Впрочем, разница между мистическими и мифологическими верованиями и жизненным опытом человека сказывается в следующем факте: ЛевиСтросс свидетельствует, что «молодые люди племени нимбеаго посещают своих любовниц, пользуясь покровом тайны, которым они окружены в результате уединения, предписанного в период месячных».

[К оглавлению](#)

[==190](#)

кровью. Однако с пришествием патриархата подозрительной жидкости, истекающей из женского органа, приписывались лишь губительные свойства. Плиний в своей «Естественной истории» говорит: «Женщина в период менструации портит урожай, опустошает сады, губит ростки, заставляет падать плоды, губит пчел; если она коснется вина, оно превращается в уксус; молоко скисает...» Древний английский поэт выражает те же чувства, говоря: *Oh! menstruating woman, thou'st a fiend From whom all nature should be screened!*

О женщина! Твои менструации — это бедствие, От которого следовало бы оберегать всю природу!

Эти верования сильны даже в наши дни. В 1878 году один член Британской медицинской ассоциации дал интервью «Бритиш медикэл джорнэл», где заявил следующее: «Не вызывает сомнений, что мясо портится, если к нему прикасаются женщины, имеющие в это время менструацию»; он утверждает, что сам лично наблюдал два случая, когда окорок испортился при подобных обстоятельствах. В начале нашего века на сахарных заводах Севера устав запрещал женщинам появляться на предприятии в период того, что англосаксы называют «curse» — «проклятия», ибо иначе сахар чернеет, В Сайгоне женщин не берут на фабрики по производству опиума: из-за их месячных опиум сворачивается и становится горьким. Подобные верования до сих пор сохранились во многих французских деревнях. Любая хозяйка знает, что у нее ни за что не получится майонез во время женского недомогания или в присутствии женщины, у которой в этот момент месячные. В Анжу недавно один старый садовник, поставив в погребе сок из годового урожая яблок, писал хозяину дома: «Надо попросить живущих в доме и приглашенных молодых дам не заходить в погреб в определенные дни месяца, а то сидр не будет бродить». Кухарка, узнав об этом письме, пожала плечами. «Это никогда не мешало сидру бродить, — сказала она, — это только для сала плохо: нельзя солить сало перед женщиной, у которой эти дела, а то оно стухнет»¹.

Было бы совершенно недостаточно сводить это отвращение к тому чувству, что всегда вызывает вид крови: конечно, кровь сама

Один врач из Шера рассказал мне, что в той местности, где он живет, женщинам при подобных обстоятельствах нельзя входить в помещения для выращивания шампиньонов. Еще сегодня продолжается спор о том, есть ли У этих предрассудков какое-нибудь основание. Единственный факт, который приводит в их оправдание доктор Вине, — это наблюдение Шинка (пересказанное Вины). Шинк якобы видел, как цветы завяли в руках у испытывающей недомогание служанки; приготовленное этой женщиной дрожжевое тесто якобы поднялось всего на три сантиметра вместо пяти в обычных условиях. Во всяком случае, факты эти явно бедноваты и неопределенны, если учесть, насколько велико значение и широко распространение связанных с ними верований, очевидно имеющих мистическое происхождение.

по себе — священный элемент, как ничто другое проникнутый таинственной *маной*, одновременно являющий собой жизнь и смерть. Но пагубные свойства менструальной крови имеют исключительный характер. Она воплощает сущность женственности. А потому истечение ее таит в себе опасность для самой женщины, *мана* которой таким образом материализуется. Девушек племени чаго увещевают получше прятать свою менструальную кровь. «Не показывай ее матери, а то она умрет. Не показывай ее подругам, ибо если есть среди них недоброжелательница, она может завладеть бельем, которым ты вытиралась, и брак твой будет бесплодным. Не показывай ее злой женщине, которая возьмет твоё белье и вывесит на крыше своей хижины — и тогда ты не сможешь иметь детей. Не бросай белье на дорогу или в кусты. Кто-нибудь злой может сотворить с ним дурное. Закопай его в землю. Прячь кровь от глаз твоего отца, твоих братьев и сестер. Если ты позволишь увидеть ее, это грех»¹. У алеутов, если отец увидит дочь во время первых месячных, она может ослепнуть или онеметь. Считается, что в этот период в женщину вселяется дух и она обладает опасной силой. Некоторые примитивные народы верят, что кровь выделяется в результате укуса змеи, так как женщина подозрительным образом связана со змеей и ящерицей и кровь ее имеет нечто общее с ядом ползучих тварей. Левит сближает менструацию и гонорею; кровоточащий женский орган — это не просто рана, но весьма сомнительная язва. И Виньи ассоциирует понятие нечистоты с болезнью, когда пишет: «Женщина — дитя больное, нечистое двенадцать раз». Будучи плодом непонятной внутренней алхимии, периодическое кровотечение, которым страдает женщина, странным образом увязывается с лунным циклом — ведь и у луны бывают опасные капризы². Женщина — это часть жуткого механизма, от которого зависит ход планет и солнца, она вся во власти космических сил, управляющих судьбами звезд, приливов и отливов и оказывающих опасное воздействие на людей своими излучениями. Но особенно поразительно, что воздействие менструальной крови сближается с представлением о свернувшихся сливках, несхватившемся майонезе, с идеей брожения и разложения; утверждают также, что от этого воздействия бьются хрупкие предметы, рвутся струны на скрипках и арфах; но особенно сильное влияние менструальная кровь

¹ Цит. по: *C.L é v i-S t r a u s s . Les Structures élémentaires de la Parenté.*

² Луна — это источник плодородия; она представляется «господином женщин»; нередки представления о том, что она совокупляется с женщинами в образе мужчины или змеи. Змея — это ипостась луны; она меняет кожу и регенерирует, она бессмертна; это сила, через которую распространяются плодородие и наука. Именно она охраняет священные источники, древо жизни, источник молодости и т.д. Но она же лишила человека бессмертия. Рассказывают, что она совокупляется с женщинами. В персидской традиции, а также среди раввинов считается, что менструация обязана своим возникновением сношениям первой женщины со змием.

имеет на органические субстанции, находящиеся на полпути от материи к жизни; и не столько потому, что это кровь, сколько потому, что выделяется она из детородного органа; даже когда точная функция ее неизвестна, ясно, что она связана с зарождением жизни; не зная о существовании яичника, древние даже видели в менструальных выделениях дополнение к сперме. В действительности дело не в том, что кровь эта делает женщину нечистой, — скорее она просто

свидетельствует о нечистоте женщины; она появляется в тот момент, когда женщина может быть оплодотворена; а когда она исчезает, женщина, как правило, снова становится бесплодной; она течет из того самого чрева, где формируется зародыш. На нее переносится ужас, который мужчина испытывает по отношению к женской плодovitости.

Среди табу, связанных с женщиной в состоянии нечистоты, ни одно не может сравниться по строгости с запрещением всяких половых сношений. Левит осуждает мужчину, преступившего это правило, на семь дней нечистоты. Законы Ману на этот счет более суровы; «Мудрость, энергия, сила, жизнеспособность окончательно гибнут в мужчине, приблизившемся к женщине, нечистой от менструальных выделений». На мужчин, имевших половые связи во время менструации, налагалась пятидесятидневная епитимья. Поскольку считается, что женское начало достигает в этот период максимальной силы, возникает опасение, как бы при интимном контакте оно не возобладало над мужским началом. Еще более неопределенно то чувство отвращения, которое мужчина испытывает, обнаруживая в женщине, которой обладает, пугающую его материнскую сущность; он старается разъять эти два аспекта женственности: поэтому запрещение инцеста в форме экзогамии или в более современных вариантах является универсальным законом; поэтому мужчина избегает полового сближения с женщиной в те моменты, когда она особенно предана исполнению своей воспроизводящей роли; во время месячных, когда она беременна или кормит грудью. Эдипов комплекс — описание которого, впрочем, следовало бы обновить — не противоречит такому отношению, а, наоборот, подразумевает его. Мужчина защищается от женщины постольку, поскольку это смутный источник мира и неясное органическое становление. Между тем в этом же самом обличье женщина позволяет обществу, отделившемуся от космоса и богов, поддерживать с ними связь. До сих пор у бедуинов и ирокезов от нее зависит плодородие полей; в античной Греции она слышит подземные голоса; ей внятен язык ветра и деревьев — она Пифия, Сибилла, прорицательница; ее устами говорят мертвые и боги. Она и сегодня сохраняет дар прорицания; она — медиум, хиромантка, гадалка, ясновидящая, вдохновленная свыше; она слышит голоса, у нее бывают видения. Когда мужчины ощущают потребность вновь погрузиться в лоно растительной и животной жизни — как Антей, прикасавшийся к земле, чтобы восстановить силы, — они взывают к

женщине. Хтонические культы сохранились, пройдя через рационалистские цивилизации Греции и Рима. Как правило, они развиваются вне официальной религиозной жизни и даже приобретают, как в Элевсине, форму мистерий: их смысл противоположен тому, что заключен в солярных культах, в которых человек утверждает свою волю к отделению и духовности; но они и дополняют эти культы; человек пытается вырваться из одиночества с помощью экстаза; такова цель мистерий, оргий, вакханалий. В отвоеванном мужчинами мире дикие и магические свойства Иштар и Астарты были узурпированы богом-мужчиной, Дионисом; но вокруг его образа опять же неистовствуют женщины: менады, тиады, вакханки призывают мужчин к сакральным возлияниям, к священному безумию. Аналогична и роль священной проституции: речь идет о том, чтобы одновременно освободить и направить в нужное русло силы плодородия. Еще и поныне народные празднества характеризуются вспышками эротизма; и тогда женщина представляется не просто объектом наслаждения, но средством достичь того *hybris*¹, где личность выходит за пределы самое себя. «Все то потерянное, трагическое, что несет в себе человек, это «ослепляющее чудо» можно познать только в постели», — пишет Ж. Батай.

В эротическом исступлении прижимая к себе возлюбленную, мужчина стремится потеряться в бесконечной тайне плоти. Однако мы видели, что нормальное мужское сексуальное чувство различает Мать и Супругу. Таинственная алхимия жизни вызывает у него отвращение, в то время как его собственная жизнь питается и наслаждается сочными плодами земли; он жаждет обладать ими; он страстно желает Венеру, только что явившуюся из морских вод. Поскольку верховный творец — мужчина, женщина при патриархате раскрывает себя в первую очередь как супруга. Прежде чем стать матерью рода человеческого, Ева была подругой Адама; она была дана мужчине, чтобы он имел и оплодотворял ее, как он имеет и оплодотворяет землю; а через нее он делает своим царством всю природу. В половом акте мужчина ищет не только мимолетного субъективного удовольствия. Он хочет завоевывать, брать, владеть; обладать женщиной — значит победить ее; он входит в нее, как лемех в борозду; он делает ее своею, как и обрабатываемую им землю; он пашет, сажает, сеет — образы эти стары, как письменность; от античности до наших дней подобных примеров можно привести тысячи. «Женщина подобна полю, а мужчина — посеву», — гласят законы Ману. На одном из рисунков Андре Массона изображен мужчина, лопатой вскапывающий сад женского органа¹. Женщина — добыча своего супруга, его имущество.

¹ Гордыня (греч.).

² Рабле называет мужской орган «пахарем природы». Мы уже говорили о религиозных и исторических корнях ассимиляции фаллос — лемех, женщина — борозда.

Колебания мужчины между страхом и желанием, между боязнью оказаться во власти неконтролируемых сил и стремлением ими завладеть поразительным образом отражаются в мифах о Девственности. То страшая мужчин, то желанная и даже требуемая, она представляет собой наиболее завершенную форму женской тайны; это одновременно ее самый тревожный и самый завораживающий аспект. В зависимости от того, чувствует ли себя мужчина подавленным окружающими его силами или самонадеянно полагает, что способен ими овладеть, он отказывается или настаивает, чтобы супруга досталась ему девственницей. В самых примитивных обществах, где превозносится могущество женщины, верх одерживает страх; женщине следует лишиться девственности до первой брачной ночи. Марко Поло говорит о жителях •У Тибета, что никто из них не пожелал бы жениться на девственнице. Иногда этот отказ получал рациональное обоснование: мужчина не хочет жениться на женщине, никогда не возбуждавшей мужских желаний. Арабский географ Аль-Бекри рассказывает о славянах: «Если мужчина женится и обнаруживает, что жена его девственна, он говорит ей: «Если бы ты чего-нибудь стоила, тебя бы любили мужчины и кто-нибудь из них похитил бы твою девственность». После чего он прогоняет ее и расторгает брак». Утверждают даже, что у некоторых примитивных народов мужчины женятся только на женщинах, уже имеющих детей и таким образом доказавших свою способность рожать. Но подлинные мотивы столь распространенных обычаев дефлорации — мистического свойства. У некоторых народов бытуют представления о живущей во влагалище змее, которая может укубить супруга в момент разрыва девственной плевы; девственной крови приписываются ужасающие свойства, она сближается с менструальной кровью и тоже может уничтожить мужскую силу. В этих образах выражена идея, что женское начало, оставаясь нетронутым, обладает большей мощью и таит в себе большую угрозу!. Бывают случаи, когда вопрос о дефлорации вообще не возникает; например, у туземцев, описанных Малиновским, девушки вообще не бывают девственными, поскольку половые игры разрешены с самого детства. Иногда мать, старшая сестра или какая-нибудь замужняя женщина систематически дефлорирует девочку и

расширяет вагинальное отверстие на протяжении всего периода детства. Бывает также, что в момент наступления половой зрелости женщины осуществляют дефлорацию при помощи палки, кости или камня, что воспринимается просто как хирургическая операция. В других племенах девочку, достигшую половой зрелости, подвергают дикой процедуре: мужчины отводят ее за пределы деревни и дефлорируют насильно и даже при помощи каких-нибудь орудий. Один из

^ Отсюда и та мощь, которой предание наделяет девственниц в ратном деле: вспомним валькирий или Орлеанскую деву.

==195

наиболее часто встречающихся обычаев заключается в том, что девственниц отдают случайным прохожим, либо полагая, что на них не распространяется опасное воздействие маны, предназначенной только для мужчин своего племени, либо вовсе не заботясь о тех бедах, которые могут пасть на их головы. Еще чаще невесту лишает девственности накануне брачной ночи жрец, или врач, или касик, то есть вождь племени; на Малабарском берегу эта операция возложена на брахманов, и они, похоже, занимаются этим без всякого удовольствия и требуют солидного вознаграждения. Известно, что все священные предметы опасны для человека светского, однако посвященные могут иметь с ними дело, ничем не рискуя; а потому понятно, что жрецы и вожди способны укротить злоеущие силы, от которых следует беречься супругу. В Риме от этих обычаев осталась лишь символическая церемония: невесту сажали на фаллос каменного Приапа, преследуя при этом двойную цель; увеличить ее плодовитость и обезвредить чересчур мощные, а потому пагубные флюиды, которые от нее исходят. Иногда муж защищается по-другому; он сам дефлорирует девственницу, но обставлено это так, что в критический момент он оказывается неуязвимым; например, он делает это в присутствии всей деревни с помощью палки или кости. На Самоа он орудует пальцем, предварительно обернув его куском белой материи, а потом раздает присутствующим окровавленные лоскутки. Бывает также, что ему разрешается дефлорировать жену естественным путем, при условии что он не будет извергать в нее семя раньше, чем по прошествии трех дней, так чтобы девственная кровь не соприкасалась с оплодотворяющим семенем.

Согласно классическому перевороту в восприятии священных вещей, в менее примитивных обществах девственная кровь становится символом благотворным. Во Франции еще сохранились деревни, где наутро после свадьбы на обозрение родственников и друзей вывешивают окровавленную простыню. А дело в том, что при патриархальном режиме мужчина стал хозяином женщины; и те же самые свойства, которые вызывают страх, когда встречаются в неукротенных стихиях, становятся ценными качествами для собственника, сумевшего их приручить. Необузданный нрав дикого скакуна, неистовую силу молнии и водопадов человек превратил в средства собственного процветания. А потому и женщину он хочет получить со всем таящимся в ней богатством, нетронутой. Конечно, рациональные мотивы играют определенную роль в том, что девушке предписывается блюсти невинность; как и добродетельность супруги, целомудрие невесты необходимо, чтобы отец не рисковал передать свое имущество чужому ребенку. Но когда мужчина рассматривает супругу как свою личную собственность, требование девственности носит более непосредственный характер. Прежде всего идею обладания никак нельзя воплотить позитивно; на самом деле никто никогда ничего и никого не имел; а потому люди стараются осуществить ее нега-

тивно; самый верный способ настоять на том, что некое имущество принадлежит мне, — это помешать другим пользоваться им. Да и потом человека больше всего прельщает то, что еще никогда никому не принадлежало: тогда победа представляется событием уникальным и абсолютным. Первопроходцев всегда манили целинные земли; каждый год кто-нибудь из альпинистов гибнет из-за желания покорить нетронутую вершину, а то и просто из-за попытки проложить новый путь по склону горы; а некоторые любопытные рискуют жизнью, чтобы спуститься под землю и добраться до еще не исследованных пещер. Уже покоренный человеком предмет становится инструментом; потеряв связь с природой, он лишается самых глубинных своих свойств; неукротенный поток водопада обещает больше, чем вода городского фонтана. Девственное тело свежо, как скрытые источники, бархатисто, как нераскрывшийся бутон на заре, и светится, как жемчужина, не обласканная солнечными лучами. Человек, как дитя, заморожен всеми сумрачными, закрытыми местами, куда никогда не проникал живительный луч сознания, которые ждут, чтобы в них вселили душу; он считает, что все, что ухватил или куда проник лишь он один, на самом деле — его творение. А еще одна из целей любого желания — это потребление желаемого предмета, подразумевающее его разрушение. Разрывая девственную плеву, мужчина владеет женским телом более интимно, чем если в результате проникновения она останется нетронутой; этим необратимым актом он недвусмысленно превращает тело женщины в пассивный объект и утверждает свою власть над ним. Этот смысл в точности выражает легенда о рыцаре, продающем себя через колючий кустарник, чтобы сорвать розу, аромат которой еще никому не ведом; он не только находит ее, но еще и ломает стебель и только тогда завладевает ею. Образ настолько прозрачен, что в народном языке «похитить цветок» у женщины означает лишить ее невинности, и от этого выражения происходит слово «дефлорация».

Но девственность обладает эротической привлекательностью только в сочетании с юностью, иначе тайна ее снова начинает вселять беспокойство. Многие мужчины сегодня испытывают сексуальное отвращение к слишком затянувшейся девственности; на «старых дев» смотрят как на сварливых и злобных матрон, исходя не только из соображений психологического плана. Проклятие заключено в самом их теле, теле, не ставшем объектом ни для какого субъекта, ничьим желанием не превращенном в желанное, расцветшем и увядшем, не найдя себе места в мужском мире; не отвечая своему назначению, оно становится странным и нелепым объектом, вызывающим беспокойство, как непередаваемая мысль сумасшедшего. Я слышала, как один мужчина грубо сказал о сорокалетней женщине, еще красивой, но, как предполагалось, девственнице: «Там полно паутины...» И действительно, погреба и чердаки, куда никто уже не заходит и которые никому не нужны, заволакивает нечистая тайна; в них охотно наведываются призра-

ки; покинутые людьми дома становятся жилищами духов. Если только женщина не посвятила свою девственность какому-нибудь богу, ее охотно подозревают в связи с демоном. Девственниц, не покоренных мужчиной, старых женщин, ему не подвластных, охотнее, чем всех остальных, принимают за ведьм; ибо поскольку предназначение женщины — посвятить себя Другому, то, избежав гнета мужчины, она легко может подпасть под влияние дьявола.

Супруга, если из нее изгнали злых духов при помощи обрядов дефлорации или, наоборот, если она чиста благодаря своей девственности, может оказаться желанной добычей. Сжимая ее в объятиях, любовник хочет овладеть всеми богатствами жизни. Она — это вся фауна и вся флора земли: газель, лань, лилия и роза, бархатистый персик, ароматная малина; она — драгоценные камни, перламутр, агат, -жемчуг, шелк, небесная лазурь, свежесть ключевой воды, воздух, пламя, земля и вода. Все поэты Востока и Запада преображали женское тело в цветы, плоды, птиц. Если с этой точки зрения взглянуть на античность, средние века и современную эпоху, получится целая толстая антология цитат. Всем известна «Песнь песней», где возлюбленный говорит возлюбленной: *Глаза твои голубиные...*

Волосы твои — как стадо коз...

Зубы твои — как стадо выстриженных овец...

Как половинки гранатового яблока — ланиты твои...

Два сосца твои — как двойни молодой серны...

Мед и молоко под языком твоим...

Андре Бретон обращается к этой вечной песни в «Аркане 17»; «Мелюзина в момент второго крика: она явилась из бедер ее, чрево ее — как весь урожай августовской пшеницы, торс ее взмывает ввысь, как фейерверк, из стройного стана, вылепленного по образу ласточкиных крыльев, груди ее как горностаи, плененные собственным криком, слепящие очи огнем раскаленных углей их пламенеющего зева. А руки ее как душа поющих и благоухающих ручьев...»

Мужчина находит в женщине сияние звезды и мечтательность луны, солнечный свет и пещерный сумрак; но женщина — это и цвет дикого кустарника, и горделивая садовая роза. Деревни, леса, озера, моря и песчаные равнины полны нимф, дриад, сирен, ундин, фей. Ничто так глубоко не укоренилось в сердце мужчин, как этот анимизм. Море для моряка — это опасная, коварная, непокорная женщина, которая тем не менее дорога ему, потому что ее трудно укротить.

Горделивая, строптивая, девственная и злобная гора — женщина для альпиниста, который с риском для жизни стремится ею овладеть. Принято считать, что такие сравнения свидетельствуют о сексуальной сублимации; однако скорее они выражают изначальное, как само разделение на два пола, родство

женщины и стихий. От обладания женщиной мужчина ждет не просто утоления инстинкта; она — наиболее подходящий объект, через который он покоряет Природу. Случается, что эту роль играют другие объекты. Иногда мужчина ищет песчаных берегов, бархатных ночей, аромата жимолости на теле молодых мальчиков. Но телесное овладение землей может осуществиться не только путем полового проникновения. В романе «Неведомому Богу» Стейнбек рисует человека, выбравшего в качестве посредницы между собой и природой поросшую мхом скалу; в «Кошке» Колетт описывает молодого мужа, сосредоточившего свою любовь на любимице кошке, потому что через это дикое и нежное животное он постигал чувственный мир, чего не могло ему дать человеческое тело его подруги. В море или горе Другой может найти столь же полное воплощение, что и в женщине; они оказывают мужчине такое же пассивное и непредсказуемое сопротивление, позволяющее ему осуществить себя; они — отказ, который нужно побороть,

добыча, которой нужно овладеть. И если море и гора — женщины, то только потому, что женщина для любовника — тоже море и гора¹.

Но не всякой женщине дано стать посредницей между мужчиной и миром; мужчине недостаточно обнаружить у партнерши половые органы, дополняющие его собственные. Нужно, чтобы она воплощала дивный расцвет жизни и при этом таила в себе ее непостижимые тайны. А потому от нее прежде всего требуется молодость и здоровье, ибо, сжимая в объятиях нечто живое, мужчина окажется во власти его чар, только если забудет, что

Симптоматична фраза Самивеля, приводимая Башларом («Земля и блуждания Воли»): «Эти со всех сторон окружившие меня горы я понемногу перестал воспринимать как врагов, которых надо побороть, как самок, которых надо попирать ногами, как трофеи, которые надо завоевывать, чтобы иметь в собственных глазах и в глазах всех остальных доказательство собственной ценности». Амбивалентность отношения гора — женщина устанавливается через идею наподобие «врага, которого надо побороть», «трофея» и «доказательства» мощи.

Та же самая взаимосвязь прослеживается, например, в следующих стихах Сангора:

г г l —

Нагая женщина, объятая тьмой женщина!

Созревший плод, чья плоть тверда, экстазы сумрачные черного **вина**, уста, что сообщили дар поэтический моим устам.

Бескрайняя саванна, чей горизонт так чист, саванна, что трепетать заставил бурей ласк своих восточный ветер.

И: О Конго, лежишь ты на ложе лесном, царица земель африканских покорных.

И твой балдахин поднимают высоко фаллосы гордых утесов.

, „- женщина ты, говорит мне моя голова, и язык говорит мой, и чрево, что женщина ты.
fr.

жизнь всегда несет в себе смерть. Он желает большего: ему надо, чтобы возлюбленная его была еще и красива. Идеал женской красоты меняется; но некоторые требования остаются постоянными; например, поскольку предназначение женщины в том, чтобы быть обладаемой, ее телу должны быть свойственны инертность и пассивность объекта. Мужская красота состоит в приспособленности тела к исполнению активных функций — это сила, ловкость, гибкость, это явленная трансцендентность, одушевляющая тело, которому надлежит никогда не замыкаться на самом себе. Женский идеал может оказаться сходным в таких обществах, как Спарта, фашистская Италия, нацистская Германия, где женщина предназначается для государства, а не для личности, где ее рассматривают только как мать и совсем не оставляют места эротизму. Но когда женщина дана во владение мужчине, он требует, чтобы тело ее было представлено исключительно в своей «неподлинности». Ее тело воспринимается не как ореол субъективности, но как нечто увязшее в имманентности; тело это не должно напоминать об остальном мире, не должно обещать ничего, кроме самого себя; ему надлежит возбуждать желание. В самой наивной форме это требование

выражается в готтентотском идеале пышнобедрой Венеры, поскольку ягодицы — это часть тела, где меньше всего нервных окончаний, где плоть представляет собой ни для чего не предназначенную данность. Пристрастие восточных мужчин к полным женщинам того же свойства; им нравится абсурдное изобилие разросшихся жировых тканей, не одушевленных никаким проектом, не имеющих иного смысла, кроме того, что они есть ¹. Даже в цивилизациях с более тонкой чувственностью, где существуют понятия формы и гармонии, груди и ягодицы остаются излюбленными объектами в силу немотивированности, случайности их пышного расцвета. Нравы и мода часто способствовали тому, чтобы лишить женское тело способности к трансценденции: китайка с перетянутыми ногами едва может ходить, накрашенные ногти голливудской звезды лишают ее рук, высокие каблуки, корсеты, фижмы, панье, кринолины были призваны не столько подчеркнуть линию женского тела, сколько сделать его еще более бессильным. Отягченное жиром или же, наоборот, полупрозрачное, неспособное ни на какие усилия, парализованное неудобной одеждой и правилами благопристойности, оно в самом деле пред-

¹ «Готтентоты, у которых стеатопигия развита не так сильно и встречается не так часто, как у бушменских женщин, считают такое сложение эстетичным и с самого детства массируют ягодицы своих дочерей, чтобы лучше развить их. Точно так же в некоторых африканских регионах встречается искусственное ожирение женщин, самый настоящий откорм, заключающийся в неподвижности и потреблении в больших количествах соответствующих продуктов, в частности молока. Это также практикуется среди зажиточных арабов и евреев, живущих в городах Алжира, Туниса и Марокко» (*Luquet*. — «Journal de Psychologie», 1934. Les Vénus des cavernes).

[К оглавлению](#)

==200

ставляется мужчине его собственностью. Косметика и украшения также способствуют окаменению тела и лица. Функция женского украшения очень сложна; у некоторых примитивных народов оно носит священный характер; но обычно его роль — в том, чтобы окончательно превратить женщину в идола. Идола неоднозначного: мужчина хочет, чтобы в нем ощущалась плоть, его красота должна быть сродни красоте цветов и плодов; но кроме того, он должен быть гладким, твердым, вечным, как камень. Роль украшения в том, чтобы одновременно еще теснее связать женщину с природой и вырвать ее оттуда, чтобы сообщить трепетной жизни застывшую необходимость искусственности. Примешивая к своему телу цветы, меха, драгоценные камни, раковины, перья, женщина превращает себя в растение, в пантеру, в бриллиант, в перламутр; она пользуется духами, чтобы благоухать, как роза или лилия; но перья, шелк, жемчуг и духи служат также и для того, чтобы скрыть животный дух ее собственного тела. Она красит губы и щеки, чтобы придать им прочную неподвижность маски; она включает свой взгляд в оковы косметического карандаша и туши для ресниц, и он становится лишь переливающимся украшением ее глаз; заплетенные в косы, завитые и уложенные волосы теряют свою волнующую растительную тайну. Природа присутствует в убранной женщине, но это уже природа-пленница, человеческой волей приведенная в соответствие с человеческим желанием.

Женщина тем желаннее, чем полнее раскрывается в ней природа и чем строже она порабощена: идеальным эротическим объектом всегда была «замысловатая» женщина. Вкус же к более естественной красоте часто бывает всего лишь благовидной формой той же замысловатости. Реми де Гурмон желает, чтобы женщины носили распущенные волосы, свободные, как ручьи и трава прерии, — однако струение вод и колосьев можно ощутить, лишь лаская локоны какой-нибудь

Вероники Лэйк, а не взлохмаченную шевелюру, действительно предоставленную самой природе. Чем моложе и здоровее женщина, тем больше кажется, что ее юное лощенное тело сохранит свою свежесть навеки, и тем меньше она нуждается в искусственности; но следует всегда скрывать от мужчины телесную слабость сжимаемой в объятиях добычи и грозящее ей увядание. Кроме всего прочего, мужчина боится случайности ее судьбы, мечтает, чтобы она оставалась неизменной, необходимой, а потому ищет в лице женщины, в ее стане и ногах точного воплощения идеи, У примитивных народов идея сводится к усовершенствованному народному типу: народ с полными губами и плоскими носами ваяет Венеру с полными губами и плоским носом; позже к женщинам применяют более сложные эстетические каноны. Но, во всяком случае, чем более гармоничными выглядят черты и пропорции женщины, тем больше радуется сердце мужчины, потому что ему кажется, что она избежала превратностей всего естественного. Мы приходим, таким образом, к странному парадоксу: желая в женщине ухватить природу — при-

==201

роду преображенную, — мужчина обрекает женщину на искусственность. Она не только «физис», но в такой же степени «антифизис»; и это не только в цивилизованных странах, где делают электрический перманент, удаляют волосы при помощи воска и носят эластичные пояса, но и там, где ходят негритянки с подносами, в Китае и повсюду на земле. Эту мистификацию разоблачил Свифт в знаменитой оде к Селии; он с отвращением описывает снаряжение кокетки и с отвращением напоминает о животных функциях ее тела; возмущаясь, он не прав вдвойне; ибо мужчина хочет, чтобы женщина одновременно была зверем и растением и скрывалась под рукотворной броней; он любит ее выходящей из морской пены и из дома моделей, обнаженную и одетую, обнаженную под одеждой, именно такую, какой привык видеть ее в человеческом мире. Горожанин ищет в женщине животное начало; а для молодого крестьянина, проходящего военную службу, бордель воплощает всю магию города. Женщина — это поле и пастбище, но одновременно — Вавилон.

Между тем в этом состоит первая ложь, первое предательство женщины — предательство самой жизни, которая, даже принимая самые привлекательные формы, всегда несет в себе ферменты старения и смерти. Уже одно то, как мужчина использует женщину, разрушает самые ценные ее качества: под тяжестью материнства она утрачивает эротическую привлекательность; даже если она бездетна, годы идут и искажают ее прелести. Немощная, безобразная, старая женщина вызывает ужас. Тогда говорят, что она поблекла, увяла, как сказали бы о растении. Конечно, у мужчины дряхлость тоже страшна; но нормальный мужчина не рассматривает других мужчин как плоть; с этими автономными, посторонними телами его связывает только абстрактная солидарность. А вот наблюдая женское тело, это ему предназначенное тело, он ощутимо сталкивается с умиранием плоти. «Прекрасная оружейница» Вийона смотрит на увядание своего тела враждебными глазами мужчин. Старая, безобразная женщина — это не только непривлекательный предмет; она вызывает ненависть, смешанную со страхом. В ней снова выявляется пугающая ипостась Матери, тогда как прелести Супруги — меркнут.

Но и Супруга — тоже опасная добыча. В выходящей из вод Венере, в свежей пене и золотистых колосьях притаилась Деметра; завладевая женщиной через извлекаемое из нее наслаждение, мужчина одновременно будит в ней коварные силы плодовитости; он проникает в тот самый орган, который производит на свет детей. Поэтому во всех обществах множество табу оберегают мужчину от угрозы, таящейся в женском половом органе. Обратное утверждение неверно, женщине нечего бояться от мужчины; его орган воспринимается как светский, несвященный. Фаллос может быть вознесен до уровня бога, но в поклонении ему нет ни малейшего элемента

ужаса; в повседневной жизни женщина не нуждается в мистической защите от него, он только благодотворен

==202

для нее. Примечательно, впрочем, что во многих обществах с материнским правом половая жизнь очень свободна — но только в детские годы и в ранней юности женщины, когда половой акт не связан с идеей деторождения. Малиновский с некоторым удивлением рассказывает, что молодые люди, свободно занимающиеся любовью в «доме холостяков», охотно выставляют напоказ свои отношения; а дело в том, что, если девушка не замужем, считается, что она неспособна родить, и тогда половой акт воспринимается как мирное мирское развлечение. Но как только она выходит замуж, супруг, наоборот, ничем не должен выдавать свои чувства к ней, не должен к ней прикасаться, а любой намек на их интимную близость становится святотатством: а все потому, что теперь она соприкасается с грозной материнской сущностью, а половой акт становится священнодействием. Отныне он сопровождается запретами и предосторожностями. Половое сношение не разрешается во время обработки земли, сева и посадки растений: причина в данном случае заключается в том, что оплодотворяющие силы, необходимые для выращивания обильного урожая, а значит, для общего блага, не должны расходоваться в межличностных отношениях; такая экономия предписывается из почтения к связанным с плодородием силам. Но в большинстве случаев воздержание оберегает мужественность супруга; мужчине следует воздерживаться перед рыбной ловлей, перед охотой и особенно когда он собирается на войну; в союзе с женщиной мужское начало ослабевает, а потому мужчине следует избегать близости всякий раз, когда ему требуются все его силы. Возникает вопрос, вызывает ли женщина отвращение у мужчины потому, что он вообще испытывает отвращение к проявлениям пола, или наоборот. Можно констатировать, что, в частности, в Левите ночная поллюция рассматривается как нечистота, хотя женщина тут ни при чем. А в наших современных обществах опасной и греховной считается мастурбация; многие мальчики и молодые люди, предающиеся этому занятию, испытывают при этом невыносимую тревогу. Уединенное наслаждение превращается в порок из-за вмешательства общества и особенно родителей; но не один юноша испытал неожиданный испуг при виде своих первых эякуляций: любое выделение его собственной субстанции, будь то кровь или сперма, кажется ему тревожным; из него утекает его жизнь, его *мана*. В то же время, даже если субъективно мужчина может иметь некоторый эротический опыт, где женщина не присутствует, объективно она все равно присутствует в его сексуальной жизни: как говорил Платон в мифе об андрогинах, мужской организм предполагает женский организм. Обнаружив свой пол, мужчина обнаруживает женщину, даже если она не дана ему ни во плоти, ни в изображении; и наоборот, женщина страшна тем, что воплощает в себе все, что относится к полу. Никогда нельзя разделять имманентный и трансцендентный аспекты жизненного опыта: то, чего я боюсь или желаю, — всегда одно из превращений моего соб-

==203

ственного существования, но ничто не может произойти со мной без помощи того, что не является мною. «Не-я» содержится в ночных поллюциях, в эрекции, если и не в ярко выраженном женском облике, то, во всяком случае, в качестве Природы и Жизни: человек чувствует, что им овладевает

чуждая ему магия. Амбивалентность его чувств к женщине сказывается и в отношении к собственному половому признаку: он им гордится, посмеивается над ним и стыдится его. Маленький мальчик заносчиво сравнивает свой пенис с пенисами товарищей; первая эрекция вселяет в него гордость и страх. Мужчина хочет, чтобы в его члене видели символ трансцендентности и могущества; он кичится им как морщинистым мускулом и одновременно как магическим даром: это свобода, обогащенная всей случайностью данности, и данность, подвластная свободному волеизъявлению; эта противоречивость приводит мужчину в восхищение; но он подозревает об обмане; орган, с помощью которого он собирается самоутвердиться, не слушается его; он полон неутоленных желаний, напрягается неожиданно, часто облегчается во сне, то есть являет собой подозрительную и капризную жизненную силу.

Мужчина утверждает, что Дух в нем торжествует над Жизнью, активность над пассивностью; его сознание держит природу на расстоянии, его воля видоизменяет ее, но он обнаруживает в самом себе жизнь, природу и пассивность в виде полового члена. «Половые органы — это настоящий очаг воли, а противоположный ему полюс — мозг», — пишет Шопенгауэр. То, что он называет волей, — это привязанность к жизни, которая есть страдание и смерть, тогда как мозг — это мысль, дающая представление о жизни, а значит, отделившаяся от нее; половой стыд — это, считает он, стыд, который мы испытываем перед глупым упрямством своей плоти. Даже при том, что мы не разделяем свойственного его теориям пессимизма, следует признать его правоту в том, что в оппозиции половой член — мозг он видит выражение двойственного характера человека. В качестве субъекта он полагает мир и, оставаясь вне пределов полагемого им универсума, делается его властелином; если же он осознает себя как плоть, как пол, он уже не является автономным сознанием, кристально чистой свободой: он вращается в мире, он — ограниченный и обреченный на смерть объект. Конечно, акт зачатия превосходит границы тела — но он же их и устанавливает. Отец всех детей, пенис аналогичен матери-матке; мужчина, который сам вышел из зародыша, вскормленного в материнском чреве, несет в себе новые зародыши, и через это дающее жизнь семя отрицается его собственная жизнь. «Рождение детей — это смерть родителей», — сказал Гегель, Извержение семени — это предупреждение о смерти, оно утверждает примат рода над особью; наличие полового члена и его активность отрицают гордую исключительность субъекта. Именно это вытеснение духа жизнью делает половой член чем-то скандальным. Мужчина превозносит фаллос постольку, поскольку

==204

воспринимает его как трансцендентность и активность, как средство овладения Другим; но он стыдится его, когда видит в нем лишь пассивную плоть, превращающую его в игрушку темных сил Жизни. Стыд этот охотно маскируется под иронию. Чужой член легко вызывает смех; эрекция часто кажется смешной, оттого что имитирует обдуманное действие, тогда как на самом деле переносится пассивно; одно упоминание о гениталиях возбуждает веселье. Малиновский рассказывает, что дикарям, среди которых он жил, достаточно было назвать «эти стыдные места», чтобы вызвать неудержимый смех; большинство шуток, называемых фривольными или сальными, не идут дальше элементарной игры слов такого рода. У некоторых примитивных народов женщины в период прополки садов имеют право грубо изнасиловать незнакомца, который рискнет забрести в их деревню; они набрасываются на него все вместе, часто доводят до полусмерти: мужчины племени смеются над этим подвигом; такое насилие закрепляет представление о жертве как о пассивной и зависимой плоти; мужчиной овладевают женщины, а через них — и их мужья, тогда как в нормальном половом сношении мужчина стремится утвердить себя как собственник.

Но именно тогда ему предстоит с наибольшей очевидностью столкнуться с двусмысленностью своего плотского существования. Он с гордостью принимает свои половые свойства в качестве средства присвоения Другого; но эта мечта об обладании никогда не сбывается. В подлинном обладании Другой полностью уничтожается, потребляется, разрушается — но только султан из «Тысячи и одной ночи» может себе позволить обезглавливать любовниц, едва утренняя заря поднимет их из его постели; женщина переживает объятия мужчины и тем самым ускользает от него; стоит ему разжать руки, и добыча снова становится ему чужой; она опять новая, нетронутая, готовая столь же мимолетно отдаться новому любовнику. Заветная мечта мужчины — «отметить» женщину, чтобы она навсегда осталась его; но даже самый самолюбивый знает, что ничего, кроме воспоминаний, ему не останется и что самые жгучие образы холодны, если утрачено ощущение. Этому краху посвящена целая литература. Направлена она всегда против женщины, которую называют непостоянной, изменницей, потому что тело предназначает ее для мужчины вообще, а не для какого-то определенного мужчины. Больше того, ее измена коварна еще и потому, что она сама превращает любовника в добычу. Только тело может соприкоснуться с другим телом; чтобы подчинить себе желанную плоть, мужчине самому надо стать плотью; Ева дана Адаму, чтобы через нее он реализовал свою трансцендентность, а она увлекает его во мрак имманентности; оболочку тьмы, сотканную матерью для сына, из которой он так хочет вырваться, воссоздает из непроницаемой глины любовница в момент головокружительного наслаждения. Он хотел обладать — а обладают им самим. Запах, испарина, усталость, скука — столько все-

==205

го написано об унылой страсти сознания, ставшего плотью. Желание, часто таящее в себе отвращение, оборачивается отвращением, когда оно утолено. «Post coïtum homo animal triste» («После совокупления мужчина — грустное животное») — «Плоть грустна», А между тем мужчина даже не нашел в объятиях возлюбленной полного успокоения. Вскоре в нем снова пробуждается желание; и часто он не просто хочет женщину вообще, но именно эту самую женщину. Тогда она приобретает исключительно тревожную власть. Ибо мужчина воспринимает сексуальную потребность своего тела как самую обычную потребность вроде голода и жажды, не направленную ни на какой объект в частности: значит, узы, связывающие его с определенным женским телом, — это работа Другого. Это узы таинственные, как нечистое и плодовитое чрево, куда уходит корнями его жизнь, это своего рода пассивная сила — это магические узы. Набившая оскомину лексика газетных романов, где женщина описывается как волшебница, обольстительница, которая околдовывает, заговаривает мужчину, отражает древнейший, универсальнейший миф. Женщина предназначена для волшебства. Волшебство, говорил Ален, — это дух, бродящий во всех вещах; действие можно назвать волшебным, когда его никто не производит, а оно само возникает из пассивности; а на женщину мужчины всегда смотрели именно как на имманентность данности; хоть она и порождает хлеба, плоды и детей, это не является актом ее воли; она не субъект, не трансценденция, не созидательная сила, но объект, начиненный флюидами.

В обществах, где мужчина поклоняется подобным тайнам, женщина благодаря этим свойствам тоже становится частью культа и почитается как жрица; но когда мужчина стремится добиться торжества общества над природой, разума над жизнью, воли над инертной данностью, тогда женщина воспринимается как ведьма. Разница между священнослужителем и волшебником известна; первый повелевает силами, которые он покорил в полном согласии с богами и законами, на благо общины и от имени всех ее членов; волшебник действует в стороне от общества, вопреки богам и законам, руководствуясь собственными страстями. Женщина же не полностью интегрирована в мир мужчин; в качестве Другого она противостоит им; естественно, что она

пользуется имеющимися в ее распоряжении силами не для того, чтобы распространить на все мужское общество и в будущее влияние трансценденции, но, будучи сама отрезана и противопоставлена, стремится увлечь мужчин в одиночество отрезанности и во тьму имманентности. Она — сирена, из-за пения которой матросы разбивались о рифы; она — Цирцея, превращавшая своих любовников в животных, ундины, увлекающая рыбака на дно пруда. Плененный ее прелестями мужчина уже не имеет ни воли, ни проекта, ни будущего, он уже не гражданин, но тело — раб своих желаний, он

==206

вычеркнут из общежития, ограничен мгновением, пассивно поддается смене мук и наслаждений; извращенная волшебница восстанавливает страсть против долга, настоящий момент — против единства времени, она держит путника вдали от родного очага, она дарует забвение. Стремясь завладеть Другим, мужчина должен оставаться самим собой; но, ощутив крах своего стремления к невозможному обладанию, он пытается стать тем самым Другим, с которым ему не удастся воссоединиться; тогда он отчуждается, теряется, выпивает волшебный напиток, делающий его чужим самому себе, погружается в быстротечные смертные воды. Мать обрекает сына на смерть, давая ему жизнь; любовница склоняет любовника отречься от жизни и отдаться высшему сну. Связь между Любовью и Смертью была патетически воспета в легенде о Тристане, но есть в ней и более изначальная истина. Рожденный из плоти, мужчина в любви осуществляется как плоть, а плоть предназначена могиле. Тем самым подтверждается союз Женщины и Смерти; великая жница — это перевернутый лик плодородия, благодаря которому растут колосья. Но она же представляется ужасной невестой, скрывающей свой скелет под обманчивой нежностью плоти¹.

Итак, в женщине, будь то любовница или мать, мужчина прежде всего лелеет и ненавидит застывший образ собственной животной судьбы, жизнь, необходимую для его существования, но обрекающую его на конечность и смерть. В день своего появления на свет человек начинает умирать; эту истину и воплощает Мать. Зачиная, он утверждает примат вида над самим собой — именно это он постигает в объятиях супруги; в смятении и наслаждении он еще до зачатия забывает об исключительности своего «я». Даже если он пытается разделить себя и возлюбленную, в обоих очевидно для него только одно: их плотская природа. Он одновременно стремится полностью осуществиться как плоть — почитает мать, желает любовницу — и восстает против плоти с отвращением и страхом.

Есть один весьма знаменательный текст, где мы найдем синтез почти всех этих мифов, — я имею в виду то место в «Курдской ночи», где Жан-Ришар Блок описывает, как молодой Саад сжимает в объятиях женщину намного старше его, но еще красивую, во время разграбления города: «Ночь стирала контуры предметов и ощущений. И уже не женщину прижимал он к своей груди. Он наконец приближался к цели нескончаемого путешествия, длившегося с сотворения мира. Он понемногу растворялся в необъятности, колымавшейся вокруг него, бескрайней и безликой. Все женщины перепутались в одной стране, гигантской, неприступной, унылой, как желание. Например, в балете Превьера «Свидание» и в балете Кокто «Юноша и Смерть» Смерть представлена в образе молодой возлюбленной.

==207

знойной, как лето... Между тем он с робким восхищением узнавал сокрытое в женщине могущество, длинные, обтянутые атласом бедра, колени, напоминавшие два холма из слоновой кости. Когда он пробежал глазами вдоль полированной оси спины от поясницы к плечам, ему казалось, что он озирает тот самый свод, на котором зиждется мир. И снова его неотступно манил живот, упругий и нежный океан, где рождается и куда возвращается любая жизнь, пристанище из пристанищ, со своими приливами и отливами, горизонтами, безграничными просторами.

И тогда им овладело яростное желание пронзить эту восхитительную оболочку и добраться наконец до самого источника ее прелестей. Они сплелись, брошенные друг к другу одновременным порывом. Женщина теперь существовала лишь затем, чтобы разверзнуться, как земля, открыть ему свои внутренности, насытиться влагой возлюбленного. Восторг обернулся убийством. Их слияние напоминало удар кинжала.

...Он, одинокий, отъединенный, отсеченный человек, вот-вот должен был выплеснуться из собственной сущности, вырваться из темницы плоти и влиться материей и душой в универсальную материю. Ему было уготовано высочайшее, никогда ранее не испытанное счастье превзойти границы сотворенного существа, сплавить в едином восторге субъект и объект, вопрос и ответ, отсечь у бытия все, что не есть бытие, и достичь в последнем содрогании царства недостижимого.

...Каждое новое движение смычка извлекало из вибрировавшего в его руках ценного инструмента все более и более высокие ноты. Вдруг последний спазм оторвал Саада от зенита и низверг на землю, в грязь».

Желание женщины остается неутоленным, она сжимает любовника между бедрами, и он чувствует, как помимо его воли в нем снова растет желание: тогда она представляется ему враждебной силой, отнимающей у него мужество, и, снова обладая ею, он впивается зубами ей в горло, так глубоко, что убивает ее. Так завершается цикл, сложными, витиеватыми путями ведущий от матери к любовнице и к смерти.

В этой ситуации мужчина может вести себя по-разному в зависимости от того, какой аспект плотской драмы для него важнее. Если он не имеет понятия об уникальности жизни и не заботится о своей особой судьбе, если он не боится смерти, то с радостью примет свою животную природу. У мусульман женщина низведена до состояния полного ничтожества благодаря феодальной структуре общества, не допускающей вмешательства государства в дела семьи, и благодаря религии, которая, выражая воинственный идеал этой цивилизации, прямо предназначила мужчину Смерти и не оставила в женщине ничего магического: чего может бояться на земле тот, кто в любую секунду готов окунуться в сладострастные оргии магометанского рая? Мужчина, таким образом, может спокойно наслаждаться женщиной, не думая о том,

==208

чтобы защищаться от себя самого и от нее. Сказки «Тысячи и одной ночи» рассматривают ее как источник приторных наслаждений, вроде фруктов, варенья, сытных пирожных и благовоний. Сегодня такую склонность потакать собственной чувственности можно встретить у многих средиземноморских народов; щедро одаренный мгновением, не претендующий на бессмертие, южный человек, видя сияние неба и моря, воспринимает Природу в самом роскошном виде, а потому будет любить женщин, смакуя удовольствие; по традиции он достаточно презирает их,

чтобы не считать за людей: он не видит большой разницы между привлекательностью женского тела и красотой песка или воды; ни женщины, ни он сам не вызывают у него ужаса перед плотью. В «Сицилийских беседах» Витторини совершенно спокойно рассказывает о том восхищении, которое он испытал в возрасте семи лет, впервые увидев обнаженное женское тело. Греческий и римский рационализм дает обоснование этому стихийно сформировавшемуся мироощущению. Оптимистическая философия греков превзошла пифагорейское манихейство; низестоящий подчинен вышестоящему и в качестве такового полезен ему; подобные гармоничные идеологии не проявляли никакой враждебности по отношению к плоти. Человек, обращенный к небосводу Идей или к Городу и Государству, воспринимает себя как *Nous* (Ум) или как гражданина и считает, что преодолел свою животную природу: предается ли он чувственным наслаждениям или живет как аскет, женщина, прочно интегрированная в мужское общество, имеет лишь второстепенное значение. Разумеется, торжество рационализма никогда не было полным, и эротический опыт в этих цивилизациях сохраняет свой амбивалентный характер: мы можем судить об этом по обрядам, мифологиям, литературе. Но притягательные и опасные стороны женственности предстают здесь в смягченном виде. Ужасающий магнетизм женщина вновь обретает с пришествием христианства; страх перед противоположным полом — это одна из форм, в которые обращается для человека разорванность несчастного сознания. Христианин отделен от самого себя; он окончательно распадается на тело и душу, на жизнь и дух: первородный грех делает тело врагом души; все плотские привязанности представляются дурными*.

Человек может быть спасен только потому, что грехи его искуплены Христом и что взор его обращен к царству небесному; но изначально он всего лишь гниль; самым рождением он обречен

Вплоть до конца XII века теологи — за исключением святого Ансельма Кентерберийского — считали, согласно доктрине Блаженного Августина, что первородный грех содержится в самом законе размножения рода человеческого. «Похоть — это порок... рождающаяся с ее помощью человеческая плоть — это плоть греховная», — пишет Блаженный Августин. И у святого Фомы Аквинского: «Поскольку со времен первородного греха союз двух полов сопровождается похотью, грех этот передается и младенцу».

==209

14-2242

не только на смерть, но и на проклятие; только благодаря божественной благодати может открыться для него небо, но на всех превратностях его естественного существования лежит печать проклятия. Зло — это абсолютная реальность; а плоть — это грех. И разумеется, поскольку женщина по-прежнему остается Другим, никому не приходит в голову, что мужчина и женщина — плоть друг для друга; плоть, которая для христианина враждебный Другой, отождествляется с женщиной. В ней воплощены искушения земли, пола, демона. Все Отцы Церкви настаивают на том, что именно она склонила Адама к греху. Снова напрашивается высказывание Тертуллиана: «Женщина! Ты врата дьявола. Ты смогла убедить того, против которого дьявол не осмеливался выступить в открытую. Это из-за тебя Сыну Божьему пришлось умереть; тебе следовало бы всегда ходить в трауре и в лохмотьях». Вся христианская литература стремится обострить чувство отвращения, которое мужчина может испытывать по отношению к женщине. Тертуллиан определяет ее как «*Templum aedificatum super cloacam*» («Храм, возведенный над клоакой»). Блаженный Августин с ужасом подчеркивает близость половых и экскреторных органов: «*Inter foeces et urinam nascimur*» («Мы рождаемся между задним проходом и мочевым пузырем»). Отвращение христианства к женскому телу доходит до такой степени, что оно соглашается обречь

своего Бога на чудовищную смерть, только бы избавить его от скверны рождения: Эфесский собор Восточной Церкви и Латеранский собор на Западе утверждают догмат девственного рождения Христа. Первые Отцы Церкви — Ориген, Тертуллиан, Иероним — думали, что Мария рожала в крови и нечистотах, как другие женщины; но утвердилось мнение святого Амвросия и Блаженного Августина. Чрево Божьей Матери осталось закрытым. Начиная со средних веков сам факт наличия у женщины тела считался позорным. Это отвращение надолго парализовало даже развитие науки. Линней в трактате о природе обходит стороной как нечто «омерзительное» исследование женских половых органов. Французский врач Де Лоран, возмущаясь, задается вопросом, как «такое божественное животное, обладающее разумом и здравым смыслом, именуемое человеком, может испытывать влечение к непристойным частям женского тела, запачканным выделениями и постыдно расположенным в самом низу туловища». Сегодня на христианские представления накладываются многие другие влияния; да и христианство предстает в разных видах; но, например, в пуританском мире ненависть к плоти укрепились весьма прочно; она, в частности, выражается в романе Фолкнера «Свет в августе»; первые сексуальные испытания вызывают у героя тяжелейшую травму. В литературе вообще часто изображается молодой человек, у которого потрясение после первого полового акта доходит до рвоты; и если в действительности такая реакция встречается довольно редко, описывают ее так часто не

[К оглавлению](#)

[==210](#)

случайно. Так, в англосаксонских странах, проникнутых пуританским духом, большинству подростков и многим мужчинам женщина внушает ужас, признаются они в этом или нет.

Существует такое восприятие и во Франции, Мишель Лерис пишет в «Поре зрелости»: «Обычно я склонен воспринимать женский орган как что-то грязное и похожее на рану, не менее привлекательное от этого, но опасное само по себе, как все кровавое, слизистое, зараженное». Страхи эти отражаются и на представлении о венерических болезнях; не женщина пугает тем, что может передать болезнь, а болезни представляются омерзительными оттого, что происходят от женщины: мне рассказывали о молодых людях, которые воображали, что достаточно иметь частые половые сношения, чтобы получить гонорею. Охотно верят также, что в результате полового акта мужчина теряет в мускульной силе, в ясности ума, у него расходуется фосфор, притупляются органы чувств. Правда, онанизм влечет за собой те же опасности, и даже, в силу моральных причин, общество считает его более вредным, чем нормальные половые сношения. Законный брак и воля к продолжению рода предохраняют от порчи эротизма. Но я уже говорила, что в любом половом акте подспудно присутствует Другой; и обычно у него женское лицо. Именно столкнувшись с женщиной, мужчина наиболее отчетливо ощущает пассивность собственной плоти. Женщина — вампир, шлюха, пожирательница, поглотительница; ее половой орган жадно кормится органом мужчины. Некоторые психоаналитики хотели подвести под эти представления научную основу; все удовольствие, извлекаемое женщиной из полового акта, якобы происходит оттого, что она символически оскотливает мужчину и присваивает себе его член. Но, кажется, сами эти теории нуждаются в психоанализе, а врачи, которые их изобрели, перенесли в них страхи своих предков¹.

Все эти страхи проистекают из того, что в Другом, как его ни присоединяй, по-прежнему содержится «другое». В патриархальном обществе женщина сохранила многие из внушавших опасение свойств, которыми она обладала в примитивном обществе. А поэтому ее никогда не уступают Природе, но окружают табу, очищают обрядами, устанавливают над ней контроль

священнослужителей; мужчину наставляют избегать ее природной наготы, приступать к ней только через церемонии, таинства, отрывающие ее от земли, от плоти и преображающие в человеческое существо; и тогда ее магическим свойствам задают нужное направление, как молнии с изобретением громоотвода и электростанций. Появляется даже возможность использовать их в интересах сообще-

Мы уже показали, что миф о самке богомола не имеет никакой биологической основы.

==211

ства: здесь мы видим новую фазу в том колебательном движении, которое определяет отношение человека к своей самке. Он любит ее постольку, поскольку она принадлежит ему, и боится ее постольку, поскольку она остается Другим; но именно в качестве ужасного Другого он хочет сделать ее еще в большей степени своею: это и приведет к тому, что он признает за ней человеческое достоинство и станет относиться к ней как к себе подобной.

В патриархальной семье женская магия была сильно одомашнена. Женщина позволяет обществу своим посредничеством интегрировать в себе космические силы. В труде «Митра-Варуна» Дюмезиль сообщает, что в Индии, как и в Риме, у мужчины есть два способа утвердить свою власть; в Варуне и Ромуле, в гандхарвах и луперкиях — агрессивность, насилие, беспорядок, *hybris*; и тогда женщина предстает существом, которое надо захватить, взять силой; похищенные сабинянки оказываются бесплодными, и их стегают ремнями из козлиной кожи, жестокостью отвечая на жестокость. Но Митра, Нума, брахманы и фламины, наоборот, обеспечивают порядок и разумное равновесие в городе: тогда жена связывается с мужем сложными обрядами бракосочетания и, сотрудничая с ним, обеспечивает ему господство над всеми женскими силами природы; в Риме, если у фламينا Юпитера умирает жена, он слагает с себя полномочия. В Египте Исида, утратив свое всемогущество богини-матери, все же остается великодушной, улыбающейся, доброжелательной и мудрой, став блистательной супругой Озириса. А когда женщина предстает союзницей мужчины, его дополнением, его половиной, она обязательно наделена сознанием, душой; он не смог бы находиться в такой тесной зависимости от существа, не приобщенного к человеческой сущности. Мы уже видели, что законы Ману обещали законной супруге такой же рай, как и ее мужу. Чем больше мужчина индивидуализируется и отстаивает свою индивидуальность, тем больше он склонен признать в своей подруге личность и свободу. Восточный человек, не заботящийся о собственной судьбе, довольствуется самкой, она для него — объект наслаждения; мечта же западного человека, поднявшегося до осознания своей исключительности, — это чтобы его признала чья-то чужая, покорная ему свобода. Грек не находит в затворнице гинекея себе подобного существа, которое ему требуется; а потому он обращает свою любовь на партнеров мужского-пола, в чьем теле, как и в его собственном, живет сознание и свобода, или же посвящает ее гетерам, чьи независимость, культура и ум ставят их почти наравне с мужчиной. Но когда позволяют обстоятельства, именно супруга может лучше всех удовлетворить требования мужчины. Римский гражданин видит в матроне личность — в Корнелии и Аррии он владеет своим двойником. Парадоксально, но именно христианство в определенном плане провозгласит равенство мужчины и

==212

женщины. В женщине оно ненавидит плоть; но если она отречется от себя как от плоти, то станет таким же, как мужчина, Божьим созданием, искупленным Спасителем; и вот она уже вместе с мужчинами среди душ, чающих небесных радостей. И мужчины и женщины — слуги Господни, почти столь же бесполое, как ангелы, вместе при помощи благодати отвергающие земные искушения. Если женщина согласится отречься от своей животной природы, она, именно потому, что воплощала грех, станет самым радужным воплощением торжества избранных, побеждающих грех¹. Конечно, божественный Спаситель, осуществляющий искупление людей, — мужчина; но человечество должно и само позаботиться о своем спасении, и его призывают выразить свою смиренную добрую волю, приняв самый униженный и самый порочный облик. Христос — Бог; но над всеми людьми царит женщина — Дева Мария. Правда, только секты, развивающиеся вне общества, воскрешают в женщине древние преимущества великих богинь. Церковь выражает интересы патриархальной цивилизации, где женщине надлежит быть в подчинении у мужчины. Она может стать благословенной святой, если сделается его покорной рабой. Так в недрах средневековья складывается совершенно законченный образ женщины, благоволящей мужчинам: лик Матери Христа окружается сиянием славы. Это образ, обратный грешнице Еве; она попирает ногой змия; она — посредница в деле спасения, как Ева была посредницей в деле проклятия.

Женщина страшила прежде всего как Мать; значит, ее следует преобразить и покорить именно в ее материнской сущности. Негативная ценность в особенности усматривается в девственности Марии: та, через кого была искуплена плоть, сама бесплотна; никто к ней не прикасался, никто ею не обладал, У азиатской Великой Матери тоже, по преданию, не было супруга; она породила мир и царствовала над ним в одиночку; она могла быть похотливой, если вздумается, но бремя, возлагаемое на супругу, никогда не снижало ее величия как Матери. Итак, Мария не знала скверны, которую несет с собой половая жизнь. Уподобленная воительнице Минерве, она — башня из слоновой кости, цитадель, неприступная твердыня. Античные жрицы, как и большинство христианских святых, тоже были девственницами: женщина, посвященная добру, должна быть посвящена во всем великолепии своих нетронутых сил; она должна хранить свое женское начало во всей его неукротимой цельности. В Марии отказываются видеть супругу, чтобы превозносить в ней единственно Женщину-Мать. Но прославлять ее будут, только если она согласится на отведенную ей подчиненную роль. «Я служанка Господня». Впервые в ис-

Отсюда то особое место, которое отводится женщине, например, в творчестве Клоделя.

==213

тории человечества мать преклоняет колена перед сыном; она свободно признает его превосходство. В культе Марии воплощена высшая мужская победа — это реабилитация женщины через ее окончательное поражение. Иштар, Астарта, Кибела были жестоки, капризны и похотливы; они были могущественны; будучи источником смерти, равно как и жизни, они порождали мужчин и тем самым делали их своими рабами. Поскольку в христианстве жизнь и смерть зависят только от Бога, выйдя из материнского чрева, человек навсегда покидает его, а земле достанутся только его кости; судьба человека решается в таких сферах, где мать уже не имеет никакой власти; таинство крещения делает смешными церемонии сожжения или потопления плаценты. На земле больше нет места волшебству: единственный царь — Бог. Изначально природа — это зао, но она бессильна перед лицом благодати. Материнство как природное явление не дает никакой власти. Если женщина хочет изжить в себе изначальный

порок, ей ничего не остается, как склониться перед Богом, который отдает ее в подчинение мужчине. А через эту покорность она может получить новую роль в мужской мифологии. Когда она хотела господствовать, пока не отрелась во всеуслышание от своих притязаний, ее били и попирали ногами; как вассалка она может стать почитаемой. Она не теряет ни одного из своих первобытных атрибутов; они просто меняют знак; из пагубных они становятся благотворными, черная магия оборачивается белой магией. Став служанкой, женщина приобретает право на величайшие почести.

Поскольку покорена она была именно в качестве Матери, то и любить и почитать ее будут прежде всего как мать. Из двух древних ликов материнства мужчина сегодня признает только один — улыбающийся. Ограниченный во времени и пространстве, имеющий только одно тело и одну конечную жизнь, мужчина — всего лишь индивид посреди чуждых ему Природы и Истории. Ограниченная, как и он, похожая на него, ибо и в ней живет дух, женщина принадлежит Природе, через нее проходит нескончаемый поток Жизни, а значит, она выступает посредницей между индивидом и космосом. Когда мать предстала в образе утешительницы, святой, понятно, что мужчина обратился к ней с любовью. Потерявшись в природе, он старается из нее выбраться, отделившись же от нее, стремится вновь с нею воссоединиться. Мать, прочно обосновавшаяся в семье, в обществе в полном согласии с законами и нравами, — это само воплощение Добра, — и природа, к которой она причастив, тоже становится доброй; она перестает быть враждебной духу; если она и остается таинственной, то это тайна с улыбкой на устах, вроде той, что сокрыта в мадоннах Леонардо да Винчи. Мужчина не хочет быть женщиной, но мечтает вобрать в себя все сущее, а значит, и женщину, которой он не является: через культ своей матери он пытается завладеть

==214

чуждыми ему богатствами. Признать себя сыном своей матери — значит признать ее в самом себе, вобрать в себя женственность как связь с землей, с жизнью, с прошлым. Именно за этим приезжает герой «Сицилийских бесед» Витторини к своей матери: ему нужна родная земля, ее запахи и плоды, его детство, воспоминание о предках, традиции, корни, от которых оторвало его индивидуальное существование. Само ощущение связи с корнями преисполняет мужчину гордости от преодоления границ своего «я»; ему нравится любоваться собой, когда он вырывается из материнских объятий и отправляется навстречу приключениям, будущему, войне; отъезд этот был бы куда менее трогательным, если бы никто не пытался его удержать, — тогда он показался бы случайностью, а не победой, купленной дорогой ценой. Ему нравится также сознавать, что эти объятия всегда готовы принять его. После напряжения действия герой любит вновь вкушать покой имманентности возле своей матери: она для него — пристанище, сон; ощущая ласковые прикосновения ее рук, он вновь погружается в лоно природы, отдается великому потоку жизни, спокойно подхватывающему его, как утроба, как могила. Потому он и умирает, по традиции призывая мать, что под материнским взглядом сама смерть представляется прирученной, аналогичной рождению, неразрывно связанной со всей плотской жизнью. Мать продолжает ассоциироваться со смертью, как в античном мифе о парках; ей надлежит хоронить мертвых и оплакивать их. Но роль ее заключается именно в том, чтобы сделать смерть составной частью жизни, общества, добра. Поэтому культ «героических матерей» систематически поощрялся; если обществу удастся добиться, чтобы матери отдавали своих сыновей на смерть, оно начинает считать, что имеет право их убивать. Мать обладает таким влиянием на своих сыновей, что обществу выгодно прибрать ее к рукам: поэтому мать окружают всяческими знаками внимания, наделяют всевозможными добродетелями, создают вокруг нее религию, уклониться от которой нельзя под страхом святотатства и богохульства; из нее делают хранительницу морали; служа

мужчине, служа властям, она тихо-спокойно поведет детей по проторенным дорожкам. Чем более оптимистически настроено сообщество, тем скорее оно признает этот нежный авторитет и тем больше преобразится в нем мать. Американская Мом стала идиолом, описанным Филиппом Уилли в «Поколении змей», потому что официальная идеология Америки — это самая упрямая разновидность оптимизма. Прославлять мать — значит принимать рождение, жизнь и смерть одновременно в их животном и социальном виде, значит провозглашать гармонию природы и общества. Огюст Конт делает женщину божеством будущего Человечества, потому что мечтает об осуществлении этого синтеза. Но по той же самой причине все восстающие ополчаются на образ матери; глумясь над ним,

==215

они отрицают *ту* данность, которую им стараются навязать через хранительницу нравов и законов¹.

Ореол уважения над головой Матери, окружающие ее запреты оттесняют враждебное отвращение, произвольно примешивающееся к той плотской нежности, которую она внушает. И все же в скрытом виде ужас перед материнством сохраняется. В частности, интересно отметить, что во Франции еще со времен средневековья сформировался один вспомогательный миф, позволяющий свободно изливаться чувству омерзения, — это миф о Теще. От фавлю до водевилей мужчина, издеваясь над матерью своей супруги, не охраняемой никакими табу, нападает на материнство в целом. Ему ненавистна сама мысль, что любимую женщину когда-то рожали: теща — наглядный образ дряхлости, на которую она обрекла свою дочь, дав ей жизнь; ее полнота и морщины возвещают о полноте и морщинах, которые ждут новобрачную, и таким образом перед глазами оказывается печальный прообраз ее будущего; рядом с матерью она выглядит уже не индивидуальностью, а моментом в жизни рода; она уже не желанная добыча, не милая подруга, потому что ее уникальное существова-

Здесь следовало бы привести целиком стихотворение Мишеля Лериса «Мать». Вот несколько характерных отрывков: «Мать, в черном ли, в сиреневом, в лиловом, — ночная воровка, ведьма, чье тайное хозяйство дает вам жизнь, та, что качает вас, балует и в гроб кладет, когда не суждено доверить заботе ваших рук последнюю игрушку — погребенье ее морщинистого тела. <-..>

Мать — немая статуя, сам рок, возвысившийся на неоскверненном алтаре, — природа, ласкающая вас, и опьяняющий вас ветер, и мир, что целиком в вас проникает, и возносит к небесам (минуя бесчисленные витки спирали), и предаст вас тленю. <...>

Мать — юна или стара она, сияет красотой иль безобразна, великодушна иль упряма — то карикатура, ревнивое чудовище-жена, утративший величье Прототип, — ведь это как Идея (та увядшая пифия, что взгромоздилась на треножник своей заглавной буквы), которая всего лишь пародия на легкие, живые, искрящиеся мысли...

Мать — округло или сухо ее бедро, упруга или дрябла грудь — закат неотвратимый, что ждет любую женщину с рожденья, постепенное крошенье сверкающей скалы, что точит менструальная волна, растянутое погребенье — в песках пустыни лет — роскошнейшего каравана, что на себе везет груз красоты.

Мать — ангел смерти, что нас всех подстерегает, и универсума, что все объемлет, и любви, что волны времени выносят на берег, — раковина безумных очертаний (верный признак яда), что кинуть надо в глубокий водоем, та, что порождает круги для вод забытых.

Мать — лужа мрачная, что траур носит вечно по всем, по **нам** самим, — то смрадные пары, что всеми цветами радуги сияют и протыкают, надувая, пузыри ее огромной звериной тени (о стыд плоти и молока) и завесу, что должна была бы разорваться от удара молнии, рождение которой впереди...

Придет ли когда-нибудь на ум одной из этих невинных шлюх идти босыми ногами сквозь века вымаливать прощение за преступление нас на свет родить».

==216

ние растворяется в универсальной жизни. Ее особенность будто в насмешку опровергается всеобщностью, независимость духа — глубинной привязанностью к прошлому, к плоти — и эту самую насмешку мужчина объективирует в гротескном персонаже; и если в его смехе столько затаенной злобы, то это потому, что он отлично осознает: судьба его жены — это удел всякого человека и его собственный. В легендах и сказках всех стран жестокий аспект материнства воплощен также во второй супруге. Именно мачеха хочет погубить Белоснежку. В злой мачехе — вроде г-жи фишини, которая бьет Софи в книгах г-жи де Сегюр, — продолжает жить древняя Кали, носящая ожерелье из отрубленных голов.

Между тем за спиной у освященной по всем правилам Матери толпится целая когорта добрых волшебниц, поставивших на службу человеку соки трав и звездные излучения: бабушки, старушки с глазами, светящимися добротой, великодушные служанки, сестры милосердия, сиделки с удивительными руками, возлюбленная, о которой мечтал Верлен: *О женщина, с душой и льстивой и простой, Кого не удивишь ничем и кто, порой*

*Как мать, с улыбкою, вас тихо в лоб целует!*¹

Они владеют светлой тайной узловатой виноградной лозы и свежей воды; они перевязывают и врачуют раны; мудрость их — это безмолвная мудрость жизни, они понимают без слов. Рядом с ними мужчина забывает всякую гордость; он знает, как приятно вверить себя им, вновь стать ребенком, ведь борьба за влияние между ними невозможна — он не может завидовать нечеловеческим свойствам природы; а ухаживающие за ним мудрые посвященные в своей преданности признают себя его служанками; он покорен их благотворному могуществу, потому что знает, что и в покорности остается их господином. В эту благословенную армию входят все будущие матери — сестры, подруги детства, невинные девушки. И даже супругу, когда рассеиваются ее эротические чары, многие мужчины воспринимают не столько как любовницу, сколько как мать их детей. Раз мать освящена и поработана, ее можно, не страшась, обнаружить и в подруге, в свою очередь освященной и покорной. Искупление матери — это искупление плоти, а значит, и плотского союза, и супруги.

Лишенная магического оружия с помощью свадебных обрядов, экономически и социально подчиненная мужу, «добродетельная супруга» — самое ценное сокровище для мужчины. Она настолько глубоко принадлежит ему, что составляет с ним одно целое: «Ubi tu Gaïus, ego Gaïa»; она носит его имя, поклоняется его

Перевод В. Брюсова.

богам, он за нее в ответе — он зовет ее своей половиной. Он гордится женой, как и своим домом, землей, стадами, богатствами, а то и больше; через нее он демонстрирует миру свое могущество; она — его мера, причитающаяся ему на земле доля. У восточных народов женщина обязана быть полной — тогда видно, что ее хорошо кормят, а это делает честь ее господину. Чем больше у мусульманина жен и чем более цветущий у них вид, тем больше его уважают. В буржуазном обществе одна из предназначенных женщине ролей — «держаться с достоинством»: ее красота, обаяние, ум, элегантность — это внешние признаки удачливости ее мужа, равно как и кузов его автомобиля. Богатый муж одевает на жену меха и драгоценности. Тот, что победнее, хвалится ее добродетелями и талантами домашней хозяйки; самый бедный, заполучив жену, которая ему служит, считает, что и он владеет кое-чем на земле; герой «Укрощения строптивой» созывает всех соседей, чтобы показать, какой покорности и уважения он добился от жены. В каждом мужчине в той или иной степени живет царь Кандол: он выставляет напоказ жену, полагая, что демонстрирует собственные заслуги.

Но женщина не только тешит социальное тщеславие мужчины; она для него источник и более интимной гордости: он приходит в восторг оттого, что господствует над ней; когда женщина воспринимается как человек, на смену натуралистическому образу лемеха, вспахивающего борозду, приходят более одухотворенные символы; муж «формирует» свою жену не только эротически, но и морально и интеллектуально; он воспитывает ее, накладывает на нее свой отпечаток. Излюбленная мечта мужчины — пропитать вещи своей волей, смоделировать их форму, проникнуть в сущность; женщина же — это в высшей степени «мягкое тесто», которое пассивно дает себя месить и лепить, но, поддаваясь, она сопротивляется, что и позволяет мужскому действию длиться постоянно. Слишком пластичную материю губит ее податливость; что-то в женщине неуловимо ускользает из рук, и это в ней особенно ценно. Итак, мужчина властвует над реальностью, превышающей его самого, что делает эту власть особенно почетной. Женщина пробуждает в нем незнакомое существо, в котором он с гордостью узнает самого себя; в чинных супружеских оргиях он обнаруживает великолепие своей животной природы; он — Самец. Соответственно, женщина — самка, но в данном случае это слово звучит чрезвычайно лестно: самка, высиживающая, кормящая, облизывающая детенышей, защищающая и спасающая их с риском для жизни, — это пример для человека; мужчина взволнованно требует от своей подруги такого же терпения, такой же преданности. Главе семьи снова нужна Природа, но Природа, исполненная добродетелей, полезных для общества, для семьи и для него самого, — ее-то он и стремится заполучить к себе в дом. У ребенка и у мужчины есть одно общее желание — раскрыть секрет, спрятанный внутри вещи; в этом смысле мате-

рия разочаровывает: стоит разломать куклу, как ее живот оказывается снаружи, а внутри уже ничего нет; живое лоно более непроницаемо; живот женщины — это символ имманентности, глубины; частично он выдает свои секреты, например когда на лице женщины отражается наслаждение; но он и скрывает их; мужчина удерживает у себя дома невидимые трепетания жизни, причем так, что обладание не разрушает их тайны. В человеческий мир женщина переносит функции самки животного; она поддерживает жизнь, царствует в сфере имманентности; тепло и уют утробы перемещаются благодаря ей к домашнему очагу; именно она хранит и

оживляет жилище, где сложен груз прошлого и предвосхищается будущее; именно она дает жизнь грядущему поколению и кормит уже родившихся детей; благодаря ей существование, которое мужчина растрчивает в работе и действии, распространяя его на мир, собирается воедино, вновь погружаясь в свою имманентность: когда вечером он возвращается домой, он словно бросает якорь в землю; через женщину обеспечивается непрерывное течение дней; с какими бы превратностями ни пришлось ему встретиться во внешнем мире, она гарантирует повторяемость трапез, сна; она исправляет все, что разрушает или изнашивает деятельность: готовит пищу усталому работнику, ухаживает за ним во время болезни, штопает, стирает. В созданный и поддерживаемый ею супружеский мирок она привносит весь необъятный мир: она зажигает огни, разводит цветы, приручает излучения солнца, воды, земли. Один буржуазный писатель, которого цитирует Бебель, вполне серьезно говорит об этом идеале: «Мужчина хочет не только чтобы сердце той, кто будет с ним, билось для него, но и чтобы ее рука вытирала пот у него со лба, чтобы благодаря ей воссияли мир, порядок, спокойствие, безмолвная власть над ним и над всеми вещами, которые он видит каждый день, возвращаясь домой; он хочет, чтобы она напоила все вокруг тем невыразимым женским ароматом, что зовется живительным теплом семейной жизни».

Мы видим, каким одухотворенным стал образ женщины с появлением христианства; красота, тепло, уют, которые желает познать через нее мужчина, — это уже не осязаемые органами чувств качества; она уже не воплощение привлекательной видимости вещей — она становится их душой; в ее сердце есть нечто чистое, более глубокое, чем тайна плоти, нечто такое, в чем отражается истина мира. Она душа дома, семьи, очага. Она душа и более значительных сообществ — города, провинции, нации. Юнг отмечает, что города всегда ассоциировались с Матерью, потому что горожане живут в их чреве; поэтому Кибелу изображали увенчанной башнями; по той же причине принято говорить о «матери-родине»; но не только питающая почва — куда более неуловимая реальность обрела в женщине свой символ. В Ветхом завете и Апокалипсисе Иерусалим и Вавилон — не только матери, они еще и супруги. Существуют девственные города и города-блудни-

==219

цы, как Вавилон и Тир. А еще «старшей дочерью» Церкви называли Францию; Франция и Италия — латинские сестры. Статуи, олицетворяющие Францию, Рим, Германию, а также Страсбург и Лион на площади Согласия, — это женщины вне какой-либо ипостаси. Уподобление это не просто аллегорично — его с чувством повторяет множество мужчин¹.

Часто путешественник просит женщину «дать ему ключ» к тем местам, где он оказался: когда он обнимает итальянку или испанку, ему кажется, что он обладает восхитительной сущностью Италии и Испании. «Когда я приезжаю в новый город, я всегда для начала иду в бордель», — говорил один журналист. Если шоколад с корицей может полностью раскрыть для Жида Испанию, то с еще большим основанием поцелуи экзотических уст все расскажут любовнику о стране, ее флоре, фауне, традициях и культуре. Женщина не отражает политические институты и экономические богатства страны, но она воплощает одновременно ее плотскую мякоть и мистическую *ману*. От «Грациэллы» Ламартина до романов Лота и новелл Морана — везде чужеземец стремится завладеть душой края с помощью женщин. Миньон, Сильва, Мирей, Коломба, Кармен приоткрывают сокровенную истину Италии, Вале, Прованса, Корсики, Андалусии. Когда Гёте полюбила жительница Эльзаса Фредерика, это показалось немцам символом аннексии Германии; и наоборот, когда Колетт Бодош отказалась выйти замуж за немца, в глазах Барреса это выглядело как отказ Эльзаса подчиниться Германии. Он делает маленькую Беренику символом Эг-Морта и целой утонченной, любящей тепло цивилизации; в ней же

отразилась и чувственность самого писателя. Ибо в ней — душе природы, городов, мира — мужчина узнает и своего таинственного двойника; душа мужчины — Психея, женщина.

У Психеи женские черты в «Улялюме» Эдгара По; *Я брел по огромной аллее Кипарисов — с моею душой, Кипарисов — с Психеей, душой. Целовал я ее, утешая. «Что за надпись, сестра дорогая, Здесь на склепе?» — спросил я, угрюм*².

¹ Оно аллегорично в постыдном стихотворении, недавно написанном Клоделем, где он говорит об Индокитае: «Эта желтая женщина»; и наоборот, оно исполнено чувства у негритянского поэта: *Душа черной страны, где древние спят, Живет и говорит Сегодня ночью в тревожной силе изгиба твоей спины.*

² Перевод К. Чуковского.

[К оглавлению](#)

[==220](#)

А Малларме, ведя в театре диалог с «душой, или же нашей идеей» (то есть божеством, присутствующим в человеческом духе), называет ее «столь изысканной, ненормальной (sic) дамой»!.

Гармоничное Я, что не есть греза, Гибкая и твердая женщина, у которой безмолвие сменяется

Чистым действием!..

Таинственное Я... —

так обращается к ней Валери. В христианском мире на смену нимфам и феям приходит что-то другое, не столь плотское; но у домашних очагов, в пейзажах, в городах и в самих людях по-прежнему неотвязно присутствует неосязаемая женственность.

Эта истина, погребенная во мраке вещей, сияет также и на небе; будучи абсолютной имманентностью, Душа в то же время и трансцендентное, Идея. Не только города и нации, но даже абстрактные понятия и институты приобретают женские черты: Церковь, Синагога, Республика, Человечество — женщины, равно как и Мир, Война, Свобода, Революция, Победа. Идеал, который ставит перед собой человек, — это для него принципиально Другое, и он видит его в женском облике, потому что женщина — это осязаемый образ Другого; поэтому почти все аллегории, как в языке, так и в иконографии, — женщины². Душа, Идея, женщина еще и посредница между ними; она — Благодать, ведущая христианина к Богу, она — Беатриче, указующая Данте путь в потустороннем мире, Лаура, зовущая Петрарку к высочайшим вершинам поэзии. Во всех учениях, где Природа уподобляется Духу, она воплощает Гармонию, Разум, Истину. Гностические секты сделали Мудрость женщиной — Софией; ей приписывали искупление мира и даже его сотворение. Итак, женщина уже не плоть, но увенчанное славой тело; ею уже не стремятся обладать, ее почитают во всем ее нетронутым великолепии; бледные покойницы Эдгара По неуловимы, как вода, как ветер, как воспоминание; для куртуазной любви, для прециозных салонов и для всей галантной традиции женщина — уже не животное, но эфирное создание, дуновение, свет. И вот непроницаемость женственной Ночи оборачивается прозрачностью, чернота — чистотой, как в этих текстах Новалиса; «Ночной экстаз, небесный сон,

ты спустился ко мне; тихонько приподнялся пейзаж, и над ним воспарил мой дух, освобожденный, возрожденный. Текст стал облаком, а через него я различил преображенные черты Возлюбленной».

¹ Написано карандашом в театре.

Физиология мало что проясняет в этом вопросе; все лингвисты согласны в том, что распределение конкретных слов по родам совершенно случайно. Между тем во французском языке большая часть абстрактных понятий — женского рода: «красота», «честность» и т.д. А в немецком языке большая часть заимствованных, иностранных, *других* слов — женского рода: «die Bar» (бар, закусочная) и т.д.

==221

«Так и тебе мы тоже милы, темная ночь?.. Драгоценный бальзам течет из твоих рук, луч падает из твоего букета. Ты удерживаешь тяжелые крылья души. Нас охватывает смутное, неизъяснимое волнение; я вижу, как нежно и сосредоточенно склоняется надо мной серьезное, радостно испуганное лицо, и узнаю в обрамлении переплетенных волос юность Матери... Еще более небесными, чем мерцающие звезды, кажутся нам бескрайние очи, которые отверзла в нас Ночь», Исходящее от женщины притяжение поменяло свою направленность; теперь она зовет мужчину не к сердцу земли, а к небесам.

Здесь — заповеданность

Истины всей. Вечная Женственность

Тянет нас к ней¹, —

воскликает Гёте в финале второй части «Фауста».

Поскольку Дева Мария — самый законченный и наиболее почитаемый образ возрожденной и посвященной Добру женщины, интересно проследить, каким он представляется в литературе и иконографии. Вот отрывок из литаний, с которыми зывали к ней в средние века ревностные христиане: «...Высочайшая Дева, ты плодотворная Роса, Источник Радости, Канал Милосердия. Колодец с живой водой, ты умиряешь бушующее в нас пламя, Ты Сосок, из которого Бог кормит сирот молоком...

Ты Мозг, Мякиш, Ядро всего благого.

Ты Женщина без хитрости, любовь которой никогда не меняется...

Ты Купель, Снадобье для прокаженных, Искушенная в физике, равной которой не сыщешь ни в Салерно, ни в Монпелье...

Ты Дама с исцеляющими руками, и твои прекрасные, белые, длинные пальцы восстанавливают носы и рты, делают новые глаза и новые уши. Ты гасишь тех, в ком бушует пламя, оживляешь паралитиков, поднимаешь малодушных, воскресаешь мертвых».

В этих обращениях мы находим большую часть женских атрибутов, о которых шла речь. Дева Мария — это плодородие, роса, источник жизни; многие образы сближают ее с колодцем, источником, ключом; выражение «источник жизни» — одно из самых распространенных; она не созидает, но удобряет, заставляет выплеснуться на свет Божий то, что спрятано под землей. Она — реальность, скрытая глубоко под видимостью вещей; Ядро, Мозг. Она умирляет желания: она дана человеку, чтобы их утолить. Всюду, где жизни грозит опасность, она спасает и восстанавливает ее: она лечит и укрепляет. А так как жизнь исходит от Бога, она, будучи посредницей между мужчиной и жизнью, осуществ-

¹ Перевод Б. Пастернака. Букв.: «Вечная Женственность тянет нас ввысь».

==222

ляет и связь человечества с Богом. «Врата дьявола», — говорил Тертуллиан. Но преображенная, она становится вратами неба; в живописи ее изображают открывающей дверь или окно в рай или же возводящей лестницу от земли к небесам. Еще более прозрачный образ — заступница, ратующая перед Сыном за спасение человечества; на многих картинах Страшного суда Богоматерь изображена обнажающей груди и умоляющей Христа во имя своего славного материнства. В складках плаща она укрывает отпрысков рода человеческого; ее сострадательная любовь следует за ними по морям и океанам, на поле брани, через все опасности. Во имя милосердия она смягчает божественную Справедливость: мы видим изображения «Богоматери с весами», с улыбкой склоняющей в сторону Добра чаши весов, на которых взвешивают души.

Эта милосердная, нежная роль — одна из самых важных ролей, отведенных женщине. Даже всецело принадлежа обществу, женщина неуловимо проникает и за его пределы, потому что ей свойственна коварная щедрость Жизни. В некоторых случаях такое несовпадение задуманных мужчинами построений и случайности природы вызывает беспокойство; но оно становится благотворным, когда женщина, слишком покорная, чтобы угрожать творчеству мужчин, ограничивается тем, что обогащает это творчество и сглаживает чересчур резкие линии. Боги-мужчины представляют собой Судьбу; богини же обладают ничем не оправданной благожелательностью и своевольной снисходительностью. Христианскому Богу свойственна суровость Справедливости, Деве Марии — мягкость милосердия. На Земле мужчины отстаивают законы, разум, необходимость; женщина же знает об изначальной случайности самого мужчины и той необходимости, в которую он верит; отсюда и таинственная ирония, цветущая на ее губах, и ее гибкое великодушие. Она рожала в муках, она лечила раны мужчин, она кормит грудью новорожденного и хоронит мертвых; она знает о мужчине все, что уязвляет его гордость и унижает волю. Даже склоняясь перед ним, подчиняя плоть духу, она держится за плотские границы духа; она подвергает сомнению серьезность жесткой мужской архитектуры, смягчает ее углы; она привносит в нее немотивированную роскошь, непредвиденную фацию. Ее власть над мужчинами основана на том, что она нежно призывает их к скромному осознанию своего истинного положения; в этом секрет ее искушенной, болезненной, ироничной и любящей мудрости. Даже легкомыслие, своеволие, невежество у нее — милые добродетели, ибо раскрываются они и по эту и по ту сторону мира, где мужчина предпочитает жить, но не любит чувствовать себя запертым. Рядом с установленными значениями и инструментами, изготовленными для практических целей, она являет тайну нетронутых вещей; от нее по улицам городов и вспаханным полям распространяется дуновение поэзии. Поэзия стремится уловить то, что существует поверх повседневной прозы: женщина — это в высшей степени поэтическая реальность, по-

скольку на нее мужчина проецирует все, чем сам он стать не решается. Она воплощает Грезу; греза — это нечто такое, что ближе всего человеку и самое для него чуждое, чего не хочет, не делает, к чему стремится и чего никогда не достигнет; и таинственная Другая, являющая одновременно глубокую имманентность и далекую трансцендентность, сообщает грезе свои черты. Так Орелия посещает во сне Нерваля и под видом грезы открывает ему образ всего мира. «Она стала расти в ярком луче света, так что понемногу сад приобретал очертания ее тела, а клумбы и деревья становились кружевным узором, украшающим ее платье; а между тем лицо и руки ее запечатлевали свои контуры на парящих в небе алых облаках. Я терял ее из виду по мере того, как она преображалась, ибо она, казалось, теряла сознание от собственного величия. "О, не оставляй меня! — воскликнул я, — ведь вместе с тобой умирает природа"».

Вполне понятно, что женщина, составляющая существо всей поэтической деятельности мужчины, представляется ее вдохновительницей: все Музы — женщины. Муза — это посредница между Творцом и природными источниками, где он черпает вдохновение. Именно через женщину, чей дух глубоко сопрячен природе, мужчине открывается путь к исследованию бездн молчания и плодотворной ночной тьмы. Сама по себе Муза ничего не создает; это остепеневшаяся Сивилла, послушно ставшая служанкой своего господина. Ее советы могут пригодиться даже в конкретных и практических областях. Мужчина хочет добиваться придуманных им целей без помощи себе подобных, и если свое мнение высказал бы другой мужчина, он нашел бы его назойливым; однако он воображает, что женщина говорит с ним от имени других ценностей, от имени другой мудрости, на обладание которой он и не претендует, в которой больше инстинктивного, больше непосредственной связи с реальностью; Эгерия сообщает вопрошающему то, что подсказывает ей «интуиция»; самолюбие не мешает ему советоваться с ней, это как если бы он просил совета у звезд. Эта «интуиция» проникает даже в дела и политику: Аспазия и г-жа де Ментенон и сегодня делают головокружительную карьеру¹.

Есть еще одна функция, которую мужчина охотно доверяет женщине: будучи целью деятельности мужчин и источником их решений, она тем самым оказывается мерой ценностей. В ней обнаруживаются качества оптимального судьи. Мужчина мечтает о Другом не только для того, чтобы им обладать, но и для того, чтобы найти подтверждение своим действиям; если он станет искать подтверждения у мужчин, у ему подобных, это потребует от него постоянного напряжения; поэтому он хочет, чтобы какой-нибудь взгляд извне сообщил его жизни, его деятельности и ему самому

¹ Само собой разумеется, что в действительности они проявляют интеллектуальные способности, абсолютно идентичные мужским.

абсолютную ценность. Взгляд Бога недостижим, чужд, тревожен; даже в эпохи большой веры только нескольким мистикам довелось испытать его жгучее воздействие. Эта божественная роль часто возлагается на женщину. Живя рядом с мужчиной и под его властью, она не полагает

никаких чуждых ему ценностей — и в то же время, в качестве Другого, остается вне мужского мира, а значит, сохраняет способность воспринимать его объективно. Именно она в каждом конкретном случае укажет на наличие или отсутствие мужества, силы, красоты, опираясь на полученную извне универсальную оценку этих качеств. Мужчины слишком заняты своими отношениями сотрудничества или борьбы, чтобы быть публикой друг для друга: они друг за другом не наблюдают. Женщина же остается в стороне от их деятельности, не участвует в поединках и битвах; самым своим положением она предназначается на роль зрителя. Рыцарь бьется на турнире ради своей дамы; поэты добиваются одобрения женщин. Когда Растиньяк хочет завоевать Париж, он прежде всего решает иметь женщин, не столько для того, чтобы обладать ими телесно, сколько для того, чтобы пользоваться репутацией, которую могут обеспечить мужчине только они одни. На своих молодых героев Бальзак проецировал историю собственной юности; его становление проходило под опекой любовниц старше его по возрасту; и не только в «Лилии в долине» женщина играет роль воспитательницы; та же роль отводится ей и в «Воспитании чувств», и в романах Стендаля, и во многих других романах воспитания. Мы уже видели, что женщина — одновременно «физис» и «антифизис»; равно как и Природу, она воплощает Общество; в ней находят отражение цивилизация определенной эпохи, ее культура, о чем можно судить по куртуазной лирике, «Декамерону», «Астрее»; она вводит новую моду, правит салонами, направляет и отражает общественное мнение. Известность, слава — это женщины. «Толпа — женщина», — говорил Малларме.

Заручившись покровительством женщин, молодой человек приобщается к «свету» и к той сложной реальности, что зовется «жизнью». Она — одна из излюбленных целей, к которым стремится герой, авантюрист, индивидуалист. Мы видим, как в античности Персей освобождает Андромеду, Орфей ищет в подземном царстве Эвридику, а Троя сражается, чтобы сохранить Прекрасную Елену. Рыцарские романы едва ли знают иную доблесть, кроме освобождения пленных принцесс. Что бы делал Прекрасный Принц, если бы ему не надо было будить Спящую Красавицу и осыпать дарами Ослиную Шкуру? Миф о короле, который женится на пастушке, столь же лестен для мужчины, как и для женщины. Богатый мужчина испытывает потребность дарить, иначе его бесполезное богатство останется абстрактным; ему нужно, чтобы было кому дарить. Миф о Золушке, который с умилением описывает Филипп Уилли в «Поколении змей», пользуется особенно большим успехом в процветающих странах; в Америке он

==225

15-2242

распространен больше, чем где бы то ни было, потому что мужчины там чувствуют себя более обремененными своим богатством: всю жизнь они бьются над тем, чтобы заработать деньги, так как же их тратить, если не посвятить себя женщине? Орсон Уэллс, в частности, воплотил в «Гражданине Кэине» империалистическую природу этого ложного великодушия: Кэйн решает засыпать дарами никому не известную певичку и навязать ее публике как великую певицу единственно для утверждения собственного могущества; таких граждан Кэйнов в миниатюре немало найдется и во Франции. В другом фильме, «Лезвии бритвы», герой возвращается из Индии, достигнув абсолютной мудрости, и единственное применение, которое он ей находит, — это подобрать проститутку. Разумеется, воображая себя таким дарителем, освободителем, искупителем, мужчина желает еще и порабощения женщины; ведь чтобы разбудить Спящую Красавицу, надо, чтобы она спала; чтобы были пленные принцессы, нужны людоеды и драконы. Между тем чем больше мужчине по душе трудные подвиги, тем больше удовольствия он получит, предоставив женщине независимость. Побеждать — это еще заманчивее, чем освобождать или

дарить. Идеал среднего западного мужчины — это женщина, которая свободно признает его господство, не принимает безоговорочно его идей, но уступает его доводам, которая умно противостоит ему, чтобы в конце концов дать себя убедить. Чем увереннее чувствует себя его гордость, тем больше ему нравятся приключения потруднее; куда лучше укротить Пентесилею, чем жениться на послушной Золушке. «Воин любит опасность и игру, — говорит Ницше, — поэтому он любит женщину, ибо она — самая опасная из игр». Мужчина, любящий опасность и игру, не без удовольствия смотрит, как женщина превращается в амазонку, если ему удастся сохранить надежду ее покорить¹, в глубине души ему нужно, чтобы эта борьба оставалась для него игрой, тогда как женщина ставит на карту свою судьбу; это и есть истинная победа мужчины, освободителя или победителя: женщина должна добровольно признать его своей судьбой.

Итак, в выражении «иметь женщину» кроется двойной смысл: функции объекта и судьбы связаны друг с другом. Раз женщина воспринимается как личность, ее можно завоевать только с ее согласия; ее надо заслужить. Улыбка Спящей Красавицы вознаграждает Прекрасного Принца — слезы счастья и благодарности пленных принцесс становятся истинной мерой доблести рыцаря. А с другой стороны, в ее взгляде нет абстрактной суровости, как у

¹ Поразительным тому примером могут служить американские или написанные на американский манер детективы. В частности, герои Питера Чейни всегда борются с какой-нибудь крайне опасной женщиной, неукротимой для всех, кроме них: после длящейся на протяжении всего романа дуэли она наконец признает победу Кэмпбелла или Колхэма и падает в его объятия.

==226

мужчин, этот взгляд дает очаровать себя. И таким образом героизм и поэзия становятся способами соблазна: но, позволяя себя соблазнять, женщина вдохновляет мужчину на героизм и поэзию. В глазах индивидуалиста у нее есть и более существенное преимущество: она представляется ему не только мерой общепризнанных ценностей, но и отражением его собственных заслуг и самого его существа. Мужчины оценивают себе подобного в соответствии с тем, что он совершил, объективно, руководствуясь принятыми мерками. Но некоторые его свойства, в частности свойства, относящиеся непосредственно к жизни, могут интересовать только женщину; он может быть мужественным, обаятельным, удачливым, нежным, жестоким только по отношению к ней: и если он ценит в себе эти не столь очевидные качества, его потребность в женщине становится абсолютной; благодаря ей он познает чудо увидеть самого себя как Другого — Другого, который в то же время его самое глубокое «я». У Мальро есть одно место, где он замечательно показывает, чего ждет индивидуалист от любимой женщины. Кийо спрашивает себя; «Голоса других людей мы слышим ушами, а наш собственный — горлом. Да. Жизнь нашу мы тоже слышим горлом, а жизнь других?... Для других я — то, что я сделал... Только для Мэй он не был тем, что он сделал; только для него она была не его биографией, а чем-то совсем иным. Объятия, которыми пользуется любовь, чтобы прилепить одно существо к другому наперекор одиночеству, были даны в помощь не человеку, но безумцу, несравненному чудовищу, которое лучше всего того, чем любое существо является для себя самого, и образ которого он лелеет в своем сердце. С тех пор как умерла мать, Мэй была единственным существом, для которого он был не Кийо Жизором, а воплощением теснейшего сообщничества... Мужчин я не считаю себе подобными, это люди, которые смотрят на меня и судят меня; себе подобными я считаю тех, кто любит меня и не смотрит на меня, кто любит меня вопреки всему, вопреки деградации, низости, предательству, меня, а не то, что я сделал или сделаю, кто будет любить меня до тех пор, пока я сам буду любить себя, вплоть даже до самоубийства»-. Человечным и трогательным отношением Кийо выглядит оттого, что содержит в себе взаимность, оттого, что он просит Мэй любить его таким, каков он

есть, а не предлагать его приукрашенное отражение. Требования многих мужчин куда более низменны; вместо точного отображения они пытаются найти в глубине двух живых глаз свой образ в ореоле восхищения и благодарности, образ обожествленный. Женщину еще и потому так часто сравнивают с водой, что она — зеркало, в которое глядится мужчина-Нарцисс: он склоняется над ней, с чистым сердцем или исполненный коварства. Но, во всяком случае, ему надо, чтобы она была вне его всем, чего он не может

«Условия человеческого существования».

==227

15.

уловить в себе, потому что внутренний мир человека — всего лишь ничто и, чтобы добраться до себя самого, он должен проецировать себя на объект. Женщина для него — высшая награда, поскольку она в чуждой ему форме, которой он может обладать телесно, является его апофеозом. Когда он сжимает в объятиях существо, которое в его глазах вобрало в себя Мир и которому он навязал свои ценности и свои законы, он обнимает то самое «несравненное чудовище», себя самого. И тогда, соединившись с Другим, которого он сделал своим, он надеется добраться до себя самого. Сокровище, добыча, игра и риск, муза, наставница, судья, посредница, зеркало, женщина — это Другой, в котором Субъект превосходит себя, не будучи ограниченным, который противостоит ему, его не отрицая; она — Другой, который дает себя присоединить, не переставая быть Другим. И это делает ее настолько необходимой для радости мужчины и для его торжества, что можно даже сказать; если бы ее не было, мужчины выдумали бы ее.

Они и выдумали¹. Но она существует и помимо их вымысла. А поэтому она одновременно и воплощение их мечты и ее крах. Нет ни одной ипостаси женщины, которая тут же не влекла бы за собой свою противоположность: она Жизнь и Смерть, Природа и Искусственность, Свет и Тьма, В каком бы аспекте мы ни стали ее рассматривать, везде найдем все то же колебание, поскольку несущественное непременно оборачивается существенным. В образе Девы — Богоматери и Беатриче продолжают жить Ева и Цирцея.

«Через женщину, — пишет Кьеркегор, — в жизнь является идеальность, а чем был бы без нее человек? Множество мужчин стали гениями благодаря молодой девушке, но ни один из них не стал гением благодаря молодой девушке, чью руку ему удалось получить...»

«Только при негативном отношении женщина дает мужчине возможность созидать в идеальности... Негативные отношения с женщиной могут сделать нас бесконечными... позитивные отношения с женщиной делают мужчину конечным в сколь угодно протяженных пропорциях»². То есть женщина необходима в той мере, в какой продолжает оставаться Идеей, на которую мужчина проецирует собственную трансцендентность; но она губительна в качестве объективной реальности, существующей для себя и в себе ограниченной. Кьеркегор считает, что установил с женщиной единственно приемлемые отношения, отказавшись жениться на своей невесте. И он прав в том смысле, что миф о женщине, полагаемой как бесконечно Другое, сразу же влечет и свое опровержение.

¹ «Мужчина создал женщину — из чего же? Из ребра своего бога, своего идеала» (Ницше. Сумерки кумиров).

==228

А так как она — поддельное Бесконечное, неистинный Идеал, то она оказывается конечностью, посредственностью и одновременно — ложью. Такой она выглядит у Лафорга; все его творчество выражает затаенную обиду из-за некоей мистификации, в которой он одинаково винит мужчину и женщину. Офелия и Саломея — на самом деле всего лишь «маленькие женщины». Гамлет думает: «Итак, Офелия любила бы меня как свое «добро» и потому лишь, что социально и морально я выше, чем добро ее подружек. А какие мелкие фразочки вырывались бы у нее в тот час, когда над благополучием и уютом зажигают свет!» Женщина побуждает мужчину мечтать, тогда как сама думает об уюте и мясе с овощами; ей говорят о душе, а она — всего лишь тело. Любовник верит, что преследует идеал, а сам между тем оказывается игрушкой природы, которая использует все свои мистические свойства в целях воспроизводства. На самом деле она представляет собой повседневность; в ней воплотились глупость, осторожность, мелочность, скука. Это выражено, в частности, в стихотворении, озаглавленном «Наша подружка»; *...J'ai l'art de toutes les écoles J'ai des âmes pour tous les goûts Cueillez la fleur de mes visages Buvez ma bouche et non ma voix Et n'en cherchez pas davantage: Nul n'y vit clair pas même moi. Nos amours ne sont pas égales Pour que je vous tende la main Vous n'êtes que de naïfs mâles Je suis l'Eternel féminin! Mon But se perd dans les Etoiles! C'est moi qui suis la Grande Isis! Nul ne m'a retroussé mon voile Ne songez qu'à mes oasis...*¹

...Мне подвластно искусство всех школ, У меня есть души на любой вкус, Возьмите лучшее из моих лиц, Пейте мои уста, но не мой голос И не стремитесь к большему: Никто не может в этом разобраться, даже я.

И я не могу протянуть вам руку, Ибо любовь у нас разная, Ведь вы всего лишь наивные мужчины, А я — Вешая Женственность!

Цель моя теряется в Звездах!

Великая Исида — это я!

Никто не заглядывал под мою вуаль, Думайте только о моих оазисах...

==229

Мужчине удалось поработить женщину, но добился он этого ценой потери всего того, что делало обладание желанным. Женская магия, вовлеченная в семью и в общество, не преобразуется, а рассеивается; низведенная до положения прислуги, женщина уже не может быть той неукротимой добычей, в которой воплощались все сокровища природы. С момента зарождения куртуазной любви стало общим местом, что брак убивает любовь. Слишком презираемая или слишком уважаемая, слишком повседневная, супруга перестает быть эротическим объектом. Свадебные обряды изначально призваны защитить мужчину от женщины; она становится его собственностью: но все, чем мы владеем, в свою очередь владеет нами; для мужчины брак — тоже

тяжкая обязанность; и таким образом он попадает в ловушку, расставленную природой: за то, что когда-то мужчина пожелал свежую молодую девушку, он обязан всю жизнь кормить толстую матрону и высохшую старуху; хрупкая жемчужина, призванная украсить его существование, становится отвратительным бременем: Ксантиппа — это один из тех женских образов, о которых мужчины всегда говорили с величайшим ужасом¹. Но даже когда женщина молода, брак содержит в себе мистификацию, поскольку, стремясь привести эротизм в соответствие с требованиями общества, он может только убить его. А дело в том, что эротизм предполагает преобладание мгновения над временем, личности над коллективом; он утверждает разделение, а не связь, он противится любой регламентации; он содержит в себе враждебное обществу начало. Нравы никогда не подчинялись суровости установлений и законов; любовь во все времена утверждала себя вопреки им. В Греции и Риме чувственный лик любви был обращен к молодым людям и куртизанкам; одновременно плотская и платоническая куртуазная любовь предназначалась чужим женам. Тристан — это эпос адольтера. На рубеже XIX—XX веков, когда миф о женщине был создан заново, адольтер становится темой всей литературы. Некоторые писатели, как, например, Бернштейн, изо всех сил отстаивая буржуазные институты, пытаются вернуть браку эротизм и любовь; но куда правдивее «Влюбленная» Порто-Риша, где показана несовместимость этих двух систем ценностей. Адольтер может исчезнуть только вместе с браком. Ведь в некотором роде цель брака — привить мужчине иммунитет против *собственной* жены, остальные же женщины сохраняют в его глазах головокружительную привлекательность; к ним-то он и обращается. Женщины вступают в заговор. Они восстают против порядка, стремящегося их полностью обезоружить. Чтобы вырвать женщину у Природы, чтобы подчинить ее мужчине с помощью церемоний и контрактов, в ней признают человеческую личность

¹ Мы видели, что и в Древней Греции, и в средние века это была тема многочисленных жалоб и стенаний.

[К оглавлению](#)

[==230](#)

и наделяют ее свободой. Но свобода — это как раз то, что не поддается никакому подчинению; а если ее предоставляют существу, изначально обладающему губительной мощью, она становится опасной. Опасность эта возрастает оттого, что мужчина ограничивается полумерами; он принимает женщину в мужской мир, только делая ее прислугой и лишая трансцендентности; и полученная ею в приданое свобода может найти лишь негативное применение — она выражается в отказе от самой себя.

Только попав в неволю, женщина стала свободной; она отрекается от этой человеческой привилегии, чтобы вновь обрести мощь природного объекта. Днем она лицемерно играет роль послушной служанки, а ночью превращается в кошку, в лань; она снова покрывается чешуей сирены или, оседлав метлу, улетает водить сатанинские хороводы. Иногда эту ночную магию она обращает прямо на своего мужа; но куда предусмотрительнее скрыть свои метаморфозы от хозяина; в качестве жертвы избираются посторонние; они не имеют на нее прав, и для них она остается растением, источником, звездой, чародейкой. Получается, что неверность — ее предназначение; это единственный конкретный лик, который может обрести ее свобода. Она неверна даже независимо от своих желаний, мыслей, сознания; раз ее воспринимают как объект, она попадает в распоряжение любой субъективности, которая захочет ею завладеть; даже если ее запирают в гареме и прячут под покрывалами, нельзя быть уверенным, что она ни у кого не возбудит желания — а возбудить желание у постороннего уже значит нанести урон супругу и

обществу. Но кроме того, она часто сама становится сообщницей этой предопределенности; только ложью и изменой может она доказать, что никому не принадлежит, и пойти наперекор мужским притязаниям. Потому-то так быстро возбуждается мужская ревность; мы знаем по легендам, что женщина может быть заподозрена без всякой причины и осуждена по малейшему подозрению, как Женестьева Брабантская или Дездемона; и даже без всякого подозрения Гризельду подвергают тяжелейшим испытаниям; легенда эта была бы лишена всякого смысла, если бы женщина изначально не казалась подозрительной; ее вину не надо доказывать — это она должна убеждать в своей невинности. А потому ревность может быть неутолимой; мы уже говорили, что обладание никогда не может быть реализовано позитивно; человек не станет обладателем источника, из которого пьет воду, даже если запретит пить из него всем остальным, — и ревнивцу это хорошо известно. Женщина по сути своей такая же непостоянная, как вода — жидкая; и никакая человеческая сила не может идти вразрез с природной истиной. Во всей мировой литературе, будь то «Тысяча и одна ночь»^{lulu} «Декамерон», мы видим, как женские хитрости торжествуют над мужской осторожностью. В то же время мужчина делается "чоремщиком, исходя не только из своей индивидуалистской воли: общество делает его — отца, брата, супруга — ответственным за

==231

поведение женщины. Ей предписывается блюсти целомудрие по соображениям экономического и религиозного свойства, поскольку каждый гражданин должен быть освидетельствован как сын своего отца. Но очень важно также обязать женщину в точности соответствовать той роли, которую предназначило ей общество. Мужчина предъявляет к женщине двойственное требование, чем обрекает ее на двуличие: он хочет, чтобы она принадлежала ему и в то же время оставалась чужой; он мечтает о служанке и ведьме одновременно. Но только в первом из этих желаний он признается публично; второе требование — скрытое, он прячет его в тайнике своего сердца, своей плоти; оно идет вразрез с моралью общества; оно — злое, как Другой, как строптивая природа, как «дурная женщина». Человек не посвящает себя всецело Добру, которое сам созидает, и которому вроде бы велит следовать; он сохраняет постыдную тайную связь со Злом. Но везде, где последнее дерзнет неосторожно показаться с открытым лицом, он объявляет ему войну. В ночном сумраке мужчина склоняет женщину к греху. Но среди бела дня он отвергает и грех, и грешницу. Женщины же, будучи грешницами в таинственном постельном ритуале, с тем большей страстью предаются публичному поклонению добродетели.

Подобно тому как мужской половой член был в первобытных обществах чем-то мирским, тогда как женский орган наделялся религиозными и магическими свойствами, вина мужчины в обществах более современных считается лишь незначительной выходкой; часто к ней относятся снисходительно; даже нарушив законы сообщества, мужчина продолжает ему принадлежать; это просто непутевое дитя, не несущее в себе угрозы глубинным основам коллективного порядка. Если же женщина ускользает от общества, она возвращается к Природе и демону и внутри коллектива выпускает на волю неконтролируемые силы зла. К порицанию, которое вызывает бесстыдное поведение, всегда примешивается страх. Если мужу не удастся удержать жену в рамках добродетели, ее вина распространяется и на него; его несчастье в глазах общества выглядит бесчестьем; нравы бывают настолько суровыми, что ему приходится убить преступницу, чтобы отмежеваться от ее преступления. В иных цивилизациях снисходительного супруга могут подвергнуть публичному осмеянию или же посадить голым на осла и провезти по улицам. Общество же позаботится и о том, чтобы вместо него покарать виновную, ибо она нанесла оскорбление не ему одному, а всему коллективу в целом. Исключительно суровыми были эти обычаи в суверенной, мистической, чувственной, запуганной плотью Испании. Кальдерон, Лорка,

Валлье Инклан посвятили этой теме множество драм. В «Доме Бернарды Альбы» Лорки деревенские кумушки хотят наказать соблазненную девушку, приложив раскаленный уголь «к месту, которым она согрешила». В «Божественных речах» Валлье Инклана неверная жена представляется ведьмой, танцующей с демоном;

==232

когда обнаруживается ее вина, вся деревня сбегается, чтобы сорвать с нее одежды, а потом утопить ее. Многие обычаи требовали именно раздеть грешницу; потом ее забрасывали камнями, как свидетельствует Евангелие, заживо хоронили, топили, сжигали. Смысл всех этих казней в том, что ее возвращали Природе, лишив прежде социального достоинства; своим грехом она выпустила на волю злые природные токи — искупление представляло собой нечто вроде священной оргии, когда, срывая одежды, избивая, умерщвляя виновную, женщины в свою очередь выпускали на волю флюиды, таинственные, но благотворные, поскольку действовали эти женщины в согласии с обществом.

Эта дикая суровость теряется по мере того, как ослабевают суеверия и развеивается страх. Однако в деревнях с недоверием смотрят на цыганок, у которых нет ни Бога, ни кола ни двора. Женщина, свободно пускающая в ход свои чары, — авантюристка, вамп, роковая женщина — по-прежнему вызывает опасение. В дурной женщине голливудских фильмов просматривается образ Цирцеи. Женщин сжигали как ведьм просто потому, что они были красивыми. А в ханжеском трепете, который ощущает провинциальная добродетель при виде женщин, ведущих дурную жизнь, продолжает жить ужас былых времен.

Именно эти опасности превращают женщину в захватывающую игру для мужчины, склонного к авантюризму. Отказавшись от прав супруга, не желая опираться на общественные законы, он хочет попробовать победить ее в одиночном бою. Он пытается присвоить женщину вместе со всем ее сопротивлением; он преследует в ней ту самую свободу, благодаря которой она от него ускользает. Тщетно. Здесь недооценивается свобода: свободная женщина часто остается свободной вопреки мужчине. Даже Спящая Красавица может, проснувшись, проявить недовольство, не узнать в том, кто ее будит, Прекрасного Принца и не улыбнуться. Это как раз случай Гражданина Кэйна: его подопечная воспринимается как угнетенная, а под великодушием его проступает стремление к могуществу и тирании; жена героя равнодушно слушает рассказы о его подвигах, Муза, о которой мечтает поэт, зевает, внимая его стихам. Амазонка может, заскучав, отказаться от боя, а может и выйти из него победительницей. Римлянки периода упадка и многие нынешние американки навязывают мужчинам свои капризы или свой закон. Где же Золушка? Мужчина хотел давать, и вдруг женщина начинает брать. Теперь уже не до игры — надо защищаться. С тех пор как женщина свободна, у нее есть лишь та судьба, которую она сама себе свободно создает. Отношения полов становятся отношениями борьбы. Став для мужчины ему подобной, она выглядит столь же устрашающе, как в те времена, когда она противостояла ему как чуждая природа. Кормящая, преданная, терпеливая самка оборачивается жадным, ненасытным зверем. Дурная женщина также уходит корнями в Землю, в Жизнь; но земля — это яма, а жизнь — беспощадная битва;

==233

на смену мифу о хлопотливой пчеле, о курице-наседке приходит миф о ненасытных насекомых: о самке богомола, о паучихе; женщина видится уже не кормящей детенышей, но съедающей самца;

яйцеклетка — уже не кладезь изобилия, но ловушка из инертной материи, в которой тонет оскопленный сперматозоид; матка, эта теплая, мирная и надежная пещера, становится засасывающим спрутом, плотоядным растением, пропастью содрогающегося сумрака; в ней живет змея, ненасытно поглощающая мужскую силу. Та же диалектика превращает эротический объект в волшебницу, занимающуюся черной магией, служанку — в предательницу, Золушку — в людоедку и вообще делает женщину врагом; так приходится расплачиваться мужчине за то, что он, покривив душой, утвердил себя как единственно существующее.

Между тем и это враждебное лицо — не окончательный облик женщины. Скорее, манихейство проникает в среду самих женщин. Пифагор ассоциировал доброе начало с мужчиной, а злое — с женщиной. Мужчины попытались преодолеть зло, присвоив себе женщину; частично им это удалось; но подобно тому, как христианство, принеся с собой идеи искупления и спасения, наделило слово «проклятие» всей полнотой смысла, так и дурная женщина полностью проявилась, столкнувшись лицом к лицу с женщиной освященной. На протяжении всех споров о женщине, длящихся со средних веков и по сей день, некоторые мужчины согласны признать только благословенную женщину своей мечты, другие же — проклятую женщину, этой мечте противоречащую. Но на самом деле мужчина потому и может обрести в женщине *все*, что у нее одновременно оба эти лица. Она — плотское, живое отражение всех ценностей и антиценностей, благодаря которым жизнь имеет смысл. Вот они, как на ладони, Добро и Зло, противостоящие друг другу в облике преданной Матери и коварной Любовницы; в древнеанглийской балладе «Сын мой Рэндал» молодой рыцарь умирает на руках у матери, отравленный своей любовницей. «Смола» Ришпена повествует о том же, только с большей патетикой и с изрядной долей дурного вкуса. Ангелоподобная Микаэла противопоставляется черной Кармен. Мать, верная невеста, терпеливая супруга заняты тем, что перевязывают раны, нанесенные мужчинам в сердце вампами и колдуньями. Между этими двумя ярко выраженными полюсами вырисовывается множество двусмысленных образов, жалких, ненавистных, грешных, жертв, кокеток, слабых, ангельских, демонических. А отсюда — множество типов поведения и чувств, влекущих к себе мужчину и его обогащающих.

Его завораживает сама сложность женщины: вот она, великолепная супруга, которой он может восхищаться по сходной цене. Кто она — ангел или демон? Неоднозначность превращает ее в Сфинкса, Под его покровительство был отдан один из известнейших публичных домов в Париже. В великую эпоху Женственности, во времена корсетов, Поля Бурже, Анри Батая и френч-кан-

==234

кана неистощимая тема Сфинкса неистовствует в комедиях, стихах и песнях: «Кто ты, откуда ты, загадочный Сфинкс?» До сих пор люди продолжают мечтать и спорить о женской тайне. Именно для того, чтобы сохранить эту тайну, мужчины долго умоляли женщин не отказываться от длинных платьев, нижних юбок, вуалей, длинных перчаток, высоких ботинок — все, что подчеркивает в Другом его отличие, делает его более желанным, поскольку мужчина хочет присвоить себе Другого именно как такового. Мы видим, как Ален-Фурнье в своих письмах упрекает англичанок за мальчишеское рукопожатие — его приводит в волнение стыдливая сдержанность француенок. Чтобы женщине могли поклоняться как далекой принцессе, она должна оставаться таинственной, неведомой; не похоже, чтобы Фурнье был чересчур почтителен к женщинам, встретившимся ему в жизни, но все, что было чудесного в детстве, юности, всю ностальгию по потерянному раю он воплотил в женщине — женщине, чья основная добродетель — быть недоступной. Белым с золотом нарисовал он портрет Ивонн де Гале. Но мужчинам милы даже женские недостатки, если за ними кроется тайна. «У женщины должны быть капризы», —

авторитетно заявил один мужчина благоразумной женщине. Каприз непредсказуем; он сообщает женщине постоянно меняющуюся грацию струящейся воды; ложь украшает ее сверкающими переливами; кокетство и даже развращенность придают ей опьяняющий аромат. Именно такая разочаровывающая, ускользающая, непонятная, двуличная, она лучше всего соответствует противоречивым желаниям мужчин; она — Майя с ее бесчисленными превращениями. Стало уже общим местом изображать Сфинкса в виде молодой девушки; мужчины считают девственность одной из самых волнующих тайн, тем более что сами они ведут себя намного вольнее; чистота молодой девушки позволяет надеяться, что под невинностью скрывается развращенность и самые разнообразные пороки; еще близкая животному и растительному миру, уже послушная принятым в обществе обычаям, она и не ребенок и не взрослая; ее робкая женственность вызывает не страх, а только умеренное беспокойство. Понятно, что такому воплощению женской тайны отдается предпочтение. Однако, поскольку «настоящая девушка» исчезает, ее культ немного устарел. Зато тип проститутки, чей облик Гантийон придает Майе в одной нашумевшей пьесе, во многом сохраняет свой престиж. Это один из самых пластичных женских типов, дающих наибольший простор для великой игры пороков и добродетелей.

Для робеющего пуританина она воплощает зло, стыд, болезнь, проклятье; она вызывает ужас и отвращение; она не принадлежит никому из мужчин, но отдается всем и живет на вырученные средства; тем самым она обретает ужасающую независимость похотливых богинь-матерей первобытной эпохи и воплощает Женственность, не утвержденную мужским обществом, по-прежнему несущую в себе пагубные силы; во время полового ак-

==235

та мужчина не может воображать, что обладает ею, — это он оказывается во власти демонов плоти; англосаксы, в глазах которых плоть в той или иной степени проклята, особенно остро ощущают при этом унижение, нечистоту. Зато мужчине, не чужающемуся плоти, нравится, что в проститутке она утверждает себя щедро и вызывающе; он увидит в ней прославление женственности, не опошленной никакой моралью; на теле ее он обнаружит магические свойства, некогда роднившие женщину со светилами и морями; когда мужчина вроде Миллера спит с проституткой, он воображает, что исследует пропасти жизни, смерти, космоса; он соединяется с Богом в глубине влажного мрака гостеприимного влагалища. Поскольку падшая женщина — своего рода пария, изгнанная из мира лицемерной морали, ее можно рассматривать как опровержение всякой официальной добродетели; сама низость падения роднит ее с настоящими святыми; ибо кто был унижен, возвысится; Христос благосклонно отнесся к Марии Магдалине; грех отворяет небесные врата скорее, чем притворная добродетель. А потому именно у ног Сони Раскольников поступает мужским высокомерием и гордыней, приведшими его к преступлению; убийство распалило в нем стремление к разрыву, живущее в каждом мужчине, — и смиренная, всеми покинутая, униженная проститутка может лучше, чем кто бы то ни было, принять у него признание и раскаяние¹. Выражение «*fille perdue*» — «потерянная девица» вызывает волнующие ассоциации; многие мужчины мечтают потерять себя; это не так-то просто, не всем удастся легко и естественно достичь Зла в его позитивном обличье; даже демонам претят чрезмерные преступления; женщина позволяет себе, не слишком рискуя, служить черные мессы, где Сатану упоминают, но специально не приглашают; она вне мужского мира — и связанные с ней действия на самом деле не ведут ни к каким последствиям; в то же время она человек, а значит, с помощью нее можно выразить протест против человеческих законов. От Мюссе до Жоржа Батая самый омерзительный и соблазнительный разврат — это посещение «девиц». Именно в женщинах ищут Сад и Захер-Мазох удовлетворения одолевающих их желаний; их ученики и большинство мужчин, имеющих «порочные» склонности, чаще всего обращаются к проституткам. Из

¹ Марсель Швоб поэтически излагает этот миф в «Книге Монель»: «Я расскажу тебе о маленьких проститутках, и ты будешь знать, как все начинается... Видишь ли, они издают крик сострадания к вам и гладят вашу руку своей худенькой ручонкой. Они поймут вас, только если вы очень несчастны; они плачут вместе с вами и утешают вас... Ни одна из них, видишь ли, не может остаться с вами. Это слишком опечалило бы их, и потом они стыдятся оставаться с вами, когда вы уже не плачете, они не осмеливаются взглянуть на вас. Они учат вас тому, чему должны научить, и уходят. Сквозь холод и дождь проходят они, чтобы поцеловать вас в лоб, утереть ваши слезы, а потом жуткий мрак забирает их обратно... И не надо думать о том, чем они занимались в этом мраке».

==236

всех женщин они в наибольшей степени подчинены мужчине и в то же время легче ускользают из-под его власти; поэтому они и приобретают множество разнообразных значений. Между тем ни один женский тип — девственница, мать, супруга, сестра, служанка, любовница, неистовая добродетель, улыбающаяся одалиска — не может столь полно отвечать переменчивым мужским устремлениям.

Предоставим психологии, и в частности психоанализу, разбираться, почему человек особенно привязывается к тому или иному аспекту многоликого Мифа и почему воплощает его в той или иной конкретной форме. Но миф этот присутствует во всех комплексах, навязчивых идеях, психозах. В частности, в основе многих неврозов лежит умопомрачение от запрета: оно может возникнуть только в том случае, если уже раньше в обществе сложилось табу; социального давления извне недостаточно, чтобы объяснить это явление; в действительности социальные запреты — не просто условности; они имеют — помимо прочих значений — онтологический смысл, который каждый человек познает на собственном опыте. В качестве примера интересно проанализировать эдипов комплекс; его слишком часто рассматривают как продукт борьбы инстинктивных тенденций и общественных предписаний; но прежде всего это конфликт, происходящий внутри самого субъекта. Привязанность ребенка к материнскому чреву — это прежде всего его связь с Жизнью в ее непосредственной форме, в ее самом общем виде, в ее имманентности; отказ оторваться от груди — это отказ быть брошенным, на что обречен человек, стоит только ему отделиться от Всего; с этого момента и по мере того, как он все больше индивидуализируется и отъединяется, можно считать «сексуальной» сохранившуюся у него любовь к материнской плоти, существующей теперь уже отдельно от него; его чувственность становится теперь опосредованной, превращается в трансценденцию к постороннему объекту. Но чем скорее и решительнее ребенок начинает воспринимать себя как субъект, тем больше тяготит его плотская связь, противоречащая его независимости. И тогда он избегает ласк, а авторитет матери, ее права на него, а то и само ее присутствие вызывают у него чувство, похожее на стыд. Особенно неловко, неприлично кажется ему увидеть в ней плоть, он старается не думать о ее теле; в ужасе, который он испытывает по отношению к своему отцу, или отчиму, или любовнику матери, не столько ревность, сколько возмущение: напомнить ему, что его мать — существо из плоти и крови, значит напомнить и о его собственном рождении — событии, от которого он отрешивается всеми силами; он желает по крайней мере придать ей величие большого космического феномена; мать должна воплощать Природу, которая охватывает всех людей, не принадлежа ни одному из них; ему невыносимо видеть ее чьей-то добычей, и не потому, что он, как часто утверждают, хочет обладать ею сам, а потому, что он хочет, чтобы она суще-

ствовала вне всякого обладания; убогие мерки супруги или любовницы — не для нее.

Правда, когда в пору отрочества он начинает мужать, его иногда возбуждает материнское тело; но это происходит оттого, что через мать он познает женственность вообще; и желание, возникшее при виде бедра или груди, часто затухает, едва лишь молодой человек осознает, что эта плоть — плоть его матери. Большое число случаев извращения объясняется тем, что, будучи порой смятения, отрочество склонно к извращениям, отвращение в этом возрасте ведет к кощунству, а из запрета рождается соблазн. Но не следует думать, будто вначале сын наивно хочет спать с матерью, а потом вмешиваются внешние запреты и подавляют его. Наоборот, именно из-за запрета, сложившегося в душе у человека, рождается желание. Внутренний запрет — это самая нормальная и самая распространенная реакция. Но опять же он проистекает не из общественного предписания, маскирующего инстинктивные желания. Скорее, уважение — это сублимация изначального отвращения; молодой человек не позволяет себе воспринимать мать как плотское существо; он преображает ее, отождествляет с одним из чистых образов освященной женственности, предлагаемых ему обществом. Тем самым он вносит свой вклад в укрепление идеального образа Матери, который придет на помощь следующему поколению. Образ же этот обладает такой силой потому, что необходим для индивидуальной диалектики человека. А поскольку в каждой женщине кроется сущность Женщины вообще, а значит, и Матери, отношение к матери непременно скажется и на отношении к супруге и любовницам; однако процесс этот не так прост, как часто воображают. Юноша, который испытал конкретное, чувственное влечение к своей матери, мог в ее лице желать женщину вообще: и тогда любая женщина сможет усмирить пыл его темперамента; ему не суждено томиться инцестуальной ностальгией¹. И наоборот, молодой человек, испытывавший к своей матери нежное, но платоническое почтение, может желать, чтобы в женщине в любом случае было что-то от материнской чистоты.

Всем известно, насколько вопросы пола, а значит, как правило, и все связанное с женщиной, важны при рассмотрении как патологического, так и нормального поведения. Бывает, что феминизируются другие объекты; поскольку и сама женщина — это во многом плод воображения мужчины, он может воображать ее и через мужское тело: в педерастии сохраняется разделение полов. Но обычно Женщину ищут в существах женского пола. Через нее, через все лучшее и худшее, что есть в ней, мужчина учится счастью, страданию, пороку, добродетели, возделению, отречению, преданности, тирании, учится понимать самого себя; ¹ Поразителен пример Стендаля.

она — игра, приключение, но в то же время — испытание; она — торжество победы и более горькое торжество преодоленного поражения; она — умопомрачение потери, притягательная сила проклятия, смерти. Целое море значений существует только благодаря женщине; она — суть действий и чувств мужчин, воплощение всех ценностей, которые стимулируют их свободу. Понятно, что мужчина, даже если он обречен на самое жестокое разочарование, не желает отказываться от мечты, вобравшей в себя все его помыслы и мечтания.

Вот почему женщина двулика и несет в себе разочарование: она — это все, что призывает к себе мужчина и чего он не достигает. Она — мудрая посредница между благосклонной Природой и

человеком, она же — искушение всякой мудрости непокоренной Природой. Она телесно воплощает в себе все моральные ценности и их противоположности, от добра до зла; она — сама сущность действия и то, что ему препятствует, «подступ» человека к миру и его поражение; она как таковая — источник всякого размышления человека о своем существовании и всякого выражения, которое он сможет ему придать; в то же время она старается отвлечь его от самого себя, погрузить в безмолвие, в смерть. Он ждет, чтобы она, его служанка и подруга, была бы еще его зрителем и судьей, была бы подтверждением его бытия; а она парирует равнодушием, а то и насмешками и издевками. На нее он проецирует все, чего желает и чего боится, что любит и что ненавидит. Об этом так трудно говорить, потому что мужчина всего себя ищет в ней, потому что она — Все. Только это Все — из мира несущественного; она все Другое. А будучи другим, она другой и по отношению к самой себе, и по отношению к тому, чего от нее ждут. Она — все, а потому никогда не бывает в точности *тем*, чем следовало бы ей быть; она — вечное разочарование, разочарование самого существования, которому никогда не удастся ни достичь тождества с самим собой, ни примириться со всем множеством существующих.

[==239](#)

[00.htm - glava16](#)

Глава 2

Для подтверждения проведенного анализа мифа о женщине, бытующего в коллективном представлении, мы рассмотрим отдельные синкретические формы, в которых он преломляется в творчестве некоторых писателей. В частности, нам показалось весьма типичным отношение к женщине Монтерлана, Д.Г. Лоуренса, Клоделя, Бретона, Стендаля.

[00.htm - glava17](#)

1. МОНТЕРЛАН, ИЛИ ХЛЕБ ОТВРАЩЕНИЯ

Монтерлан вписывается в древнюю традицию мужчин, воспринявших на свой счет высокомерное манихейство Пифагора. Вслед за Ницше он считает, что Вечную Женственность превозносили только в эпохи слабости и что герой должен восстать против *Magna mater*. Он берется свергнуть ее с престола, ибо сосредоточивает свое внимание на героизме. Женщина — это ночь, беспорядок, имманентность. «Этот содрогающийся сумрак — не что иное, как женское начало в чистом виде»¹, — пишет он о г-же Толстой. По его мнению, только глупость и низость нынешних мужчин могли придать женской ущербности положительный смысл: все говорят об инстинкте женщин, об их интуиции, о даре предвидения, в то время как их следует винить в отсутствии логики, упрямом невежестве, неспособности понимать действительность; на самом деле они не наблюдательницы и не психологи; они не умеют ни смотреть на вещи, ни понимать людей; их тайна — иллюзия, а их непостижимые сокровища бездонны, как ничто; им нечего дать мужчине, они могут только ему навредить, Первый великий враг для Монтерлана — мать; в одной из ранних пьес, называющейся «Изгнание», он выводит на сцену мать, не дающую сыну поступить на военную службу; в «Олимпийцах» юноше, желающему посвятить себя спорту, препятствует трусливый эгоизм матери; в «Холостяках» и «Девушках» образ матери про-

¹ «О женщинах».

сто отвратителен. Преступление ее в том, что она хочет навсегда удержать сына запертым в сумраке своего чрева; она калечит его, чтобы иметь возможность им завладеть и восполнить таким образом бесплодную пустоту своего существа; она — худшая из воспитательниц; она подрезает ребенку крылья, держит его вдалеке от вершин, к которым он стремится, оглушает и унижает его. Претензии эти не совсем безосновательны. Но из упреков, которые Монтерлан открыто бросает женщине-матери, ясно, что ненавидит он в ней прежде всего свое собственное рождение. Он считает себя богом, он хочет быть богом; ведь он мужчина, он «высшее существо», он — Монтерлан. Бога не рожали; если у него и есть тело, то это — воля, отлитая в твердые и послушные мускулы, а не плоть, в которой притаились жизнь и смерть; вот за эту тленную, случайную, уязвимую, отвергаемую им плоть и должна, по его мнению, отвечать мать. «Единственное уязвимое место на теле Ахилла — это то место, где держала его мать»¹. Монтерлан никогда не соглашался принять человеческий удел; то, что он называет своей гордостью, с самого начала было испуганным бегством от того риска, что несет в себе свобода, связанная с миром посредством плоти; он хочет утверждать свободу, но отрицать эту связь; он мечтает быть субъективностью, царственно замкнувшейся на самой себе, без привязанностей, без корней; этой мечте мешает воспоминание о его плотском происхождении, и он прибегает к своему обычному средству: вместо того чтобы преодолеть его, он от него отрекается.

Любовница в глазах Монтерлана оказывает столь же пагубное воздействие, что и мать; она не дает мужчине воскресить в себе бога; удел женщины, заявляет он, — это жизнь в самом непосредственном виде; она кормится ощущениями, прозябает в имманентности, бредит счастьем — и хочет запереть в нем мужчину; ей неведом порыв трансценденции, у нее нет чувства величия; она любит своего любовника в его слабости, а не в его силе, в беде, а не в радости; он нужен ей безоружный, несчастный, она даже хочет, чтобы он вопреки очевидности уверовал в собственную нищету. Он превосходит ее и тем самым от нее ускользает — она же стремится свести его к собственной мерке, чтобы завладеть им. Ведь он ей необходим, она не самодостаточна, она — паразитирующее существо. От лица Доминик Монтерлан описывает женщин, гуляющих по бульвару Рэнлах, «которые виснут на руке у своих любовников, будто какие-то беспозвоночные существа, похожие на разряженных слизняков»²; за исключением спортсменов, женщины, по его мнению, существа неполноценные, предназначенные для рабства; слабые, без мускулов, они лишены подступа к миру; поэтому они так ожесточенно бьются за то, что-

«О женщинах». ² «Мечта».

бы завладеть любовником, а лучше — супругом. Насколько я знаю, Монтерлан не использует миф о самке богомола, но к содержанию его обращается: любить для женщины значит пожирать; она

делает вид, что отдается, а на самом деле берет. Он приводит возглас г-жи Толстой: «Я живу им и ради него и требую того же для себя» — и обличает опасность такой неистовой любви; он находит ужасную истину в словах Екклесиаста: «Мужчина, желающий вам зла, лучше, чем женщина, желающая вам добра». Он приводит в пример маршала Лиотея: «Если кто-нибудь из моих людей женится, это уже мужчина, уменьшившийся наполовину». Женитьбу он считает пагубной прежде всего для «высшего существа»; это просто какое-то смешное мещанство; можно ли представить себе, чтобы кто-нибудь сказал «г-жа Эсхил» или «Меня пригласили на ужин супруги Данте»? Этим наносится урон престижу великого человека; но самое ужасное — женитьба разрушает великолепное одиночество героя; ему нужно, «чтобы ничто не отвлекало его от него самого»¹. Я уже говорила, что Монтерлан избрал свободу *без объекта*, то есть он предпочитает иллюзию автономии подлинной свободе, которая связана с миром; именно эту праздность он и собирается защищать от женщины; женщина ведь тяжелая, она давит. «Суровая символика была в том, что мужчина не мог идти прямо, потому что держал под руку любимую женщину»². «Я горел — она загасила меня. Я ходил по воде — она взяла меня под руку, и я стал тонуть»³. Так откуда же в ней такая сила, если она всего лишь недостаточность, бедность, негативность, а волшебство ее иллюзорно? Монтерлан этого не объясняет. Он лишь надменно заявляет, что «лев имеет все основания бояться комара»⁴. Однако ответ бросается в глаза: легко считать себя властелином, когда ты один, или считать себя сильным, когда старательно избегаешь обременять себя какой бы то ни было ношей. Монтерлан избрал легкий путь; он утверждает, что поклоняется труднодоступным ценностям, но пытается достичь их легким путем. «Короны, которые мы сами на себя возлагаем, — единственные достойные того, чтобы их носить», — говорит король в «Пасифае». Удобный принцип. Монтерлан водружает на себя корону и драпируется в пурпур; но достаточно одного постороннего взгляда, чтобы обнаружить, что корона его из крашеной бумаги и что сам он, как андерсеновский король, совершенно голый. Ходить в мечтах по воде далеко не так утомительно, как реально двигаться вперед по дорогам земли. Потому

¹ «О женщинах».

² «Девушки».

³ Там же.

⁴ Там же.

то лев-Монтерлан в ужасе избегает женщины-комара: он боится испытания действительностью!.

Если бы Монтерлан и в самом деле развеял миф о вечной женственности, его бы следовало поздравить: отрицая Женщину, можно помочь женщинам осознать себя людьми. Но, как мы видели, он не уничтожает кумира — он превращает его в чудовище. Он сам верит в эту темную, ни к чему не сводимую сущность — женственность; вслед за Аристотелем и святым Фомой Аквинским он считает, что она определяется негативно; женщина является женщиной в силу отсутствия мужественности; такова судьба, которую вынуждено переносить каждое существо женского пола, не имея возможности ее изменить. Та же, что попытается избежать ее, окажется в самом низу человеческой лестницы: ей не удастся стать мужчиной, а быть женщиной она откажется и превратится в ничтожную карикатуру, обманчивую видимость; и то, что у нее есть тело и сознание, не прибавит ей реальности: становясь в такие минуты последователем Платона, Монтерлан, судя по всему, считает, что живым существом владеют исключительно Идеи

женственности и мужественности; у личности же, не подвластной ни одной из них, может быть только видимость существования. Он бесповоротно осуждает подобных «вурдалаков», которые осмеливаются полагать себя как самостоятельные субъекты, думать, действовать. И, рисуя портрет Андре Акбо, он стремится доказать, что всякая женщина, пытающаяся сделать из себя личность, превращается в паясничашую марионетку. Конечно, Андре некрасива, непривлекательна, плохо одета, даже грязна, ее ногти и запястья далеко не безукоризненны; низкий уровень культуры убивает в ней всякую женственность; Косталь уверяет нас, что она умна, но Монтерлан на каждой посвященной ей странице убеждает нас в ее глупости; Косталь якобы относится к ней с симпатией; Монтерлан вызывает в нас отвращение к ней. С помощью этой ловкой игры на двусмысленности доказывается убожество женского ума и устанавливается, что изначальная ущербность извращает все мужские качества, к которым она стремится.

Единственное исключение Монтерлан счел нужным сделать для спортсменок; самостоятельно упражняя свое тело, они могут завоевать дух, душу; правда, их ничего не стоит спустить с достигнутых высот; Монтерлан деликатно отходит от победительницы в беге на тысячу метров, которой посвящает восторженный гимн; он не сомневается, что легко соблазнит ее, и хочет уберечь ее от этого падения. Доминик не удержалась на тех высотах, куда

Этот процесс Адлер рассматривает как классический источник психозов. Человек, разрывающийся между «стремлением к могуществу» и «комплексом неполноценности», устанавливает между собой и обществом максимальную дистанцию, чтобы не сталкиваться с испытанием действительностью. Он знает, что испытание это подточило бы его притязания, поддерживать которые он может лишь в тени своей неискренности.

==243

16*

звал ее Альбан, — она влюбилась в него; «Та, что вся была только дух, только душа, теперь потела, источала запахи, задышалась и тихо покашливала»¹. Возмущенный Альбан прогоняет ее. Можно уважать женщину, которая с помощью спортивной дисциплины убила в себе плоть; но возмутительно и мерзко видеть, что автономное существование воплощено в женщине; женская плоть становится ненавистной, едва лишь в ней поселяется сознание. Женщине пристало только одно — быть чистой плотью. Монтерлан одобряет восточное отношение: в качестве объекта наслаждения слабый пол имеет право на свое место под солнцем; место, конечно, скромное, но все-таки пристойное; это право оправдано удовольствием, которое извлекает из женщин мужчина, и ничем иным, кроме этого удовольствия. Идеальная женщина совершенно глупа и совершенно покорна; она всегда готова принять мужчину и никогда ни о чем его не просит. Такова Дус (кроткая), которая под настроение так нравится Альбану, «Дус, восхитительно глупая и тем более желанная, чем более глупая... Вне любви она ни на что не годна, и тогда он избегает ее нежно, но твердо»². Такова маленькая арабка Радиджа, тихий зверек любви, покорно принимающий и удовольствие и деньги. Такой можно представить себе «женщину-животное», повстречавшуюся в одном испанском поезде: «Вид у нее был настолько тупой, что я сразу же возжелал ее»³. Автор поясняет: «Больше всего в женщинах раздражает претензия на разум; когда же они начинают культивировать свою животную сущность, в них проступает что-то сверхчеловеческое»⁴.

Однако Монтерлан вовсе не похож на восточного султана; для этого ему прежде всего недостает чувственности. Он далек от того, чтобы без задней мысли наслаждаться «женщинами-животными»; они — «больные, опасные для здоровья, никогда не бывающие вполне чистыми»⁵;

Косталь поверяет нам, что у юношей волосы пахнут сильнее и лучше, чем у женщин; порой он испытывает отвращение перед Соланж, перед «этим приторным, почти тошнотворным запахом и телом без мускулов, без нервов, напоминающим белого моллюска»⁶. Он мечтает о более достойных его объятиях, объятиях на равных, где нежность рождалась бы из побежденной силы... Восточный человек сладострастно упивается женщиной, и тем самым между любовниками устанавливается плотская взаимность: именно об этом свидетельствуют страстные мольбы «Песни песней», сказки «Тысячи и одной ночи» и множе-

¹ «Мечта».

² Там же.

³ «Маленькая инфанта Кастильская».

⁴ Там же.

⁵ «Девушки».

⁶ Там же.

==244

ство арабских стихов, воспевающих возлюбленную; конечно, есть и дурные женщины; но есть и настолько восхитительные, что чувственный мужчина доверчиво веряет себя их объятиям, не чувствуя при этом никакого унижения. Герой же Монтерлана всегда занимает оборонительную позицию: «Брат, не будучи взятым, — это единственная приемлемая формула в отношениях высшего существа с женщиной»!. Он охотно говорит о моменте желания, который кажется ему агрессивным, мужским моментом; от момента же наслаждения он уклоняется; может, он рискует обнаружить, что и сам потеет, задыхается, «источает запахи»; но нет: ибо кто дерзнет вдыхать его запах и ощущать его испарину? Его беззащитная плоть ни для кого не существует, потому что возле него никого нет: он — это только сознание, чистое присутствие, прозрачное и полновластное; и если даже удовольствие существует и для его сознания, он этого не учитывает; это бы означало дать над собой власть. Он снисходительно говорит об удовольствии, которое дает, но никогда о том, которое получает: получать — значит зависеть. «От женщины мне надо одно — доставить ей удовольствие»²; живое тепло вожделения привело бы к сообщничеству — он же этого не допускает и предпочитает надменное одиночество господства. У женщин он ищет не чувственного, а рассудочного удовлетворения.

И прежде всего — удовлетворения гордыни, которая желает выразить себя, не подвергаясь при этом никакому риску. Перед женщиной «испытываешь то же чувство, что перед лошадью или быком, к которым хочешь приблизиться: ту же неуверенность, ту же радость от возможности измерить свою силу»³. Мериться силой с другими мужчинами было бы слишком самонадеянно; они бы сами вмешались в испытание, ввели бы совершенно неожиданные системы координат и вынесли бы чужой приговор; когда же имеешь дело с быком или лошадью, ты сам себе судья, что несравнимо надежнее. И с женщиной, если ее правильно выбрать, можно остаться совсем одному: «Я не могу любить на равных, потому что в женщине я ищу ребенка». Эта банальность ничего не объясняет; почему, собственно, он ищет ребенка, а не равного? Куда честнее со стороны Монтерлана было бы заявить, что у него, Монтерлана, нет равных; или точнее, что он не хочет, чтобы они у него были; ему подобный пугает его. Во времена «Олимпийцев» он восхищался

строгостью спортивных соревнований, которые образуют иерархии, исключая возможность жульничества; но сам он не внял этому уроку; в дальнейшем его творчестве и жизни герои его, как и сам он, уклоняются от всякого сопоставления; они имеют дело с животными, пейзажами, детьми, женщинами-

«Девушки». ² Там же. «Маленькая инфанта Кастильская».

*'

==245

детьми, но никогда — с равными. Некогда увлекавшийся жесткой ясностью спорта, Монтерлан признает в качестве любовниц только женщин, вообще неспособных иметь свое суждение, а потому ничем не угрожающих его пугливой гордости; он выбирает «пассивных, похожих на растения», инфантильных, глупых, продажных. Он будет систематически стараться не признавать в них сознание; стоит ему обнаружить малейший признак его, он вскидывается на дыбы и уходит; о том, чтобы установить с женщиной какие бы то ни было межсубъектные отношения, не может быть и речи: в мужском царстве она должна быть всего лишь одушевленным объектом; ее никогда не будут рассматривать как субъект; ее точка зрения никогда не будет учитываться. Герой Монтерлана считает свою мораль высокомерной, тогда как она всего лишь удобна: он заботится единственно о своих взаимоотношениях с самим собой. Он привязывается к женщине — вернее, привязывает к себе женщину — не для того, чтобы наслаждаться ею, а для того, чтобы наслаждаться самим собой; существование женщины, как абсолютно низшее, раскрывает субстанциональное, существенное, нерушимое превосходство мужчины — и никакого риска.

Так, глупость Дус позволяет Альбану «в некоторой степени восстановить ощущение *античного полубога*, женившегося на легендарной Гусыне»!. Едва коснувшись Соланж, Косталь превращается в великолепного льва: «Как только они сели рядом, он потрогал бедро девушки (поверх платья), а потом положил руку на середину ее тела, подобно тому как *лев* придерживает лапой завоеванный им кусок мяса...»² Многочисленным мужчинам, которые каждый день скромно проделывают этот жест в темноте кинозалов, Косталь возвещает, что это «изначальный жест Господа»³. Если бы у всех этих любовников и мужей, обнимающих своих любовниц перед тем, как ими овладеть, было, как и у него, чувство величия, им бы ничего не стоило на себе испытать сии мощные превращения. «Он слегка принюхивался к лицу этой женщины, *словно лев*, который, раздирая на куски лежащий у него в лапах кусок мяса, время от времени останавливается, чтобы лизнуть его»⁴. Эта плотоядная гордость — не единственное удовольствие, которое самец может извлечь из своей самки; она для него предлог, чтобы свободно, по-прежнему ничем не рискуя, холостыми выстрелами испытывать собственное сердце. Однажды ночью Косталь будет забавляться своим страданием до тех пор, пока, пресытившись вкусом собственной боли, весело не примется за куриную ножку. Такой каприз себе можно позволить лишь

¹ «Мечта».

² «Девушки».

³ Там же.

⁴ Там же.

изредка. Но есть и другие радости, иногда сильные, иногда утонченные. Например, снисходительность; Косталь снисходит до того, что отвечает на некоторые женские письма, и даже иногда делает это старательно; одной вдохновенной крестьяночке в завершение педантичного рассуждения он пишет: «Сомневаюсь, чтобы вы могли понять меня, но это лучше, чем если бы я унился до вас»!. Иногда ему нравится приводить женщину в соответствие с воображаемым образом: «Я хочу, чтобы вы для меня были чем-то вроде арабского шарфа, который можно завязать как угодно... я не *поднял* вас до себя, чтобы вы были чем-то отличным от меня»². Он забавляется, придумывая для Соланж несколько приятных воспоминаний. Но когда он спит с женщиной, чувство собственной расточительности становится особенно опьяняющим; он дарует радость, он дарует покой, тепло, силу, удовольствие — такое количество раздаваемых богатств просто переполняет его. Сам он ничем не обязан своим любовницам; часто, чтобы быть в этом до конца уверенным, он им платит; но даже когда половой акт совершается за кров и стол, женщина в одностороннем порядке его должница: она ничего не дает, он берет сам. А поэтому он находит совершенно естественным, лишив Соланж девственности, отправить ее в туалет; даже если женщина нежно любима, нет ничего плохого в том, что мужчине за нее неловко; ему дано божественное право быть мужчиной, она же божественным правом обречена возиться с биде и спринцовкой. Здесь гордость Косталья настолько сближается с хамством, что не совсем понятно, чем, собственно, он отличается от дурно воспитанного коммивояжера.

Первый долг женщины — подчиниться требованиям его великодушия; Косталь бледнеет от ярости при мысли, что Соланж не оценила его ласк. Радиджа нравится ему потому, что, едва он проникает в нее, лицо ее озаряется радостью. Итак, он наслаждается, чувствуя себя одновременно хищным зверем и великолепным принцем. Возникает недоуменный вопрос, почему так опьяняюще приятно брать и осыпать дарами, если взятая и осыпанная дарами женщина — лишь несчастная вещь, безвкусная плоть, где теплится эрзац сознания. Как Косталь может терять столько времени с такими ничтожными созданиями?

Эти противоречия обнаруживают истинную цену гордости, которая на самом деле не что иное, как тщеславие.

Велико удовольствие быть сильным, великодушным, хозяином, но более утонченную усладу доставляет жалость к несчастному племени. Время от времени Косталь с волнением ощущает в своем сердце такую братскую привязанность, такую симпатию к обездоленным, такую «жалость к женщинам». Что может быть трогательнее непредвиденной нежности суровых людей? Склоня-

¹ «Девушки».

² Там же.

ясь над женщинами, этими хворыми животными, он являет собой благородную лубочную картинку. Даже спортсменок он любит видеть побежденными, ранеными, изнуренными, уязвленными; что же касается всех прочих, он хочет, чтобы они были как можно более

безоружными. Их ежемесячные недомогания вызывают у него отвращение, а между тем Косталь признается, что «всегда любил у женщин те дни, когда знал, что они поражены недугом»¹... Ему случается поддаться этой жалости; он даже берет на себя обязательства, пусть и не выполняя их: он обязуется помочь Андре, жениться на Соланж. Когда жалость оставляет его душу, обещания умирают; разве он не вправе сам себе противоречить? Он сам определяет правила игры, в которой сам для себя — единственный партнер.

Но того, что женщина — существо низшее и жалкое, недостаточно. Монтерлан хочет, чтобы она была еще и презренной. Иногда он утверждает, что конфликт желания и презрения — патетическая драма: «Ах! Желать того, к чему относишься с пренебрежением, такая трагедия!.. Быть вынужденным привлекать к себе и отталкивать почти одновременно, зажигать и быстро отбрасывать, как спичку, — вот она, трагедия наших отношений с женщинами!»² По правде говоря, трагедию здесь можно угледеть только с точки зрения спички — точки зрения презренной. Что же касается зажигающего, боящегося обжечь пальцы, то совершенно очевидно, что гимнастика эта приводит его в восторг. Если бы его излюбленным удовольствием не было «желать того, к чему относишься с пренебрежением», он бы систематически не отказывался желать того, что вызывает уважение: Альбан не оттолкнул бы Доминик, а предпочел бы «любить на равных»; и тогда ему не пришлось бы с таким презрением относиться к тому, чего он желает: вообще-то, не совсем ясно, чем маленькая испанская танцовщица, молодая, привлекательная, пылкая, простая, так уж презренна; или это потому, что она бедна, низкого происхождения, необразованна? Возникает опасение, что все это действительно пороки в глазах Монтерлана. Но в особенности он презирает ее как женщину, по определению; он справедливо утверждает, что не женская тайна питает мужские мечты, но сами эти мечты порождают таинственность; но и сам он проецирует на объект требования своей субъективности: не потому он пренебрежительно относится к женщинам, что они достойны презрения, но они представляются ему презренными, потому что он хочет относиться к ним пренебрежительно. Чем больше расстояние между ним и этими женщинами, считает он, тем более величественных вершин удалось ему достигнуть; а потому он и выбирает для своих героев таких жалких возлюбленных: великому писателю Косталю

¹ «Девушки».

² «Маленькая инфанта Кастильская».

он противопоставляет старую деву, измученную сексуальной неудовлетворенностью и скукой, и мещаночку крайне правых взглядов, глупую и корыстную; слишком ничтожные мерки для выдающейся личности: в результате этой неловкой осторожности сам он представляется нам совсем маленьким. Но это неважно, Косталь считает себя великим. Малейших женских слабостей достаточно, чтобы питать его высокомерие.

В «Девушках» есть одно особенно показательное место. Соланж совершает свой вечерний туалет, перед тем как лечь с Косталем. «Она пошла в уборную, а Косталь вспомнил, что когда-то у него была кобыла, настолько гордая и утонченная, что ни разу не помочилась и не опорожнилась, когда он сидел на ней верхом». Здесь раскрывается ненависть к плоти (вспоминается Свифт: Селия какает), желание уподобить женщину домашнему животному, отказ признать за ней какую бы то ни было автономию, пусть даже на уровне мочеиспускания; важно еще и другое: возмущаясь, Косталь забывает, что и у него есть мочево́й пузырь и прямая кишка; точно так же, говоря о тошнотворности женского пота и запаха, он совершенно не допускает мысли о собственных

выделениях: он чистый дух, снабженный мускулатурой и стальным членом. «Презрение благороднее, чем желание», — заявляет Монтерлан в «Источниках желания»; а вот слова Альваро: «Мой хлеб — отвращение»!. Презрение, если оно получает удовольствие от себя самого, — замечательное алиби! Раз ты наблюдаешь и судишь, у тебя появляется чувство, что сам ты кардинальным образом отличаешься от того другого, которого ты осуждаешь, и ты без особого труда смываешь с себя те недостатки, в которых обвиняешь его. Как самозабвенно изливает Монтерлан на протяжении всей жизни свое презрение к людям! Ему довольно обличить их в глупости, чтобы считать себя умным, в трусости — чтобы считать себя смелым. В начале оккупации он неистово презирает своих побежденных соотечественников; сам он — не француз и не побежденный, он над этим. В одном месте он делает оговорку, что вообще-то сам он, всех обвиняющий Монтерлан, сделал не больше других, чтобы предотвратить поражение; он даже не согласился стать офицером; но тут же он снова с таким пылом принимается за обличения, что уходит далеко от самого себя². Если он демонстративно сожалеет о своем отвращении, то только для того, чтобы лучше уверовать в его неподдельность и получать от него больше удовольствия. В действительности он находит это чувство настолько удобным, что систематически пытается втянуть женщину в какую-нибудь подлость. Ему нравится искушать деньгами и драгоценностями бедных девушек: стоит им принять его недобрые дары, он торжествует. Он садист-

• «Мэтр из Сантьяго». «Июньское солнцестояние».

==249

ски изводит Андре не для того, чтобы радоваться ее страданию, но ради удовольствия видеть, как она опускается. Он склоняет Соланж к детоубийству; она допускает такую перспективу, и огонь вспыхивает в душе Косталя: с восторгом презрения он обладает этой потенциальной преступницей.

Ключ к такому поведению нам дает апология гусениц: каково бы ни было скрытое намерение автора, само это место весьма знаменательно!. Мочась на гусениц, Монтерлан забавляется тем, что щадит одних и приканчивает других; смех и жалость вызывают у него те, что цепляются за жизнь, — им он великодушно позволяет испробовать свой шанс; игра эта приводит его в восторг. Не будь гусениц, льющаяся струйка была бы просто мочеиспусканием; а так она раздает жизнь и смерть; рядом с ползучим насекомым мужчина, облегчающий свой мочевой пузырь, познает деспотичное одиночество Бога; и никакое противодействие другой стороны ему не угрожает. Так и на женщин-животных смотрит мужчина со своего пьедестала, то жестокий, то нежный, иногда справедливый, иногда капризный, он может подарить и отнять, осыпать благодеяниями, сжалиться, рассердиться; он слушается только своей прихоти; он всемогущий властелин, свободный, единственный. Но животные должны оставаться животными; их будут специально отбирать, потакать их слабостям и обращаться с ними как с животными с таким упорством, что в конце концов они и сами согласятся со своим положением. Так, белые Луизианы и Джорджии радуются, если негр совершит самую ничтожную кражу или солжет; в этом они находят подтверждение превосходству, основанному на цвете кожи; а если кто-нибудь из негров упрямо продолжает быть честным, к нему будут относиться еще хуже. Так, в концентрационных лагерях людей систематически втапывали в грязь: в их низости раса господ видела доказательство своей сверхчеловеческой сущности.

Сопоставление это вовсе не случайно. Достаточно хорошо известно, что Монтерлан восхищается нацистской идеологией. Он в восторге от того, что свастика, она же — Солнечное колесо, торжествует на одном из праздников Солнца. «Победа Солнечного колеса — это не только победа

Солнца, победа язычества. Это еще и победа солнечного начала, заключающегося в том, что все возвращается. Я вижу, как в этот день торжествует то самое начало, которым я проникнут, которое я воспевал, которое — и это я ощущаю всем моим сознанием — управляет моей жизнью»¹. Известно также, как во время оккупации он с весьма уместным пафосом величия ставил в пример французам немцев, которые «дышат великим стилем силы»³. Та же паническая приверженность

¹ «Июньское солнцестояние».

² Там же.

³ Там же.

[К оглавлению](#)

[==250](#)

легкому пути, что заставляла его избегать равных, теперь ставит его на колени перед победителями; он думает, что, преклонив колена, уподобится им; и вот он уже победитель, а он всегда желал побеждать быка ли, гусениц, женщин, саму ли жизнь или свободу, И справедливо будет утверждение, что еще до победы он курил фимиам «тоталитарным чародеям»¹. Как и они, он всегда был нигилистом, всегда ненавидел людей. «Люди не стоят даже того, чтобы их куда-то вести; и чтобы до такой степени ненавидеть человечество, вовсе не обязательно, чтобы оно в чем-то провинилось перед вами»²; как и они, он верил, что некоторые существа — раса, нация или он сам, Монтерлан, — обладают абсолютной привилегией, которая дает им все права над другими людьми. Вся его мораль оправдывает и призывает войну и гонения. Чтобы судить о его отношении к женщинам, следует разобраться в этой этике подробнее. Ибо, в конце концов, следует знать, во имя *чего* им вынесен приговор.

Нацистская мифология имела историческую инфраструктуру: нигилизм был выражением германского отчаяния; культ героя служил позитивным целям, за которые умерли миллионы солдат. Поведение Монтерлана не имеет никакого позитивного оправдания и выражает только его собственные экзистенциальный выбор. В действительности герой этот избрал страх. Любому сознанию свойственно притязание на верховную власть, но утвердить себя оно может, только рискуя собой; никакое превосходство никогда не дается просто так, поскольку человек, сведенный к своей субъективности, ничего не стоит; только дела и поступки людей могут установить иерархию; заслуги нужно постоянно завоевывать — и Монтерлану это известно. «Мы имеем право лишь на то, чем готовы рискнуть». Но он никогда не хотел рисковать *собой* среди себе подобных. Он упраздняет человечество, потому что не решается помериться с ним силами. «Такое препятствие, как люди, просто приводит в бешенство», — говорит король из «Мертвой королевы», А дело все в том, что они разрушают самодовольную «феерию», которой окружает себя тщеславный человек. Их нужно отрицать. Примечательно, что ни в *одном* произведении Монтерлана не описывается конфликт человека с человеком; великая живая драма — это сосуществование людей — ее-то он и избегает. Его герой всегда один противостоит животным, детям, женщинам, пейзажам; он всегда во власти собственных желаний (как королева в «Пасифае») или собственных требований (как мэтр из Сантьяго), но рядом с ним никогда *никого* нет. Даже у Альбана в «Мечте» нет товарищей: живого Прине он презирает, прилив чувств он ощущает лишь у его труп. Творчество, как и жизнь Монтерлана, признает только *одно* сознание.

«Сентябрьское равноденствие». «Источники желания».

Одновременно из этого мира исчезает всякое чувство; в нем не может быть межсубъектных отношений, раз в нем всего один субъект. Любовь смешна; но не ради дружбы считают ее достойной презрения, ибо «у дружбы нет внутренностей»¹. Любая человеческая солидарность высокомерно отвергается. Герой никогда не был рожден, он неограничен во времени и пространстве: «Я не вижу никакого разумного основания интересоваться современными мне внешними предметами больше, чем предметами любого прошедшего года»². Все, что случается с другими, для него не в счет; «По правде говоря, события никогда для меня ничего не значили. Я любил только их отблески, оставленные во мне... Так пусть же происходят, как считают нужным...»³ Действие — невозможно; «Преисполниться рвения, энергии, отваги и не смочь применить их к чему бы то ни было из-за отсутствия веры во что бы то ни было человеческое»⁴. Выходит, что любая *трансценденция* запрещена. Монтерлан признает это. Любовь и дружба — вздор, презрение мешает действию; он не верит в искусство для искусства, не верит в Бога. Остается только имманентность удовольствия. «Единственное, к чему я стремился, это лучше, чем другие, использовать свои ощущения»⁵, — пишет он в 1925 году. И еще; «В сущности, чего я хочу? Обладать понравившимися мне существами в мире и поэзии»⁶. А вот 1941 год: «А я, обвиняющий всех, что сделал я за эти двадцать лет? Это был сон, напоенный моим удовольствием. Я жил полной жизнью, упиваясь тем, что люблю; какой страстный поцелуй с жизнью!»⁷ Пусть так. Но не за то ли именно попирали ногами женщину, что она прозябает в имманентности? Какие высшие цели, какие великие намерения противопоставляет Монтерлан собственнической любви матери и любовницы? Ведь и он ищет «обладания»; а что касается «страстного поцелуя с жизнью», множество женщин могли бы дать ему фору. Правда, он особенно ценит необычные наслаждения; те, что можно извлечь из животных, мальчиков, несозревших девочек; он возмущается, что одна страстная любовница даже и не думает уложить в его постель свою двенадцатилетнюю дочь: такое вот несолнечное скупердяйство. Он что, не знает, что женская чувственность не менее возбудима, чем мужская? Если иерархию полов устанавливать по этому критерию, женщины, чего доброго, одержат верх. По правде говоря, непоследовательность Монтер-

¹ «Источники желания».

² «Самообладание».

³ «Июньское солнцестояние».

⁴ «Источники желания».

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ «Июньское солнцестояние».

лана здесь просто чудовищна. Во имя «чередования» он заявляет, что уж раз ничто ничего не стоит, значит, все стоит одинаково; он принимает все, хочет все объять, ему нравится, чтобы широта его духа ужасала добродетельных матерей; в то же время именно он требовал во время оккупации введения «инквизиции»¹, которая осуществляла бы цензуру над фильмами и газетами; ляжки американских девиц вызывают у него отвращение, блестящий же половой орган быка приводит его в восторг — у каждого свой вкус; каждый воссоздает «феерию» на свой лад; во имя каких ценностей этот великий любитель оргий с отвращением плюет на оргии других людей? Потому что эти оргии — не его? Значит, вся мораль состоит в том, чтобы быть Монтерланом?

Он бы, разумеется, ответил, что наслаждаться — это еще не все: здесь должен быть особый язык. Нужно, чтобы удовольствие было обратной стороной отречения, чтобы сластолюбец чувствовал в себе еще и задатки героя, святого. Однако многие женщины весьма преуспели в том, чтобы примирять свои удовольствия с высоким представлением о собственной персоне. Почему же мы должны верить, что нарциссические мечтания Монтерлана имеют большую ценность, чем фантазии этих женщин?

Ибо в действительности речь идет о мечтаниях. Поскольку Монтерлан не признает никакого объективного содержания в словах, которыми жонглирует: величие, святость, героизм, — они становятся просто игрушками. Монтерлан побоялся рискнуть своим превосходством среди людей; чтобы и дальше упиваться этим возбуждающим вином, он удалился на небеса; ведь Единственный наверняка обладает верховной властью. Он запирается в кабинете миражей: зеркала до бесконечности возвращают ему его собственное отражение, и он верит, что довольно его одного, чтобы населить землю; но он всего лишь затворник в плену у самого себя. Он думает, что свободен; но он отчуждает свободу в пользу своего эго; он ваяет статую Монтерлана по канонам, заимствованным в лубочном искусстве. Альбан, отвергающий Доминик из-за того, что зеркало отразило лицо простака, — хорошая иллюстрация этого рабства; простаком можно быть только в глазах другого человека. Гордый Альбан подчиняет свое сердце этому коллективному сознанию, которое сам презирает. Свобода Монтерлана — это поза, а не реальность. Поскольку действие для него невозможно за неимением цели, он довольствуется жестами; он — мим. Женщины для него — удобные партнеры; они подают ему реплики, а он забирает главную роль, венчает себя лаврами и дра-

«Мы требуем создания организма, который обладал бы неограниченной властью по пресечению всего, что, по его мнению, способно нанести Урон человеческому достоинству французов. Нечто вроде инквизиции во имя человеческого достоинства французов» («Июньское солнцестояние» — «Solstice de Juin», p. 270).

==253

пируется в пурпур: но все это происходит на частной сцене; оказавшись на площади, в лучах настоящего света, под настоящим небом, актер плохо видит вокруг себя, плохо стоит на ногах, спотыкается, падает. В припадке здравого смысла Косталь восклицает: «Какой же, в сущности, вздор все эти «победы» над женщинами!»¹ Да, ценности, подвиги, предлагаемые нам Монтерланом, — просто жалкий вздор. Высокие деяния, которыми он упивается, — это опять же всего лишь жесты, но никогда не свершения: его приводят в волнение самоубийство Перегрини, дерзость Пасифаи, изысканное поведение того японца, что дал укрыться под своим зонтом

противнику, перед тем как свирепо наброситься на него на дуэли. При этом он заявляет, что «личность противника и идеи, которые он призван олицетворять, большого значения не имеют»². Такое заявление в 1941 году приобретает особое звучание. Любая война хороша, говорит он еще, какова бы ни была ее цель; сила всегда прекрасна, чему бы она ни служила. «Бой без веры — вот формула, к которой мы непременно придем, если хотим сохранить единственно приемлемое представление о человеке, а именно будем помнить, что он одновременно герой и мудрец»³. Любопытно, однако, что благородное безразличие Монтерлана ко всяким начинаниям склонилось не к сопротивлению, но к национальной революции, что его царственная свобода избрала покорность и что секрет героической мудрости он искал не в маки, а у победителей. Это тоже не случайно. Именно к таким мистификациям приводит псевдовозвышенное в «Мертвой королеве» и «Мэтре из Сантьяго». В этих драмах, наиболее претенциозных, а потому особенно знаменательных, мы видим двух властных мужчин, которые приносят в жертву своей пустой гордости женщин, виновных в том, что были просто людьми; они желали любви и земного счастья — в наказание у одной отнимают жизнь, у другой — душу. И снова, если мы спросим: во имя чего? — автор высокомерно ответит: во имя ничего. Он не захотел, чтобы у короля были веские основания убивать Инее; тогда это убийство было бы всего лишь банальным политическим преступлением. «Почему я ее убиваю? Ведь есть же, наверное, какая-нибудь причина, но я ее не вижу», — говорит он. А причина в том, что солнечное начало должно восторжествовать над земной банальностью; но начало это, как мы уже видели, не освещает никакой цели — оно требует разрушения, и ничего более. Что касается Альваро, Монтерлан говорит нам в предисловии, что в некоторых его современниках ему интересны «их категоричная вера, их презрение к внешней реальности, их любовь к разрушению, неистовая страсть к ничему».

¹ «Девушки».

² «Июньское солнцестояние».

³ Там же.

Этой самой страсти мэтр из Сантьяго и приносит в жертву свою дочь. Ее станут именовать красивым словом, отдающим мистикой. Ну разве не пошло предпочитать счастье мистике? На самом деле жертвы и отречения имеют смысл только в перспективе какой-то цели, человеческой цели; а цели, превосходящие любовь и личное счастье, могут возникнуть лишь в таком мире, где знают цену любви и счастью; «мораль беловшеек» подлиннее, чем феерии пустоты, потому что своими корнями она уходит в жизнь, в действительность, — а именно здесь рождаются более высокие чаяния. Легко представить себе Инее де Кастро в Бухенвальде, а короля бегущим в германское посольство в интересах государства. Немало беловшеек во время оккупации заслужили уважение, в котором мы отказываем Монтерлану. Лишенные содержания слова, которыми он сыплет в изобилии, опасны самой своей пустотой: сверхчеловеческая мистика оправдывает любое временное опустошение. По крайней мере в драмах, о которых идет речь, она утверждает себя с помощью двух убийств: одного физического, другого — морального; ожесточенному, одинокому, непризнанному Альваро недолго стать великим инквизитором, а непонятому, отвергнутому королю — каким-нибудь Гиммлером. Убивают женщин, убивают евреев, убивают женоподобных мужчин и иудействующих христиан, убивают все, что выгодно или принято убивать во имя этих высоких идей. Негативные мистические учения могут утверждать себя только через отрицание. Настоящий выход за пределы своего «я» — это позитивный шаг в сторону будущего, будущего людей. Лжегерой, стремясь убедить себя, что

зашел далеко, что парит высоко, всегда смотрит назад или себе под ноги; он презирает, обвиняет, угнетает, преследует, мучает, убивает. Он считает себя выше ближнего из-за того зла, которое сам ему причиняет. Вот на какие высоты указывает нам царственным жестом Монтерлан, когда прерывает свой «страстный поцелуй с жизнью».

«Как осел, вращающий ворот арабского колодца, я все хожу и хожу по кругу, ничего не видя, постоянно проходя по собственным следам. Только вода от моего хождения не появляется». Вряд ли можно что-нибудь прибавить к признанию, под которым Монтерлан подписался в 1927 году. Вода так и не вышла на поверхность. Может быть, Монтерлану следовало бы зажечь костер Перегринна — это был бы самый логичный выход из положения. Он предпочел искать спасения в культе самого себя. Вместо того чтобы отдать себя этому миру, обогатить который он был не в силах, он довольствовался тем, что смотрелся в него; он подстраивал свою жизнь под этот мираж, видимый ему одному. «Принцы чувствуют себя непринужденно в любых обстоятельствах, даже в поражении»¹, — пишет он; а так как он находит удовольствие в по-

«Июньское солнцестояние».

[==255](#)

ражении, то считает себя королем. Из Ницше он вынес, что «женщина — развлечение для героя», и решил, что достаточно развлекаться с женщинами, чтобы быть посвященным в герои. Ну и все остальное соответственно. Как говорит Косталь: «Какой же, в

сущности, вздор!»

[00.htm - glava18](#)

II Д.Г. ЛОУРЕНС, ИЛИ ФАЛЛИЧЕСКАЯ ГОРДОСТЬ

Лоуренса можно назвать антиподом Монтерлана. Его задача не в том, чтобы определить частные отношения между мужчиной и женщиной, но в том, чтобы вернуть их обоих в истинную Жизнь. Истинность эта не предполагает ни изображения, ни волеизъявления — она охватывает животную сущность, куда уходит своими корнями человек. Лоуренс страстно протестует против антитезы «пол — мозг»; в нем есть космический оптимизм, кардинальным образом противостоящий пессимизму Шопенгауэра; жажда жизни, выражающаяся в фаллосе, есть радость; мысль и действие должны проистекать именно из этой жажды жизни, чтобы не стать пустым понятием, бесплодным механизмом. Просто одного полового цикла недостаточно, ибо он замыкается в имманентности: он — синоним смерти; но и эта увечная действительность — секс и смерть — лучше, чем усеченное существование плотского humusl. Мужчине не только необходимо, как Антею, время от времени касаться земли; его мужская жизнь должна вся целиком быть выражением его мужественности, которая предполагает и непосредственно требует женщину; таким образом, последняя — это не развлечение, не добыча, не объект перед лицом субъекта, но полюс, необходимый для существования полюса с противоположным знаком. Мужчинам, не желавшим считаться с этой истиной, как, например, Наполеон, не удалась их мужская судьба — это неудачники. Спасение личности — не в утверждении ее исключительности, но в возможно более интенсивной реализации ее всеобщего характера: будь то мужчина или женщина, человек никогда не должен искать в эротических отношениях торжества собственной гордости или возвеличения своего «я»; использовать половой акт как орудие собственной воли — непоправимая ошибка; нужно сломать границы его, даже выйти за пределы сознания, отказаться от всякой

личной независимости. Ничего не может быть прекраснее той статуэтки, что изображает женщину во время родов: «Ужасающе пустое, заострившееся лицо, ставшее абстрактным *до незначительности* под грузом испытываемого ощущения»². Экстаз этот — не жертва и не уступка; ¹ Земля {лат.}.

² «Влюбленные женщины».

==256

и речи нет, чтобы один пол дал поглотить себя другому; ни мужчина, ни женщина не должны восприниматься как обломки пары; пол — не рана; каждый из двоих — полноценное существо, должным образом поляризованное; когда один уверен в -своей мужественности, другая — в своей женственности, «каждому удастся в полной мере ощутить силу полового тока»¹; в половом акте никто из партнеров не завоевывает другого и не сдается ему — это чудесная реализация одного из них при помощи другого. Когда Урсула и Бикрин наконец обрели друг друга, «они взаимно давали друг другу то звездное равновесие, которое только и можно назвать свободой... Она была для него тем же, чем он для нее, — извечным великолепием *другой реальности*, мистической и осязаемой»², Достигая друг друга в благородном томлении страсти, любовники вместе достигают Другого. Всего. Как Поль и Клара в момент их любви³: она для него — «сильная, странная, дикая жизнь, которая смешивалась с его жизнью. Все это настолько превосходило их самих, что они не решались нарушить молчание. Они встретились, и в их встрече одновременно всколыхнулись бесчисленное множество былинок и смешавшиеся с ними звездные водовороты». Тех же космических радостей достигают и леди Чаттерлей с Меллорсом: сливаясь друг с другом, они сливаются с деревьями, светом, дождем. Эту мысль Лоуренс подробно развивает в «Защите леди Чаттерлей»: «Брак — всего лишь иллюзия, если он не имеет прочной и надежной фаллической основы, если он не связан с солнцем и землей, с луной, со звездами и планетами, с ритмом дней, ритмом месяцев, ритмом времен года, лет, десятилетий и веков.

Брак ничего не стоит, если не основан на сообщении крови. Ведь кровь — это субстанция души», «Кровь мужчины и женщины — это две вечно различные реки, которые не могут соединить свои воды». А потому реки эти смывают своими излучинами единое целое жизни. «Фаллос — это тот объем крови, что полностью заливают долину крови у женщины. Мощная река мужской крови в самых укромных уголках обтекает широкую реку женской крови... но ни одна из них не прорывает своей плотины. Это совершеннейшее единение... и одна из величайших тайн». Такое единение чудесным образом обогащает обоих; но оно требует, чтобы все притязания личности были устранены. Когда две личности стремятся достичь друг друга, не отрекаясь от себя, как это обычно случается в современной цивилизации, попытка их обречена на неудачу. Тогда возникает «личная, белая, холодная, нервная, поэтичная» сексуальность, которая растворяюще действует на жизненный ток каждого. Любовники относятся друг к другу как

¹ «Влюбленные женщины».

² Там же.

³ «Любовники и сыновья».

к инструменту, что порождает ненависть между ними: так происходит с леди Чаттерлей и Михаэлем; они остаются в плену своей субъективности; их может бросить в жар, как под воздействием алкоголя или опиума, но жар этот беспредметен; они не открывают реальность другого; они ничего не достигают. Лоуренс безоговорочно осудил бы Косталя. В образе Жерара¹ он изобразил одного из таких гордых, эгоистичных самцов; и Жерар в значительной степени несет ответственность за тот ад, в который он устремляется вместе с Гудрун. Рассудочный, своевольный, он получает удовольствие от пустого самоутверждения и ни в чем не хочет уступать жизни: желая укротить горячую кобылу, он держит ее у забора, за которым с грохотом проносится поезд, разбивает в кровь ее строптивые бока и упивается властью. Когда эта жажда господства обращается на женщину, она изничтожает ее; будучи слабым, женщина превращается в рабыню. Жерар изучает Минетт: «Ее незамысловатый взгляд изнасилованной рабыни, смысл жизни которой заключается в том, чтобы постоянно быть изнасилованной, щекотал нервы Жерара. Его воля была единственной, она же была пассивной субстанцией его воли». Весьма убогое выражение власти; если женщина — всего лишь пассивная субстанция, значит, то, над чем возвышается мужчина, ничего не стоит. Он думает, что берет, обогащается, — это самообман. Жерар сжимает в объятиях Гудрун; «Она была богатой, обожаемой сущностью его собственного существа... Она растворилась в нем, и он был близок к совершенству». Но стоит ему покинуть ее, как он снова чувствует себя одиноким и пустым; а на следующий день она не приходит на свидание. Если женщина сильна, мужские притязания порождают аналогичные притязания и у нее; замороженная и строптивая, она становится то мазохисткой, то садисткой. Гудрун чувствует себя крайне взволнованной, видя, как Жерар сжимает между бедрами бока взбесившейся кобылы; но ее возбуждает и рассказ кормилицы, которая говорит, что когда-то «щипала его за попку». Мужская заносчивость распаляет женское сопротивление. Если Урсулу побеждает и спасает сексуальная чистота Бикрина, равно как леди Чаттерлей — чистота лесничего, то Жерар вовлекает Гудрун в безысходную борьбу. Однажды ночью, несчастный, убитый скорбью, он забывается в ее объятиях. «С ней он с головой окунулся в жизнь, он обожал ее. Она была матерью и сущностью всего на свете. Чудесный, нежный дух, исходивший из ее женского лона, обволакивал его иссушенный и больной мозг, подобно целебному соку растений, подобно успокоительной волне самой жизни, совершенной, словно он снова погружался в материнское лоно». Этой ночью он жадно хватается за то, чем могло бы стать единение с женщиной; но поздно; счастье его испорчено, ибо Гудрун на самом деле с ним нет; она

¹ «Влюбленные женщины».

дает Жерару уснуть у себя на плече, но сама не спит и остается нетерпеливой к отделенной от него. Таково наказание, выпадающее человеку, живущему во власти своего «я»; он один не может сломать свое одиночество; установив границы своего «я», он тем самым устанавливает и границы *Другого*: и ему никогда не достичь его. В конце Жерар умирает, убитый Гудрун и самим собой.

Итак, поначалу ни один пол не имеет преимуществ перед другим. Ни один из них не является субъектом. Женщина — не добыча и не просто предлог. Мальро¹ замечает, что для Лоуренса недостаточно, как для индийца, чтобы женщина была просто возможностью соприкоснуться с бесконечным, как, например, пейзаж: это бы означало опять же сделать ее объектом, только по-другому. Она столь же реальна, как и мужчина; и достичь нужно реального единения. Поэтому положительные герои Лоуренса требуют от любовниц не просто отдать свое тело — им нужно нечто гораздо большее; Поль не соглашается, чтобы Мириам вручила ему себя как трогательную жертву; Бикрин не хочет, чтобы Урсула искала в его объятиях только удовольствие; если женщина замыкается в себе, то, будь она холодной или страстной, она оставляет мужчину в одиночестве — и он вынужден ее отвергнуть. Нужно, чтобы оба отдавались телом и душой. Если же дар этот принесен, они должны навеки сохранить верность друг другу. Лоуренс — сторонник единобрачия. Поиск разнообразия возможен лишь в том случае, если человек интересуется индивидуальными качествами отдельного человека; в основе же фаллического брака — общечеловеческие свойства. Если по цепи мужественность — женственность пошел ток, никакая жажда перемен недопустима; эта цепь совершенна, замкнута в себе, окончательна.

Обоюдный дар, обоюдная верность — неужели это действительно царство взаимного признания? Отнюдь, Лоуренс страстно верит в мужское превосходство. Само выражение «фаллический брак», где «фаллический» выступает эквивалентом «сексуального», красноречиво доказывает это. Из двух таинственным образом переплетающихся потоков крови фаллическому потоку отдается предпочтение. «Фаллос служит связующим звеном между двумя реками; он объединяет два различных ритма в единый поток». Таким образом, мужчина — это не только один из элементов пары, но и связь между ними; он больше каждого из них: «Мост в будущее — это фаллос». Культ Богини-Матери Лоуренс намерен заменить фаллическим культом; когда он хочет выявить сексуальную природу космоса, он говорит не о женском чреве, но о мужественности мужчины. Он почти никогда не рисует мужчину, возбужденного женщиной, — зато сколько раз показывает он женщину, тайно взволнованную сильным, тонким, вкрадчивым зовом мужчины; его героини — красивые и здоровые, но в них нет

Предисловие к «Любовнику леди Чаттерлей».

==259

17*

ничего опьяняющего; а вот герои — возбуждающие фавны. Смутную и могучую тайну Жизни воплощают самцы животных; женщины же испытывают на себе ее чары: одну приводит в волнение лис, другая влюбляется в жеребца, Гудрун лихорадочно бросает вызов стаду молодых быков; ее же приводит в смятение строптивая мощь кролика. На это космическое преимущество накладывается преимущество социальное. Наверное, потому, что фаллический поток стремителен, агрессивен, что он охватывает будущее — Лоуренс не дает достаточного объяснения, — именно мужчине надлежит «нести вперед знамена жизни»¹; он устремлен к каким-то целям, он воплощает трансцендентность; женщина поглощена своими чувствами, она вся обращена вовнутрь; ее предназначение — имманентность. Мужчина не только играет активную роль в половой жизни, но и помогает ее превзойти; корнями он уходит в мир секса, но он и ускользает из него; женщина же остается у него в плену. Мысль и действие коренятся в фаллосе; за неимением последнего, женщина не может претендовать ни на то, ни на другое; она может играть мужскую роль, и даже с блеском, но в этой игре не будет правды. «Энергия женщины концентрируется внизу, ближе к центру земли. Ее глубинный ток — это прилив, направленный вниз, лунное притяжение. Энергия

мужчины, наоборот, устремлена вверх, к солнцу и дневной деятельности»². Для женщины «самое глубокое сознание покоится в ее животе и поясице... Если она обращает взор вверх, наступает момент, когда все рушится»³. В области действия инициатором, позитивным началом должен быть мужчина; женщина — позитивное начало в эмоциональном плане. Итак, Лоуренс приходит к традиционной буржуазной концепции Бональда, Опоста Конта, Клемана Вотея. Женщина должна подчинить свое существование мужскому. «Она должна верить в вас и в ту высокую цель, к которой вы устремлены»⁴. И тогда мужчина вознаградит ее бесконечной нежностью и благодарностью. «Ах! Как сладостно вернуться домой, к женщине, когда она верит в вас и согласна, чтобы замыслы ваши превосходили ее разумение... К любящей женщине человек испытывает неистощимую благодарность...»⁵ Лоуренс добавляет, что подобную преданность мужчина может заслужить лишь в том случае, если у него действительно есть великие замыслы; если же его проект — не более чем обман, любовники погружаются в жалкую мистификацию; уж лучше тогда замкнуться в женском цикле «любовь — смерть», как Анна Каренина и

¹ «Фантазия бессознательного».

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

[К оглавлению](#)

[==260](#)

Вронский, Кармен и дон Хосе, чем лгать друг другу, как Пьер и Наташа.

Но, делая эту оговорку, Лоуренс ратует, подобно Прудону и Руссо, за моногамную семью, где жена видит в муже оправдание своего существования. О женщине же, которая хочет поменяться ролями с мужчиной, Лоуренс говорит с такой же ненавистью, как и Монтерлан. Стоит только ей отказаться от роли Magna mater и заявить, что правда жизни в ее руках, как вот она уже ненасытная захватчица, калечащая мужчину, ввергающая его в имманентность, отвлекающая от поставленных целей. Лоуренс далеко не проклинает материнство — наоборот, ему нравится быть плотью, он принимает свое рождение и любит мать; матери в его творчестве представляют собой великолепные образцы настоящей женственности; они — чистое самоотречение, абсолютная щедрость, и все их живое тепло предназначено для ребенка: они согласны, чтобы он стал мужчиной, они гордятся этим. Но следует опасаться эгоистичной любовницы, которая хочет вернуть мужчину в детство; она пресекает порыв мужчины. «Луна, планета женщин, тянет нас назад»¹. Она без конца говорит о любви; но любить для нее — значит брать, значит заполнять пустоту, которую она ощущает внутри себя; любовь эта близка к ненависти; так Гермiona, страшно страдающая от чувства неполноценности из-за того, что никогда не могла никому отдаться, хотела бы завоевать Бикрина; это ей не удастся; она пытается его убить, и сладострастный экстаз, который она испытывает, нанося ему удар, подобен эгоистичному спазму наслаждения². Лоуренс терпеть не может современных женщин, этих созданий из целлулоида и резины, которые отстаивают свое право иметь сознание. Стоило женщине сексуально осознать себя — и вот она уже «шагает по жизни, поступая чисто рассудочно и подчиняясь велениям

механической воли»³. Он отказывает ей в самостоятельной чувственности; ведь она создана, чтобы отдаваться, а не брать. Устами Меллорса Лоуренс кричит о своем отвращении к лесбиянкам. Но он осуждает и ту женщину, которая равнодушно или агрессивно держится с мужчиной; Поль чувствует себя уязвленным и раздраженным, когда Мириам ласкает его торс, говоря: «Ты красивый». Гудрун, как и Мириам, заслуживает порицания, когда восхищается красотой своего любовника; такое любование разъединяет их, равно как и ирония холодных как лед интеллектуалок, находящихся пенис смешным, а мужскую гимнастику забавной; не менее предосудительно упорное стремление к удовольствию: существует острое одинокое наслаждение, которое также разъединяет людей, и

«Фантазия бессознательного». ^ «Влюбленные женщины».

' «Фантазия бессознательного».

==261

женщина не должна к нему стремиться. Лоуренс нарисовал множество портретов таких независимых, властных женщин, которые изменяют своему женскому призванию. Урсула и Гудрун из этой породы. Поначалу Урсула — захватчица. «Мужчине следовало бы предать ей всего себя без остатка...!» Позже она научится обуздывать свою волю. А вот Гудрун упорствует; рассудочная, артистичная, она отчаянно завидует мужчинам, их независимости, возможности действовать; она стремится сохранить нетронутой свою индивидуальность; она хочет жить для себя; полная иронии, жаждущая обладания, она навсегда останется в плену своей субъективности. Но самый показательный образ — это образ Мириам², поскольку он наименее замысловатый. За крах Гудрун частично отвечает Жерар; Мириам же рядом с Полем одна несет бремя своего несчастья. Она тоже хотела бы быть мужчиной и ненавидит мужчин; она не принимает себя в своей всеобщности, она хочет «выделиться»; а потому большой поток жизни идет мимо нее, она может походить на колдунью или жрицу, но никогда — на вакханку; окружающее может взволновать ее, только если она перевоссоздаст его в своей душе, придав ему сакральную ценность: сам этот пыл отделяет ее от жизни; все в ней поэзия, мистика, разлад. «Ее чрезмерное усилие замыкалось само на себе... она не была неловкой, и все же никогда не делала нужного движения». Она ищет чисто внутренних радостей, действительность же пугает ее; половая жизнь пугает ее; когда она спит с Полем, сердце ее остается в стороне, преисполненное чем-то вроде отвращения; она не согласна слиться с любовником воедино; она хочет впитать его в себя. Такое желание раздражает его; он страшно сердится, видя, как она ласкает цветы: можно подумать, она хочет вырвать у них сердце; он оскорбляет ее: «Вы просите любви, как подаяния; вам нужно не любить, а только быть любимой. Вы хотите наполниться *любовью*, потому что вам чего-то недостает, уж не знаю чего». Половая жизнь создана не для того, чтобы восполнять пустоты; она должна быть проявлением совершенного существа. То же, что женщины называют любовью, — это жажда, которую они испытывают перед лицом мужской силы, желая ею завладеть. Мать Поля вполне здраво судит о Мириам: «Она хочет его всего целиком, она хочет извлечь его из него самого и поглотить его». Девушка радуется, когда ее друг болен, потому что может ухаживать за ним: вроде бы она делает все для него, но на самом деле это один из способов навязать ему свою волю. Поскольку они с Полем по-прежнему разобщены, она возбуждает в нем «горение, подобное жару, который бывает от опиума», но она неспособна принести ему радость и покой; в глубине своей любви, в самом потаенном уголке своего существа «она ненавидела Поля, потому

¹ «Влюбленные женщины».

==262

что он любил ее и стоял над ней». А потому Поль уходит от нее. Он ищет равновесия рядом с Кларой; красивая, живая, близкая к природе, эта женщина отдает себя без остатка; и любовники достигают моментов экстаза, которые превосходят их обоих; но Клара не понимает этого откровения. Она думает, что обязана этой радостью Полю, его исключительности, и желает завладеть им; ей не удастся удержать его, потому что она тоже хочет получить его всего целиком. Как только любовь индивидуализируется, она превращается в алчный эгоизм, и чудо эротизма исчезает.

Нужно, чтобы женщина отказалась от личной любви: ни Меллорс, ни дон Чиприано не расположены объясняться в любви своим любовницам. Тереза — образцовая женщина — возмущается, когда Кейт спрашивает, любит ли она дона Рамона¹. «Он — моя жизнь», — отвечает она; дар, который она принесла ему, — это не любовь, а нечто совсем иное. Женщина, как и мужчина, должна отречься от всякой гордости и всякой воли; если она воплощает для мужчины жизнь, то и он для нее воплощает то же самое; леди Чаттерлей обретает покой и радость лишь потому, что признает эту истину: «она откажется от своего сурового и блестящего женского могущества, которое тяготило и ожесточало ее, и погрузится в воды новой жизни, глубоко-глубоко, в самые ее недра, где слышится песня без голоса — песня обожания»; в общем, она слышит призыв к хмельному упоению вакханок; слепо подчиняясь своему любовнику, не пытаясь искать себя в его объятиях, она образует с ним гармоничную пару, созвучную дождю, деревьям и весенним цветам. Так же и Урсула отрекается в объятиях Бикрина от своей индивидуальности, и они достигают «звездного равновесия». Но в полной мере идеал Лоуренса лучше всего отражает «Змий в павлиньих перьях». Ибо дон Чиприано — один из тех мужчин, что «несут вперед знамена жизни»; у него есть миссия, которой он полностью отдается, настолько, что мужественность его превосходит себя, вырастая вплоть до божественности: если он хочет, чтобы его почитали как бога, это не мистификация; ведь каждый мужчина, который в полной мере мужчина, — бог; а значит, он заслуживает беззаветной преданности женщины. Начиненная западными предрассудками, Кейт поначалу отказывается от такой зависимости; она дорожит своей личностью и своим ограниченным существованием; но понемногу она проникается великим потоком жизни и отдается Чиприано телом и душой. Она сдается не как рабыня: прежде чем решиться жить с ним, она требует, чтобы он признал, насколько она ему необходима; он это признает, поскольку женщина действительно необходима мужчине; тогда она соглашается всегда быть только его подругой и ничем иным; она принимает его цели, его ценности, его мир. Это подчинение выражается и в самом эротизме; Лоуренс не хочет, «Змий в павлиньих перьях».

==263

чтобы женщина напрягалась в ожидании удовольствия и отделялась от мужчины в последнем содрогании; он намеренно отказывает ей в оргазме; дон Чиприано отстраняется от Кейт, когда чувствует в ней приближение этого жгучего наслаждения; она отрекается даже от этой сексуальной независимости. «Ее пылкая женская воля и желание умирались в ней и исчезали, и

теперь она была сама нежность и покорность, как горячие источники, бьющие из земли без всякого шума, а при этом такие активные и могущественные в своей тайной силе».

Понятно, почему романы Лоуренса — это прежде всего романы «воспитания женщин». Женщине неизмеримо труднее, чем мужчине, подчиниться космическому порядку, потому что мужчина подчиняется ему самостоятельно, ей же необходимо посредничество мужчины. Только когда Другой принимает облик посторонних сознания и воли, можно действительно говорить о добровольной сдаче; в противном случае самостоятельное подчинение странным образом напоминает монаршее решение. Герои Лоуренса либо обречены с самого начала, либо с самого начала владеют секретом мудрости!; их подчинение космосу совершилось уже так давно и они извлекают из него столько внутренней уверенности, что кажутся такими же заносчивыми, как какой-нибудь надменный индивидуалист; их устами говорит бог — сам Лоуренс. А вот женщина должна склониться перед их божественной природой. Будь мужчина даже фаллосом, а не мозгом, раз он причастен мужественности, он все равно сохраняет свои преимущества; женщина — не зло, она даже добра — но подчинена. Лоуренс снова предлагает нам идеал «настоящей женщины», то есть женщины, без колебаний соглашающейся определить себя как Другого,

[00.htm - глава19](#)

III КЛОДЕЛЬ И СЛУЖАНКА ГОСПОДНЯ

Оригинальность католицизма Клоделя заключается в упрямом оптимизме, с которым он утверждает, что даже зло обращается во благо.

«Даже зло

Несет в себе добро, и главное его не обронить»², Принимая эту точку зрения, которой наверняка придерживается и сам Создатель — ведь предполагается, что он всемогущ, всеведущ и доброжелателен, — Клодель выражает полное согласие со всем творением в целом; без ада и греха не было бы ни свободы, ни спасения; когда Бог вывел этот мир из небытия, он предусмотрел

¹ За исключением Поля из «Любовников и сыновей» — самого живого из всех. Но это единственный роман, где показано становление мужчины.

² «Полуденный раздел».

[==264](#)

грехопадение и искупление. В глазах евреев и христиан послушание Евы поставило ее дочерей в весьма незавидное положение: известно, как сурово расправляются с женщиной Отцы Церкви. Напротив, ее можно оправдать, если допустить, что она послужила божественным замыслам. «Женщина! Та служба, что некогда, послушавшись, сослужила она Господу в земном раю; и то глубокое согласие, что установилось между нею и Им; та плоть, что из-за своей вины оказалась во власти Искупления!»! Конечно, она источник греха, и мужчина из-за нее лишился рая. Но грехи

человеческие были искуплены, и мир этот снова благословен: «Мы вовсе не покинули тот рай наслаждений, куда с самого начала поместил нас Бог»².

«Вся земля — Земля Обетованная»³.

Ничто из того, что сделано руками Бога, ничто из того, что дано, не может быть плохо само по себе: «Все созданное Господом вбирает в себя молитва, с которой мы к Нему взываем! В Его творении ничто не тщетно, ничто не чуждо чему-нибудь другому»⁴. И нет даже ничего такого, что не было бы необходимо. «Все вещи, в единстве созданные Им, между собою сообщаются и все одновременно необходимы друг другу»⁵. Таким образом, и у женщины есть свое место в гармонии вселенной; и это не какое-нибудь незначительное место; существует «удивительная страсть, возмутительная в глазах Люцифера, которая связует Вечного Бога с этим мимолетным цветком Небытия»⁶.

Конечно, женщина может быть и разрушительницей: в образе Леши⁷ Клодель воплотил злую женщину, ведущую мужчину к гибели; в «Полуденном разделе» Изе опустошает жизнь тех, кого ловит в западню своей любви. Но если бы не было риска гибели, не существовало бы и спасения. «Женщина — это элемент риска, который Он сознательно ввел в самую середину своего дивного построения»⁸. Человеку полезно познать искушения плоти. «Драматическим элементом в нашей жизни, ее мучительной остротой мы обязаны этому притаившемуся в нас врагу. Если бы душа наша не подвергалась столь жестоким нападкам, она бы спала, а так она вся в движении... Только в борьбе можно научиться побеждать»⁹. Человек призван прийти к сознанию своей души не

¹ «Приключения Софии».

² «Кантата на три голоса».

³ «Беседы в Луар-э-Шер».

⁴ «Атласный башмачок».

⁵ «Благовещение». «Приключения Софии».

⁷ «Обмен».

⁸ «Приключения Софии». «Черная птица в лучах восходящего солнца».

только дорогами духа, но и дорогами плоти. «Но есть ли плоть, могущество которой окажет на мужчину влияние большее, чем сила женской плоти?»¹ Все, что вырывает его из сна, из безопасности, полезно для него; любовь, в какой бы форме она ни возникла, имеет свойство быть в «нашем личном мирке, обустроенном усилиями нашего посредственного разума, чем-то вроде элемента, до глубины взрывающего устоявшийся порядок»². Очень часто женщина только дарит иллюзии и не оправдывает ожиданий; «Я — обещание, которое нельзя сдержать, и этим самым я к себе влеку».

Я — сладость того, что есть, и вместе сожаленье о том, чего нет. Я — истина под маской заблужденья, и тот, кто любит меня, не очень-то стремится различить, где тут одно, а где другое»³.

Но и в иллюзии есть своя польза; именно это возвещает Ангел-Хранитель донье Пруэз: «— Даже грех! Грех тоже на пользу.

— Так, значит, хорошо, что он меня любил?

— Хорошо, что ты научила его желать.

— Желать иллюзию? Желать тень, что ускользает от него навеки?

— Желанье — это то, что есть, иллюзия **же** — то, чего нет. Желанье через иллюзию.

Это то, что есть, достигнутое через то, чего нет»⁴.

По воле Господа Пруэз была для Родриго: «Мечом, пронзившим его сердце»⁵.

Но женщина в руках Бога — это не только клинок или раскаленный уголь; блага сего мира не всегда следует отвергать; ведь они тоже питают душу; нужно, чтобы человек брал их и делал своими. Возлюбленная станет для него воплощением всей ощутимой красоты вселенной; она станет гимном прославления у него на устах, «О, как прекрасны вы, Виолен, и как прекрасен мир, в котором есть вы» в.

«Кто та, что предо мной стоит? Она нежнее дыхания ветерка, она напоминает луну, что льет свой свет сквозь раннюю листву. Она подобна молодой пчеле, что расправляет крылья, еще не знавшие полета, или быстрой лани, или цветку, который сам не ведает о красоте своей»⁷.

¹ «Атласный башмачок».

² «Положения и предложения».

³ «Город».

⁴ «Атласный башмачок».

⁵ Там же.

⁶ «Благовещение».

⁷ «Дева Виолен».

«Дай мне вдохнуть твой аромат, подобный аромату земли, когда она сверкает, омытая водою, как алтарь, и желтые и голубые цветы на свет рождает, Подобный аромату лета, что пахнет сеном и травой, подобный аромату осенних дней...»*

Она вбирает в себя всю природу: розу и лилию, звезду, плод, птицу, ветер, луну, солнце, водопад, «мирную суету большого порта в лучах полуденного солнца»², А еще она — нечто большее; для мужчины она — существо ему подобное.

«Однако на сей раз то вовсе не звезда — крупца света в живом песке ночей, —

Со мною рядом человек, как я...»³

«Ты больше никогда один не будешь, но в тебе, с тобою рядом преданное существо навеки. Та, что навсегда твоя и никогда себя уж не отнимет, — твоя жена»⁴.

«Кто-то для того, чтобы слушать, что я скажу, и верить в меня.

Друг, что тихо говорит и заключает нас в свои объятия, уверяя, что зовется он женщиной»⁵.

Когда мужчина прижимает ее к сердцу, привлекает к себе ее тело и душу, он обретает свои корни на этой земле и реализует себя.

«Эту женщину я взял, и такова теперь мне мера и мой надел земли»⁶. Это бремя нелегко нести, но мужчина не создан для праздности: «И вот глупец мужчина с изумленьем видит возле себя нелепую особу, нечто тяжелое, громоздкое, большое.

Ворох платьев, ворох волос — но что поделать?

Он уже не может, не хочет это все с себя стряхнуть»⁷.

А дело в том, что это бремя — одновременно сокровище. «Я великое сокровище», — говорит Виолен.

И наоборот, отдавая себя мужчине, женщина осуществляет свое земное предназначение.

«Ибо зачем быть женщиной, как не затем, чтобы тебя сорвали?

Иль розою, как не затем, чтоб поглотили тебя? Зачем на свет рождаться, Как не затем, чтобы другому принадлежать и быть добычей могущественного льва?»⁸

«Город».

«Атласный башмачок». ³ Там же. «Город».

«Черствый хлеб». «Город».

«Полуденный раздел». «Кантата на три голоса».

«Что делать, коли женщиной могу я быть лишь у него в объятиях, а кубком вина — лишь в сердце у него?»!

«Но ты, душа моя, скажи, ведь не напрасно я создана была, ведь существует тот, кто призван меня сорвать!

Какая радость будет для меня, когда заполнить смогу то сердце, что меня ждало»².

Само собой разумеется, такой союз мужчины и женщины должен быть заключен перед Богом; он священен и совершается в вечности; он должен быть принят глубоким движением воли и не может быть нарушен чьим-то капризом. «Любовь, согласие двух свободных людей отдать себя друг другу показалось Богу чем-то настолько великим, что он сделал это таинством. Здесь, как везде, таинство придает реальность тому, что было лишь высшим стремлением сердца»³. И еще: «Брак — не удовольствие, но принесение удовольствия на жертвенный алтарь; брак — старание двух душ, которым отныне и вовек во имя цели, что их разумению недоступна, Придется ограничиться друг другом»⁴.

Благодаря этому союзу мужчина и женщина не только принесут друг другу радость; каждый из них еще и станет хозяином своего существа. «Эту душу во глубине моей души найти мог только он!.. Ведь это он пришел ко мне и протянул мне руку... Он был моим призванием! Как выразить мне это? Он — мои истоки! Лишь благодаря ему и для него я в мир пришла»⁵.

«Большая часть меня, что я считала несуществующей, поскольку занята была другим и думать о том забыла, и Вдруг, о Боже! Она живет, мучительно живет»⁶.

И оправдание этого существа — в том, кого оно дополняет, кому необходимо. «Ты была необходима в нем», — говорит Ангел Пруэз. А вот слова Родриго: «Ибо что зовем мы смертью, как не тот момент, когда необходимым ты быть уже не можешь?

Когда же без меня она умела жить? Когда ж я перестану для нее быть тем, что ей необходимо, чтоб быть самой собой»⁷.

«Говорят, что нету душ, рожденных вне нашей жизни, и нету между ними таинственных, непостижимых уз.

Но ты и я — возможно, тут нечто даже большее, ведь вот я существую только, пока ты говоришь; и речи наши встречаются один и тот же отклик.

¹ «Кантата на три голоса».

² Там же.

³ «Положения и предложения, II».

⁴ «Атласный башмачок».

⁵ «Книга Товии и Сары».

⁶ «Униженный отец».

⁷ «Атласный башмачок».

Когда готовилось создание наших душ то, может, Орион, у них осталось немного вещества, пошедшего на вас, и этот вам недостающий комочек стал мною»¹.

В этой чудесной необходимости воссоединения вновь обретается рай и побеждается смерть: «Вот из мужчины и женщины воссоздано то существо, что некогда жило в Раю»².

«Одна возможность только есть у нас избежать смерти — избавить от нее друг друга.

Так, если фиолетовый смешать с оранжевым, перед нами явится чистейший красный цвет»³.

Итак, видя перед собой другого, человек на самом деле приближается к Другому во всей его полноте, то есть к Богу, «Ведь то, что мы делаем друг другу, — это Бог в различных ипостасях»⁴.

«Если б прежде ты воочию не видел неба, разве смог бы ты так истово его желать?»⁵

«О, перестаньте быть просто женщиной и дайте на челе у вас увидеть Бога, ибо вы бессильны удержать его в себе»⁶.

«Любовь Бога обращена к тому же свойству нашей души, что и любовь Его созданий, к ощущению, что сами по себе мы не завершены и что высшее Благо, в котором мы реализуемся, — вне нас, в ком-то другом»⁷.

Итак, каждый находит в другом смысл своей земной жизни и неопровержимое доказательство недостаточности этой жизни: «Уж если я не в силах небо даровать ему, то от земли хотя бы оторвать его смогу. Ведь только я одна способна недостаток дать ощутить ему, по силе сопоставимый с его желанием»⁸, «То, чего я у тебя просила, и то, что даровать тебе хотела, не с временем соизмеримо, но с вечностью»⁹.

В то же время роль женщины и роль мужчины не полностью идентичны. В социальном плане существует явное преимущество мужчины. Клодель верит в иерархии и среди прочих — в иерархию внутри семьи: ее глава — муж. Анн Веркор царит в своем доме. Дон Пелаж смотрит на себя как на садовника, чьим заботам

«Униженный отец».

«Избранные места из наследия святых». «Атласный башмачок». «Избранные места из наследия святых». Там же.

«Атласный башмачок». «Положения и предложения, I». «Атласный башмачок». ⁹ «Униженный отец».

вверено хрупкое растение — донья Пруэз; он дает ей поручение, от которого она и не думает отказываться. Быть мужчиной — это уже привилегия. «Кто я такая, дева бедная, чтоб с мужем из рода нашего меня равнять?» — спрашивает Синь¹. Мужчина возделывает поля, строит соборы,

сражается с мечом в руках, исследует мир, завоевывает земли, действует, проявляет инициативу. Замыслы Бога на этой земле осуществляются через него. Женщина же воспринимается как нечто вспомогательное. Ее удел — оставаться на месте, ждать и поддерживать.

«Я — та, что остаюсь, меня найдете здесь всегда», — говорит

Синь.

Она защищает наследие Куфонтэна и аккуратно ведет его счета, пока он сражается вдалеке за Дело. Женщина помогает борцу надеждой: «Я несу с собой неодолимую надежду»². А еще — жалостью: «Мне стало жаль его. Куда бы, мать ища, он обратил свой взор, как не к познавшей унижение женщине

В порыве доверчивости и стыда»³.

А Золотая Голова, умирая, шепчет: «Вот раненого мужество, поддержка больного, Последний друг того, кто умирает...»

Клодель ничего не имеет против того, чтобы женщина видела мужчину в минуты слабости; наоборот, он счел бы кошунством выставленную напоказ мужскую гордость, как у Монтерлана или Лоуренса. Мужчине полезно знать, что он — лишь жалкая плоть, и не забывать ни о своем рождении, ни о симметричной ему смерти. Любая супруга могла бы сказать словами Марты: «Да, верно, жизнь тебе дала не я.

Моя ж задача в том, чтобы ее потребовать обратно. А потому мужчина, стоящий перед женщиной, Смятенье ощущает в своем сознании, как будто столкнувшись с кредитором»⁴.

И в то же время эта слабость должна склониться перед силой. В браке жена *отдается* мужу, а он берет на себя ответственность за нее; Лала ложится на землю перед Кёвром, а он ставит на нее ногу. Отношение жены к мужу, дочери к отцу, сестры к брату — это отношение вассальной зависимости. Синь приносит Жоржу клятву рыцаря своему сюзерену.

«Вы вождь, я — бедная сивилла, хранящая огонь»⁵.

«Дай мне клятву принести, как молодые рыцари клянутся! О мой сеньор! Дай мне поклясться, не выпуская меня из рук, ¹ «Залог».

² «Город».

³ «Обмен».

⁴ Там же.

⁵ «Залог».

[К оглавлению](#)

И будет эта клятва свята, как монашеский обет, О муж из рода моего! »¹

Верность и честность — это величайшие человеческие добродетели вассалки. Мягкая, кроткая, смиренная как женщина, она горда и неукротима как представительница своего рода; такова гордая Синь де Куфонтэн, такова принцесса из «Золотой Головы», которая выносит на своих плечах тело убитого отца, соглашается на нищету дикой и одинокой жизни, принимает муку распятия и ухаживает за Золотой Головой в его предсмертной агонии, а потом умирает рядом с ним. Часто женщина предстает перед нами примирительницей, посредницей: она — Эсфирь, исполняющая приказы Мардохея, Юдифь, послушная воле священников; она способна победить в себе слабость, малодушие, стыдливость во имя честного служения Делу, которое она считает своим, поскольку это дело ее хозяев; в своей преданности она черпает силу, которая делает ее ценнейшим орудием в руках мужчины.

Итак, в человеческом плане получается, что источником величия для нее становится сама ее подчиненность. Однако в глазах Бога она совершенно самостоятельное существо. То, что у мужчины существование постоянно выходит за свои пределы, а у женщины оно сохраняется в неизменном виде, устанавливает между ними различие только с земной точки зрения; трансценденция же все равно осуществляется не на земле, а в Боге. А женщина имеет с ним столь же прямую, но еще более тесную и тайную связь, что и ее спутник. К Синь Бог обращается устами мужчины — правда, священника, — тогда как Виолен слышит его голос в уединении собственного сердца, а Пруэз имеет дело только с Ангелом-Хранителем. Самые возвышенные образы у Клоделя — женщины: Синь, Виолен, Пруэз. Отчасти это связано с тем, что святость для него — в отречении. Женщину же гораздо меньше увлекают земные цели, у нее меньше личной воли: созданная для того, чтобы отдаваться, а не для того, чтобы брать, она ближе к совершенному самоотречению. Именно через нее будут превзойдены земные радости; они дозволены и хороши, но принести их в жертву — гораздо лучше. Синь совершает эту жертву с вполне определенной целью: спасти папу. Пруэз сначала смиренно идет на нее потому, что любит Родриго запретной любовью; «Разве ты хотел бы, чтобы в твоих объятьях оказалась неверная жена?.. Тогда б я стала просто женщиной, которой вскоре предстояло б умереть у сердца твоего, а не звездой вечной — предметом твоих страстей»².

Но когда стало возможным сделать эту любовь законной, она не предпринимает ничего, чтобы дать ей осуществиться в этом мире. Ибо Ангел-Хранитель шепнул ей: •«Залог». «Атласный башмачок».

==271

«Приветствую тебя, Пруэз, сестра, дитя Господне в свете, Та Пруэз, что лицезреют ангелы с небес, ведь это на нее он смотрит, сам того не зная, ее ты создала затем, чтобы ему вручить»¹.

Она — человек, женщина, и смиряется она не безропотно: «Он запаха и вкуса моего не будет знать!»² Но ей известно, что ее истинный брак с Родриго совершится

только через ее отказ; «Когда нельзя никак уж будет пути разорвать, когда ко мне он будет навек привязан в этом невозможном союзе брачном, когда не станет средства ускользнуть от крика плоти моей всецельной и от пустоты безжалостной, когда я докажу ему небытие его, равно как и мое, когда в его небытии не будет тайны, что не поверялась бы небытием моим, Вот тогда его отдам я Богу отверзтого, разъятого, чтоб Он ударом грома его восполнил, вот тогда я получу супруга и буду Бога

в объятиях сжимать»³.

Решимость Виолен еще более таинственна и немотивированна; ведь она избирает проказу и слепоту, когда законный союз мог бы соединить ее с человеком, которого она любит и который любит ее.

«Жак, быть может, Мы любили слишком сильно, чтобы справедливо было нам принадлежать друг другу, чтобы принадлежать друг другу было

хорошо»⁴.

Но столь исключительный жребий героизма и святости выпадает женщинам опять же потому, что Клодель воспринимает их в мужской перспективе. Конечно, один пол воплощает *Другого* в глазах противоположного пола; но, несмотря ни на что, его мужскому взгляду часто *абсолютно другим* представляется женщина. Существует мистическое преодоление границ своего «я», и «мы знаем, что сами по себе мы неспособны его свершить, а потому такую власть имеет над нами женщина — она подобна власти Благодати»⁵. Под «мы» здесь подразумеваются только мужчины, а не весь человеческий род, и их несовершенству женщина противостоит как зов бесконечности. В некотором смысле здесь наблюдается новый принцип субординации: сама соборность христианской церкви предполагает, что каждый человек — орудие спасения для всех остальных; но именно женщина оказывается орудием спасения для мужчины⁶ обратная ситуация не встречается. «Атласный башмачок» — это эпопея спасения Родриго. Драма откры-

¹ «Атласный башмачок».

² Там же.

³ «Дева Виолен».

⁴ Там же.

⁵ «Атласный башмачок».

вается молитвой за его душу, которую брат его возносит к Богу; и завершается она смертью Родриго, приведенного Пруэз к святости. Но, с другой стороны, женщина тем самым обретает величайшую независимость: ведь она несет в себе свою миссию, и, обеспечивая спасение мужчине или будучи примером для него, она в одиночестве приходит и к собственному спасению, Пьер де Краон пророчествует Виолен о ее судьбе и пожинает чудесные плоды ее жертвы; он восславит их перед людьми в камнях соборов. Но самопожертвование Виолен совершает одна, без всякой помощи. В отношении Клоделя к женщине есть нечто мистическое, напоминающее отношение Данте к Беатриче, мистику гностиков и даже мистику сенсимонистской традиции, видевшей в женщине возрождающее начало. Но поскольку мужчина и женщина в равной мере создания Господа, Клодель и ей дал самостоятельный удел. И получается, что у него женщина реализуется как субъект, становясь Другим («Я служанка Господня»); она является *Другим* в своем «для-себя-бытии».

В «Приключениях Софии» есть одно место, где в сжатой форме изложена практически вся клоделевская концепция. Бог, читаем мы, даровал женщине «лицо, которое, каким бы далеким и искаженным оно ни было, являет некий образ ее совершенства. Он сделал ее желанной. Он соединил в ней конец и истоки. Он сделал ее хранительницей своих замыслов и наделил способностью дать мужчине тот созидательный сон, во время которого была задумана и она сама. Она — опора судьбы. Она — дар. Она — возможность обладания... Она — связующее звено в тех узах любви, что никогда не перестанут соединять Создателя с его творением. Она Его понимает. Она — душа, что видит и действует, В какой-то мере она разделяет с Ним терпение и власть над творением».

С одной стороны, кажется, невозможно вознести женщину на большую высоту. Но, в сущности, Клодель всего лишь выражает в поэтической форме слегка модернизированную католическую традицию. Мы уже говорили, что земное предназначение женщины нисколько не мешает ее автономности в сверхъестественном плане; но и наоборот, признавая последнюю, католик считает себя вправе в этом мире сохранять мужские prerogatives. Почитая женщину *в Боге*, в этом мире к ней будут относиться как к прислуге; и даже чем больше будут требовать от нее полного подчинения, тем вернее наставят на путь спасения. Посвятить себя детям, мужу, дому, родовому имени, Родине, Церкви — такова ее доля, доля, всегда отводившаяся ей буржуазией; мужчина отдает свою деятельность, женщина — саму себя; освятить эту иерархию волей Господней — значит не изменить ее, а, наоборот, попытаться утвердить ее в вечности.

[==273](#)

[00.htm - glava20](#)

IV БРЕТОН. ИЛИ ПОЭЗИЯ

Несмотря на пропасть, отделяющую религиозный мир Клоделя от поэтического пространства Бретона, существует определенная аналогия в том, какую роль они отводят женщине: она — возмущающий спокойствие элемент; она вырывает мужчину из сна имманентности; уста, ключ, дверь, мост — это Беатриче, вводящая Данте в запредельный мир. «Любовь мужчины к женщине, если мы на секунду предадимся наблюдению за миром чувств, упорно загромождает небо гигантскими, яркими цветами. И для духа, который постоянно испытывает потребность ощущать надежность своего положения, она остается опаснейшим камнем преткновения». Любовь другой ведет к любви Другого. «Когда избирательная любовь к некоему существу достигает наивысшей точки, открываются шлюзы, выпуская на волю поток любви к человечеству...» Но для Бретона запредельный мир — не далекое, неведомое небо, он — прямо здесь, он открывает себя тому, кто умеет отодвинуть завесу повседневной банальности; и, в частности, иллюзию ложного знания рассеивает эротизм, «В наши дни сексуальный мир... не прекратил, насколько мне известно, противопоставлять нашему стремлению проникнуть в мир свое непробиваемое ночное ядро».

Столкнуться с тайной — это единственный способ ее обнаружить. Женщина — загадка и окружена загадками; ее многочисленные лики вместе составляют «единственное существо, в котором нам дано лицезреть последнее перевоплощение Сфинкса»; а потому она — откровение. «Ты была самым олицетворением потаенного», — говорит Бретон любимой женщине. И немного далее: «Еще не зная, в чем могло заключаться откровение, которое ты несла мне, я уже знал, что это — откровение». Это равнозначно утверждению, что женщина — поэзия. Ту же роль играет она и у Жерара де Нерваля, но в образе Сильвии или Орелии она принимает очертания воспоминания или призрака, потому что греза, более истинная, чем реальность, полностью с нею не совпадает; у Бретона же — абсолютное совпадение: есть только один мир; поэзия объективно присутствует в

вещах, а женщина, безусловно, существо из плоти и крови. Ее встречают не в грезах, но во время самого обычного бодрствования, среди дня — банального дня, обозначенного в календаре определенным числом, как все остальные дни — 5 апреля, 12 апреля, 4 октября, 29 мая, — в обыденной обстановке; в кафе, на улице. Но всегда ее отличает какая-нибудь необычная черта, Надя «идет с высоко поднятой головой, не в пример другим прохожим... На лице — своеобразный грим... Я никогда не видел таких глаз». Бретон подходит к ней. «Она улыбается, но так таинственно и, я бы сказал, со знанием дела». А вот в «Сумасшедшей любви»: «Эта только что вошедшая молодая женщина была как будто окутана паром — и

==274

одета огнем?.. И я вправе сказать, что в этом месте 29 мая 1934 года эта женщина была возмутительно¹ прекрасна». И поэт сразу же осознает, что ей предстоит сыграть в его судьбе определенную роль; иногда эта роль бывает мимолетной, второстепенной; такова девочка с глазами Далилы в «Сообщающихся сосудах»; но даже тогда вокруг нее происходят маленькие чудеса: в день, когда у Бретона назначено свидание с этой Далилой, он читает в газете доброжелательную статью, подписанную давно потерянным из виду другом по имени Самсон. Иногда чудеса множатся; появление незнакомки 29 мая, той ундины из мюзик-холла, что выступала в номере с плаванием, было предсказано услышанным в ресторане каламбуром: «Хвастун Дины видел хвост ундины»; а ее первый большой выход с поэтом был в мельчайших подробностях описан в поэме, сочиненной им одиннадцать лет назад. Но самая потрясающая колдунья у него — это Надя; она предсказывает будущее, с ее губ слетают те же слова и образы, о которых в тот же самый момент думает ее друг; ее сны и рисунки — прорицания; «Я блуждающая душа», — говорит она; она идет по жизни «как-то особенно, руководствуясь одной лишь интуицией и все время напоминая о чуде»; вокруг нее беспристрастный случай в изобилии сеет странные события; она так изумительно свободна от соблюдения приличий, что презирует законы и разум — и кончает жизнь в сумасшедшем доме. Это был «свободный гений, напоминающий одного из тех духов воздуха, которого можно привязать к себе на время с помощью определенных магических заклинаний, но о том, чтобы подчинить его себе, не может быть и речи». Из-за этого ей не удастся до конца исполнить свое женское предназначение. Ясновидящая, пифия, волшебница, она слишком близка к тем ирреальным созданиям, что посещали Нерваля; она отворяет двери в сверхъестественный мир, но бессильна дать его, потому что не умеет отдаваться сама. Женщина осуществляет себя в любви, и только в любви до нее можно реально добраться; она вбирает в себя все, если при своей исключительности соглашается на исключительную судьбу, а не просто плывет по течению, не ведая корней. Наивысшего блеска ее красота достигает в тот ночной час, когда «она делается совершенным зеркалом, в котором все, что было, все, что призвано быть, восхитительно погружается в то, что будет названо "на этот раз"». Для Бретона «найти место и формулу» смешивается с «овладеть истиной, воплощенной в душе и теле». А это овладение возможно только во взаимной любви — любви, разумеется, плотской. «Портрет любимой женщины должен быть не только образом, которому ты улыбаешься, но еще и оракулом, который ты вопрошаешь»; оракулом же он будет лишь в том случае, если сама женщина не просто идея или образ; она должна быть «краеугольным камнем

Выделено Бретоном.

==275

материального мира»; для умеющего видеть сам этот мир — Поэзия, и нужно, чтобы в этом мире у него была реальная Беатриче. «Только взаимная любовь обуславливает всеобщий магнетизм, над которым ничто не властно и благодаря которому плоть — это солнце и блистательный отпечаток на плоти, а дух — вечно-брызжущий, неизменный, неумирающий источник, воды которого раз и навсегда нашли себе место между ноготком и тимьяном».

Такая нерушимая любовь может быть только единственной. Парадокс позиции Бретона заключается в том, что от «Сообщающихся сосудов» до «Аркана 17» он упорно посвящает единственную и вечную любовь разным женщинам. Но, по его мнению, к неправильному выбору человека ведут социальные обстоятельства, препятствующие свободе выбора; впрочем, ошибаясь снова и снова, он на самом деле ищет *одну* женщину. И если он станет перебирать в памяти любимые лица, то «среди всех этих женских лиц увидишь лишь одно: *последнее*¹ любимое лицо». «Сколько раз, однако, мог я наблюдать, что под совершенно различной внешностью в каждом из этих лиц ищет воплощения одна общая исключительнейшая черта». Ундины из «Сумасшедшей любви» он спрашивает: «Ужели вы наконец та самая женщина, ужели вы должны были прийти только сегодня?» А в «Аркане 17» читаем; «Ты прекрасно знаешь, что, едва лишь я увидел тебя, я сразу же, без колебаний тебя узнал». В совершенном, обновленном мире чета влюбленных, в силу взаимного и абсолютного дара, была бы нерасторжима; раз возлюбленная — это все, откуда возьмется место для другой? Эта другая — тоже в ней, причем тем больше, чем больше она будет самой собой. «Необычное неотделимо от любви. Поскольку ты единственная, ты не можешь не быть для меня постоянно другой — другой тобою, И через все многообразие этих бесчисленных цветов я люблю тебя — изменчивую тебя, в красной рубашке, обнаженную, в серой рубашке». А по поводу иной, но столь же единственной женщины Бретон пишет: «Взаимная любовь, как я ее себе представляю, это система зеркал, которая под тысячью углов — как только может преломиться в моих глазах неизвестное — являет мне верное отражение той, что я люблю, все более поражающее предвосхищением моего собственного желания, все более полное жизни», Эта единственная женщина, наделенная плотью и одновременно искусственная, принадлежащая природе и человеческому роду, обладает той же колдовской силой, что и излюбленные сюрреалистами двусмысленные предметы: она подобна ложке-туфельке, или столу-волку, или мраморному сахару, найденному поэтом на барахолке или привидевшемуся ему во сне; она посвящена в тайну привычных предметов, внезапно раскрывающих свою

¹ Выделено Бретонок.

истинную сущность, а также в тайну растений и камней. В ней — все:

Кудри жены моей — костер в ночи, Мысли ее — зарницы, Талия — как у песочных часов.

...Меж бедер жены моей — морская трава и сладости

древних, А очи жены моей полнятся духом саванны.

Но прежде всего и помимо всего она — Красота. Красота для Бретона — это не идея, которую созерцают, но реальность, которая выявляется — а значит, и существует — только через страсть; красота мира существует только благодаря женщине.

«Туда, в самую глубину горнила людского, в тот парадоксальный край, где сплавляются воедино два реально избравших друг друга существа, тем самым возвращая всему и вся значение, утраченное со времен древнейших солнц, и где, однако, свирепствует одиночество по той странной причуде природы, что сохраняет снег под пеплом, окружающим кратеры Аляски, — туда много лет назад послал я за новой красотой, той красотой, что служит исключительно интересам страсти», «Судорожная красота будет эротической, затаенной, взрывчато-неподвижной, волшебной-обстоятельной — или ее не будет».

Все приобретает свое значение благодаря женщине. «Именно в любви и только в любви осуществляется на самом высоком уровне взаимопроникновение сущности и существования». Оно осуществляется для любовников и одновременно распространяется на весь мир. «Постоянное перевоссоздание и перекрашивание мира в одном существе, как это происходит в любви, тысячу лучей освещает впереди себя земной мир». Для всех — или почти для всех — поэтов женщина олицетворяет природу; но, по Бретону, она не только ее выражает, но и высвобождает ее. Природа ведь не говорит ясным языком, и нужно проникнуть в ее тайны, чтобы уловить ее истинную суть, иначе говоря, красоту: поэзия — это не просто ее отражение, но, скорее, ключ; а женщина в данном случае ничем не отличается от поэзии. Поэтому она — необходимый посредник, без которого вся земля безмолвствует. «Природа, она ведь может воспламеняться и гаснуть, оказывать мне Добрые или дурные услуги лишь в той мере, в какой поднимаются и опускаются для меня языки пламени в том очаге, что есть любовь, единственная любовь, любовь *одного* существа. Я познал в отсутствие этой любви по-настоящему пустые небеса. И не хватало одного лишь большого огненного ириса, исходящего от меня, чтобы придать цену всему сущему... Я до головокружения смотрю на твои раскрытые ладони, простертые над только что зажженным нами и свирепствующим теперь огнем из сухих веточек, на

==277

твои чарующие, прозрачные руки, парящие над огнем моей жизни». Каждая любимая женщина для Бретона чудо природы: «Маленький, незабвенный папоротник, ползущий по внутренней стенке старого-старого колодца». «...Что-то ослепительное и такое важное, что могло лишь вызвать воспоминание о великой естественной физической потребности и при этом нежнейшим образом навести на мысль о некоторых высоких цветах, только начинающих распускаться». Но и наоборот; любое чудо природы напоминает о возлюбленной: именно ее он прославляет, приходя в умиление от грота, цветка, горы. Всякое различие между женщиной, греющей руки на площадке Тела, и самим Тедом стирается. Мольба поэта обращена сразу к обоим: «О восхитительный Тед! Возьми мою жизнь! Уста небес и одновременно уста преисподней, я люблю эту вашу загадочность, эту вашу способность вознести к облакам природную красоту и все поглотить».

Красота — это нечто большее, чем красота; она смешивается с «беспросветной ночью познания»; она — истина и вечность, абсолют; не временной и случайный аспект мира высвобождает женщина, но его необходимую сущность, сущность не застывшую, как ее представлял себе Платон, но «взрывчато-неподвижную». «Я не знаю в себе большего сокровища, чем ключ, отворивший мне бескрайний луг в ту самую минуту, как я узнал тебя, этот луг — сплошное

повторение одного и того же растения, становящегося все выше и выше, и все большая и большая амплитуда его колебаний доведет меня до смерти... Ибо женщина и мужчина, которые до окончания века должны быть тобой и мной, будут в свою очередь скользить, ни разу не обернувшись назад, пока не потеряют тропинку, в луче света, ведущем к окраинам жизни и забвению жизни... Величайшая надежда, я бы сказал, та, что вбирает в себя все прочие надежды, состоит в том, чтобы так было для всех, чтобы для всех это длилось, чтобы одно существо полностью приносило себя в дар другому, а другое не могло бы жить, не ответив ему тем же, — и этот взаимный дар в глазах всех был бы единственным естественным и сверхъестественным мостиком, брошенным над жизнью». Итак, женщина благодаря внушенной и разделенной ею любви — это единственное возможное спасение для каждого мужчины. В «Аркане 17» ее миссия расширяется и уточняется: она призвана спасти человечество. Бретон во все времена вписывался в традицию Фурье, который, требуя реабилитации плоти, превозносит женщину как эротический объект; совершенно естественно, что он приходит к идее сенсимонистов о женщине возрождающей. В современном обществе мужчины господствуют настолько, что в устах какого-нибудь Гурмона было оскорблением сказать о Рембо: «Девичий темперамент!» И все же, «видимо, настало время обратить внимание на женские идеи, а не на мужские, которые весьма шумно переживают ныне свое крушение... Да, в воображении мужчины продолжает жить образ утраченной женщины,

==278

но через всяческие испытания для нее и для него должна возникнуть и женщина обретенная. И прежде всего надо, чтобы она сама вновь обрела себя, чтобы научилась распознавать себя среди того ада, на который обрекает ее без всякой более чем проблематичной поддержки то мнение, которое в целом составил о ней мужчина».

Роль, которую ей следовало бы играть, — это прежде всего роль миротворческая. «Меня всегда поражало, что тогда не раздался ее голос, что она и не подумала воспользоваться всеми возможными преимуществами, колоссальными преимуществами, даваемыми двумя неотразимыми и бесценными модуляциями ее голоса: одна — чтобы говорить с мужчиной, другая — чтобы привлечь к себе все доверие ребенка. Нет такого чуда, нет такого будущего, которого не добился бы великий женский крик неприятия и тревоги, этот никогда не теряющий могущества крик... Когда же явится женщина, просто женщина, которая совершит иное чудо — протянет руки к сражающимся, чтобы молвить им: "Вы — братья"?». И если сегодня женщина выглядит неприкаянной, неуравновешенной, то это результат того, как обращаются с ней тираны-мужчины; но она по-прежнему обладает чудотворной силой, потому что уходит корнями в живые источники жизни, секреты которых утрачены мужчинами. «Мелюзина, наполовину захваченная панической жизнью, Мелюзина, с лодыжками из щебня, или из морской травы, или из ночного пуха, я вызываю к ней, потому что только она одна способна вправить эту дикую эпоху. Это женщина вообще вся целиком, и при этом женщина нынешнего дня, женщина, лишенная места за общим столом, бессрочная пленница своих движущихся корней, но обладающая в то же время божественным даром общаться через них с силами природных стихий... Женщина, лишенная места за общим столом, — так утверждает легенда, порожденная нетерпением и завистью мужчины».

Итак, сегодня настало время вступить за женщину; и не дожидаясь, пока ей будет возвращена ее истинная ценность в жизни, следует «недвусмысленно выступить в искусстве против мужчины и за женщину». «Женщина-дитя. Именно ее пришествие в империю чувств должно систематически подготавливать искусство». Почему женщина-дитя? Бретон объясняет нам это: «Я выбираю женщину-дитя не для того, чтобы противопоставить ее остальным женщинам, но потому, что в ней, и только в ней, на мой взгляд, содержится в состоянии абсолютной прозрачности другая¹ призма видения мира...»

В той мере, в которой женщина воспринимается как просто человеческое существо, она, так же как и существа мужского пола, окажется бессильна спасти этот терпящий бедствие мир; толь-

- Выделено Бретоном.

[==279](#)

ко женственность как таковая вносит в цивилизацию людей тот самый *другой* элемент, в котором заключена истинность жизни и поэзии и который один только и может избавить человечество.

Поскольку перспектива Бретона — исключительно поэтическая, женщину он рассматривает исключительно как поэзию, то есть как *другое*. И сколько ни задавайся вопросом о ее судьбе, ответ будет таиться в идеале взаимной любви: у нее нет иного призвания, кроме любви; в этом нет никакого унижения, поскольку призвание мужчины — тоже любовь. Между тем хотелось бы знать, является ли и для нее любовь ключом к миру, открытием красоты; найдет ли она эту красоту в своем любовнике? или в своем собственном образе? будет ли она способна на поэтическую деятельность, в ходе которой поэзия рождается на свет при помощи восприимчивого существа, — или ограничится одобрением творчества своего партнера? Она — «поэзия-в-себе» непосредственно, то есть для мужчины; но нам не известно, является ли она поэзией для себя. Бретон не говорит о женщине как о субъекте. Он также никогда не рисует образа дурной женщины. Все его творчество — за исключением нескольких манифестов и памфлетов, где он обрушивается на человеческое стадо, — посвящено не перечню поверхностных форм сопротивляемости мира, но раскрытию его потаенной истины; и женщина интересует его только в качестве наилучших «уст». Глубоко укоренившаяся в природе, совсем близкая к земле, она представляется также и ключом к запредельному миру. У Бретона есть тот же эзотерический натурализм, что у гностиков, видевших в Софии искупительное и даже созидающее начало, что и у Данте, избравшего Беатриче себе в проводники, или у Петрарки, озаренного любовью Лауры. Именно поэтому существо, наиболее глубоко укоренившееся в природе, наиболее близкое к земле, является одновременно и ключом к запредельному миру. Она — Истина, Красота, Поэзия, то есть — Все; более того, Все, принявшее облик *другого*, Все, за исключением самой себя.

[00.htm - глава21](#)

V

СТЕНДАЛЬ, ИЛИ РОМАНТИКА ИСТИННОГО

Я покидаю современную эпоху и возвращаюсь к Стендалю только потому, что после всех этих карнавалов, где женщина переодевается то мегерой, то нимфой, то утренней звездой, то сиреной, встреча с мужчиной, живущим среди женщин из плоти и

крови, будет весьма ободряющей.

Стендаль с детства любил женщин чувственной любовью; на них проецировал свои юношеские устремления: он охотно воображал себя спасающим от какой-нибудь опасности прекрасную незнакомку и завоевывающим ее любовь. Когда он приехал в Париж, самым пылким его желанием была «очаровательная жена;

[К оглавлению](#)

мы будем обожать друг друга, она узнает мою душу...». Состарившись, он чертит на слое пыли инициалы самых любимых женщин. «Я думаю, что больше всего на свете я любил предаваться мечтам», — признается он. А мечты его питали женские образы; воспоминание о них оживляет пейзажи. «Грядя скал, как мне кажется, при подходе к Арбуа и еще от Доля по большой дороге была для меня осязаемым, наглядным образом души Метильды». Музыка, живопись, архитектура — все, что он любил, он любил душою несчастного любовника; гуляет ли он по Риму — на каждой странице возникает женщина; в сожалениях, желаниях, грусти и радости, пробужденных в нем женщинами, он познал вкус собственного сердца; и он хочет, чтобы судьями его были они: он посещает их салоны, старается блистать в их глазах; им он обязан минутами величайшего счастья и величайшей скорби, они были его главным занятием; их любовь он предпочитает всякой дружбе, их дружбу — мужской; женщины вдохновляли его писать книги, **их** образы населяют его романы. В значительной степени он пишет для них. «Мне посчастливилось быть прочитанным в 1900 году близкими мне душами вроде г-жи Ролан и Мелани Гильбер...» Из них была соткана сама его жизнь. Откуда же у них такая привилегия?

Этот нежный друг женщин, именно потому, что любит он их в их истинном обличье, не верит в женскую тайну; никакая сущность не определит женщину раз и навсегда; идея «вечной женственности» кажется ему педантичной и смешной. «Вот уже две тысячи лет педанты не устают повторять, что у женщин более живой ум, а в мужчинах больше надежности; что у женщин больше утонченности в мыслях, а мужчины более внимательны. Так некогда один парижский зевака, прогуливаясь по садам Версаля, заключил из увиденного, что деревья рождаются подстриженными». Различия, которые можно заметить между мужчинами и женщинами, отражают различия в их положении. Как, например, женщинам не быть романтичнее их возлюбленных? «Женщина трудится над вышиванием, ремеслом унылым, занимающим только руки, и мечтает о возлюбленном, в то время как тот галопом несется по равнине со своим эскадроном и будет взят под арест, если допустит неверное движение». Точно так же женщин упрекают в недостатке здравого смысла. «Женщины предпочитают эмоции разуму; это очень просто: поскольку в силу наших пошлых обычаев у них нет в семье никаких дел, от *разума им просто нет никакой пользы*... Дайте вашей жене уладить дела с фермерами двух ваших имений, и, держу пари, записи будут вестись лучше, чем у вас». В истории мы находим так мало гениальных женщин только потому, что общество лишает их всякой возможности самовыражения. «Все гении, родившиеся женщинами¹, потеряны для счастья общества; стоит только случаю дать им воз-

Выделено Стендалем.

можность проявить себя, и вот они уже обнаруживают сложнейшие таланты». Но самое ужасное препятствие, которое им приходится преодолевать, — это оупляющее воздействие воспитания; угнетатель всегда старается принизить тех, кого он угнетает; мужчина намеренно не дает женщинам испытать судьбу. «Мы оставляем не востребованными их самые блистательные качества, в изобилии несущие счастье и им самим и нам». В десять лет девочка живет и тоньше своего брата; в двадцать озорник оказывается остроумным человеком, а девушка — «большой дурой, неловкой, робкой и боящейся пауков»; виновато же в этом полученное ею воспитание.

Женщинам следовало бы давать точно такое же образование, что и молодым людям. Антифеминисты возражают на это, что образованные и умные женщины — чудовищны; а вся беда в том, что они до сих пор составляют исключение; если бы они все могли так же естественно, как и мужчины, приобщаться к культуре, то и пользовались бы они ею столь же естественно. А изуродовав, их заставляют подчиняться противоестественным законам; их выдают замуж против воли и требуют от них верности, и даже развод вменяется им в вину как распутство. Очень многих из них обрекают на праздный образ жизни, тогда как счастье вне труда невозможно. Такое положение дел возмущает Стендаля, в нем он видит источник всех недостатков, за которые упрекают женщин. Они не ангелы, не демоны, не сфинксы — они человеческие существа, которых идиотские нравы низвели до полурабского положения.

Именно в силу того, что они угнетенные, лучшие из женщин стараются избежать тех пороков, что так обезображивают их угнетателей; сами по себе они не ниже и не выше мужчины; но все любопытным образом оказывается наоборот, и само их обездоленное положение идет им на пользу. Известно, что Стендаль терпеть не может дух серьезности: деньги, почести, положение в обществе, власть кажутся ему самыми жалкими идолами; огромное большинство мужчин ради них теряет себя; педант, важная персона, буржуа, муж подавляют в них всякую искру истинной жизни; как в доспехи, закованные в готовые идеи и выученные чувства, послушные социальной рутине, они на самом деле несут в себе одну пустоту; мир, населенный такими бездушными созданиями, — это пустыня скуки. К сожалению, есть немало женщин, увязающих в этих унылых болотах; это куколки с «идеями узкими и парижскими» или лицемерные святоши; Стендаль испытывает «смертельное отвращение к честным женщинам и присущему им лицемерию»; к своим легкомысленным занятиям они относятся с той же серьезностью, какой руководствуются их мужья; глупые благодаря воспитанию, завистливые, тщеславные, болтливые, злые из-за праздного образа жизни, холодные, сухие, претенциозные, вредные, они населяют Париж и провинцию; их шипение раздается за спиной таких благородных дам, как г-жа де Реналь и г-жа де Шателле. Наверное, с самым злобным усердием рисо-

==282

вал Стендаль портрет г-жи Гранде, которую он сделал точной негативной копией г-жи Ролан или Метильды. Красивая, но лишенная выразительности, презрительная, необаятельная, она отпугивает своей «знаменитой добродетелью», но не знает истинного стыда, идущего от сердца; исполненная самодовольства, восхищающаяся собственной персоной, она умеет лишь подражать внешнему величию; в сущности, она пошла и низка; «в ней нет характера... она нагоняет на меня скуку», — думает г-н Левен. Она «в высшей степени благоразумна и озабочена осуществлением своих планов», ее единственное стремление — сделать мужа министром; «ум ее был иссушен»; осмотнительная, умеющая ко всему приспособиться, она всегда остерегалась любви, она неспособна на великодушный порыв; и когда в этой сухой душе вспыхивает страсть, она сжигает ее, не озарив своим светом.

Чтобы понять, чего же Стендаль требует от женщин, достаточно перевернуть этот образ вверх ногами: прежде всего не стоит попадаться в ловушки серьезности; так как вещи, считающиеся важными, недоступны для женщин, они меньше, чем мужчины, рискуют потерять в них себя; у них больше шансов уберечь ту естественность, ту наивность, то великодушие, которые Стендаль ставит превыше всех прочих заслуг; больше всего он ценит в них то, что мы сегодня назвали бы их подлинностью; это и есть общая черта всех женщин, которых он любил или придумал с любовью; все они — существа свободные и настоящие. В некоторых из них свобода проявляется с оглушительной силой: Анжела Пьетрагуа, «возвышенная шлюха на итальянский манер, на манер

Лукреции Борджиа», или г-жа Азюр, «шлюха на манер дю Барри... одна из тех француженок, что менее всего походят на куколок, которых мне доводилось встречать», открыто восстают против нравов. Ламбель смеется над условностями, нравами, законами; Сансеверина рьяно кидается в гущу интриг и не отступает перед преступлением. Другие женщины благодаря живости ума поднимаются над пошлостью: такова Мента, такова Матильда де ля Моль, критикующая, ругающая, презирующая окружающее общество и желающая отличаться от него. У третьих свобода приобретает чисто негативный характер; в г-же де Шателле бросается в глаза ее безразличие ко всему второстепенному; подчиняясь воле отца и даже его взглядам, она тем не менее противопоставляет заложенным в них буржуазным ценностям то самое равнодушие, что дает повод упрекать ее в ребячестве и содержит в себе источник ее беззаботной веселости; Клелия Конти также отличается сдержанностью; балы, обычные развлечения молодых девушек ее не трогают; кажется, она всегда холодна «то ли из презрения ко всему окружающему, то ли из сожаления о какой-то далекой химере»; она судит мир и возмущается его низостью. Глубже всего дух независимости запрятан в душе г-жи де Реналь; она сама не знает, что не до конца смирилась со своей судьбой; ее отвращение к окружающей пошлости выражается в крайней чувствительности,

==283

уязвимости; ей чуждо лицемерие; она не утратила душевной щедрости, способности сильно чувствовать, в ней живет стремление к счастью; жар от огня, теплящегося у нее внутри, едва проникает наружу, но малейшего дуновения достаточно, чтобы пламя охватило все ее существо. Женщины эти просто живые; они знают, что источник истинных ценностей — не во внешних вещах, а в человеческих сердцах; и в этом заключается очарование мира, в котором они Живут: они изгоняют из него скуку самым фактом своего присутствия вместе с мечтами, желаниями, радостями, чувствами, вымыслом. Сансеверина, эта «активная душа», боится скуки больше смерти. Прозабывать в скуке — «значит не давать себе умереть, — говорила она, — но не значит жить»; она «всегда чем-то страстно увлечена, всегда деятельна и при этом всегда весела». Легкомысленные, наивные или глубокие, веселые или серьезные, заносчивые или скрытные, все они отвергают тяжелое забытие, в которое погружено человечество. И стоит этим женщинам, сумевшим сохранить свободу, когда в ней не было никакого проку, встретить предмет, достойный их, как страсть возносит их к высотам героизма; в их душевной силе и энергии сказывается диковатая чистота полной самоотдачи.

Но одна свобода не могла бы наделить их такой романтической привлекательностью: просто свобода внушает уважение, но не затрагивает чувства; а вот усилия, которые предпринимает свобода для преодоления препятствий на пути к ее осуществлению, трогают за живое; чем труднее борьба, тем больше в женщинах патетики. Победы над внешними ограничениями уже достаточно, чтобы привести Стендаля в восхищение; в «Итальянских хрониках» он заточает своих героинь в монастыри, держит под замком во дворце ревнивого супруга; им приходится изобретать тысячу хитростей, чтобы соединиться с любимыми; потайные двери, веревочная лестница, окровавленные сундуки, похищения, заточения, убийства, разгул страсти и непослушания возникают благодаря изобретательности, в которой расходует себя изощренный ум; а угроза смерти и мучений только придает блеска дерзновенным порывам описанных Стендалем неистовых душ. Даже в более зрелых своих произведениях он по-прежнему остается чувствителен к этой броской романтике: она — наглядный образ того романтического духа, что рождается в сердце; их нельзя отделить друг от друга, равно как нельзя разделить уста и возникшую на них улыбку. Изобретая алфавит, позволяющий переписываться с фабрицио, Клелия заново изобретает любовь; Сансеверина описана как «всегда искренняя душа, не признающая осторожности, целиком отдающаяся впечатлению момента»; душа эта раскрывается перед нами, когда берется интриговать, отравляет принца и затопляет Парму; она вся — в возвышенной и безумной затее, которую ей захотелось

осуществить. Лестница, что приставляет к своему окну Матильда де ля Моль, — это вовсе не театральный аксессуар: это материальное воплощение ее гордой неосмотрительности, тяги к

==284

необычайному, вызывающей смелости. Эти души так и не обнаружили бы свои качества, если бы не были окружены врагами, будь то стены тюрьмы, воля властелина или строгость семейных нравов.

И все же труднее всего преодолеть те препятствия, которые каждый находит в самом себе; вот тогда свобода переживает наиболее сомнительное, мучительное и заманчивое приключение. Очевидно, что Стендаль тем больше симпатизирует своим героиням, чем теснее темница, в которой они томятся. Конечно, ему нравятся шлюхи, возвышенные и невозвышенные, раз и навсегда поправшие все условности; но куда нежнее его отношение к Метильде, которую сдерживают угрызения совести и стыд. Такая женщина, как г-жа де Окенкур, нравится Люсьену Левену — но страстную любовь пробуждает в нем целомудренная, сдержанная, нерешительная г-жа де Шателле; фабрицию восхищается цельностью натуры ни перед чем не отступающей Сансеверины, но предпочитает ей Клелию — сердце его завоевывает молодая девушка. А г-жа де Реналь, скованная гордостью, предрассудками, невежеством, — это, наверное, самая удивительная из всех женщин, созданных Стендалем. Он охотно селит своих героинь в провинции, среди ограниченных людей, ставит над ними дурака мужа или отца; ему нравится, чтобы они были необразованны или даже напичканы ложными идеями. Г-жа де Реналь и г-жа де Шателле обе неисправимые легитимистки; первая из них по натуре робка и совершенно неопытна, вторая наделена блестящим умом, о котором и сама не подозревает; а значит, они не отвечают за свои ошибки, а скорее становятся их жертвами, равно как и жертвами институтов и нравов. Романтика возникает из ошибки, подобно тому как поэзия рождается из неудачи. Трезвый ум, сам решающий, что ему делать и как, вызывает одобрение или сухое осуждение; тогда как на мужество и хитрости благородного сердца, ищущего свой путь во мраке, мы смотрим с тревогой, жалостью, иронией и любовью. Эти женщины введены в заблуждение, а потому в них процветают бесполезные и очаровательные свойства, такие, как стыдливость, гордость, крайняя чувствительность; в каком-то смысле это недостатки: они порождают ложь, мнительность, злобу, но целиком объясняются положением, в которое поставлены женщины; последние принуждены обращать свою гордость на вещи незначительные или по крайней мере «вещи, имеющие значение только благодаря чувству», потому что все предметы, «признанные важными», для них недостижимы; их стыдливость проистекает из тяготящей их зависимости: поскольку им не дано проявить себя в действии, любая ситуация затрагивает все их существо; им кажется, что сознание другого, и в особенности их возлюбленного, вскрывает их истинную суть: они боятся этого и пытаются этого избежать; в их уклончивости, колебаниях, бунтах и даже во лжи проявляется подлинная забота о ценности; и это делает их достойными уважения; но проявляется эта забота

?

==285

как-то неуклюже, даже неискренне, и это делает их трогательными и даже чуть-чуть смешными.

Свобода особенно человечна, а следовательно, в глазах Стендаля, особенно привлекательна, когда она попадает в собственные ловушки и пытается сама себя обмануть. Стендалевские женщины впадают в патетику, когда сердце ставит перед ними непредвиденные проблемы: и тогда ни один закон, ни один совет, увещевание или пример, исходящие извне, не смогут быть для них ориентиром; им нужно все решать самим: этот момент уединения — высшая точка свободы. Клелия воспитана на либеральных идеях, она трезва и рассудительна; но заученные взгляды, будь они верными или ложными, не могут помочь ей в решении морального конфликта; г-жа де Реналь любит Жюльена вопреки своей морали, Клелия спасает фабрицию вопреки своему разуму; в обоих случаях мы наблюдаем одно и то же преодоление всех признанных ценностей. Эта смелость и восхищает Стендаля; причем еще более волнующей она кажется оттого, что сама женщина едва решается себе в ней признаться — что делает ее естественнее, непосредственнее, подлиннее. У г-жи де Реналь дерзость скрывается под невинностью; не зная любви, она не умеет ее распознать и поддается ей без сопротивления; можно сказать, что, прожив всю жизнь во тьме, она оказывается беззащитной перед внезапно вспыхнувшим светом страсти; ослепленная, она принимает его, забыв и о Боге и об аде; когда огонь меркнет, она снова погружается во мрак, где правят мужья и священники; она не доверяет собственным суждениям, но очевидность поражает ее, как молния; стоит ей снова увидеть Жюльена, и она снова отдает ему свою душу; ее угрызения совести, письмо, вырванное у нее духовником, позволяют оценить, какое расстояние пришлось преодолеть этой пылкой и искренней душе, чтобы вырваться из темницы, где держало ее общество, и вознестись к небесам счастья, У Клелии конфликт более осознанный; она колеблется между честностью по отношению к отцу и порожденной любовью жалостью; она ищет себе оправданий; торжество ценностей, в которые верит Стендаль, кажется ему тем более неопровержимым, что жертвы лицемерной цивилизации воспринимают его как поражение; он с восторгом наблюдает, как они прибегают к хитрости и кривят душой, чтобы помочь страсти и счастьем одержать верх над той ложью, в которую они верят: Клелия, давшая обет Мадонне не *видеть* больше Фабрицию и на протяжении двух лет принимающая его ласки и поцелуи при условии, что глаза ее будут закрыты, одновременно смешна и восхитительна. С той же нежной иронией смотрит Стендаль на колебания г-жи де Шателле и непоследовательность Матильды де ля Моля; все эти окольные пути, возвраты к старому, скрытые победы и поражения ради достижения простых и законных целей — для него это самая очаровательная комедия на свете, Драмы эти не лишены юмора, потому что актриса одновременно и судья, и одна из тяжущихся сторон, по-

==286

тому что ей удастся саму себя обмануть и потому что она вынуждает себя идти сложными, запутанными путями там, где одного указания свыше было бы довольно, чтобы разрубить гордиев узел; **но** между тем они свидетельствуют о самой почтенной заботе, какая только может терзать благородную душу: она хочет остаться достойной уважения в собственных глазах; собственное мнение о себе она ставит выше мнения окружающих и тем самым реализуется как абсолют. Эти одинокие, не встречающие отклика дебаты важнее правительственного кризиса; когда г-жа де Шателле спрашивает себя, отвечать ей или нет на любовь Люсьена Левена, она решает свою судьбу и судьбу мира: можно ли довериться другому человеку? Можно ли полагаться на свое сердце? Какова цена любви и человеческим клятвам? Верить и любить — это безумие или великодушие? Вопросы эти касаются самого смысла жизни, жизни всех и каждого. Мужчина, называемый серьезным, на самом деле пустой человек, потому что принимает готовые обоснования собственной жизни; тогда как страстная и глубокая женщина ежеминутно пересматривает установленные ценности; ей знакомо постоянное напряжение ни на что не опирающейся свободы; а потому она беспрестанно чувствует себя в опасности: в один момент она может выиграть все или все потерять. И этот риск, на который она с волнением идет, придает ее

истории колорит героического приключения. А ставка как нельзя более высока: смысл того самого существования, что есть достояние каждого, единственное его достояние. Выходка Минны де Вангель в каком-то смысле может показаться нелепой; но за ней стоит определенная этика. «Так что, ее жизнь — результат неверного расчета? Счастье ее продлилось восемь месяцев. Это была слишком пылкая душа, чтобы довольствоваться реальностью жизни».

Матильда де ля Мошь не столь искренна, как Клелия или г-жа де Шателле; она поступает скорее в соответствии с собственным представлением о себе самой, а не с очевидностью любви и счастья: в чем больше гордости и величия — в том, чтобы уберечь себя или погубить, в том, чтобы унизиться перед любимым или оказать ему сопротивление? Она тоже одна со своими сомнениями и тоже рискует уважением к себе, которым дорожит больше жизни. Именно пламенный поиск истинного смысла жизни во мраке невежества, предрассудков, мистификаций при колеблющемся, лихорадочном свете страсти и нескончаемый постоянный риск достигнуть счастья или умереть, познать величие или стыд придают этим женским судьбам романтическую славу.

Разумеется, сама женщина и не подозревает об открывшемся соблазне; наблюдать за собой, играть роль — это всегда поведение неподлинное; когда г-жа Гранде сравнивает себя с г-жой Ролан, уже одно это доказывает, что она на нее не похожа; а Матильда де ля Мошь вызывает симпатию именно потому, что путается в своих комедиях и зачастую оказывается во власти своего

==287

сердца в те самые минуты, когда ей кажется, что она им управляет; она трогает нас тем сильнее, чем больше ускользает из-под собственной воли. Но самые чистые героини сами себя не осознают. Г-жа де Реналь не подозревает о своем изяществе, как г-жа де Шателле — о своем уме. В этом и состоит одна из величайших радостей возлюбленного, с которым идентифицируют себя автор и читатель: ему дано обнаружить эти потаенные богатства; только он один может любоваться той живостью, что проявляет вдали от посторонних глаз г-жа де Реналь, тем «живым, подвижным, глубоким умом», что неведом окружению г-жи де Шателле; и хотя все отдают должное уму Сансеверины, только он может проникнуть в глубь ее души. Рядом с женщиной мужчина вкушает радость созерцания; он упивается ею, как пейзажем или картиной; она поет в его сердце и придает небу особые оттенки. Это открытие помогает ему открыть самого себя; тонкость женщин, их чувствительность и пылкость невозможно понять, если самому в душе не сделаться тонким, чувствительным и пылким; женские чувства создают целый мир нюансов, мир требований, открытие которого обогащает возлюбленного: возле г-жи де Реналь Жюльен уже не тот честолюбец, которым он решил стать, он делает свой выбор заново. Если мужчина испытывает к женщине лишь поверхностное желание, он сможет позабавиться, соблазнив ее. Жизнь преобразует настоящая любовь. «Любовь наподобие вертеровской открывает душу... чувству и наслаждению прекрасным, в каком бы виде оно ни явилось, пусть даже в платье из грубого сукна. Она позволяет обрести счастье, даже не имея богатства...» «В жизни появляется новая цель, с которой все соотносится и которая меняет облик всего вокруг. Страстно полюбив, человек внезапно видит у себя перед глазами всю природу с тем возвышенным, что есть в ней, так, будто придумана она была только вчера». Любовь наносит удар по рутине повседневности, разгоняет скуку — скуку, в которой Стендаль видит глубочайшее зло, потому что она говорит об отсутствии всяких оснований для жизни и смерти; у любящего есть цель, и этого довольно, чтобы каждый день стал приключением: какая радость для Стендаля провести три дня запертым в погребе Менты! Через веревочные лестницы, окровавленные сундуки в романы проникает интерес к необычному. Любовь, а значит женщина, дает представление об истинных целях бытия: о прекрасном, о счастье, о свежести чувств и мира вообще. Любовь вырывает душу у человека и тем

самым дает ему власть над нею; любовнику ведомы то же напряжение, тот же риск, что и его любовнице, и переживает он более подлинное испытание, чем в ходе продуманной деятельности. Когда Жюльен медлит у подножия поставленной Матильдой лестницы, он ставит на карту свою судьбу: именно в это мгновение становится ясно, что он собой представляет в действительности. С помощью жен щин, под их влиянием, так или иначе реагируя на их поведение, Жюльен, фабрицио, Люсьен познают мир и самих себя. Испыта-

==288

ние, награда, судья, подруга, женщина у Стендаля действительно является тем, что некогда пытался сделать из нее Гегель; другое сознание, которое, при взаимном признании, сообщает другому субъекту ту же истину, что само получает от него. Счастливая пара влюбленных, признающих друг друга в любви, бросает вызов и миру и времени; она самодостаточна, в ней реализуется абсолют.

Но это предполагает, что женщина не есть *другое* в чистом виде: она сама — субъект. Стендаль никогда не ограничивается тем, чтобы описать героиню только в связи с героями, — он дает им собственную судьбу. Он попытался использовать редчайший ход, к которому, насколько мне известно, не прибегал ни один романист: он спроецировал себя на женский персонаж. Он не изучает Ламбель, как Мариво изучает Марианну или Ричардсон Клариссу Харлоу: он разделяет ее судьбу, как раньше разделял судьбу Жюльена. Правда, из-за этого образ Ламбель получается немного теоретическим, но он исключительно показателен. Стендаль возвел вокруг девушки все воображаемые препятствия: она бедна, живет в деревне, невежественна, грубо воспитана людьми, напичканными всеми возможными предрассудками; но она устраняет со своего пути все моральные преграды с того дня, как постигает всю полноту смысла коротенькой фразы: «Это глупо». Свободомыслие позволяет ей по собственному усмотрению распоряжаться импульсами любопытства, честолюбия, веселости; перед таким решительным характером материальные препятствия неминуемо должны сгладиться; единственная проблема — это обеспечить себе в посредственном мире достойную ее судьбу. Ей пришлось выразить себя в преступлении и смерти — но такая же участь выпала и Жюльену. В обществе таком, как оно есть, нет места великим душам — мужчины и женщины оказываются в одинаковом положении.

Примечательно, что Стендаль одновременно столь глубоко романтичен и столь решительно привержен феминизму; обычно феминисты — люди рациональные, подходящие ко всему с универсальной точки зрения; Стендаль же требует эмансипации женщин не только во имя свободы вообще, но во имя личного счастья. Любовь при этом ничего не теряет, считает он; наоборот, она будет более истинной, если женщина, став равной мужчине, сможет полнее понять его. Наверное, некоторые из качеств, которые привлекают в женщине, исчезнут; но ценность их происходит оттого, что в них находит выражение свобода; а она станет проявляться по-иному; и романтика в мире не угаснет. Два отдельных существа, попадающие в различные ситуации, противостоящие друг другу своей свободой и пытающиеся обрести друг в друге оправдание своего существования, всегда будут переживать приключение, полное опасностей и обещаний. Стендаль верит в правду; стоит человеку начать избегать ее, и он заживо умирает; но там, где она процветает, процветают красота, счастье, любовь — ра-

==289

дось, которая сама несет в себе свое оправдание. А поэтому, равно как и мистификацию серьезного, он отрицает ложную поэзию мифов. Ему довольно человеческой действительности. Женщина, по его мнению, просто человек — и никакие грезы не в силах дать ничего более упоительного.

[00.htm - glava22](#)

VI

Из этих примеров видно, что в творчестве каждого отдельного писателя находят отражение великие коллективные мифы: женщина предстает перед нами как плоть; мужская плоть рождается из материнского чрева и вновь создается в объятиях возлюбленной; это роднит женщину с *природой*, она воплощает ее; животное, долина крови, распустившаяся роза, сирена, округлый контур холма — она дарует мужчине *humus*, жизненную силу, осязаемую красоту и мировую душу; у нее могут быть ключи от поэзии; она может быть посредницей между этим и потусторонним миром: благодать или пифия, звезда или колдунья, она открывает дверь в сверхъестественное, сверхреальное; ее удел — имманентность; благодаря своей пассивности она несет мир, гармонию; но стоит ей отказаться от этой роли, как она превращается в самку богомола, людоедку. Во всяком случае, она воспринимается как привилегированный *Другой*, через которого осуществляет себя субъект: это одна из мерок человека, его равновесие, спасение, его приключение, счастье.

Но мифы эти получают в каждом случае совершенно различное звучание. Каким именно будет *Другой*, определяется в зависимости от того, какой именно облик изберет для себя *Один*. Любой человек утверждает себя в свободе и трансцендентности — но не все люди вкладывают в эти слова одинаковый смысл. Для Монтерлана трансцендентность — это состояние: трансцендирует он, и он парит в небесах героев; женщина прозябает на земле, у него под ногами; ему нравится мерить расстояние от себя до нее; время от времени он поднимает ее к себе, овладевает ею, потом сбрасывает обратно; и никогда сам не снисходит до ее сферы липких сумерек, Лоуренс размещает трансцендентность в фаллосе; жизнь и могущество фаллоса существуют только благодаря женщине; значит, имманентность хороша и необходима; лжегерой, утверждающий, что далек от всего земного, не сумев стать полубогом, не может быть и мужчиной; женщина вовсе не презренна, она — сокровенное богатство, горячий источник; но она должна отказаться от какой бы то ни было собственной трансцендентности и только питать трансцендентность мужчины. Той же самоотверженности требует от нее и Клодель: он тоже считает, что женщина призвана поддерживать жизнь, мужчина же своими деяниями способствует продвижению жизни вперед; но для католика все, что происходит на земле, погружено в никчемную им-

[К оглавлению](#)

[==290](#)

манентность: трансцендирует только Бог; в глазах Бога действующий мужчина и служащая ему женщина абсолютно равны; каждому надо превзойти свое земное существование, в любом случае спасение — дело индивидуальное. У Бретона иерархия полов предстает в опрокинутом виде; действие, осознанная мысль, на которые мужчина обращает свою трансцендентность, кажутся ему

плотской мистификацией, порождающей войну, глупость, бюрократию, отрицание человеческого; истина же — это имманентность, чистое, непроницаемое присутствие реального; истинная трансценденция может осуществиться только через возврат к имманентности. Его позиция прямо противоположна позиции Монтерлана; последний любит войну за то, что там мужчины избавлены от женщин, Бретон почитает женщину за то, что она несет мир; один смешивает разум и субъективность и не принимает данный мир; другой думает, что разум объективно присутствует в сердце мира; женщина компрометирует Монтерлана, потому что нарушает его одиночество; для Бретона же она — откровение, потому что вырывает его из субъективности. Что касается Стендаля, то, как мы видели, женщина у него едва ли имеет мифологическое значение: он рассматривает ее тоже как трансцендентность; для этого гуманиста свобода осуществляет себя во взаимных отношениях с другой свободой; и пусть *Другой* будет просто кем-нибудь другим — этого, по его мнению, довольно, чтобы в жизни появился «пикантный привкус»; он не ищет «звездного равновесия» и не питается хлебом отвращения; он не жаждет чуда; он желает иметь дело не с космосом и не с поэзией, но со свободой.

Дело в том, что и он таким образом проходит испытание как пропускающая свет свобода. Остальные — и это один из важнейших моментов — полагают себя как трансцендентность, но чувствуют себя пленниками чего-то непроницаемого, живущего у них внутри: они проецируют на женщину это «неделимое ядро ночи». Монтерлану свойственен описанный Адлером комплекс, заставляющий его постоянно кривить душой: он заключается в сочетании претензий и страхов, которые он воплощает в женщине; он испытывает к ней то самое отвращение, которое боится почувствовать к себе; он стремится растоптать в ней потенциальное доказательство собственной неполноценности; он хочет, чтобы презрение миновало его; женщина — это яма, в которую он сбрасывает всех живущих в нем чудовищ¹. Жизнь Лоуренса показывает, что он страдал аналогичным комплексом, только чисто сексуального свойства: в его творчестве женщина имеет значение компенсаторного мифа; с помощью нее превозносится мужественность, в ко-

¹ Стендаль заранее осудил жестокости, которыми забавляется Монтерлан: «Что делать в равнодушии? Пусть будет любовь-интерес, но только без отвращения. Отвращение всегда исходит из маленькой душонки, которая нуждается в подтверждении собственных заслуг».

торой писатель не совсем уверен; описывая Кейт у ног донна Чиприано, он считает, что как мужчина торжествует над Фридой; он тоже не допускает, чтобы подруга могла в нем усомниться: если бы она взялась оспорить его цели, он, наверное, перестал бы в них верить; ее роль — утешать его. Он просит у нее мира, покоя, веры, как Монтерлан просит уверенности в собственном превосходстве: они требуют того, чего им не хватает. У Клоделя веры в себя вполне достаточно; если он робок, то только наедине с Богом. А потому у него нет и следа борьбы полов. Мужчина смело принимает на себя тот груз, что несет женщина: ведь в ней возможность соблазна или спасения. Похоже, что для Бретона истинность человека определяется живущей в нем тайной; ему нравится, что Надя видит ту звезду, к которой он идет, звезду, похожую на «сердце бессердечного цветка»; он узнает себя в том, что ускользает из-под контроля воли и разума — в мечтах, предчувствиях, стихийном течении внутреннего языка: а женщина — это осязаемый образ скрытого присутствия чего-то гораздо более существенного, чем сознательная личность.

Стендаль же тихо и спокойно равен самому себе; ему нужна женщина, как и сам он ей нужен, чтобы его рассеянное существование собралось в едином образе и в единой судьбе; бытие мужчины как бы предназначено кому-то другому; но нужно еще, чтобы этот кто-то пошел ему навстречу: другие мужчины слишком равнодушны к себе подобным; только влюбленная женщина может открыть любимому сердце и приютить его там целиком. Кроме Клоделя, который находит наилучшего свидетеля в Боге, все рассмотренные нами писатели ждут, чтобы женщина, по выражению Мальро, лелеяла в них то «несравненное чудовище», о котором знают они одни. В сотрудничестве или борьбе мужчины сталкиваются друг с другом в своем обобщенном качестве. Монтерлан для себе подобных — писатель, Лоуренс — доктринер, Бретон — глава школы, Стендаль — дипломат или остроумный человек; женщина же открывает в одном — великолепного и жестокого принца, в другом — волнующего фавна, в третьем — бога, или солнце, или существо «черное и холодное, как человек, пораженный молнией у подножия Сфинкса»!, в четвертом, наконец, — соблазнителя, шармера, любовника.

Для каждого из них идеальной женщиной будет та, что точнее всего воплотит в себе *Другого*, способного открыть мужчине его самого. Монтерлан, соляренный дух, ищет в ней чисто животную природу; Лоуренс, дух фаллический, требует, чтобы она вобрала в себя общие свойства женского органа; Клодель определяет ее как душу-сестру; Бретону мила Мелюзина, уходящая корнями в природу, свои надежды он возлагает на женщину-дитя; Стендаль желает, чтобы его любовница была умна, образованна, свободна

¹ «Надя».

==292

духовно и нравственно — одним словом, была бы равной. Но единственный земной удел, который может быть уготован равной, женщине-ребенку, душе-сестре, женщине-вульве, женщине-зверю, — это всегда мужчина. Что бы ни представляло собой эго, которое ищет себя с ее помощью, оно может обрести себя, только если она согласится стать для него горнилом. От нее в любом случае требуются самозабвение и любовь. Монтерлан согласен на снисхождение к женщине, позволяющей ему оценить его мужскую силу; Лоуренс поет пламенный гимн в честь той, что отрекается от себя в его пользу; Клодель превозносит вассалку, служанку, преданную душу, которая покоряется Богу, покорившись мужчине; Бретон ждет от женщины спасения человечества, потому что по отношению к своему ребенку или возлюбленному она способна на самую всеобъемлющую любовь; и даже у Стендаля героини впечатляют больше, чем герои мужского пола, потому что отдаются страсти с большим неистовством и самозабвением; они помогают мужчине в осуществлении его судьбы, подобно тому как Пруэз способствует спасению Родриго; в романах Стендаля им часто приходится спасать своих возлюбленных от разорения, тюрьмы или смерти, Монтерлан и Лоуренс считают самоотверженность долгом женщины; не столь надменные Клодель, Бретон и Стендаль восхищаются этой самоотверженностью как результатом великодушного выбора; они желают ее, не считая, что ее заслужили; но — кроме удивительной Ламбель — все их произведения свидетельствуют, что они ждут от женщины того самого альтруизма, которым восхищался и который вменял ей в обязанность Конт; этот альтруизм, по его мнению, говорит одновременно об очевидной приниженности и весьма сомнительном превосходстве.

Мы могли бы вспомнить еще множество примеров: они привели бы нас к тем же самым выводам. Давая определение женщине, каждый писатель определяет свою этику вообще и свое частное представление о себе самом; и еще часто именно в ней он запечатлевает расстояние, отделяющее

его видение мира от его эгоистических мечтаний. Даже отсутствие или незначительная доля женского элемента в творчестве писателя сами по себе симптоматичны; женский элемент приобретает исключительное значение, когда вбирает в себя все аспекты Другого, как это происходит у Лоуренса; он сохраняет это значение, если женщина воспринимается просто как другой человек, но автор интересуется тем, как сложится ее собственная жизнь, как в случае Стендаля; и он его теряет в такую эпоху, как наша, когда частные проблемы каждого отходят на второй план. В то же время женщина в качестве Другого еще играет определенную роль постольку, поскольку каждому мужчине хотя бы для того, чтобы превзойти себя, нужно себя осознать.

==293

[00.htm - glava23](#)

Глава 3

Миф о женщине играет значительную роль в литературе; но каково его значение в повседневной жизни? В какой мере затрагивает он нравы и индивидуальное поведение людей? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно уточнить, каковы его отношения с действительностью.

Существуют различные виды мифов. Этот миф, сублимирующий такой неизменный аспект человеческого существования, как «рассеченность» человечества на две категории индивидов, относится к статическим мифам; он проецирует на платоническое небо реальность, познанную на опыте или концептуализированную на основе опыта; факт, ценность, значение, понятие, эмпирический закон он подменяет трансцендентной, вневременной, неизменной, необходимой Идеей. Идею эту невозможно оспорить, поскольку она располагается поверх данности; она содержит в себе абсолютную истину. Итак, рассеянному, случайному, множественному существованию *разных* женщин мифологическое мышление противопоставляет единую, застывшую Вечную Женственность; и если данному ей определению в чем-то противоречит поведение женщин из плоти и крови, виноваты в этом последние; вместо того чтобы признать Женственность отвлеченной категорией, женщин объявляют неженственными. Аргументы опыта бессильны против мифа. В то же время миф в определенном смысле проистекает из опыта. Так, совершенно точно утверждение, что женщина иная, чем мужчина, и эта ее иная суть конкретно проявляется в желании, объятии, любви; но реальному отношению свойственна взаимность; именно поэтому оно порождает подлинные драмы: через эротизм, любовь, дружбу и их противоположности — разочарование, ненависть, соперничество — оно становится борьбой сознаний, каждое из которых считает себя существенным, признанием свобод, подтверждающих одна другую, неопределенным переходом от неприязни к сообщничеству. Полагать Женщину значит полагать абсолютного Другого, без всякой взаимности, вопреки опыту не признавая в ней субъекта, себе подобное существо.

В конкретной действительности женщины проявляются в разных аспектах; но каждый сотворенный о женщине миф претендует на то, чтобы охватить ее целиком; каждый считает себя

==294

единственным, вследствие чего существует множество несовместимых мифов, а мужчины пребывают в задумчивости перед странной противоречивостью идеи Женственности; поскольку любая женщина обладает свойствами множества архетипов, каждый из которых претендует на воплощение ее Истинной сути, то, пытаясь разобраться в своих подругах, мужчины испытывают давнее недоумение софистов, которые никак не могли понять, как человек может быть одновременно блондином и брюнетом. Переход к абсолюту выражается уже в социальных представлениях; отношения легко закрепляются в классах, функции — в типах, как в детском мышлении связи фиксируются в предметах. Например, патриархальное общество, основанное на сохранении вотчины, обязательно предполагает, что, помимо тех людей, что владеют имуществом и передают его по наследству, существуют мужчины и женщины, вырывающие его из рук владельцев и пускающие в свободное обращение; мужчин авантюристов, мошенников, воров, спекулянтов сообщество обычно осуждает; женщины, пользуясь своей эротической привлекательностью, имеют возможность побуждать молодых людей и даже отцов семейств транжирить свое достояние, не выходя за рамки законности; они присваивают их состояние или завладевают наследством; поскольку роль эта считается пагубной, тех, кто ее играет, называют «дурными женщинами». В действительности у другого семейного очага — в доме отца, братьев, мужа, любовника — они могут, наоборот, показаться ангелами-хранителями; какая-нибудь куртизанка, обирающая богатых банкиров, оказывается меценатом для художников и писателей. Двойственность таких персонажей, как Аспазия и г-жа де Помпадур, нетрудно понять с точки зрения конкретного существования. Но если определить женщину как Самку Богомола, Мандрагору, Демона, то разум повергается в недоумение, когда обнаруживает в ней Музу, Богиню-Мать, Беатриче.

Поскольку коллективные представления, и в частности социальные типы, обычно определяются парой противоположных терминов, амбивалентность кажется органически присущей и Вечной Женственности. Святая мать дополняется жестокой мачехой, ангелоподобная девушка — развратной девкой: а потому говорят, что Мать — это Жизнь и что Мать — это Смерть, что всякая девственница — это чистый дух или плоть, предназначенная дьяволу.

Разумеется, выбор между двумя противоположными началами единого целого обществу и его членам диктует не действительность; в каждую эпоху, в каждом отдельном случае общество и человек решают этот вопрос в соответствии со своими потребностями. Очень часто они проецируют на общепринятый миф установления и ценности, к которым сами привязаны. Так, патернализм, настаивающий, что место женщины у домашнего очага, определяет ее как чувство, внутренний мир, имманентность; на самом деле любой человек — одновременно и имманентность и трансцендентность; когда же ему не предлагается никакой цели

или преграждается путь к ее достижению, когда ему не дают воспользоваться плодами его победы, трансцендентность его невольно обращается в прошлое, то есть опять-таки впадает в имманентность; таков удел женщины при патриархате; но это ни в коем случае не ее предназначение, как рабство не есть предназначение раба, У Огюста Конта ясно видно, как развивается эта мифология. отождествить Женщину с Альтруизмом значит гарантировать мужчине абсолютное право на ее самоотверженность и категорически указать женщине, как ей надлежит жить.

Не следует путать миф с раскрытием значения; значение имманентно объекту; оно открывается сознанию в живом опыте, тогда как миф — это трансцендентная Идея, которая непостижима для сознания. Когда Мишель Лерис в «Поре зрелости» рассказывает, как ему привиделись женские органы, он предоставляет нам значения, но не создает никакого мифа. Восхищение женским телом, отвращение к менструальной крови — это реакции на конкретную реальность. Ничего мифологического нет в опыте, обнаруживающем повышенную чувственность женской плоти, и попытка объяснить это через сравнение с цветами или камешками также не имеет ничего общего с мифом. Но сказать, что Женщина — это Плоть, что Плоть — это Ночь и Смерть или величие Космоса, — значит покинуть земную правду и вознестись к пустым небесам. Ведь мужчина для женщины — тоже плоть, а сама она не просто плотский объект; и плоть обретает для каждого и в каждом конкретном опыте особые значения. Точно так же совершенно справедливо, что женщина — как и мужчина — уходит корнями в природу; она сильнее, чем мужчина, подчинена роду, ее животная сущность более наглядна; но в ней, как и в нем, данность подчинена существованию, женщина тоже принадлежит к царству человеческого. Отождествлять ее с Природой — это

просто предвзятый взгляд.

Мало найдется мифов, которые были бы настолько выгодны главенствующей касте: он оправдывает все привилегии этой касты и даже дает право ими злоупотреблять. Мужчинам не надо заботиться о том, чтобы облегчить страдания и тяготы, уготованные женщинам физиологией, поскольку так «угодно Природе»; под этим предлогом они делают существование женщины еще более жалким, например не признавая за ней никакого права на сексуальное удовольствие или заставляя ее работать, как выючное животное¹.

Из всех этих мифов глубже всех запал в мужские сердца миф о женской «тайне». У него множество преимуществ. Прежде

¹ Ср. Бальзак. Физиология брака: «Вовсе не беспокойтесь из-за ее шепота, криков, болей; *природа предназначила ее для нас* и для того, чтобы нести в себе все: детей, огорчения, удары и мужские беды. Не упрекайте себя в черствости. Во все законодательства так называемых цивилизованных наций мужчина вписал законы, которые регулируют судьбу женщин под безжалостным эпитафием: Горе слабым!»

всего он позволяет запросто объяснить все то, что кажется необъяснимым; мужчина, «не понимающий» женщину, счастлив подменить субъективный недостаток объективной помехой; вместо того чтобы признать свое невежество, он считает, что вне его существует какая-то тайна: вот и готово алиби, которое одновременно тешит лень и тщеславие. Таким образом влюбленное сердце избегает немалых разочарований: если возлюбленная капризна, а речи ее глупы, все оправдывает тайна. И наконец, благодаря тайне поддерживается то негативное отношение, которое казалось Кьёркегору намного предпочтительнее позитивного обладания: имея перед собой живую загадку, человек остается один — один со своими мечтами, надеждами, опасениями, любовью, тщеславием; эта субъективная игра, которая может охватывать все от порока до мистического экстаза, представляет собой для многих более привлекательный опыт, чем подлинное общение с человеческим существом. На чем же зиждется столь полезная иллюзия?

Несомненно, в каком-то смысле женщина таинственна, «таинственна, как все на свете», как сказал Метерлинк. Каждый человек — субъект только для себя самого; каждый в своей имманентности

может постичь только одного себя; с этой точки зрения другой — всегда тайна. В глазах мужчин непроницаемость «длясебя-бытия» наиболее очевидна у *другого* — женского пола; никакое влечение не поможет им проникнуть в ее индивидуальный опыт: им никогда не суждено узнать, что такое эротическое удовольствие, испытываемое женщиной, или недомогание при менструации, или родовые муки. По правде говоря, тайна эта взаимна; в сердце каждого мужчины, поскольку и он другой, причем другой мужского пола, есть нечто замкнутое в себе и непроницаемое для женщины; она не знает, что такое мужской эротизм. Но согласно универсальному правилу, которое мы констатировали, мужчины воспринимают мир через категории, которые со *своей* точки зрения принимают за абсолюты: здесь, как и везде, они упускают из виду взаимность. Будучи тайной для мужчины, женщина воспринимается как тайна сама по себе.

По правде говоря, ее положение исключительно располагает к такому восприятию. Ее физиологическая судьба очень сложна; она сама переживает ее как какой-то посторонний процесс; тело не является для нее ясным выражением ее существа; она чувствует себя в нем отчужденной; нить, которая во всяком индивиде соединяет физиологическую и физическую жизнь, или, лучше сказать, связь, существующая между «неподлинностью» и свободой индивида, — это сложнейшая загадка человеческого существования — в женщине же она особенно поразительна.

Но то, что называют тайной, это не субъективное одиночество сознания и не загадка органической жизни. Истинный смысл это слово приобретает на уровне коммуникации; оно несводимо просто к молчанию, ночи, отсутствию; оно предполагает, что есть нечто издающее невнятный лепет, но неспособное выразить себя

==297

достаточно четко. Утверждение, что женщина — тайна, означает не то, что она молчит, но что язык ее непонятен; она здесь, но ее скрывает завеса; она существует вне этих смутных видений. Кто она? Ангел, демон, вдохновенная свыше, комедиантка? Предполагается одно из двух: или на эти вопросы существуют недоступные ответы, или, скорее, адекватного ответа вообще быть не может, потому что женщина изначально наделена двойственной сущностью; в сердце своем она неопределима сама для себя: это

сфинкс.

В действительности она была бы сильно озадачена, если бы

ей пришлось решать, *кто* она есть; вопрос не предполагает ответа; и дело не в том, что скрытая истина слишком неуловима, чтобы ее можно было проанализировать, — просто в этой области нет истины. Человек *есть* только то, что он делает; возможное не выходит за рамки действительного, сущность не предшествует существованию; в своей чистой субъективности человек не может ничем *быть*. Его меряют по его поступкам. О крестьянке можно сказать, что она хорошая или плохая работница, об актрисе — что она талантлива или бездарна, но если рассматривать женщину в ее имманентности, о ней абсолютно ничего нельзя сказать, она — вне любой квалификации. В любовных же и супружеских отношениях, во всех отношениях, где женщина — лицо зависимое, где она — другой, ее воспринимают именно в ее имманентности. Поразительно, что в приятельнице, коллеге, сотруднице никакой тайны нет; зато если зависимое лицо мужского пола, если, например, молодой человек предстает перед мужчиной или женщиной старше или богаче его как несущественный объект, он тоже окутывается тайной. И это раскрывает нам основу

женской тайны, которая имеет чисто экономический смысл. Чувство тоже не может ничем быть.

«В области чувств реальное не отличается от воображаемого, — пишет Жид. — Достаточно вообразить, что любишь, чтобы полюбить, и точно так же достаточно сказать себе, что ты воображаешь, что любишь, когда в самом деле любишь, чтобы сразу же начать любить немного меньше...» Различие между реальным и воображаемым возникает только в конкретном поведении. Мужчина, занимающий в этом мире привилегированное положение, имеет возможность активно демонстрировать свою любовь; очень часто он содержит женщину или по крайней мере помогает ей; женившись, он дает ей определенное социальное положение; он делает ей подарки; его экономическая и социальная независимость позволяет ему выступать с инициативами и делать жесты: разлученный с г-жой де Вильпаризи, г-н де Норпуа не раз проводил в дороге целые сутки, чтобы с ней соединиться; очень часто он занят, она же живет в праздности: он *дарит* ей время, которое проводит с ней; она же принимает его — с радостью, со страстью или просто чтобы развлечься? Принимает ли она его благодеяния из любви или из соображений выгоды? Любит ли она мужа или замужнее состояние? Конечно, и те доказательства, что

==298

приводит мужчина, весьма двусмысленны: приносит ли он тот или иной дар из любви или из жалости? Но если женщина обычно находит в мужском обхождении множество преимуществ, обхождение женщины может пойти на пользу мужчине лишь постольку, поскольку он ее любит. И поэтому по его поведению в целом можно примерно оценить степень его привязанности. Между тем женщина почти не имеет возможности копаться в собственном сердце; в зависимости от настроения она может по-разному относиться к своим чувствам, и до тех пор пока она будет переживать их пассивно, ни одна из интерпретаций не будет в достаточной степени соответствовать истине. В тех редких случаях, когда экономические и социальные преимущества на ее стороне, с тайной все обстоит наоборот, и это отлично показывает, что связана эта тайна не с *одним* каким-нибудь полом, а с определенным положением. Для огромного числа женщин пути трансценденции перекрыты: поскольку они ничего не *делают*, они ничем и не *становятся*, они без конца спрашивают, чем они могли *бы* стать, что приводит их к вопросу о том, что они *есть*: вопрос этот праздный; мужчине не удастся обнаружить эту скрытую сущность именно потому, что она просто-напросто не существует. Женщину держат вне мира, а потому она не может объективно определить себя через мир, и тайна ее скрывает в себе одну лишь пустоту.

Кроме того, ей, как всем угнетенным, случается намеренно прятать свое подлинное лицо; раб, слуга, нищий — все те, кто зависит от капризов хозяина, научились взирать на него с неизменной улыбкой или с загадочной невозмутимостью; истинные свои чувства, истинную манеру поведения они тщательно скрывают. И женщину с ранней юности учат лгать мужчинам, хитрить, лавировать. Она встречает их с разными поддельными лицами; она осторожна, она притворяется и лицедействует.

Но женская Тайна в представлении мифологического мышления — это реальность более глубокая. На самом деле она непосредственно подразумевается самой мифологией абсолютного Другого. Если допустить, что несущественное сознание — это тоже пропускающая свет субъективность, способная оперировать *cogito*¹, то это значит признать, что оно действительно суверенно и в конечном счете существенно; а чтобы всякая обоюдность оказалась невозможной, надо, чтобы Другой был другим для самого себя, чтобы сама его субъективность ощущалась как Другое; такое сознание, будучи отчужденным как сознание в своем чисто имманентном наличии, непременно стало бы Тайной; оно стало бы «Тайной-в-себе» уже потому, что было бы «Тайной-для-себя»; оно

стало бы абсолютной Тайной. Точно так же существует тайна Негра или Азиата, существует помимо загадки, создаваемой их скрытностью, поскольку их, безусловно, воспринимают как несущ-

' Здесь — мышлением (ласт.).

==299

щественного Другого. Следует заметить, что американский гражданин, приводящий в глубокое недоумение среднего европейца, все же не воспринимается им как нечто «таинственное»: он лишь скромно признается, что не понимает его; так и женщина не всегда «понимает» мужчину, однако мужской тайны не существует; все дело в том, что процветающая Америка и мужчина находятся в положении Хозяина, Тайна же — достояние раба.

Разумеется, в сумерках притворства можно только предаваться мечтам о позитивной реальности Тайны; подобно некоторым побочным галлюцинациям она рассеивается при малейшей попытке ее зафиксировать. Литературе никак не удаются описания «таинственных» женщин; они могут появляться в начале романа как странные, загадочные особы; но, если только история не остается незавершенной, они всегда в конце концов выдают свой секрет и становятся последовательными, законченными персонажами. Например, герой книг Питера Чейни не перестает удивляться непредсказуемым капризам женщин: никогда нельзя угадать, как они себя поведут, они сбивают все расчеты; в действительности же, стоит читателю узнать, что именно движет их поступками, как они тут же представляются весьма несложными механизмами; одна — шпионка, другая — воровка; как бы умело ни строилась интрига, всегда существует ключ, а иначе и быть не может, будь автор сколь угодно талантлив, а воображение его — сколь угодно богато. Тайна — это всегда только мираж, и он исчезает при малейшей попытке взглянуть в него. Итак, мы видим, что миф в значительной степени объясняется тем, какое применение находит ему человек. Миф о женщине — это роскошь. Он может возникнуть, только если над человеком не довлеют его неотложные потребности; чем более конкретно переживаются отношения, тем менее они индивидуализируются. Древнеегипетский феллах, крестьянин-бедуин, средневековый ремесленник, современный рабочий, в силу трудовой необходимости и бедности, имеют слишком определенные отношения с конкретной женщиной — своей подругой, — чтобы наделять ее доброй или недоброй аурой. Черные и белые статуи женственности были воздвигнуты в те эпохи и теми классами, которым был отпущен досуг, чтобы предаваться мечтам. Но и в роскоши есть своя польза; мечты эти всегда властно направлялись соображениями выгоды. Конечно, большинство мифов коренятся в непосредственном восприятии человеком его собственного существования и окружающего мира; но выход за пределы опыта к трансцендентной Идее был сознательно осуществлен патриархальным обществом в интересах самооправдания; через мифы оно навязывало людям свои законы и нравы в образной и наглядной форме; коллективный императив проникал в каждое конкретное сознание в виде мифа. С помощью религий, традиций, языка, сказок, кино мифы проникают даже в те сферы существования, что всецело находятся во власти материальной действительности. Каждый мо-

[К оглавлению](#)

==300

жет обрести в них источник сублимации своего скромного опыта: одного обманула любимая женщина — и он заявляет, что она — взбесившаяся матка; другого мучает мысль о его мужском бессилии — и женщина превращается в Самку Богомола; третьему нравится общество его жены — и вот она уже Гармония, Покой, кормилица Земля, Любовь к дешевой вечности, к карманному абсолюту, свойственная большинству мужчин, удовлетворяется за счет мифов. Малейшее волнение или неприятность становятся отражением вневременной Идеи; иллюзия эта приятно льстит тщеславию, Миф — это одна из тех ловушек ложной объективности, в которые непременно попадает дух серьезности. Речь снова идет о том, чтобы подменить жизненный опыт и требуемые им свободные суждения готовым идолом. Вместо подлинной связи с автономным существом миф о женщине предлагает неподвижное созерцание миража. «Мираж! Мираж! Их надо убить, раз они неуловимы; или же успокоить, просветить, отучить от увлечения украшениями, сделать их действительно равными нам спутницами, задушевными подругами, союзницами в этой жизни, по-другому одеть их, остричь им волосы, все им сказать...» — восклицал Лафорг. Мужчина ничего не потерял бы, отказавшись превращать женщину в символ, — скорее наоборот, Коллективные, направляемые грезы, клише очень бедны и однообразны рядом с живой действительностью: для настоящего мечтателя, для поэта она бывает гораздо более плодотворным источником, чем приевшееся чудесное. Эпохи, когда к женщинам относились с самой искренней нежностью, — это не куртуазный феодализм и не галантный XIX век, это эпохи — например, XVIII век, — когда мужчины видели в женщинах себе подобных: именно тогда они оказывались действительно романтичными: достаточно прочесть «Опасные связи», «Красное и черное», «Прощай, оружие!», чтобы в этом убедиться. В героинях Лакло, Стендаля, Хемингуэя нет никакой тайны, но от этого они не менее привлекательны. Признать в женщине человека не значит обеднить опыт мужчины: он не утратил бы ни разнообразия, ни богатства, ни интенсивности, если бы развивался в отношениях двух субъектов; отказаться от мифов не значит разрушить весь драматизм отношений между полами, не значит отрицать те смыслы, что действительно открываются мужчине через женскую реальность; это не значит уничтожить поэзию, любовь, приключения, счастье, мечту — это значит лишь настаивать на том, чтобы поведение, чувства, страсти были основаны на правде¹.

Лафорг еще говорит насчет женщины: «Поскольку ее оставили в рабстве, лени, без всякого иного занятия или оружия, чем ее пол, она гипертрофировала его и стала Женственностью... и мы позволили ей гипертрофировать себя; в мире она существует для нас... Так вот, все это неверно... С женщиной чы до сих пор играли в куклы. Это длится уже слишком долго!...»

«Женщина теряется. Где женщины? Нынешние женщины — это уже не женщины»; мы видели, в чем заключается смысл этих таинственных лозунгов. В глазах мужчин и несчетного числа женщин, смотрящих на мир теми же глазами, недостаточно иметь женское тело и исполнять женские функции в качестве любовницы, матери, чтобы быть «настоящей женщиной»; через половую жизнь и материнство субъект может требовать для себя независимости; «настоящая женщина» — это та, которая принимает себя как Другого. В поведении нынешних мужчин есть двойственность, создающая в душе у женщины мучительное противоречие; они в значительной степени соглашаются видеть в женщине себе подобную, равную; и все же продолжают требовать, чтобы она оставалась несущественным; для нее же эти две судьбы несовместимы; она колеблется между ними, не будучи вполне приспособленной ни к одной из них, что и объясняет ее неуравновешенность. У мужчины между общественной и частной жизнью нет никакого разрыва;

чем больше он утверждается в действии, в работе — на «подступах» к миру, тем более мужественным он представляется; ценности человеческие переплетаются в нем с жизненными ценностями; автономные же достижения женщины вступают в противоречие с ее женственностью, поскольку от «настоящей женщины» требуется, чтобы она сделалась объектом, была Другим, Вполне возможно, что в этом плане чувственность и даже сексуальность мужчин меняется. Уже родилась новая эстетика. И хотя мода на плоскую грудь и худые бедра — на женщину-эфеба — продержалась недолго, возврата к пышному с 1, еалу прошлых веков не произошло. Теперь требуется, чтобы женское тело было плотью, но скромной; оно должно быть изящным, а не жирным, мускулистым, гибким, сильным, должно указывать на трансцендентность; предпочтительнее, чтобы оно было не белым, как тепличное растение, но тронутым лучами универсального солнца, загорелым, как торс рабочего человека. Одежда стала практичной, но от этого женщина не стала казаться бесполой: наоборот, короткие юбки позволили гораздо лучше, чем раньше, оценить ноги и бедра. И непонятно, почему, собственно, работа должна лишить ее эротической привлекательности. Восприятие женщины одновременно как социального лица и как плотской добычи может быть весьма возбуждающим; в недавно появившейся¹ серии рисунков Пене можно видеть, как молодой жених бросает свою невесту, будучи соблазненным хорошенькой женщиной-мэром, которая собиралась зарегистрировать их брак; тот факт, что женщина исполняет «мужскую должность» и в то же время возбуждает желание, долгое время был темой для более или менее непристойных шуток; понемногу возмущение и ирония притупились, и

¹ В ноябре 1948 года.

сейчас, кажется, зарождается новая форма эротизма; может быть, она породит и новые мифы.

Не вызывает сомнений, что женщинам сегодня очень трудно совмещать положение автономного индивида с женской судьбой; в этом источник той их неловкости, той тревоги, из-за которых их иногда считают «потерянным полом». Наверное, куда удобнее переносить беспросветное рабство, чем трудиться над избавлением от него; да и мертвые лучше приспособлены к земле, чем живые. Во всяком случае, возврат к прошлому столь же невозможен, сколь и нежелателен. Следует надеяться, что мужчины со своей стороны безоговорочно примут положение, складывающееся в настоящий момент; только тогда женщина сможет жить, не чувствуя внутреннего разлада. Тогда, быть может, исполнится пожелание Лафорга: «О девушки, когда же вы станете нам братьями, задушевыми братьями, без всякой задней мысли об эксплуатации? Когда же мы обменяемся настоящим рукопожатием?» Тогда «Мелюзина, избавленная от бремени рока, взваленного на нее одним лишь мужчиной, освобожденная Мелюзина...» обретет «свое место за общим столом»¹. Тогда она станет в полной мере человеком, «когда будет сокрушено бесконечное рабство женщины, когда она начнет жить для себя и сама по себе, а мужчина — вызывавший до тех пор отвращение — отпустит ее на волю»².

¹ Б р е т о и. Аркан 17. Рембо. Письмо к П. Демени, 15 мая 1872 года.

